

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

НЕ БОЙСЯ ДРУЗЕЙ. Том 1

Викторианские забавы «Хантер-клуба»

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

НЕ БОЙСЯ ДРУЗЕЙ. Том 1

ЭКСМО

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

**ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ**

НЕ БОЙСЯ ДРУЗЕЙ

Том первый
**Викторианские забавы
«Хантер-клуба»**

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

НЕ БОЙСЯ
ДРУЗЕЙ

Том первый
Викторианские
забавы
«Хантер-клуба»

ЭКСМО

МОСКВА

2012

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Звягинцев В. Д.

3-45 Не бойся друзей : фантастический роман : в 2 т. Т. 1 : Викторианские забавы «Хантер-клуба» / Василий Звягинцев. — М. : Эксмо, 2012. — 576 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-55476-8

Недружественное и откровенно враждебное окружение не оставляет Россию в покое, в какой бы из реальностей она ни находилась. Становится все более очевидным, что мирное в данный момент противостояние в любую минуту может перерасти в полномасштабные военные действия, как это уже не раз случалось. А потому Вадим Ляхов прикладывает все силы для развития операции «Мальтийский Крест», в результате которой России из главной и альтернативной исторических последовательностей смогут объединиться в одно мощное государственное образование. Однако не все так просто. Косность мышления властей предрежащих, боязнь потерять влияние и сиюминутные блага грозят стратегическими ошибками на пути к «светлому будущему». Как и неожиданные вмешательства сил, заинтересованных в тотальном уничтожении «Андреевского братства» и всех, кто разделяет его идеи.

УДК 82-312.9

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Не бойся врагов — в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей — в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных — они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и убийство.

Б. Ясенский

REF

100

100

ТОМ I

ВИКТОРИАНСКИЕ ЗАБАВЫ «ХАНТЕР-КЛУБА»

Ты и сам иногда не поймёшь,
Отчего так бывает порой,
Что собою ты к людям придёшь,
А уйдёшь от людей — не собой.

А. Блок

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лондонский «Хантер-клуб» существовал в том же собственном здании и в том самом качестве уже почти две сотни лет, невзирая ни на какие исторические и политические катаклизмы, прокатившиеся над миром за эти долгие годы. Собственно, несколько поколений клубменов эти потрясения не слишком и затронули. Как организацию, естественно. С каждым отдельным джентльменом могло случаться что угодно — от осечки карабина во время охоты на льва-людоеда до геройской гибели на фронтах многочисленных войн, какие вела некогда великая Империя во всех уголках земного шара. Но организм жил, представляясь его членам почти бессмертным.

Скорее всего, большинству граждан даже цивилизованных стран никогда не удастся достигнуть такого положения в обществе, чтобы быть представленным хотя бы одному из сорока пяти постоянных членов клуба. Стабильное число «сорок пять» восходит не к известному роману Дюма, а всего лишь к калибру любимого карабина одного из отцов-основателей клуба, сэра

Уильяма Юарта, внедрившего у охотников моду на нарезное оружие. Ещё меньше шансов у любого, как угодно богатого нувориша быть приглашённым в число десяти (столько патронов входило в подствольный магазин легендарного «слонобоя») членов-соревнователей¹.

Зато жизнь члена клуба была более чем прекрасна. Круглосуточно несли службу многочисленные вышколенные лакеи, отбор которых не уступал по строгости отбору в личную королевскую охрану. Многие из них передавали свои места по наследству, о чём свидетельствовали специальные нашивки на викторианских полуфраках зелёного, егерского цвета. Для джентльменов форма одежды была свободная, лишь на специальные, посвящённые какой-либо значимой дате общие обеды полагалось надевать «охотничьи костюмы» — узкие серые бриджи, высокие коричневые сапоги и красные приталенные сюртуки.

Кухня клуба отличалась традиционностью, в ней преобладала дичь и всевозможные «плоды земные», кулинарные изыски в духе изнеженных французов не приветствовались, ставка делалась на свежесть и качество продуктов вкупе с высочайшей квалификацией поваров. Как встарь, в незабвенном девятнадцатом веке. Даже при намёке на какое-нибудь «суси» или «фуа-гра» лица клубменов искажала презрительно-брезгливая усмешка. То ли дело старый добрый «Хаггинс»²!

¹ Член-соревнователь — кандидат в действительные члены. В этом звании можно было провести всю жизнь, ибо переход в действительные члены требовал соблюдения двух условий: появление вакансии и единогласное голосование всех клубменов. Что даже теоретически весьма маловероятно, отчего число «действительных членов» редко достигало и сорока.

² Блюдо, ошибочно в русских переводах называемое «пудингом». На самом деле — нечто вроде нашей карачаевской «сохты» — бараний желудок, туго набитый бараньим же ливером, но вдобавок пополам с какой-нибудь кашей. Хорошо запечённый.

Каждый джентльмен имел на верхних, выходящих окнами в сад этажах отдельную, также наследственную спальную комнату, пусть даже пользовался ею всего несколько раз за всю жизнь.

Но это всё, как говорится у философов, — форма. Гораздо интереснее содержание. «Устойчивые общества», вернее, общества с устойчивой социальной структурой, хороши тем, что разного рода институты могут в них существовать столетиями, эту же устойчивость и обеспечивая. Мало кого удивляет факт существования в европейских странах университетов, основанных в двенадцатом веке, или адвокатских контор — в шестнадцатом. Но невозможно вообразить до сегодняшнего дня функционирующий в Петербурге клуб «лейб-кампанцев», гвардейских солдат и офицеров, возведших на престол в 1741 году «дщерь Петрову», императрицу Елизавету! А ведь тем отважным ребятам сплошь были пожалованы офицерские чины и дворянство, у кого его не имелось. И что? Большинство банально спилось от «вольности» и приличного жалованья, а с наступлением следующего царствования о самом факте существования этой самой «лейб-кампании» велено было забыть, «во избежание излишних аллюзий и неконтролируемых ассоциаций». А могли бы, в иных условиях, и сегодня здравствовать и существовать, как особая, весьма почтенная «страта». Вроде французского «Почётного легиона».

Джентльмены-охотники двести лет подряд видели свою основную функцию отнюдь не в стрельбе по крупной и мелкой дичи, хотя и этим занятием не пренебрегая. Если кто не знает, так умелый стрелок по бекасам, вальдшнепам и им подобным птичкам имеет достаточно оснований гордиться своим мастерством даже и перед гордыми убийцами носорогов.

Скорее этот клуб можно сравнить с тем же «Комитетом по защите реальности» Андреевского братства.

Джентльмены сосредоточились на поддержании устоев британского общества, которые они сами, как и их деды с прадедами, считали единственно правильными и справедливыми. Для себя, а значит, и для всей Империи. Изобретали направления внешней политики, создавали и свержали кабинеты министров, выстраивали международные коалиции. Не всё и не всегда у них получалось. Например, не удалось добиться крушения и гибели своего главного союзника в Мировой войне — России. Напротив, переоценив свои силы и надорвавшись, развалилась сама Британская империя, над которой довольно долго «никогда не заходило солнце». И ещё много разных «недоработок» у них случалось, так ведь и технические (а главное — интеллектуальные) возможности клубменов были не сравнимы с таковыми у «Андреевского братства».

Но зато в величественном трёхэтажном здании на Пелл-Мелл джентльмены чувствовали себя, как в надёжном противоатомном убежище на стометровой глубине. Что бы там ни творилось на поверхности, здесь тихо, тепло, уютно, и очень легко отрешиться от мыслей о бренном.

Но отрешаться нельзя. Последние события очень уж раздражали и не могли расцениваться иначе как дерзкий, едва ли не последний и окончательный «цивилизационный вызов», используя термин А. Тойнби.

— Вызов, остающийся без Ответа, повторяется вновь и вновь, — как раз сейчас назидательно говорил вице-президент клуба герцог Честерский. — Неспособность того или иного общества в силу утраты творческих сил и энергии ответить на Вызов лишает это общество жизнеспособности и в конце концов предопределяет исчезновение с исторической арены. Распад общества сопровождается нарастающим чувством неконтролируемости потока жизни, движения истории. В такие моменты с отрезвляющей ясностью выступает

действие исторического детерминизма, и Немезида вершит свой исторический суд. Трагедия распада с неизбежностью ведёт к социальной революции...

— Или — к контрреволюции, — то ли перебил, то ли продолжил мысль герцога некий мистер Одли, один из старейших ныне живущих членов клуба. «Ныне живущих» — важная оговорка, поскольку «ушедшие в страну удачной охоты» из списков не вычёркивались и считались всего лишь находящимися в длительной отлучке. Бывали случаи, когда мнение какого-нибудь полковника Флэнагана, изложенное в частном письме или в статье, датированной 1839 годом, вовремя извлечённое из архива одним из клубменов, принималось как вполне правомерное и учитывалось при голосовании современного, *текущего* вопроса. Это напоминало практику дискуссий знатоков Торы в синагоге. Те тоже не делали различий между доводами, высказанными в конце двенадцатого и начале двадцать первого века. Лишь бы они имели отношение к теме.

— Совершенно верно, что мы и видим на примере последних событий в России, — согласился герцог. — Но это не имеет никакого принципиального значения, ибо там «контрреволюция» явилась не следствием отсутствия Ответа, а как раз самим Ответом, а вот мы, к глубокому прискорбию, на брошенные нам Вызовы давно уже не можем найти достойных Ответов. Империя деградирует прямо с того дня, когда согласилась отказаться от плодов победы в Мировой войне ради весьма условного «вечного мира».

— Недавно попытались, с использованием новейших достижений неизвестной нам науки... — усмехнулся Одли. Он имел в виду попытку учинить в Москве военный переворот с привлечением людей из другой реальности, владеющих аппаратурой нейролингвистического программирования и психотронного воздействия.

— Или — самого дьявола, — сказал мистер ЛEVER, сообразно своим словам внешне напоминавший пастора, но явно не являвшийся таковым.

— Дьявол, насколько я представляю его привычки, непременно исполняет взятые на себя обязательства, — со смешком сказал господин Пейн, один из немногих присутствующих являвший собой тип настоящего охотника «пар экселленс¹», по крайней мере, официальных постов он не занимал ни в политике, ни в бизнесе, а свои капиталы якобы хранил по старинке, в сундуках со звонкой монетой и драгоценностями. Подобно султану Брунея. Но это уж точно слухи, распускаемые завистниками.

— По крайней мере, известные документы свидетельствуют, что все недоразумения с означенной персону начинают уже за пределами *этого* мира.

— Так там они и начались. Откуда, по-вашему, были приглашены все те люди, что попытались, но не сумели избавить нас от всех раздражающего новоиспечённого царя Олега?

Присутствующие молчаливо согласились с Пейном.

Каждому было понятно, что та история была чересчур невразумительной. Никаким образом не совпадающая с тем, что считается «нормой» у джентльменов, воспринимающих действительность наилучшим из возможных способов. «Охотники» привыкли считать, что в «старой доброй Англии» нет людей умнее и могущественнее их. Во многом они были правы. Но «во многом» не значит «во всём». Бывают моменты, когда безусловные преимущества превращаются в явные недостатки.

...Из всего вышесказанного следует, что данное заседание клуба происходило «во второй реальности», то есть в той, где существовал Император Олег. Но, как

¹ По преимуществу (лат.).

бы странно это ни выглядело с «позитивистской» точки зрения, оно точно так же могло (а значит, и происходило) в «первой», Главной исторической последовательности. Время — оно иногда весьма пластично, а иногда и инвариантно¹, если ему самому этого хочется. Таким образом, невозможно с достоверностью утверждать, в каком из две тысячи каких-то годов на самом деле общались почтенные джентльмены и в какую именно реальность открывалась (или открылась бы) входная дверь клуба в тот или иной момент. В полном соответствии с принципом Шредингера². Достаточно иметь в виду, что в каждом фиксируемом случае подлинной остаётся лишь одна из реальностей, а другая и последующие обращаются в гипотетические. Впрочем, это утверждение справедливо только для рассматриваемого случая.

...Около двух лет назад в клубе появился странный джентльмен весьма почтенного вида. Вопреки ещё при Дизраэли утверждённым правилам он был пропущен охраной у входа, а старший лакей проводил его прямо в кабинет мистера Одли, как раз в то время исполнявшего обязанности дежурного вице-президента.

— Каким образом вы осмелились явиться сюда без приглашения? — демонстративно-бесцветным — для знающих его людей весьма угрожающим — голосом спросил вице-президент в ответ на вежливое приветствие незнакомца. При этом он уставился на лакея, допустившего столь вопиющее нарушение Устава: не только впустить «человека с улицы» в здание, но и со-

¹ И н в а р и а н т — выражение, остающееся неизменным при преобразовании переменных, связанных с этим выражением, например при переходе от одной системы координат к другой.

² Основное динамическое уравнение нерелятивистской квантовой механики, позволяет определить возможные состояния системы, а также изменение этих состояний во времени.

проводить его через анфилады кабинетов, курительных комнат и иных помещений, нарушив покой отдыхающих клубменов и, более того, — позволить ему увидеть то, что посторонним видеть никак не полагалось.

— Но, сэр... — растерянно начал лакей. — Господин предъявил... Я не мог...

Незнакомец остановил его уверенным жестом.

— Оставьте нас, Кид. — Он правильно назвал служителя по имени.

Не желая затевать перебранку в присутствии лакея, Одли движением руки подтвердил распоряжение «гостя». Лакей удалился, всем своим видом изображая оскорблённое достоинство человека, честно и буквально исполнившего свой долг.

— Итак? — спросил вице-президент.

— Да, именно так! Ваш лакей поступил единственно возможным для него образом, — неожиданный гость протянул вице-президенту «клубную карточку». Настоящую, изготовленную из толстого лакированного картона со всеми положенными эмблемами, надписями и подписями. К великому удивлению и шоку мистера Одли — восьмидесятилетней давности!

Но — подлинную, в этом вице-президент не усомнился ни на мгновение. Он, состоящий в клубе полсотни лет, ещё застал джентльменов, имевших такие же, полученные в первой четверти прошлого века. Да и фамилия владельца карточки была ему знакома. Без подробностей, естественно — слишком велика разница в возрасте. Одли мельком удивился собственному спокойствию. Впрочем — чему удивляться? Какое-то объяснение данному факту непременно найдётся. Не случайно ведь было введено в давние времена правило «вечного членства», не из одного только стремления к экстравагантности. Очень может быть, что подобные «явления» случались и раньше. А что сам он ни о чём таком не слышал, ещё ничего не значит.

— Извините, сэр Арчибальд, — сказал вице-прези-

дент и потянул с полки толстый том, содержащий рукописные формуляры всех клубменов, начиная с самого первого.

Вот, всё верно, под номером, совпадающим с номером карточки, значится сэр Арчибальд Боулнойз. Год рождения — тысяча восемьсот восьмидесятый, принят в действительные члены по баллотировке в тысяча девятьсот двадцатом. Скончался в тысяча девятьсот шестьдесят девятом.

— И где же вы, достопочтенный сэр, находились последнее время? — мягко осведомился Одли. — Теперь я вспомнил, мы с вами встречались несколько раз. Но вы тогда посещали клуб крайне редко по причине преклонного возраста, а я, наоборот, вёл слишком активный образ жизни и тоже не слишком часто появлялся в Лондоне...

О том, что он и на похоронах сэра Арчибальда присутствовал, вице-президент из деликатности умолчал. Не самый важный эпизод. Как-нибудь позже к этой теме можно будет вернуться.

— Должен заметить, что сейчас вы выглядите гораздо... свежее.

Гость поблагодарил за комплимент, взял сигару из радушно подвинутой к нему коробки.

— Ничего удивительного, сейчас мне приблизительно пятьдесят лет, и чувствую я себя превосходно. Но давайте по порядку, иначе у нас ничего не получится.

В течение ближайшего получаса сэр Арчибальд сообщил Одли, что практически одинаковых «Хантер-клубов» существует как минимум три. Настоящий согласимся считать пока единственно подлинным, раз они сейчас тут находятся и беседуют. С этим не поспоришь.

Но ведь и тот, где сэр Арчибальд получил своё удостоверение, в смутное время окончания Мировой войны и попытки установить новый, приемлемый для

★ Грейт Бритн порядок непременно имел своё место в истории.

И ещё один — находящийся как раз посередине между ними — тоже со счетов не сбросишь. Притом что местопребывание клуба оставалось тем же самым, да и больше половины его членов совпадали документально и физически.

Голова у мистера Одли слегка поплыла, но не настолько, чтобы он потерял возможность рассуждать в пределах своей должности.

— Итак, я понял, сэр Арчибалд, — сказал вице-президент, щедро наливая себе и гостю шотландского виски. Если мозги и так едут, чего стесняться? Вдруг хоть чуть поможет. — Вы, пользуясь правами клубмена, пришли ко мне через сорок лет после своей смерти. Я не ошибся?

— Само собой, нет, почтеннейший сэр. Только это вас не должно пугать. Я не призрак, не посланец «князя Тьмы». Я просто попытался вести себя в соответствии с нашим Уставом. Вы, вступая в клуб, не выразили протеста или хотя бы удивления по поводу присутствия покойников в качестве «действительных членов»?

— Нет, — согласился Одли, на самом деле плохо понимая, что происходит, и сделал очень большой глоток.

— Совершенно правильно поступили. Диссиденты у нас никогда не приветствовались. Любое сомнение толкуется не в пользу баллотируемого, не так ли?

— Не смею спорить. На том клуб стоит и стоять будет.

— Вот мы и подошли к сути. Никто из нас, покинув бренный мир, не умирает насовсем. В христианской традиции подразумевается, что «жизнь вечная» где-то там, в райских кущах или кругах ада. На самом деле всё выглядит проще и одновременно сложнее, как учит философия. В течение множества веков, промчавшихся до изобретения пароходов, трансокеанского телеграфа, а потом и аэропланов, человек, отправившийся

в дальнее плавание, подобно Колумбу, Магеллану и многим другим, не вернувшись в срок, становился для родных и близких таким же покойником, как и те, что зарыты в землю на ближайшем кладбище с соблюдением положенных обрядов.

— Не могу возразить, — кивнул Одли, вопреки привычке сделав сразу два глотка, ненамного меньше первого. Гость тут же подлил ему ещё, до прежней отметки на стакане.

— Но при этом вышеозначенные лица вполне могли отнюдь не сгинуть в океанской пучине, а высадиться на райском острове и прожить там долгую и счастливую жизнь, намного лучшую, чем, скажем, в унылой, раздираемой религиозными войнами и вымирающей от чумы Европе. Согласны?

— Ни малейших сомнений, сэра. — Вице-президент начал находить в словах Боулнойза проблески истины, обещающие превратиться в настоящее зарево, сметающее тьму заблуждений.

— Теперь осталось вообразить, что поселенцы «райского острова» между делом построили реактивный самолёт и прилетели навестить друзей. Как по-вашему — сходится?

— В шестнадцатый век? — удивился Одли.

— Да какая вам разница? — ещё более удивился сэра Арчибальд. — В шестнадцатый, в двадцать первый... Я материален? — Он протянул руку, чтобы собеседник мог её потрогать. — Моя членская карточка в порядке? Если нет, давайте вынесем вопрос о правомочности моей персоны на общее собрание действительных членов. И мне бы очень хотелось посмотреть, — с саркастической улыбкой произнёс он, — какие доводы смогут пересилить основополагающие пункты нашего Устава.

— О чём вы говорите, достопочтенный сэра! — воздел руки Одли. — Никто о подобном и помыслить не в

состоянии. Только мне хотелось бы узнать — чем вызван ваш сегодняшний визит. Едва ли только желанием просмотреть последние выпуски «охотничьего бюллетеня» и удостовериться в квалификации нынешнего поколения поваров..

— Тут вы полностью правы. Я бы хотел ближе к ужину встретиться с директором и Советом клуба. Общее собрание — неработоспособный орган. Вы уж не считайте за труд потревожить названных мной особ, а я буду ждать в курительном салоне. Здесь сейчас есть кто-нибудь из настоящих стрелков?

— Да вот как раз собираются обедать Гамильтон-Рэй старший, он, кстати, член Совета, с ним два его сына и три внука. Внуки ещё молоды, самому старшему двадцать один, но впоследствии...

— Старина Гамильтон-Рэй! — воскликнул сэр Арчибалд. — Его ведь звали как-то так... А! Джеймс Аврам! Когда ему тоже было двадцать с чем-то лет, как его внукам, я учил его одному хитрому приёму брать упреждение при стрельбе по бекасам. К сожалению, я вскоре умер, не имел возможности убедиться в плодотворности своих уроков.

— Я думаю, сэр, он будет рад видеть вас за своим столом, — со странной интонацией сказал Одли.

Сэру Джеймсу Гамильтон-Рэю было уже прилично за семьдесят, но выглядел он удивительно бодро для своего возраста, настоящий викторианский джентльмен, хоть портрет лорда Джона Рокстона¹ в старости с него пиши. И сыновья были на него похожи, и даже внуки. Их имена сэр Арчибалд запоминать не стал, за ненадобностью.

Самое удивительное, что и старина Джеймс сразу узнал ветерана. Хладнокровием он не уступал майору Мак-Набсу². Да и в самом деле — как реагировать на-

¹ См. А. Конан-Дойль «Затерянный мир» и другие повести.

² См. Ж. Верн «Дети капитана Гранта».

стоящему «хантеру» на появление человека, считавшегося давно умершим? Не под стол же лезть, отмахиваясь крестным знамением, или вообще обратиться в бегство под изумлёнными взглядами потомков. «Чёрная пантера из Ширванапали» была пострашнее, особенно когда в руках у тебя винтовка жалкого калибра «ноль двадцать два»¹. Хорошо хоть «лонг», а не «курц».

— Давненько вас не видно было, сэр, — сказал Гамильтон-Рэй, дождавшись, пока лакей примет заказ у Арчибальда. — Как всегда, виски?

— И именно ирландский. Вы же не изменили своим вкусам?

— Как можно, — чопорно поджал губы тот. — Сто сорок лет Гамильтон-Рэй выписывают продукт с одной и той же фермы. Вы не забыли его вкус?

Арчибальд посмаковал, прищёлкнул языком:

— Нет, не забыл. Он тот же самый, что прежде. Признаться, я по нему иногда скучал.

— Там невозможно даже выпить хорошего виски? — явно представления сэра Джеймса о загробном мире были чересчур оптимистичны. Это его слегка печалило.

— Нет, что вы! Проблем никаких, просто в вашем обществе, из вашего личного графина — совсем другое дело, чем походя, в случайной забегаловке...

Сыновья и внуки, ничего не понимая, слушали тем не менее с почтительным интересом. Им приходилось, штудировав сотни подшивок ежеквартального «Бюллетеня» (без знания которого не стоит и надеяться на членство в клубе), встречать фамилию Боулнойза, даже собственноручно написанные им отчёты и заметки. Отец и дед тоже упоминал о своей дружбе с этим достойным человеком.

Правда, молодые люди, воспитанные в конце прошлого и начале нынешнего века, воспринимали поло-

¹ 5,6 мм.

жение о «вечно живых» клубменах не иначе как чисто риторическую фигуру, вроде постулата о «непорочном зачатии» или «непогрешимости Римского папы, наместника Бога на Земле». И вдруг увидели одного из них воочию.

Арчибальд и Джеймс тем временем пустились в пространные рассуждения именно на эту тему. Гамильтон-Рэя, несмотря на крепкое здоровье, сам возраст подталкивал проявить интерес к своей грядущей судьбе. В частности — является ли членство именно в «Хантер-клубе» непременным условием и особой прерогативой, или «яхтсмены» и «жокеи» тоже вправе претендовать на загробное существование с использованием прежнего тела? Пусть в качестве парадно-выходного облачения.

Арчибальд объяснил, что, насколько ему известно, такие понятия, как «существование» и «несуществование», достаточно условны. В каждом конкретном случае они должны рассматриваться как совокупность весьма рациональных и глубоко мистических элементов. В силу исторически сложившихся условий большинство основоположников клуба значительную часть жизни провели в индийских, а не каких-нибудь других колониях Империи, где и прикоснулись к совершенно определённым сферам эзотерики. К моменту принятия положения о «вечном членстве» (сороковые — пятидесятые годы XIX века, ещё до Сипайского восстания, весьма осложнившего отношения «честных охотников» с йогами, магараджами и даже махатмами) большинство клубменов отчётливо представляли, что под этим термином подразумевается. Знали способы переходов из обычного тела в «тонкое» и «эфирное», имели представление о «нирване» в буддистском и джайнистском смыслах и вполне допускали возможность собственных реинкарнаций, в том числе с сохра-

нением исходного облика и нужного объема личной памяти.

Потом — да, несмотря на обилие в архивах клуба «пыльных хартий», содержащих почти всю нужную теоретическую информацию, истинное знание постепенно превратилось в «догматическую шелуху»: непонятный большинству анахронизм вроде *левостороннего движения*. Однако ведь именно левостороннее движение по дорогам средневековой Европы было практически оправдано: правая рука обращена к встречному, а меч и копьё поворачиваются туда автоматически, без затруднений. Попробуйте наоборот рубить и колоть, через шею и туловище собственного коня!

— Я, был момент, *ушёл от вас*, под воздействием непреодолимой, но благожелательной силы. Это не совсем приятно в *общепринятых* понятиях. Но привыкаешь легко. Вы, молодой человек, — обратился он к старшему из сыновей Джеймса (его звали Айвори¹, хорошее имя для «хантера»), — в армии служили?

— Так точно, сэръ Арчибальд, начинал энсином², да и сейчас...

— Быстро привыкли?

— За год привык.

— Вот и я примерно так же. Зато теперь — удивительное чувство свободы. Как если бы вас, Айвори, назначили командиром парусного капера в океан при отсутствии радиосвязи.

— Интересно было бы, — сказал младший брат, Льюис, сорокадвухлетний, примерно, мужчина с лицом скорее бизнесмена, чем бесшабашного охотника. А старший выглядел именно таковым. Отчего и казался гораздо симпатичнее.

¹ Ай в о р и — слоновая кость (игральная тоже).

² Э н с и н — нечто вроде старшего гардемарина Российского флота.

— У вас всё впереди, — крайне благожелательно пообещал Арчибальд.

Невзирая на предостерегающий взгляд отца, Айвори продолжал:

— Вы умерли? Сорок лет назад? Вам сейчас должно быть примерно сто двадцать?

— Смотря как считать. В посмертии время утрачивает свою линейность. — Арчибальд достал из нагрудного кармана пиджака очень длинную и очень дорогую сигару. Раскуривал её преувеличенно долго, заставляя окружающих молчать, наблюдая за плавными движениями длинной фосфорной спички, из тех, что перестали выпускаться сразу после Мировой войны.

— Но если вас что-то смущает, я попрошу — встаньте, подойдите к вон тем шкафам в углу, достаньте первый попавшийся том.

Мужчина посмотрел на отца, тот едва заметно опустил подбородок. Этого было достаточно.

Айвори принёс книгу, точнее — подшивку рукописных текстов. На белой, голубоватой, жёлтой бумаге. Тряпчатой, тростниковой, рисовой и даже на новомодной по тем временам типографской из дерева. Она как раз сохранилась хуже всего.

— Откройте на любой странице, — предложил Арчибальд. — Читайте вслух...

«...Ранним утром тринадцатого февраля восемьсот тридцать седьмого года мы выехали из Джайпура. Вдалеке, в густой туманной дымке виднелась гора с отвесными склонами, на вершине которой помещался дворец магараджи Амбер. У её подножия ждали боевые слоны, единственно способные доставить нас к воротам. Признаюсь — это очень неприятное ощущение, когда твои ноги свешиваются над бездонной пропастью, а слон движется таким непривычным, дёрганым шагом, что кажется — в любой момент подпрути седла

могут лопнуть, и ты полетишь туда, откуда нет возврата. Мы с сэром Генри несколько раз прикладывались к нашим флягам и в конце концов благополучно достигли окованных толстыми железными полосами ворот. Там нас встретили...»

Читал Айвори хорошо, глубоким голосом и с выражением, пытаясь воспроизвести интонации очень давно умершего человека.

— Достаточно, я думаю, — сказал Арчибальд. И обратился не к отцу, не к сыновьям, а непосредственно к внукам:

— Вы что-нибудь поняли?

— Да, — ответил, кажется, самый младший. — Сейчас мы несколько минут слышали голос, воспринимали чувства живого человека. Он говорил нам — «я», «мы», и мы видели то же, что он сто семьдесят лет назад. Он был жив только что...

— Как и я, — сказал Арчибальд, снова беря в руки стакан виски.

Никуда не спеша, почтенный охотник приступил к рассказу. Заинтересованные слушатели, удивительным образом немедленно забывшие о своих сомнениях и о том, сколь рациональный век царит за окнами обеденного зала, внимали ему. Внимали так, как было раз и навсегда принято в этих стенах ещё до открытия водопада Виктория и истоков Нила. Никто за мелькнувшие и рассеявшиеся, как пороховой дым «нитроэкспресса», десятилетия не позволил себе не то чтобы вслух, даже внутренне усомниться в достоверности изложенных коллегами фактов, случаев, обстоятельств, приёмов. Это влекло немедленное и скандальное исключение, с изъятием клубного галстука, а главное — перстня, с перекрещенными на алмазной плакетке золотыми ружьями. И то и другое — из «копей царя Соломона», никак иначе.

И опять, как пресловутое «левостороннее движение», это жёсткое до беспощадности правило (ибо ис-

★

ключённый из клуба терял свой социальный статус так же безусловно, как Оскар Уайльд, посаженный в тюрьму за гомосексуализм) имело практический смысл. Настоящий «хантер» должен верить товарищу беззаветно. Пусть он что-то преувеличит в рассказе о длине убитого крокодила, но уж никогда не соврёт, описывая методику сбережения капсюлей для штуцера в дождевых лесах Итури или изображая на собственноручном чертеже единственную убийную точку в голове белого носорога.

Сэр Арчибальд объяснил суть взаимоотношения трёх параллельных миров, в которых существовал клуб, а главное то, что, пользуясь известными эзотерическими методиками, каждый из «действительных членов» умирает лишь в одном из них, в крайнем случае — в двух. Имея возможность сохранять самоидентификацию (не всегда совпадающую с телесной, но духовную — обязательно). Самое же главное, помимо того что выражение насчёт «страны удачной охоты» приобретает буквальный смысл (нет никаких препятствий для посещения «позднего мезозоя» или «раннего кайнозоя» хоть с рогатиной, хоть с «ПЗРК»), настоящий клубмен не забывает об *основном смысле* своей жизни.

При упоминании о нём, о смысле, и Джеймс, и его сыновья слегка напряглись, будь они российскими гвардейцами, непременно встали бы и звякнули шпорами. Но и так всё было понятно.

Однако Арчибальд продолжил, не считая, что *намёка* достаточно.

— Одной из главнейших целей существования клуба является борьба с Россией. Желательно, конечно, чужими руками. Нет больше в мире силы, способной противостоять британским устремлениям. Со времён Ивана Грозного, потом от Петра и до Николая II Великобритании все свои *действительные* усилия направляла на противостояние этой варварской державе!

— Простите меня, достопочтенный сэръ, — позволил себе вмешаться один из внуков. — Мне кажется, что последние пятьдесят лет не Россия, давно утратившая свой агрессивный потенциал, а Соединённые Штаты всемерно нас унижают. Мы знаем, что сегодня американцы на почти подсознательном уровне считают нас не более чем своим доминионом с рудиментами былого величия. Нас, молодое поколение, это раздражает гораздо сильнее, чем монархические эксперименты так называемого Местоблюстителя. Да и потом...

— Оставьте, молодой человек, свой *идеализм*. Когда придёт время, США, нация выскочек и парвеню, снова склонится перед британским *вызовом*. Мы — творцы смыслов и демиурги истории. Американцы — тьфу! — Он сделал жест, будто сдувая пушинку с ладони.

— А вот Россия — вечный враг. Даже когда она будто бы не делает ничего, она угрожает нам больше, чем американцы, китайцы и «Чёрный интернационал», вместе взятые. Наше совместное существование на этой Земле невозможно без окончательного решения вопроса о глобальном первенстве.

— Да как же? — удивился юноша, явно хорошо знающий историю и сопряжённые с ней науки да вдобавок старающийся мыслить с позиций объективизма. — Если как следует разобраться, действительно вреда Россия Британии никогда и не наносила. За исключением совсем, по нынешним меркам, незначительных трений по ближневосточным и среднеазиатским вопросам. А уж тем более с тех пор, как все мы, равноправные члены ТАОС, сплотившиеся перед лицом общей для всех угрозы, общими силами защищаем «свободный мир». И русские штурмовые бригады — в первых рядах, от Англо-Египетского Судана до джунглей Бирмы.

Старый Гамильтон-Рэй смотрел на внука неодобрительно. Не стоит в этих стенах произносить такие сло-

ва. Особенно — в складывающихся обстоятельствах. Что-то ведь значит внезапное появление сэра Арчибалда? Без участия высших сил дело явно не обошлось, и, значит, они или сочувствуют его позиции, или он вообще вещает с их голоса.

А если эта молодёжь, нахватавшаяся «прогрессивных идей», не научится сдерживать свои языки, не быть им членами клуба, он сам проголосует «против». Позор для семьи, конечно, но «твёрдость основ» важнее.

Сомнения сэра Джеймса нашли своё подтверждение ближе к вечеру, когда собрались члены правления и Совета клуба, оказавшиеся в пределах досягаемости.

Достопочтенным джентльменам, столь же подчинённым идеям позитивизма и «научного знания», тоже потребовалось время, чтобы вдуматься в очевидную дилемму. Кое у кого возникли веские сомнения — а не является ли назвавшийся Боулнойзом господин обыкновенным мошенником, избравшим столь нетривиальный способ с неясной пока целью внедриться в их закрытое от чересчур суетного мира сообщество.

Гораздо ведь проще предположить такое, нежели всерьёз поверить... И принцип Оккама никто не отменял. На том стояла и стоит Британия: «Простейшее объяснение — наилучшее».

Хорошо, что среди «хантеров» имелось достаточно людей, остротой ума, способностями к дедуктивному¹ и индуктивному² мышлению не уступающих Шерлоку

¹ Д е д у к ц и я — цепь умозаключений, звенья которой связаны отношениями логического следования. Началом (посылками) дедукции являются аксиомы, постулаты или просто гипотезы («общее»), а концом — следствия из посылок («частное»). Если посылки истинны, то истинны и выводы.

² И н д у к ц и я — умозаключение от отдельных фактов к некоторой гипотезе (общему утверждению). Различают полную индукцию, когда обобщение относится к конечнообозримой области фактов, и неполную, относящуюся к бесконечно- и конечно-необозримой областям.

Холмсу, патеру Брауну и иным светилам криминалистической логики. Иначе бы они не могли исполнять своей исторической функции, далеко выходящей за пределы собственно охоты на протяжении столетий. В конце концов, первым прототипом «Хантер-клуба» был «Круглый стол» короля Артура¹.

Так, господин Одли, немедленно после того, как проводил гостя обедать, вызвал к себе начальника службы безопасности клуба и предложил ему немедленно провести дактилоскопическую экспертизу отпечатков, оставленных воскресшим «Боулнойзом» на стакане, и сличить их с имеющимися в его личном формуляре.

Процедура поголовного дактилоскопирования членов была введена сразу же после того, как этот метод был признан научным и достоверным. Причём отпечатки делались пальцев не только рук, но и ног. По роду своих занятий джентльмены иногда попадали в такие ситуации, что только крепкие сапоги или ботинки сохраняли пригодный для идентификации материал: лев запахом крепкой ваксы побрезговал, или верные кафры выдернули остатки саиба из пасти крокодила в мутной речке Лимпопо. Всякое случалось.

К большому удивлению вице-президента, дактилокарты совпали полностью, удостоверив личность старого джентльмена. Конечно, при желании можно было выдвинуть следующую гипотезу, предположив, что предварительно был подменён сам формуляр, но тогда проблема начинала уходить в «дурную бесконечность»².

Пришлось бы заподозрить (а в чём, собственно?) несколько десятков высокопоставленных господ, имевших доступ к конфиденциальным документам клуба за последние четыре как минимум десятилетия... Во-пер-

¹ См. М. Твен «Янки при дворе короля Артура».

² Философско-математический термин, объяснять который простыми словами пришлось бы слишком долго. См. С. Лем «Сумма технологий».

★

вых, это выглядело слишком скандально, а во вторых — невозможно представить цель, оправдывающую столь экстравагантные средства.

Одним словом, самым узким кругом руководства было решено счесть сэра Арчибальда вновь реально существующим, полноправным членом и в качестве такового — выслушать его со всем вниманием.

Означенный сэр в третий раз повторил, что хотя и действительно «скончался» в здешней реальности, но продолжил своё существование в двух других, подобных, но «не вполне конгруэнтных». Что в принципе относится и ко всем прочим почившим клубменам. Просто у них пока ещё не возникало необходимости, а также и желания «вернуться» именно сюда, а у него она появилась.

— И где же пребывают в настоящий момент наши дорогие друзья и коллеги? — спросил герцог Честерский, более всего, судя по его взгляду и тону, заинтересованный именно этим.

— В тот «настоящий момент», что вы невольно подразумеваете, их бранные останки покоятся в родовых склепах или должным образом оформленных могилах. В любой из других «возможных моментов» они вольны заниматься всем, чем считают нужным. Я, например, в реальности номер три (по моему счёту) проживаю в Бомбее, в собственном поместье, и в свободное время, приезжая в Лондон, по мере сил способствую приходу к власти в Германии национал-социалистов во главе с неким Гитлером в надежде, что через какое-то время он вступит в союз с российскими коммунистами и они вместе уничтожат уродливое геополитическое образование — Югослоссию, возникшее на обломках Российской империи и сумевшее так захватить Константинополь и Проливы.

По залу прошёл возмущённо-недоумённый гул.

— Спокойно, коллеги, я ещё не закончил. В *третьей*

реальности я проживаю в тысяча девятьсот двадцать пятом году, и там мне, как и положено, — сорок пять лет. В некоторых случаях я перемещаюсь в конец девятых годов двадцатого века *реальности номер один*, где продолжаю борьбу за окончательное сокрушение остатков России, семь десятилетий существовавшей под псевдонимом СССР. В этой реальности мы добились наибольших успехов, отбросив извечного врага к границам почти что семнадцатого века. Теперь я прибыл к вам, чтобы и здесь добиться сопоставимых результатов. Час настал, и в руках у нас имеются и силы, и оружие, а главное — могучие союзники.

На этот раз реакция присутствующих была оживлённо-одобрительная.

— Скажите, сэр Арчибальд, а там, где вы бываете, наш клуб также существует? — прозвучал волнующий всех вопрос.

— Несомненно! Я ведь с этого и начал наше собеседование. Клуб существует, кое-где он более силен и могуч, чем здесь. И многих из вас я встречал там совсем недавно... Они вас приветствуют, передают наилучшие пожелания и надеются на скорую встречу.

Прозвучало довольно двусмысленно, но в общей эйфории этого почти никто не заметил. Британцы в определённых обстоятельствах умеют поддаваться эмоциям не хуже каких-нибудь итальянцев.

А сейчас ведь случилось нечто совершенно невероятное. Христос и предыдущие боги тоже обещали людям «жизнь вечную», но в довольно абстрактной, а главное — не поддающейся проверке форме. Сейчас же уважаемый и некоторым из присутствующих лично знакомый джентльмен явился, чтобы засвидетельствовать возможности личного бессмертия, причём в наиболее приемлемом варианте — с сохранением и физического облика, и памяти. Самое главное — эмоционального настроения тоже.

— А доказательство, сэр, хоть какое-нибудь доказательство! — поднял руку герцог Честерский. — Если вы недавно виделись со мной, не сказал ли я что-нибудь такого, чтобы вы могли окончательно рассеять мои... Нет, не сомнения — я никогда бы не позволил себе сомневаться в слове старшего товарища. Просто нечто вроде пароля, чтобы окончательно убедиться, что вы — это вы, я — это я, и в потусторонних мирах с нами не происходит никаких изменений личности и аберрации памяти.

Боулнойз рассмеялся. Одновременно добродушно и язвительно.

— Вы удивительно проникательны, Рамфорд. — Он назвал герцога по имени. — Безусловно, мы обсуждали возможность подобного вопроса. *Там, то есть здесь* же, вы занимаете свой пожизненный пост, и я специально озабочился переговорить, отправляясь сюда, именно с вами. Чуть позже вы поймёте, почему именно. Извините, господа, никому больше я никаких известий не доставил. Я всё-таки не почтальон, — с хитровато-огорчённым видом он развёл руками.

— А себе, Рамфорд, вы просили передать, что известная реликвия вашего рода нашлась. И если вы не производили последние тридцать пять лет перестановок в вашей фамильной библиотеке, она находится во втором зале, на пятой полке восьмого стеллажа. Между страницами первого полного издания Даниэля Дефо¹.

— Благодарю вас, Арчибальд, — внезапно задрожавшими губами ответил герцог. Очевидно, известие это было столь для него важно, что ничто другое его сейчас больше не интересовало.

— Извините, джентльмены, я вас покину на несколько минут, — сказал вице-президент и быстро вышел.

¹ Дефо, Даниэль (1660—1731) — английский писатель, известный большинству читателей по «Робинзону Крузо», хотя написал и ещё кое-что. Заодно кадровый разведчик (а возможно, и контрразведчик).

Наверняка к телефону, звонить жене или дворецкому. Что это за реликвия, никто из присутствующих никогда не слышал, но, поскольку род герцога восходил к временам Вильгельма Первого, в крайнем случае — Второго, она могла быть чем угодно, вплоть до карты с обозначением местонахождения Чаши Святого Грааля. Сама Чаша между страницами книги просто не поместилась бы.

Пока Честер отсутствовал, Арчибальд объяснил присутствующим, для чего вообще приходится периодически умирать в одной из реальностей.

— Вообразите, как выглядел бы в глазах общества наш клуб, если бы столетние члены продолжали считаться юнцами. Никакие войны и никакие самые отчаянные охоты не обеспечили бы нормального демографического баланса. А так *ротация* происходит естественным образом. Я, например, решил вернуться и снова пожить здесь. Поскольку наши формуляры не являются открытыми для прессы, равно как и для полиции и прочих организаций, моё регулярное появление в клубе абсолютно никого не интересует. Просто нет в Лондоне людей, способных сопоставить достаточно бодрого мужчину зрелого возраста с умершим сорок лет назад девяностолетним старцем.

Будучи действительными членами клуба, так же в своё время поступите и вы. Если я сочту нужным открыть вам этот способ. — Голос Арчибальда прозвучал обнадёживающе и угрожающе одновременно. Каждый из услышавших его отреагировал по-своему.

Но «общим» ответом ему были сдержанные аплодисменты. По команде Одли лакеи обнесли всех шампанским. Виски в графинах и так стоял на столах.

Вернувшийся герцог производил впечатление не просто избавившегося от сомнений человека. Он выглядел так, словно только что получил из рук короля «Орден подвязки». Арчибальд мог теперь не сомневаться, что при голосовании по любому вопросу вице-

президент будет на его стороне. А в отсутствие настоящего президента (этот пост был вакантным уже восемнадцать лет по причине неспособности джентльменов «демократическим путём» договориться об устраивающей всех кандидатуре) у «вице» голосов было два.

Когда Боулнойз вышел в туалетную комнату (физиология у него была вполне человеческой или выглядела очень правдоподобно), герцог догнал его, точнее — последовал за ним.

Подождал, пока тот вышел из кабинки, помыл руки и причесался, протянул сигару. Если у Одли виски был с фамильного заводика, то у Честера — сигары с плантаций в Британской Гвиане, где девушки-самба¹ скручивают их, без всякой техники, на своих пышных, лоснящихся под тропическим солнцем бёдрах. Из нигде больше в мире не произрастающих табаков.

— Давайте без церемоний, Арчибальд.

— Конечно, Рамфорд, — старый охотник раскуривал сигару, может быть, слишком долго, но получил всё предполагаемое процессом наслаждение. — Конечно, без церемоний. К чему они теперь?

— Я убедился: то, о чём вы говорили, оказалось именно там, где вы сказали...

— Меня не интересует, что именно...

— Понимаю. Вы и так можете узнать всё, что угодно.

— Я бы так не сказал, — осторожно ответил Арчибальд. — Абсолютного знания не существует, как и абсолютной истины. Следовательно...

— Да оставьте вы ваши парадоксы. Я прочитал «Портрет Дориана Грея» пятьдесят лет назад и помню наизусть все высказывания сэра Генри. То, что я получил с вашей помощью, позволяет мне сегодня же подать прошение об отставке, забыть все наши «якобы

¹ С а м б а — метисы от браков африканских рабов с южноамериканскими индейцами. В разных сочетаниях на протяжении десятка поколений получают весьма интересные подвиды.

важные дела» и погрузиться совсем в другие аспекты бытия. Вы именно этого хотели? Чтобы я подал в отставку и оставил вакансию для ВАС? За ВАС проголосуют сто процентов Совета. — Сделал короткую паузу, длиной в затяжку, и, как бы между прочим, добавил: — Сегодня!

— Какая чепуха! — с эмоциональным напором ответил Арчибальд. — Я хочу совсем противоположного! Чтобы сегодня мы заполнили вакансию и избрали ВАС Председателем Совета и Президентом Клуба. В одном лице! И это тоже пройдёт, вы согласны?

— Да, — снова пыхнул сигарой герцог. — Сегодня. Но зачем это ВАМ? — он опять выделил местоимение тоном.

— Война, дорогой Честер, переходит в новую стадию. Я имею в виду нашу вечную войну с Россией. В одной реальности мы почти всё проиграли, в другой — многое выиграли. Остаётся третья попытка — здесь. Знаете, как на прежних турнирах. С боевым оружием. Король Генрих поймал острие копья щелью забрала, и история Англии стала другой. Черчилль заключил союз с дьяволом — Сталиным, спас Британию, но проиграл Империю. У нас выбора не осталось. Или клуб всеми силами станет работать на «последний бой», и тогда у нас есть шанс сокрушить Россию сейчас, пока слабый премьер Каверзнев не руководит ничем, а их парламент — Дума — пребывает в полном разброде. Или к власти придёт новый Пётр, а того больше — Сталин в лице царя Олега! Тогда наши перспективы станут очень туманными... Как весь наш Альбион.

— А кто такой Сталин? — спросил герцог.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Олег Константинович, вживаясь в должность Самодержца, старался руководствоваться стилем и обычаями своих державных предков. Давно уже стало ясно,

★

что так называемые «демократические нормы» работать перестают не только в его стране, но и во всём мире: А если брать за образец поведения прапрадедов, начиная с Николая I (остальные слишком далеки психологически), то всё будет гораздо проще, отчётливее и осмысленнее...

После хорошо прошедшего обеда Государь был в настроении, успев посоветоваться час-полтора с генералами армии и гвардии по неотложным вопросам. А в середине ужина, проходившего «по-походному», в специальной беседке на самой окраине Берендеевки, Олег Константинович крайне деликатно намекнул Сильвии, положив ей ладонь на предплечье, что не против затронуть кое-какие вопросы внешней политики наедине с госпожой Берестиной. Мол, врангелевская Россия его в данный момент интересуется куда больше, чем «соседняя» РФ. И есть темы, не нуждающиеся при обсуждении в посторонних ушах.

Император удивился, получив слишком прямой и недвусмысленный ответ.

— Вы, наверное, несколько неправильно меня поняли, Ваше Величество, — мягко ответила Сильвия, убирая его руку со своей. — То, что было между нами, никак не может рассматриваться в качестве «прецедента». Экссесс — не более, хотя и весьма приятный. Простыми словами: я *пока что* не собираюсь становиться вашей штатной фавориткой. Эта роль несовместима с моими убеждениями и, более того, с миссией, на меня возложенной. Подумайте сами...

Император подумал, с трудом беря себя в руки. Он-то настроился как раз на стилистику предыдущего «экссесса», тщательно подкорректированного воображением. Однако, как государственный деятель, не мог не согласиться с тем, что дама права. Что же это такое начнётся, если «чрезвычайные и полномочные» послы

начнут спать с главами «государств аккредитации»? Безобразие, и никак иначе.

Он представил себе подобное и едва не рассмеялся. Вождеделение, вызванное столь ярко отложившимися в памяти анатомическими и прочими достоинствами женщины-посла, прошло, как ничего и не было.

Всё правильно. Всё сказанное его недавней партнёршей совершенно правильно. Он просто на короткое время потерял голову. Бывает, с кем не случалось? Быль молодцу не в укор. Значит — быть по сему. Приключение, о котором не раз приятно будет вспомнить, состоялось, и хватит об этом.

— Ценю вашу прямоту и откровенность, — сказал Олег, приглашая Сильвию присесть в кресло перед круглым столиком на террасе. Время было позднее, парк вокруг императорского терема опустел, только слышалось похрустывание кирпичной крошки под сапогами дворцовых гренадеров, патрулирующих окрестную территорию, да едва доносились от охотничьего домика голоса офицеров, по традиции продолжавших вечер после того, как Император удалился, пожелав остающимся более не стесняться, но и не забывать о завтрашней службе.

Обтянутые серебристыми чулками колени аггрианки отсвечивали под луной, и Император поглядывал на них, как юнкер, ещё не успевший понять, что женские ноги отнюдь не безусловный источник соблазна, а лишь намёк на него в определённых обстоятельствах.

— Вы необыкновенно красивая и умная женщина, — сказал он, с усилием отводя глаза, — мне даже кажется, что из вас получилась бы императрица. Не в том смысле, что вы наверняка подумали, а самовластительница не хуже Екатерины Великой...

— Это вы зря, — легко улыбнулась Сильвия. — Подобная роль меня никогда не прельщала. Как раз в качестве жены и верной подруги сильного правителя я могла бы состояться. Но это — не наш с вами случай, —

закончила она фразу вполне жёстко, пресекая всякие попытки Олега развить тему. — Вы моего мужа видели. Зачем мне другой?

...Император вспомнил, как в атакуемой штурмовыми отрядами неизвестных врагов Берендеевке, этой самой, сейчас тихой и романтической, докуривал последнюю перед боем и смертью папиросу, следя за стрелкой секундомера. Как смотрел на него сидящий рядом верный, всё понимающий Красс. И, глядя в тревожные янтарные глаза, он потрепал пса по мохнатому чёрно-палевому загривку:

— Не дрейфь, Марк Лициний, вот-вот подойдут легионы Лукулла...

Но сам уже в такую удачу не верил.

И тут, когда прошло целых сорок пять секунд после назначенного времени, незнакомый поручик из дворцовых гренадеров закричал:

— Ваше Величество!

Олег Константинович раздражённо встал. Папироса не докурена, и сам он не совсем приготовился.

— Что тебе?

— К вам, Ваше Величество!

...По каменной дорожке шёл, твёрдо ударяя подкованными каблуками хороших, даже отличных сапог, абсолютно незнакомый генерал-лейтенант в старинной полевой форме с отливающим воронением шейным крестом. Высокого роста, но всё же пониже Олега, с лицом настолько независимым, что князю на мгновение стало даже тревожно. Хотя куда уж, если умирать в неравном бою собрался.

Руку к козырьку лихо смятой фуражки поднёс, но не совсем привычным образом, и правую ногу, звякнув шпорой, подтянул к левой как-то замедленно. Не так царям представляются.

— Здравия желаю, Олег Константинович. Без титулов обойдёмся. Не тот момент. Генерал-лейтенант Бе-

рестин для помощи и поддержки прибыл. Алексей Михайлович. — И протянул руку. Первый.

Великий князь крепко пожал протянутую руку. Если человек, по феодальным, скажем, временам, из своего удела пусть с малой дружиной, но на помощь пришёл, значит, друг он и брат, до смены политической обстановки.

— Искренне рад. Может быть, желаете шампанского с дороги? За благополучное прибытие, встречу и знакомство.

— Можно, — Берестин усмехнулся краем губ.

Камердинер дрожащими руками (тоже умирать собирался) разлил по бокалам голицынский брют.

— И чем же вы нам помочь можете, уважаемый Алексей Михайлович? — спросил Великий князь, делая глоток и закуривая очередную папиросу. За лесом громко стреляли танковые пушки, потрескивали ручные пулемёты и автоматы, изредка ударяли ручные гранатомёты. Уваров держал рубеж. Казачий заслон обещал продержаться ещё час. Потом не патроны — люди кончатся.

— На данный момент я располагаю ударной дивизией со средствами усиления, она может вступить в бой немедленно. Желаете полюбоваться?

Берестин достал из кармана кителя золотой портсигар, как раз по размеру, открыл, протянул Императору.

— Попробуйте, очень неплохие папиросы, «Корниловские» называются.

А сам повернул к губам внутреннюю крышку и почти беззвучно прошептал:

— К торжественному маршу, поротно...

Остальное известно¹.

— Да, всё так, Сильвия Артуровна, — сказал Олег, незаметно, как ему казалось, подливший в бокал шампанского для Сильвии грамм сто коньяку. Обычно

¹ См. роман «Хлопок одной ладонью», т. 2.

★ дамы такого «коктейля» не ощущают, но по мозгам и эмоциям бьёт крепко. А он не оставлял надежды тем или иным способом продолжить с красавицей неформальное общение.

— Алексею Михайловичу я не соперник. Но в то же время... Мы ведь теперь не совсем чужие друг другу люди? — Олег посмотрел на неё вопросительно.

— О чём речь, Ваше Величество? — сказала Сильвия, отреагировав именно так, как молодая дама, принявшая полный бокал «Огней Москвы»¹. — Настолько не чужие... Но я ведь на работе?

Тон был наивно-вопросительный.

— Конечно, конечно. Ваша миссия далеко не завершена. Тут ведь дел не на один месяц при самых удачных обстоятельствах...

— Вы совершенно правы, — начала изображать следующую стадию опьянения Сильвия. Взяла сигарету, с долей недоумения попыталась сообразить, с какой стороны у неё фильтр, попала правильно, прикурила.

— Вначале я думала ограничиться несколькими днями, после чего передать свои функции другому человеку, теперь — передумала.

— И в чём причина? — не скрывая интереса, спросил Олег. Может быть, ожидал пусть завуалированного, но комплимента в свой адрес.

— Увидела, что обстоятельства не благоприятствуют. Ваши люди, с которыми я познакомилась, за исключением флигель-адъютанта Ляхова и ещё двух-трёх, находятся не на высоте стоящей задачи.

— Вот это — поподробнее, пожалуйста. — Его слова Сильвии задели и как вождя, и как военного стратега. И неудивительно, притом что он видел, как женщину ведёт. Скоро не о высоких материях говорить придётся, а о совсем даже наоборот.

¹ В 60-е годы в московских коктейль-холлах так назывался рецепт «коньяк/шампанское» 50 на 50.

— Какие же вам нужны подробности? Вы помните положение, в котором оказались в этой самой резиденции, о чём думали и чего ждали, пока не появился вдруг генерал Берестин и полковник Басманов со своими бойцами?

О чём именно думал тогда Олег, она, естественно, не знала, но реконструкции его состояние вполне поддавалось.

— Если бы не Берестин с Басмановым, едва ли мы сейчас с вами разговаривали, — достала до самой больной точки Сильвия.

— Мои офицеры сражались великолепно, — из естественного чувства справедливости возразил Олег. — Вы сегодня видели и Ляхова, и Уварова, и Миллера... Отличные солдаты, готовые стоять до конца!

— Да кто же станет спорить, Ваше Величество? Они и в нашем мире, по нашим меркам — беззаветные герои. Только, снова простите, Олег, героизмы бывают разные. В том мире, которому мы собрались помогать, — героев бесконечно больше. Просто потому, что и войн там было — не в пример, и жестокость тех войн для вас почти непредставима. Я прямо сейчас могу кое-что показать, хоть документальное, хоть художественное. Ваши гвардейцы, во главе с Уваровым (я его тоже запомнила — не думайте), очень мне напоминают героев Брестской крепости. Защищали её до последней капли крови, упаси вас бог вообразить, как именно это выглядело, но тем не менее немцы всё равно дошли почти до Москвы, оставив развалины крепости в тылу. «Погибаю, но не сдаюсь! Прощай, Родина!» — прекрасный лозунг. Чисто в русском духе. То же самое мог бы воскликнуть и Уваров, и вы лично. Но за один удар часов до «урочного часа» или «третьего крика пехоты» пришёл кто?

— Подождите, — удивился Император. — Опять —

Брест? У нас в Мировую войну был «бессменный часовой», простоявший на посту пятнадцать лет в подвалах крепости, а в том мире — тоже Брест, и снова...

— Ну, наверное, там располагается какая-то причинно-следственная аномалия, — пожала плечами Сильвия. — Куда более мощные крепости, вроде Новогеоргиевска, ничем таким не прославились. Но я ведь говорила о другом: мужчины, солдаты из *соседнего* для вас мира, умеют воевать неизмеримо лучше. Славнейший из ваших героев вполне сравним с рядовым солдатом *оттуда*. Просто у них сейчас свои сложности, одной солдатской доблестью не решаемые, и теперь помочь им можете только вы!

Император решил больше не возражать даме, но — не совсем даме, как он начал ощущать.

— Хорошо. Я опять соглашаюсь. Вы умеете появляться неожиданно и неожиданным способом решать якобы *неразрешимые* проблемы. Но так ли это?

— Судите сами, Олег Константинович. Навязывать своё мнение неподготовленному человеку... С точки зрения Льва Толстого, «попытка убеждения» — это тоже насилие. Я, то есть мы, всё наше «Братство» и «Комитет защиты реальности» как его «действующий отряд», — всегда готовы отстраниться, устранить... Как вам угодно. Не было бы поздно. Сколько минут вам не хватило, чтобы героически умереть на этой самой веранде? И сейчас, если бы она не сгорела от снарядов, на ней кто-то другой праздновал бы *свою* победу. Вам, мёртвому, это было бы безразлично, но как быть с оставшимися в живых?

Император был поставлен в тупик её очевидной софистикой. И возразить нечего, и молчать невозможно.

Ответил он единственно возможным, со своей точки зрения, образом:

— Скажите, Сильвия, оставив в стороне любые ди-

пломатические ухищрения и даже «бытовую логику» — чего вы хотите? Нет, по сути я всё понял сразу. И отдал полковнику Ляхову в вашем присутствии необходимые распоряжения по операции «Мальтийский крест». Всё, что от него требуется, он сделает. Я хочу поговорить... с других позиций. Ибо отдать приказ — возможно, просто под влиянием эмоций — одно. Николай Второй тоже ввязался в Мировую войну, не имея никакой осмысленной цели, кроме как защиты «братушек-сербов» — не лучший пример для подражания. По крайней мере я, пока нахожусь при должности, ничего подобного совершать не собираюсь.

Сознательно же переложить «руль российской государственности» на девяносто градусов, сменить все приоритеты, всю геополитику, наконец — для этого нужны чисто логические доводы и очень точный расчёт — военный, финансовый, политический, психологический. Я должен мыслить государственно и на десять ходов опережая противника, или, скажем, более обще — партнёра.

Сильвия увидела, что при всех своих возможностях недооценила противника. Точнее сказать — кандидата в союзники, а «противник» — просто фигура речи. Противник в шахматах и преферансе на самом деле может быть лучшим другом «по жизни».

Олег, разумеется, человек весьма эмоциональный, в силу гормонального фона — падкий до женских прелестей, отчего и согласился, почти не задумавшись, на идею «Мальтийского креста». А «разрядившись» и начав думать — вновь превратился в прагматичного, жёсткого и очень умного политика.

Он продолжал:

— Со всей вашей военной и какой угодно силой — видел, убедился, вы обращаетесь ко мне. Почему? Что я могу сделать такого, на что не способны вы сами?

— Ну, давайте я объясню в деталях. Не в первый уже

раз Россия находится в трудном положении. Как говорил один из министров Александру Третьему: «Ваше Величество, Россия стоит на краю пропасти». На что царь со свойственным ему чувством юмора ответил: «А когда она не стояла?» Сейчас у нас примерно тот же вариант. Разумеется, и на этот раз всё обязательно образуется тем или иным образом, и мир очень скоро снова будет поражён очередным экономическим и политическим «чудом». Другое дело — чего это в очередной раз будет стоить? Выход из Смутного времени при Михаиле Романове (первом и по имени, и по фамилии), петровские потрясения, наполеоновское нашествие, Крымская война и реформы Александра Второго, Японская война, Мировая, три революции... В параллельном мире ещё и пятилетняя Гражданская, коллективизация и индустриализация, двадцать лет локальных войн и грандиозная Великая Отечественная, потом Холодная. Наконец — крушение Советской власти и снова всяческие реформы. Страна, народ просто надорвались. И сколько времени займёт очередной подъём при нынешнем стечении обстоятельств — сказать невозможно. А врагов, внешних и внутренних, меньше не стало. Скорее — напротив. Вы видели карту нынешней России...

— Да, видел и был расстроен до глубины души, — согласился Олег.

— И вот именно сейчас у вас появился шанс стать величайшим из правителей Земли Русской, — в голосе Сильвии появился не свойственный ей, но вполне подходящий к случаю пафос. — Практически без каких-либо жертв вы мгновенно удваиваете свою территорию, получаете сто сорок миллионов новых подданных, причём не инородцев, не индусов, малайцев или зулусов, а своих соотечественников, с весьма высоким образовательным и интеллектуальным уровнем, во

многом превосходящим таковой у большинства жителей вашей Империи.

Технический и научный потенциал *той* России тоже превосходит ваш... Невзирая на события последних двух десятилетий, которые, впрочем, тоже нельзя трактовать слишком уж однозначно.

— Так в чём же дело?

— Я ведь уже сказала. Народ надорвался под тяжестью почти невыносимых «свершений». Другой — просто прекратил бы своё существование в качестве самостоятельной, по-прежнему великой цивилизации. Где Британская, Германская, Оттоманская, Австро-Венгерская империи? А Россия живёт! Вы можете представить, чтобы Австрия, например, нашла в себе силы и вопреки всему осталась столь же влиятельным игроком на мировой шахматной доске, как и до четырнадцатого года? Я уверена, что нынешняя Российская Федерация очередным напряжением сил, очередной «всеобщей мобилизацией» в состоянии вернуть себе лидирующие позиции, но как бы это напряжение не стало последним, за которым наступит распад и хаос мирового масштаба.

Мы предлагаем произвести эффектную рокировку. Вместе с вами сделаем немыслимое. Как на фронте неожиданно для противника заменяют измотанные боями и истощённые потерями дивизии на свежие, переброшенные из тыла, так и мы заменим утомлённый народ на свежий, а нынешний отведём на отдых и переформирование...

Император не сдержал удивлённого возгласа.

— Вот видите, Ваше Величество, — даже вы, скажем так, озадачены. То, что мы обсуждали в присутствии вашего флигель-адъютанта, — чистая правда. Но — не вся. Мои планы идут гораздо дальше...

— Ваши? Ваши личные, не организации? — уцепился за слово Олег.

— Да какая разница? — отмахнулась Сильвия. — Идея общая, но до сих пор никто не брался за то, чтобы должным образом её оформить. В нашем «Братстве» много людей, и у каждого есть свои приоритеты. Как в Академии наук. Одним интересно бабочек изучать, другим — синхрофазотроны строить. Кто-то сейчас занимается исследованиями воздействия на исторический процесс Англо-бурской войны, другие продолжают работать в той самой врангелевской Югороссии, и так далее. Один из наших сотрудников, коренной обитатель и уроженец нынешней РФ, о которой мы и говорим, решил самостоятельно решить все тамошние проблемы. Технических возможностей у него достаточно, но при ближайшем рассмотрении его планов мне показалось, что всё очень легко может скатиться сначала к ситуации эпохи народовольцев, а потом и в самые глубины «инферно»¹. Вот я и постаралась найти более изящное решение этой «шахматной задачки». Вы не увлекаетесь?

— Одно время — весьма увлекался, было дело — и в турнирах участвовал, в журналах публиковался.

— Тогда вы меня тем более понимаете. Вывести страну из довольно глубокого кризиса без новой крови, политических потрясений, да ещё и так, чтобы никто на очередных реформах ничего не потерял, все только выиграли — очень интересная задача. Вроде как мат в три хода конём и пешкой.

— На мой взгляд — едва ли осуществимая, — скептически усмехнулся Олег.

— Да неужели? А разве ваша идея восстановления самодержавия в ХХI веке не казалась большинству политиков абсолютной утопией? И тем не менее — пока всё идёт хорошо.

¹ См. И. Ефремов «Час быка». И н ф е р н о — система безвыходного и непреодолимого умножения суммы зла в мире.

— Вот именно — пока, — ответил Император. — На пути масса подводных камней и непременные потрясения, которых я жду с не самыми радужными настроениями. Например — надвигается война с Великобританией и, боюсь, не только с ней. На этом фоне затевать ещё и предложенное вами...

— Так в том и суть, Ваше Величество! — с весёлым энтузиазмом воскликнула Сильвия. — Вы привыкли играть в игры с нулевой суммой — сколько один проиграл, ровно столько другой выиграл. А я предлагаю совершенно другое. Выигрывают все, причём намного больше первоначальных ставок...

— Звучит заманчиво. Один вопрос — за чей счёт в конечном итоге? Поговорку про бесплатный сыр, надеюсь, знаете?

— Как не знать. Ответ: «За счёт того, кто покупает сыр для мышеловки», вас устроит?

— Нет, вы совершенно изумительная женщина! — от всей души развеселился Олег. Позвонил в серебряный настольный колокольчик. Велел возникшему на пороге поручику подать ещё шампанского и всего прочего. Грешные мысли он окончательно оставил, но вот желание напоить гостью допьяна и посмотреть на неё в этом состоянии никуда не исчезло. Возможно, таким образом он надеялся компенсировать моментами возникавший при разговоре с нею дискомфорт. Если сказать резче — свою интеллектуальную недостаточность.

Она проявлялась прежде всего в том, что странная женщина очевидным образом опережала его в мыслях, на шаг, на два или на целый круг. Но опыта боевого офицера, учёного, политика, вождя, в конце концов, было достаточно, чтобы иногда это понимать, иногда — просто чувствовать. Она без всяких усилий, без задержки отвечала на любой задаваемый вопрос, причём так, будто заранее его знала. С подобным он в сво-

ей жизни встретился только один раз до этого — когда познакомился с тогда ещё поручиком Чекменёвым. Сам Олег был всего шестью годами старше, но — уже подполковником, ещё не Местоблюстителем, но всё равно одним из Великих князей.

Они тогда почувствовали взаимное влечение, как влечение стрелки компаса к магнитному полюсу. Оба были умны, каждый по-своему, обладали взаимодополняющими способностями, причём Олег сразу понял, что амбиции поручика никогда не перейдут известного предела, и решил, что в нём он найдёт, может быть, единственного человека, с которым всегда сможет оставаться самим собой. И за двадцать очень непростых лет ни разу не имел повода пожалеть о своём тогдашнем выборе.

И вот сейчас он увидел многие черты своего помощника и друга в этой женщине.

Её муж, генерал-лейтенант Берестин, ему тоже понравился как солдат и человек. Олег охотно мог назначить его на пост своего Главковерха¹, но «личным другом» не сделал бы никогда. Два медведя в одной берлоге не уживаются. Не в том дело, что такой человек способен учинить заговор и захватить его место. Это невозможно по определению: не Древний Рим у нас, не эпоха «солдатских императоров». Просто близкое общение с подобной личностью вызывало бы постоянные, пусть и неявные, трения, вредные для общего дела.

Оттого и при Врангеле, не слишком сильном полководце, как знал Император из документов, Берестин оставался лишь начальником штаба, хотя и удостоился высшего ордена Николая Чудотворца за номером один. Вояка хоть куда, однако с амбициозными началь-

¹ Верховный главнокомандующий вооружёнными силами России в военное время. В мирное ими, по Конституции, руководил Император.

никами органически несовместим при всём демонстрируемом уважении и практической незаменимости.

(Олег ещё не знал, как в «реале» Врангель изгнал с должности и из армии вообще генерала Якова Слащёва, величайшего тактика XX века, им же титулованного Слащёв-Крымский. А девятью годами позже и большевики предпочли убить ими же амнистированного генерала, нежели терпеть его издевательские оценки деятельности «красных маршалов» на лекциях в Академии Генштаба.)

«Немедленно нужно вызвать сюда Игоря и познакомиться его с Сильвией Артуровной. А самому — посмотреть со стороны, как у них друг с другом отношения наладятся», — подумал Император. Как и подобает особе его масштаба, решение было неожиданное и изящное. Если противник переигрывает тебя позиционно, попробуем комбинационно сыграть.

— Извините, Сильвия Артуровна, мне нужно отлучиться на минутку, — сказал Олег вставая. Сейчас он поступил противоположно принятому в высших кругах этикету. Там считалось, что дама не поймёт, если мужчина вздумает выйти в туалет, не сказав, что ему нужно позвонить по телефону. А Император собрался именно звонить, но не хотел, чтобы гостя догадалась.

— Послушай, Олег, — Сильвия сделала очередной ход, — зачем эти лишние «онёры»¹? Наедине называй меня на «ты» и просто Си. Обоим же проще будет...

Император ничего не ответил, просто наклонился и поцеловал её руку.

«Умеет вести партию, не устаю удивляться, — подумал он. — Тем лучше, тем лучше...»

С Чекменёвым его соединили сразу. Генерал, он же «полномочный посол и министр при ООН и ТАОС», по

¹ Дословно — «честь» (франц.), в переносном смысле — изысканные, церемониальные обороты речи.

★

счастью, находился в лондонской резиденции посла барона Гирса, где сейчас велись трудные переговоры с премьер-министром Правительства Её Величества Уоллесом. Трудные для обеих «высоких договаривающихся сторон». Россия старалась не продешевить, по полной использовав имеющееся на руках «каре тузов». Великобритания — не потерять лицо, если придётся сбросить карты, но втайне надеясь, что придёт «флеш-рояль»¹.

Как он может выглядеть в переводе на общедоступный дипломатический язык — пока не совсем ясно было и премьеру, и руководству «Хантер-клуба», создавшего Уоллеса, как в своё время ребе Бен-Бецалель своего Голема. Только Голем был из глины, а этот — вообще неизвестно из чего. Но он сам и его «патроны» надеялись, что и на этот раз фортуна будет благосклонна к «старой доброй Англии» и сумеет учинить нечто подобное внезапной гибели в шторм испанской «Непобедимой армады».

— Как там у тебя? — спросил Олег без предисловий и прочих дежурных фраз.

Чекменёв тоже не был занудой, на подобный вопрос отвечающий пространно и детально. Он сразу понял, что Император имеет в виду совсем другое.

— В пределах. Если карт-бланш не отменяется, я его дожду...

— Отменяется...

На той стороне защищённого кабеля повисла пауза. Если так, то Чекменёву нужны пространные пояснения.

— Одним словом, прикажи Гирсу тянуть резину, с намёком на нашу готовность «войти в их положение», а сам вылетай в Москву немедленно.

¹ Флеш-рояль — старшая, весьма редкая комбинация карт в классическом покере, «каре тузов» — вторая по старшинству. Бывает ещё «каре с джокером» (собственно «покер»), но это уже почти за пределами вероятности.

— В буквальном смысле? — счёл нужным уточнить Чекменёв.

— В самом.

— То есть — на посольском самолёте? Два часа уйдёт на согласование эшелонов и подготовку экипажа. Сейчас по Гринвичу двадцать три. Часам к пяти Москвы постараюсь прибыть во Внуково.

— Вот и давай. Жду в Берендеевке. Счастливого полёта.

— Только я опасаюсь, что мой срочный вылет может быть расценен самым превратным образом. «Чрезвычайного посла» экстренно отзывают «для консультаций». Это может быть воспринято как начало разрыва дипотношений.

— Да и чёрт бы с ними. Пусть думают. Штатный посол ведь остаётся на месте. А лишняя сумятица в стане врага нам не повредит.

Император положил трубку. Вернулся на веранду.

Сильвия, облокотившись о широкие перила, всматривалась в окружающую терем ночь, покуривая длинную, нездешнюю сигарету. Её очаровавшее Олега платье сзади приподнялось настолько, что открылись ноги до самого верха, во всей красе. Император подумал, что таких ног он до вчерашнего дня ещё не видел. У любой женщины вольно или невольно, но найдутся хоть какие-то дефекты, физические или эстетические. Иногда и сбившийся шов на чулке, и не так поставленный каблук могут вызвать неприязнь (но наверняка — если есть и другая причина, пусть и фрейдистская). Здесь же всё было идеально.

И одновременно — ни малейшего влечения к обладательнице этих ножек он больше не ощущал. Совсем другие игры начались.

— Знаешь, Си, — стал он рядом и тоже закурил, — я немного подумал и решил заключить политический союз лично с тобой. Это ведь немало — личный союз рос-

сыйского Императора с женщиной из другого мира. Знак большого доверия и... порядочный риск, как ты понимаешь.

— Не спорю. В том числе и большая честь для женщины. — Ирония прозвучала весьма тонко, в стиле аристократических салонов, где Сильвия воспитывалась. — Что касается риска — в той России есть интересная поговорка: «Кто не рисковал, тот в тюрьме не сидел». Я заодно надеюсь, что не только мои «чисто женские качества» подвигли тебя на судьбоносное решение.

— Разумеется. «Чисто женские качества» тоже неоднократно оказывали воздействие на судьбы мира. Только я не Антоний, возлюбивший Клеопатру, не какой-то из Людовиков с его фаворитками. Я за сутки знакомства успел разглядеть в тебе надёжного партнёра и, надеюсь, друга. Времена нам предстоят трудные, очень трудные, и я хочу, чтобы можно было положиться не на одного Чекменёва. Хотя бы на равную фигуру из другого лагеря.

Разговор у них пошёл серьёзный, что следовало даже из интонаций Олега. Сильвия немедленно это заметила. Он говорил с ней негромко, раздумчиво, будто бы на ходу подбирая подходящие слова к только что рождающимся мыслям, не заготовленным впрок и не вытекающим из «должностных инструкций». А они у императоров тоже есть, просто не все об этом догадываются.

— Если можешь — вообще забудь о том, что случилось. Не хочу, чтобы «это» стояло между нами, — сказал наконец Олег.

— Забывать — незачем. Если бы я не почувствовала искреннего влечения к тебе, ничего бы не вышло, какой бы ты там ни был император или Казанова. — Сильвия говорила с Олегом сейчас так, как много раз случалось разговаривать друг с другом людям, слыш-

ком уж эмоционально тонким и одновременно слишком рассудительным.

— Однако ты тоже прав, Олег, другие нас ждут дела. Если сумеем с ними справиться — и об остальном поговорим. Ничего не исключаю. Что ты собрался сказать сейчас?

— Ближе к рассвету сюда должен подъехать человек, с которым, как я надеюсь, вы сработаетесь. У меня нет времени заниматься сиюминутными проблемами, у меня, боюсь, новая мировая война на носу. Я ему передам все связанные с «Крестом» заботы.

— А я думала — ты Ляхову всё препоручил, — прикидываясь наивной, сказала Сильвия. — Мне он понравился. Симпатичный юноша и решительный офицер.

— Ему найдётся где проявить свою решительность, — слегка излишне резко ответил Император. — А тот, кто придет, — будет замещать меня по всем действительно государственным вопросам.

— Как интересно. — Сильвия сделала лицо и улыбку типичной блондинки из модных последнее время анекдотов. Всё, что нужно знать о Чекменёве, она знала с момента первого пересечения реальностей. Но лично действительно не встречалась.

— Введи в курс, хоть предварительно. Чтобы я знала, как себя с ним вести.

— Приедет — сама определяйся. Не хочу портить «первое впечатление». Достаточно сказать, что он моё единственное по-настоящему доверенное лицо в государстве...

— Неужели же? Как можно править, опираясь на «единственное доверенное лицо»?

— Я не совсем точно выразился. Видишь ли, вокруг меня множество сановников, истинно преданных людей, но мне не очень нравится иметь дело с нерассуждающими (где-то они, может, и рассуждают, но не со мной и не в той тональности). Великое счастье — иметь рядом человека преданного и рассуждающего. Поэтому

му судьба мне послала Чекменёва. Он безусловно предан, у него искренне такие же взгляды, как у меня, и в то же время он всегда готов отстаивать свою позицию, в определённом ракурсе, в своём понимании. Я как бы имею самого себя себе в собеседники. Для человека, находящегося на такой вершине, это редкое счастье. Человеку можно доверять безусловно, и в то же время он не поддакивает бесконечно, как большинство сановников, не встает навтыжку, а способен высказывать своё мнение и не отступаться от него. Достойный собеседник и при этом — преданнейший союзник, навсегда, а не к случаю...

— Если это действительно так, тебе на самом деле повезло. Из меня такое «альтер эго» не получится, при каждом удобном случае я буду доводить тебя до белого каления несовпадением наших взглядов и логик. Единственное, что могу обещать, — это будет искренне и для пользы дела.

— Я догадываюсь, что примерно так и будет, — сказал Олег, — но готов рискнуть, как уже говорил. Но сейчас я о другом хотел спросить. Или ты пойдёшь отдохнуть часа четыре-пять, или мы с тобой в разговорах за бокалом вина так и будем его здесь дожидаться?

Сильвия в отдыхе не нуждалась, естественно, с го-меостатом на руке она могла без сна и отдыха добрат-ся хоть до вершины Эвереста, однако решила, что отдохнуть следует Олегу. Не каждый и тридцатилетний мужчина после общения с ней и многочасового засто-лья выдержит ещё одни напряжённые (в этом она не сомневалась) сутки.

...Чекменёв, чтобы зря не терять времени, побрился уже в самолёте, там же переоделся в мундир. Импера-тор не любил, когда военные люди без крайней необ-

ходимости появлялись перед ним в штатском. В аэропорту его ждал небольшой четырехместный вертолёт Управления. Перед ним по площадке несколько нервно прохаживался исполнявший здесь его обязанности полковник Тарханов. Генерал поднял его в два ночи, Сергей только-только прилёт после очередного трудного дня, и — пожалуйста!

Наскоро собрал документы, которые, по его мнению, могли заинтересовать начальника. Впрочем, думал Тарханов, едва ли экстренный вызов к Императору мог быть связан с их службой. Чекменёв достаточно давно отошёл от оперативных дел, и всё, что требовалось, Олег Константинович мог выяснить лично у Сергея и в более разумное время.

Тут что-то другое, явно внешнеполитическое, поскольку внутри страны всё спокойно, за это начальник управления спецопераций и фактический врио начальника Главного разведуправления штаба Гвардии мог ручаться в пределах своей компетенции. Не к европейской ли войне дело идёт? Тогда подобная срочность может иметь смысл. Но и то едва ли. Тарханов достаточно соответствовал должности и по ходу дела успел справиться по своим каналам — не поднят ли по тревоге кто-то из старшего войскового комсостава. Нет, и штабисты и строевики продолжали мирно поживать в своих резиденциях. Да и непосредственно в Берендеевке тоже царило *внешнее* спокойствие. Информаторы Тарханова непременно доложили бы, если вдруг что...

Единственный интересный штрих — Вадим Ляхов минувшим днем выехал туда же, в придворной форме и в сопровождении некоей дамы. О даме у агента никаких данных не имелось. Будь момент серьёзным, Ляхов непременно поставил бы друга в известность, об этом у них имелась твёрдая договорённость. Очень возможно — в обязанности флигель-адъютантов и такая

★ функция входила — повёз самодержцу «на погляд» кандидатку в очередные пассии. Интересно, кого бы это? Вадим абы с кем, хотя бы и из «света», связываться не станет.

Но тогда при чём тут срочный, как на пожар, прилёт Чекменёва?

Если связать то и другое воедино — интересный вариант получается. Ляхов разыскал где-то даму, располагающую информацией высшей степени важности, информация эта Государя настолько заинтересовала... Ну и так далее. А где, без участия ГРУ, Вадим мог такую даму отыскать? Вот то-то и оно.

Довольный результатами своего анализа, Тарханов, расправив китель под ремнём, пошёл навстречу генералу.

...По дороге к Берендеевке успели обменяться мнениями. Предположение Сергея показалось Чекменёву заслуживающим внимания. В любом случае никакие другие гипотезы в схему не монтировались без швов и лишних деталей.

— А Катранджи последнее время на горизонте не рисовался? — уточнил на всякий случай Чекменёв.

— Смотря в каком смысле. В плане предыдущих рассуждений мы обсудили возможности его снабжения оружием. Ляхов всем занимается. Я ведь в те миры особенно не вхож, ты знаешь. Вадим вёл какие-то переговоры с правительством Врангеля и одним крайне хватким и изобретательным евреем. Не Розенцвейг, конечно, но личность примечательная. Нечто вроде Гинцбурга и Захарова¹ в одном лице. Должны были на

¹ Гинцбург, барон — российский финансист и предприниматель, занимался в т.ч. снабжением русской армии во время русско-японской войны. Захаров, Базиль — один из крупнейших международных торговцев оружием в начале XX века.

нейтральной территории обсудить разные схемы снабжения «Интернационала» *неидентифицируемым* вооружением. Но в детали я не вдавался.

— На нейтральной — это где? — на всякий случай уточнил Чекменёв.

— В девятьсот двадцать пятом или двадцать шестом году, я сам уже слегка запутался. Это тоже ляховская прерогатива, ему Император прямое поручение дал. Где-то на острове Мармор в Мраморном море. Там у Югославии экстерриториальная военная база. Очень удобно для организации транспортировки снаряжения на Ближний Восток.

Тарханов кое о чём умолчал, зная непростые отношения Чекменёва с Ляховым, да и поговорку о том, что если умеешь считать до десяти, вовремя остановись на семи, никто не отменял. В спецслужбах только дурак даже прямому начальнику открывает все свои карты.

— Хорошо, об этом позже, — отмахнулся генерал, которого вертолётная дрожь и гул нервировали куда больше, чем предстоящие дела.

Удивительно, но и по прошествии достаточного времени не только разговоры, но просто попытки размышлять о хитросплетении исторических линий и параллельных реальностей вызывали у Игоря Викторовича раздражение и одновременно — томительную скуку. Как при решении квадратных уравнений на уроках математики в кадетском корпусе. Проще всего списать у соседа и тут же об этом забыть.

— Давай всё же хоть вчерне прикинем, какие к нам с тобой могут возникнуть вопросы и как на них отвечать.

...Отвечать, по счастью, им ни на что не пришлось. В основном — слушать.

То ли Император торопился высказать прямо на месте всё, что хочет, то ли свежего воздуха ему не хватало,

но деловой разговор начался сразу же на ведущей от вертолётной площадки через лес прямой, как Николаевская дорога, сосновой алее.

С Сильвией Тарханов и Чекменёв ранее не встречались, и она произвела на них *стандартное* впечатление: неконтролируемое мужское восхищение пополам с профессиональным уважением. И тот и другой сразу разглядели в ней коллегу высокого класса. Вдобавок — тоже сразу обоим — она напомнила девушек-«валькирий». Типажом и неуловимо похожим стилем поведения. На гораздо более высоком уровне, разумеется.

Тем более присутствовавший при встрече своего «как бы» начальства (на самом деле он был достаточно условно подчинён лишь Тарханову, да и то только по одной должности, которую занимал почти на «общественных началах») Ляхов утвердительно кивнул в ответ на вопросительный взгляд Сергея. «Из этих, мол, инопланетных, что ли?»

Государь же, представляя Сильвию, достаточно обтекаемо назвал её «одним из руководителей дружественной нам организации». Впрочем всё это было, так сказать, данью протоколу, потому что, не затребовав от Чекменёва никаких отчётов о его английских делах, Олег сразу перешёл к делу. И изложил ситуацию так, как сам захотел её видеть и понимать. Что вот, мол, господа, долг платежом красен, и как нас с вами здесь недавно очень выручили доблестные русские войска под командованием генерала Берестина, так теперь и мы должны помочь нашим братьям из другой России. И присутствующая в нашем кругу госпожа Сильвия Артуровна Берестина прибыла сюда, чтобы согласовать вопросы сроков и масштабов этой помощи.

Чекменёв слегка удивился самой постановке задачи. О какой, собственно, помощи может идти речь, если, по его данным (вот и пригодилась информация Тарханова), как раз Югороссия в очередной раз оказывает

сейчас помощь нам, пусть и косвенную, по известной Императорскому Величеству проблеме. Взавшись снабдить, совершенно бесплатно (в денежном выражении, естественно), несколько сот тысяч ибрагимовских боевиков весьма совершенным и никак с нынешней Россией не увязываемым оружием. В полном ассортименте — от карабинов «СКС» и «РПГ-7» до самоходок «САУ-100». Мало того, что такие конструкции и используемые боеприпасы нигде в этом мире не производятся, так ещё и маркировка сделана какими-то иероглифами, острова Пасхи, допустим. Инструкции по применению отпечатаны на немецком или французском языках. Любые эксперты впадут в ступор, пытаясь понять, что это такое и откуда взялось.

А вот каких-либо сведений о том, что самодостаточная Югороссия нуждается в какой бы то ни было поддержке с нашей стороны, по заслуживающим доверия каналам не поступало.

Сказано это было хорошо, как раз в стиле Игоря Викторовича. Одним пассажем он довёл до сведения сюзерена всё, что хотел, дав понять, что и за пределами Отечества остаётся в курсе всех дел, как явных, так и тайных. Император это понял и оценил истинно византийскую тонкость царедворца.

— Не о той России речь, — благосклонно ответил он и предложил Сильвии самой прояснить обстановку, имея в виду, что, если вопрос о реализации «Мальтийского креста» будет решён положительно, скорее всего, как раз генералу Чекменёву придётся выступить в роли куратора — наместника Высочайшей особы.

— У меня и других забот достаточно, — излишне категорично и сухо ответил Чекменёв.

При этих словах он покосился на стоявшего чуть в стороне Ляхова.

— С полковника это ответственности никаким образом не снимает. Как я и решил — вся техническая сто-

рона операции за ним. А ты, Игорь Викторович, постарайся, чтоб и дело шло, и ваши функции с прерогативами сильно не пересекались. Если нужно, я позабочусь.

Расставив всё по своим местам, Император решил больше не вмешиваться, просто послушать, как сложится разговор между официально представленной генералу «посланницей» и его ближайшими помощниками.

Успело уже как следует рассвети, шестой час утра пошёл, но плотные тучи, затянувшие восточную часть небосвода, не позволяли пробиться солнечным лучам. От этого окрестности царского терема выглядели несколько нереально, как вообще всё происходящее здесь и сейчас. Тяжёлый, вроде дымовой завесы, туман, ползущий между кустами и низкими лапами вековых елей, скрывал рельеф местности и близкие постройки. Очень хотелось уйти отсюда, не смотреть и не чувствовать на лице холодную липкую сырость. Зажечь бы камин, отгородившись от мира толстыми бревенчатыми стенами и непробиваемыми дверями.

Из леса сильно пахло смолой, из ближней березовой рощи — прелью палых листьев, что, по народным приметам, обещало скорый дождь, по всей видимости — обложной. Между кустами затаились упорно не желающие рассеиваться ночные тени.

Все, за исключением Сильвии, толком выспаться не успели, а день обещал быть не менее длинным и многотрудным, чем предыдущие сутки.

Олег предложил пройти в чайный павильон, расположенный весьма живописно на берегу небольшого пруда в японском стиле.

— Ни то, ни это, — сказал Император. — Ни утро, ни ночь. Петухи своё отпели. Отдохнуть я вам позволю, хоть до обеда, а пока перекусите с дороги, да так, прихватно, сомнительные вопросы обсудим. К примеру, стоит ли вообще Рубикон переходить? Обратно вернуться бывает гораздо труднее.

Ляхов повёл Сильвию и Тарханова по узкой, окружённой густыми кустами в росе тропинке к парадному входу на закрытую веранду, а Император с Чекменёвым чуть приотстали и как бы невзначай свернули к соседнему крыльцу, с которого дверь вела в ещё одно уютное, изукрашенное лаковой мебелью и шёлковыми картинами помещение.

Имелись моменты, о которых следовало обменяться мнениями с глазу на глаз.

— Ты всерьёз решил в это ввязаться? — спросил генерал без обиняков. — Предупреждаю — я был против тех экспериментов с «боковым временем», слава богу, удалось их аккуратненько свернуть до более подходящего случая. Не раз говорил, что не желаю иметь никаких дел с «югороссами», а нам сейчас явно что-то ещё похлеще навязывают. Дамочка эта... Что-то взгляд у неё слишком пронзительный для остального облика. В любовницы ещё сгодится, а политикой я с ней поостерёгся бы заниматься.

Их отношения допускали подобные вольности, Чекменёв был в курсе почти всех увлечений Императора за последние пятнадцать, как минимум, лет, поэтому Олег только усмехнулся.

— За что я тебя и ценю, Игорь, — говоришь, что думаешь, — отвечал он, довольный тем, что может сейчас открыть буфет, налить себе обычный «тычок» (без которого мысль работала несколько вяловато) не на глазах у гости. Отчего-то при ней делать это в шесть утра не хотелось. Обычно ему мнение посторонних по поводу любых своих поступков, тем более — привычек, было глубоко безразлично. В смысле придворного, военного и любого другого этикета Император был столь же безупречен, как британский принц Уэльский, будущий король Георг — в смысле законодательства в моде. А если что-то кому-то вдруг (что очень маловероятно) показалось бы несоответствующим —

имелась в запасе историческая фраза Николая Первого: «Это полк одет не по форме!»¹

Но находясь рядом с Сильвией, Олег ощущал *странное* чувство — он как бы остерегался этой женщины, при самом искреннем восхищении ею же. Вчера, не считаясь ни с какими «приличиями», овладел ею (правда — «при полном непротивлении сторон», как выражался монтёр Мечников²) и не почувствовал, что тем самым приобрел над ней хоть долю власти или превосходства.

— Кое в чём ты, разумеется, прав, особа она очень непростая. Из таких хорошие любовницы не получаются. Составишь компанию?

— Пожалуй, — взял чарку Чекменёв. — В самолёте не употребил, хотя и зверски хотелось. Турбулентия, туды её мать. Крылья так и помахивали, будто прикидывали, куда отломаться — вверх или вниз. Не поверишь, мне пришлось стюарда в салоне успокаивать, а не ему меня...

— Чего тут не поверить. Слаба нынче духом молодёжь пошла. Но мы это скоро исправим, — подмигнул соратнику Олег. — На полста лет вперед обеспечим полигон для разминки заживевших мышц и заплывающих мозгов...

«Что-то не по-хорошему он весел сегодня, — подумал Чекменёв. — Не иначе чем-то эта дамочка его приворожила. Пусть и жена Берестина. Да не пусть, а

¹ Ещё в молодости, то ли в бытность Великим князем, то ли уже Императором, Николай Павлович появился на строевом смотре одного из гвардейских полков. Уже на плацу, заметив, что у царя расстёгнута верхняя пуговица мундира, генерал-адъютант шепнул: «Ваше Величество, вы не по форме», на что получил ответ: «Это полк не по форме». С тех пор полтора-два года в этом полку верхнюю пуговицу не застёгивали, к зависти всех прочих.

² См. И. Ильф и Е. Петров «12 стульев».

именно поэтому! Я от него ждал прямых действий, а он свою бабу к Олегу подпустил. Ну ладно, сейчас пойдём, послушаем, глядишь, разберёмся, что к чему...»

Он заранее настроился на жёсткую конфронтацию с «гостьей». В голове крутились слова известной песни: «Нас на бабу променял!» А что у Императора с этой бабой точно вчера или даже сегодня «было», Игорь Викторович уже не сомневался.

«Ещё и в императрицы её возжелает короновать, — мелькнула мысль. — Как Пётр — шалаву Скавронскую...»

Тут, конечно, умный генерал был не прав, сравнивая «урождённую леди Спенсер», едва ли не герцогиню по боковой линии, с дочкой литовского крестьянина. Но, во-первых, о её происхождении Чекменёв ничего не знал, а во-вторых, с профессиональной проницательностью уловил главное сходство — Марта, она же потом Екатерина Первая, обладала изумительной интуицией и в любых ситуациях подчиняла необузданного, резкого и грубого Петра своей ненавязчивой воле. Только ей удавалось спасти от опалы и даже казни провинившихся сановников.

При появлении такой императрицы Чекменёву наверняка пришлось бы удовольствоваться никчёмной синекурой или почётной отставкой. Или, не дай бог, «Наместником в «боковом времени». Уж не у израильских ли некробионтов?

Генерала аж передёрнуло.

— Ты б меня просветил по дружбе, — попросил Чекменёв, синхронно опрокинув чернёную серебряную чарку, — ввёл в курс дела. Всерьёз. Кто эта прелестница на самом деле, какой у тебя к ней интерес, как мне с ней держаться, на твой взгляд? В чём заключается настоящая польза для России и для нас с тобой, если Рубикон таки будет перейдён? Вот это мне разъясни, пожалуйста.

Никто больше в Империи в таком тоне и в таком плане с Самодержцами последние пятьсот лет разговаривать не осмеливался. И не от страха перед репрессиями (после Павла I какие-либо *репрессии* в принятом ныне смысле у русских императоров против лиц первых трёх классов как-то вышли из моды¹), а именно, что не приходило в голову *так* разговаривать. Если бы пришло, причём без подсказки и заранее гарантированного всепрощения, история России наверняка развивалась бы по другому, новгородскому, например, сценарию.

А вот Игорь Чекменёв, в совсем ещё юном, с точки зрения опытных лиц, окружавших будущего Местоблюстителя, возрасте и незначительных трёх звёздочках на погоне, нашёл подходящий момент и уловил настроение подполковника Романова. Сидя у полевого костра, в обстановке, перекликающейся со стихами поэта-партизана Первой Отечественной войны, а потом и генерала Дениса Давыдова: «Деды, помню вас и я, испивающих ковшами. И сидящих вокруг огня с красно-сизыми носами».

Вот тогда к слову будущий генерал процитировал будущему Императору слова Сенеки: «Я покажу тебе, чего не хватает высшим мира сего, чего недостаёт тем, кто имеет всё. Им не хватает человека, который говорил бы им правду! Высокий сановник в присутствии лживых советчиков теряет всякую чуткость. Он перестаёт отличать истину от лжи, потому что вместо правды он вынужден слушать только лесть. Ему нужен человек, который говорил бы ему, какие из донесений ложны, а какие — нет. Разве ты не видишь, как перед этими властелинами разверзается бездна? И происхо-

¹ Начиная с Александра I персоны первых трёх классов (гражданские — канцлер, действительный тайный и тайный советники, военные — генерал-лейтенант и выше) наказывались в худшем случае «удалением от двора» или «ссылкой в имение».

дит это потому, что они слишком часто доверяли ничтожным тварям. Никто из окружающих властелина не подаст ему совет по внутреннему убеждению; все они лишь соревнуются в подхалимстве, стремясь лживой лестью превзойти друг друга. И, как часто случается, такие властелины теряют всякое представление о своих истинных силах, начинают считать себя непревзойдёнными гениями, впадают в ослепление... Они проливают реки крови, пока наконец кто-то не прольёт их собственную кровь...»¹

Олегу Константиновичу понравилась не сама цитата — и Сенеку, и многих других мыслителей последних двадцати веков он тоже знал неплохо. Ему понравилась уверенность и, как бы это лучше сказать, *бесстрепетность* молодого офицера. Какой-никакой, а всё ж Великий князь рядом сидит, и чины у них на целый просвет отличаются². Неужели уже тогда Чекменёв разглядел в почти обычном штаб-офицере будущее Величество? И рискнул?

Не вдаваясь в подобные психологические тонкости, спросил он у поручика одно: «А ты уверен, что сам можешь быть человеком, понимающим, какие донесения ложны, а какие — нет?»

И получил ответ из того же самого текста: «Я уверен только в одном — всегда говорил и буду говорить именно исходя из «внутреннего убеждения». Насколько оно совпадёт с «объективной истиной» — ручаться не могу. Но, по крайней мере, тот, кто меня услышит, будет иметь возможность сопоставить моё мнение со своим. И с фактами...»

Поручик Чекменёв курил, по привычке разведчика в кулак, выпускал дым в костёр, смотрел на обшарпанные носки своих сапог. Над головами шумела под вет-

¹ См. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977 г.

² У поручика три звёздочки при одном просвете на погонах, у подполковника — три при двух.

ром-баргузином забайкальская тайга, на сотни вёрст вокруг — цивилизационная пустыня. Карабин на боевом взводе лежал справа, на расстоянии вытянутой руки, расстёгнутая кобура нагана — на ремне слева. Над костром закипал закопчённый чайник, неподалёку переговаривались казаки и всхрапывали кони.

Два офицера, не могущие даже на сутки вперёд провидеть свою судьбу, вдруг одновременно подумали о чём-то очень далёком и, скорее всего, несбыточном. Так в этом и есть истинный смысл жизни мужчины и солдата — думать о несбыточном. И надеяться, само собой.

— А ты возьмёшь на себя такую тяжесть? — вдруг спросил Олег.

— «Царям в лицо с улыбкой правду говорить?» — не поворачиваясь, то ли спросил, то ли уже и ответил Чекменёв. И неожиданно понял, что свой выбор уже оба сделали. Теперь осталось одно — воплотить его в жизнь. Чем плохая цель для поручика — посадить своего старшего товарища на пока ещё не существующий престол несуществующей империи? Куда как более интересная, чем выпиливать лобзиком из фанеры микроскопический дачный сортир¹, или проводить ничёмное время, наблюдая за поплавком на речной воде, зная, что даже самый восхитительный улов не окупит и четверти выпитой на этой рыбалке водки.

— Возьму, если ты не против. Но на условиях допустимой обоюдности...

Продолжения не потребовалось. И вот они уже двадцать лет вместе, и до сих пор Чекменёв может говорить что хочет, с улыбкой или без улыбки — это уже независимо от обстановки и настроения.

— Дама эта — *на самом деле* жена чересчур уж тебе не понравившегося генерала. Она же, судя по всему,

¹ См. И. Ильф и Е. Петров «Золотой телёнок».

руководит неким «Комитетом по защите реальности». Что это значит на самом деле — чёрт его знает. Точнее — Ляхов очень хорошо знает, Тарханов — более-менее, а мне других забот хватает. Но что между временами можно ходить, как между комнатами собственного дома, ты успел убедиться. О своих нынешних интересах она через несколько минут расскажет вам сама. Не буду предварять, но замысел, как таковой, кажется мне интересным. Касательно же моего морального облика можешь не беспокоиться. Кто там в греческих мифах по этому делу была специалисткой? Цирцея, кажется. Так госпожа Берестина покруче будет. Наше с тобой счастье, если она эти способности для других персон оставит.

— Даже так? — Чекменёв слегка удивился, а потом вспомнил девушек, защищавших его в Одессе, и сообщил, что его сомнения неуместны. Если они из одной команды. Тем едва по двадцать, а воли и неукротимой решительности — на десятерых штурмгвардейцев. Так госпожа Берестина явно и намного старше тех девчонок чином, и лет ей наверняка под сорок, хоть и выглядит немногим старше тридцати. Пожалуй, и вправду не стоит с ней без нужды отношения портить.

— Пойдем, короче говоря, ты всё выслушаешь сам и сам ответишь. Сначала себе, а потом и ей, что сочтешь нужным. От моего имени, как я и пообещал. Только перед каждой фразой хорошенько думай.

Игорь Викторович уже догадался, что думать придётся. Исходя не только из собственных убеждений, но и Олеговых тоже. Да и Ляхов с Тархановым не прогуляться по дорожкам сюда вызваны. Эти ребята, помимо войны, мало кому и нужны. В мирное время, что самое страшное, обязательно образуется зазор между уходом «людей мира» и приходом «людей войны». Точнее — наоборот. «Люди мира» добровольно никуда не уходят. Они или непонятным образом вдруг оказыва-

ются на достаточно тёплых тыловых должностях, или очень быстро пополняют списки санитарных и безвозвратных потерь по причине непригодности к фронтовым условиям.

Кто-кто, а Чекменёв знал это прекрасно, и страшно ему было вообразить, что на месте Тарханова в Пятигорске оказался бы по всем параметрам выдающийся офицер штаба ГРУ, но — другой. В лучшем случае он выбрался бы из города живой и доставил какие-то разведданные. И его пришлось бы наградить, потому что нельзя требовать от штабного аналитика в одиночку воевать с батальоном. А что он сам увидел бы в курортном городе после трёхдневных уличных боёв — Чекменев не хотел и представлять, тем более вариант «Тарханов» ему для сравнения никто бы не предложил. Так бы и спорили от «самого верха» до местных жителей, кто виноват, и пятьсот своих за шестьсот чужих — это победа или «не очень».

Иные варианты — «ноль за триста» никто и рассматривать бы не взялся, ибо «история не имеет сослагательного наклонения».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

...После разговора с Сильвией российский Президент некоторое время пребывал в достаточно расстроенных чувствах. Не в том смысле, что действительно был расстроен случившимся. Напротив, новый поворот сюжета его, скорее, воодушевил. Перед ним открывался горизонт непредставимых ещё вчера возможностей. При условии, что его новые знакомые действительно таковы, какими себя изображают, с заявленными техническими возможностями и геополитическими целями. Обещанная поддержка сразу снимет массу проблем, постоянно, с самого момента вступления в должность, осложнявших ему жизнь, не позволявших

в полной мере реализовывать достаточно амбициозные планы и намерения.

Это только со стороны кажется, что президентская власть в России авторитарна и почти не ограничена. За что его не только критикуют, но и прямым образом клеветают многочисленные оппоненты дома и за рубежом. Одни, как тот же «Александр Александрович»¹, обвиняют его в потворстве или даже в соотрудничестве с коррупционерами и иными криминальными структурами, другие — в зажиме демократии, великодержавном шовинизме и едва ли не фашизме. Запад всеми силами, прямыми и непрямыми действиями пытается заставить Президента играть по своим правилам, причём не по тем, что использует сам во внешней и внутренней политике, а специально придуманным для тех, кого считает своими сателлитами или надеется в таковых превратить.

От Китая или Саудовской Аравии ни США, ни ЕС не требуют следовать их пониманию «демократии» и «прав человека», а от России — постоянно и непрерывно, зачастую в самой непристойной форме. Причём такую разницу в подходах нельзя объяснить ни страхом перед мощью Китая, ни «особыми союзническими отношениями» со средневековой теократией. Отнюдь нет. Всё упирается в иррациональную, подсознательную ненависть к России, которая никуда не денется до тех пор, пока вообще существует такое государственное образование, хотя бы ради его уничтожения пришлось вести горячие или холодные войны ещё несколько сотен лет. Не считаясь ни с какими угодно потерями, ни со здравым смыслом.

Вот и приходится непрерывно маневрировать, с оглядкой на массу факторов, соглашений и предрассудков, которые он с удовольствием послал бы по извест-

¹ См. роман «Мальтийский крест».

ноту адресу. А вот нельзя, по множеству причин, перечислять которые бессмысленно и неприятно.

Политика — это искусство возможного. Предел своих возможностей Президент осознавал вполне, отчего и стал Президентом, а не остался, по Бабелю, качаться на нижних ступеньках веревочной лестницы.

Но теперь, если поверить и «Александру Александровичу», типу интересному, но неприятному своей фанатичной убеждённости (вроде Савонаролы), и очаровательной, но опасной, как коралловая змейка или паучиха «чёрная вдова», Сильвии, он сможет раздвинуть предписанные ему текущими обстоятельствами рамки.

А он им почти поверил. Причём эта вера определялась не только продемонстрированными «чудесами техники» — впечатляющими, с этим не поспоришь. Зря похожий на фарсового персонажа «Александр» намекнул на отсутствие у Президента *раскованного* воображения. Оно имелось в полном или хотя бы достаточном объёме. Достаточном, чтобы поверить в реальность межпространственных перемещений, научного анализа близкого будущего, иначе именуемого «ясновидением», и тому подобного. За последние двести лет наука продемонстрировала массу не менее удивительных и даже невероятных, с точки зрения обыденного «здорового смысла», открытий, воплощённых в действующие устройства и приборы.

Президент вдобавок разбирался в человеческой психологии, групповой и индивидуальной, как мало кто другой в его стране (по крайней мере — из тех, с кем приходилось контактировать по должности). И он видел — «Александр» и Сильвия с ним откровенны. Не до конца, конечно, обо многом они умалчивали, но в сказанном он не улавливал намеренной лжи. И вполне убедительно звучали слова о том, что лично для себя никому из них ничего не надо. У них и так есть всё —

от возможности безнаказанно убить любого человека до неограниченных материальных ресурсов. В таких случаях начинают действовать мотивации высших порядков.

Другое дело, что слова «высшие» и «возвышенные» — не синонимы. Сталин, к примеру, мог бы иметь тысячу пар лучших сапог ручной работы, а годами ходил в одних, старых. Он был «выше» банальных материальных потребностей, но что этот факт меняет, если из «высших соображений» или собственного каприза ему ничего не стоило приговорить к смерти или каторге любое количество людей «невзирая на лица», от близких родственников до всемирно признанных гениев?

Президент, в отличие от «вождя народов», ставил кантовский «нравственный закон» выше сиюминутных интересов, хоть личных, хоть «государственных». С этих позиций он и рассуждал. Если действительность такова, какой ему представляется, значит, в планировании своих дальнейших действий нужно исходить из двух предположений. Допустим, у него появился могучий союзник, которому можно верить. Не ищущий личной выгоды, но озабоченный тем же, чем он. Могущий действовать самостоятельно, нестеснённо никакими законами и «привходящими обстоятельствами», но нуждающийся именно в легитимизации результатов своей деятельности. Абсолютно при этом бескорыстно (в материальном, разумеется, смысле).

С личной властью тоже понятно. Сильвия сказала, что может в любой час объявить себя «Царицей мира», и он с ней согласился — да, сможет. И мир действительно пойдёт за ней после демонстрации нескольких эффектных фокусов или, на крайний случай, — устранения тем или иным способом любого количества оппонентов.

Сразу Президент сам себе не признался (действова-

ла иная установка), а теперь, при здоровом размышлении, вынужден был согласиться со словами «Александра» — ему ведь действительно понравилась та манера, в которой с ним разговаривали и он, и Сильвия. Как с человеком, а не с «функцией». Что ж, он постарается соответствовать тому мнению, что сложилось о нём у этих людей.

Только... Только их наверняка удивит факт, что он на самом деле ещё более широко и свободно мыслящая личность, чем они предполагают.

Президент ведь не исключал и прямо противоположного варианта. На самом деле цели и намерения «пришельцев» при тех же исходных посылаках можно трактовать совсем иначе. Выводя пока за скобки вопрос об их происхождении, отчего не допустить, что их всё же интересует пресловутая «власть над миром»? Неважно, в какой форме.

Но если их всего несколько человек, они физически не в состоянии использовать свои технические возможности должным образом. С какими угодно приборами нельзя круглосуточно наблюдать за всем и вмешиваться во всё. Обязательно нужен многотысячный техперсонал, вообще аппарат управления, какое-то подобие идеологических и карательных органов... Без этого никакая власть немыслима даже теоретически.

Снова вернувшись к Сталину, Президент подумал, что даже ему, в тогдашних условиях, при наличии победившей и правящей партии, комсомола, профсоюзов и тому подобного, потребовалось больше десяти лет конструировать, неоднократно реформатировать и непрерывно «чистить» систему НКВД-НКГБ. Только после устранения выполнившего свою функцию Ежова и доброй половины его гвардии, от сержантов до комиссаров всех рангов, «органы» заработали так, как от них требовалось.

Новоявленные «друзья» Президента никаким по-

добным, вообще никаким аппаратом для захвата и удержания власти не располагают. Мифическая «Чёрная метка», организация «честных и болеющих за Россию» сотрудников всякого рода спецслужб, даже если и существует, не может насчитывать больше нескольких сотен человек. Разобщённых по разным ведомствам, единой штатной оргструктуры не имеющих и иметь не могущих.

Поэтому ничего лучше нельзя придумать, как использовать для своих целей готовое государство. Главное в котором не его реальные экономические и прочие возможности, а только и единственно *легитимность*. От имени государства прямо завтра можно начинать любые, самые радикальные преобразования. Как, собственно, это и делали большевики начиная с победы в Гражданской войне. Раз уж Советская власть существует, никуда вы от неё не денетесь: захотим — НЭП введём, захотим — отменим. Коллективизацию взамен получить извольте. Прямое, ни на какие совершенно законы не опирающееся насилие (как говорил тов. Ленин) и незамаскированный ничем Большой Террор — сколько угодно. Советский народ в едином порыве одобрит и поддержит всё! Как и последующее единодушное свержение этой же «общенародной власти» без всяких нравственных угрызений.

Как раз на этот исторический период пришёлся тот возраст Президента, когда в человеке сочетается всё самое лучшее — молодость, достаточная эрудиция, незашоренный ум, эмоциональность, уже избавленная от юношеской восторженности и щенячьего энтузиазма. Хорошо он помнил пресловутую «перестройку» и всё дальнейшее. И сейчас склонен был думать, что, появившись *эти* или *другие* «пришельцы» двадцатью годами раньше, лучшего варианта, как подчинить своей воле всего лишь одного человека и заставить его действовать по своему сценарию, они бы придумать не смогли.

★

Дальше *система* заработала бы сама. Сигнал на входе, ожидаемая реакция на выходе. И никаких тебе социальных потрясений, войн и революций. Всё идёт по плану, строго по плану, непременно «в духе решений» съездов и пленумов.

Сам он в роли тогдашнего генсека оказаться бы не хотел. Но вот в состоянии ли он в одиночку противостоять подобному, если это не конспирологическая фантазия, конечно, а суровая действительность?

Выдержит не выдержит, а деваться некуда. Он тоже на свой пост определён, не только чтобы протокольные мероприятия проводить, ленточки разрезать и ордена раздавать. Возложена и на него некая миссия, если из сотен тысяч ровесников, не худших, в чём-то наверняка и лучших, именно он сидит в этом кабинете и мучается «проклятыми вопросами». Как командир попавшей в окружение армии. Выбор есть. Один — генерала Власова. Другой — генерала Кирпоноса¹. Но были ещё и третьи. Из окружений выходили, абсолютно безвыходные ситуации в свою и Отечества пользу превращали, маршальские погоны всего через три года получали. Вот он и постарается быть «третьим». А малоизвестная пьеса Константина Симонова называется «Четвёртый». Там тоже интересный вариант поведения обычного человека рассматривается.

Он поднялся из-за стола в состоянии весёлой бодрости. Интеллектуальная задача решена — и, кажется, неожиданным, изящным способом. Мыслей читать «друзья-пришельцы» наверняка не умеют, мысль — слишком неформализуемый объект, а вот в словах,

¹ Кирпонос М. П. — генерал армии, Герой Советского Союза, командующий Юго-Западным фронтом. В августе 1941 г. героически погиб в бою (отстреливаясь из винтовки) при попытке выхода из окружения «малыми группами», т.е. полностью утратив управление войсками фронта. Из нескольких десятков дивизий одного боеспособного полка для прорыва найти не смог.

произнесённых даже с самыми верными друзьями наедине, нужно быть предельно осторожным. Имея в виду всё те же технические возможности своих партнёров.

Президент отправился в спортивный зал и целый час приводил себя в нужное физическое состояние сначала боксом на специальных тренажёрах, умеющих при неверном выпаде дать сдачу не хуже Майкла Тайсона, потом в бассейне.

На ближайшие двое суток он решил удалиться от текущих дел, благо отчёта давать не имел необходимости никому. «Желаю поработать с документами», как говаривал один из его предшественников на этом посту. А ещё более ранний тиран и диктатор выезжал на свои дачи, хоть подмосковные, хоть кавказские, вообще никому ничего не объясняя. Не царское это дело.

«На хозяйстве» есть кого оставить, остальное — моя компетенция.

У Президента, как у любого нормального руководящего лица этого уровня, имелся собственный, «внутренний», так сказать, «кабинет». Или — «Совет безопасности», ни в каких законах и уложениях не прописанный. Тесный круг личных друзей, заведомо не связанных ни с какими другими структурами отношениями финансовыми или политическими. Чем Президент втайне гордился. Не каждому правителю удаётся подобным образом *подкрепить* собственную должность.

Сталин, неожиданно часто приходящий сегодня на память, первым делом избавился от всех людей, знавших его в предыдущем качестве, имевших моральное или какое-то другое право считать его «обычным человеком», с которым можно говорить на «ты», знать и помнить слова и поступки из совершенно другой реальности. В качестве каприза тиран мог позволить кое-

кому из них жить, иногда даже неплохо, но всё равно — это была жизнь канатоходца на проволоке. Нет, не так, намного хуже. Что канатоходцу? Прошёл — не прошёл, упал — не упал, что заработал, то и заработал.

А вот если ты фактически первое, как Калинин, или второе, как Молотов, лицо в государстве, и всего лишь партийный секретарь, легитимной власти не имеющий, сажает твою жену (у обоих, кстати) в тюрьму на «десятку строгого». Твои действия?

Ты униженно кланяешься и соглашаешься. Вождь ведь оставляет тебя при должности и всех привилегиях, и ты это принимаешь. Иногда плачешь, как слабак Калинин, чугунно крепишься, как Вячеслав Михайлович. Посылки женам отправляете, а они, бывает, «не доходят» по причине «естественных почтовых трудностей» и «недоработок органов на местах». А ты служишь, «наступив на горло»... Чему, интересно? Маяковский — «собственной песне», а тысячи ближних слуг режима? Загадка истории или просто — психологии?

Казалось бы, на месте того же Молотова или начальника охраны Власика — пусть не золотой табакеркой, мраморной пепельницей в висок товарищу Сталину или из пистолета в лоб. И тут же по телефону объявляй о «постигшей нас невосполнимой утрате» и о том, что, несмотря ни на что, партия ещё выше поднимет знамя и ещё теснее сплотится...

Обдумывая следующий день, Президент очень много рефлексировал. Нормальная интеллигентская привычка, лишь бы она не заходила слишком далеко. Всегда есть рубеж, где надо переходить к действиям.

Не погружаясь ниже времён Петра Великого, соотносил текущие обстоятельства с опытом предшественников. Разница оказывалась исчезающе мала, если не обращать внимания на вполне несущественный анту-

раж. И проблемы стоят перед Державой одни и те же, и способов их решения за пределами ранее использованных трудно придумать.

Президент, никак этого не афишируя, с момента прихода к власти свой идеал правителя (с поправкой на время, естественно) видел, скорее всего, в Николае Первом. Этот Государь, будучи очень интеллигентным и мягким от природы, по крайней необходимости санкционировал казнь всего лишь пяти главных «декабристов», и этого оказалось достаточно. Больше никаких заговоров и беспорядков в его правление не случалось. Вдобавок царь имел высшее инженерное, а не среднее военное, как другие самодержцы, образование, и все тридцать лет своего правления с утра до вечера работал, рассматривал и подписывал бумаги, путешествовал по стране, учил искусству управления своего наследника. И, что самое важное, не отдавался на волю бюрократии, предпочитая окончательные решения принимать самому. А чтобы держать собственную «вертикаль власти» под неусыпным контролем, были у него верные, без лести преданные друзья — Бенкендорф и Аракчеев, впоследствии незаслуженно ославленные, как и сам царь, либеральными историками.

Точно так и Президент: уже на подходах к должности он понял, что и как бы ни складывалось, близкие друзья у него останутся, причём останутся в прежнем качестве. Их было не так много, но каждый — только и именно друг. Не желающий извлечь какие-то дивиденды из прошлого, не стремящийся к постам и власти, не настроенный обогащаться сверх некоторого, довольно скромного уровня, позволяющего определённый комфорт и независимость, но и не более того.

Исходя из личных качеств каждого, он предложил им государственные должности, внешне не слишком заметные, но с серьёзным «потенциалом влияния», особенно при согласованных действиях. Своеобразный «серый кабинет» во главе с «серым» же «кардина-

лом». Одни согласились, другие под разными предлогами отказались от официального статуса. Но при этом выразили готовность в случае необходимости помочь взлетевшему на вершину власти другу «словом и делом», «без гнева и пристрастия».

Пока что необходимости использовать эту структуру в полном объеме её возможностей у Президента не возникало, разве что примерно раз в месяц встречались в переменном составе неофициально, для обсуждения отдельных ситуаций, по которым у него не складывалось сразу собственного мнения. Но теперь он решил, что критический момент наступил. Доводить до сведения посторонних полученную информацию и суть непонятных, но уже вызвавших нервность и напряжение в президентском окружении, правительстве и бизнес-сообществе событий он пока не считал нужным. Если всё же имеет место невероятно тонкая мистификация — стань она достоянием гласности, он рискует как минимум авторитетом в условиях и так достаточно нестабильной политической обстановки. Но если происходящее — правда, выпускать из рук сведения, способные перевернуть всё мироустройство, — та самая ошибка, которая хуже преступления.

Зато обсудить положение, в котором он (а точнее — все они) оказался, с близкими друзьями и выработать с их помощью линию поведения для следующей встречи с представительницей «Комитета по защите реальности» (надо же такое придумать!) — в самый раз. В его личную честность они поверят, никаких сомнений, а вот как истолковать случившееся и какие действия предпринять — станет ясно в ходе «мозгового штурма». Подобным образом у них было принято действовать со студенческих времен.

Президент не верил в способность «пришельцев» — так он для простоты продолжал называть «Александра» и «Сильвию» — контролировать все существую-

щие каналы информации и даже заглядывать в близкое будущее. Если бы это было так — какая необходимость им назначать личные встречи? И без них узнали бы всё, что интересует...

Но, как известно, бережёного бог бережёт.

Один из друзей негласно курировал Службу охраны, он и обеспечил прикрытие отъезда Президента на одну из редко используемых дач, «Охотничий домик» в двух сотнях километров к северо-западу от Москвы. Подготовил сопровождение и группу обслуживания из абсолютно надёжных людей. Прочие участники «тайной вечера» добирались на место самостоятельно, разными маршрутами, будто вообразив себя персонажами давно прочитанных «шпионских романов». Предосторожность, скорее всего, совершенно излишняя, по своему статусу эти люди никак не могли находиться под постоянным и плотным наблюдением собственных или чужих спецслужб, но... Кто же на самом деле всю правду знает?

К вечеру первого из трёх отпущенных на размышления дней на даче, надёжно отгороженной от внешнего мира десятком километров труднопроходимой лесной чащи, болотами и четырехметровым забором, снабженным всеми современными средствами охраны и обороны, собрались все приглашённые. Удивлённые не тем, что их вдруг собрали, а тем, что это не случилось намного раньше. Поводов хватало. А тут неожиданно, без предварительных разговоров — и всех сразу!

На всякий случай из гостевого помещения были убраны телевизоры, компьютеры и прочие электронные устройства. Электропитание отключено, комнаты освещались многочисленными восковыми свечами. Президент внутренне посмеивался, но не мог не признать, что чем-то происходящее ему даже нравится. Словно

перенёсся в девятнадцатый век или просто времена своей юности.

Это тоже послужило темой для предварительного обмена мнениями. Лёгкого, раскованного, ироничного, словно все присутствуют здесь в прежнем, давно прошедших времен качестве.

— Тогда уж надо было и о дресс-коде позаботиться, — полушутливо сказал товарищ, в своё время талантливый журналист, согласившийся возглавить группу президентских спичрайтеров и заодно — консультант по вопросам взаимодействия со средствами массовой информации. — Приодеться в соответствующем стиле. У нас сегодня что — чей-нибудь день рождения? — Он обвёл глазами присутствующих. — Прошу прощения, если вдруг запамятовал. Служба протокола недорабатывает?

— Нет-нет, с памятью у тебя всё в порядке, — улыбаясь, ответил Президент. — Никаких достопамятных дат, вообще ничего торжественного. Просто вот захотелось пообщаться, как встарь, за столом посидеть без посторонних, а то и пулечку-другую расписать. Государь-императоры не стеснялись, помимо государственных дел, и в картишки перекинуться, в домино даже. А мы уж больно в официозах погрязли. Вот давайте попробуем. Никакого двадцать первого века за бортом, вообще ничего за пределами ограды. Хоть на сутки. Согласны?

Возражений не поступило, хотя ни один из присутствующих не поверил в столь простое и будто бы естественное объяснение. Не то время и не тот человек Президент. Не говоря о прочем, каждый по своим каналам кое-что знал о событиях последних дней и каждый по-своему случившееся осмысливал и трактовал. Ребята все были с неограниченным доступом к всяким разным источникам, умеющие думать о вещах, далеко выходящих за пределы непосредственных обязанно-

стей, с использованием исторических прецедентов «от Ромула до наших дней», как писал Пушкин.

Но если «первый среди равных» желает обозначить встречу таким именно образом — кто же будет возражать? Даже интересно, каким образом он, в конце концов, перейдёт к сути дела.

Часа полтора прошло в общих разговорах, касающихся не столько настоящего, как прошлого. От воспоминаний о лыжных походах по Кольскому полуострову и сплавах на катамаранах по алтайским рекам до споров, кто и где именно сыграл «девятерную без трёх».

Даже ужин Президент распорядился подать в старых традициях. Никаких изысков, исключительно то, что было доступно, пусть чисто теоретически, в студенческие годы.

И только когда совсем потемнел небосвод над кронами мачтовых сосен, заметно раскачиваемых западным, сулящим дождь ветром, хозяин застолья, добившись нужного, по его мнению, настроения компании, заговорил о главном.

Его рассказ, разумеется, произвёл впечатление на собравшихся. Все они люди эрудированные, независимо от образования, у кого гуманитарного, у кого технического, были, что называется, «книжными мальчиками», то есть как научились читать в пять-шесть лет, так и до сих пор читали всё, что казалось интересным или заслуживало внимания с точки зрения своих референтных групп. Знатоки фантастики немедленно начали вспоминать названия произведений и фамилии авторов, за последние полвека так или иначе затрагивавших подобную тему. При этом, как и предполагал Президент, в правдивости его слов никто не усомнился. Не принято было в их кругу путать розыгрыши с серьёзными делами. Что допустимо в студенческих компаниях, никак не уместно на нынешнем уровне. Сколь

бы свободомыслящими, без лишнего пиетета относящимися к феномену «высшей государственной власти» личностями ни были здесь присутствующие, степень ответственности своего друга за каждое сказанное слово они представляли вполне.

Некоторый момент ошеломлённости и даже растерянности, безусловно, присутствовал. Так любой образованный человек с детских лет вполне разделяет идею Джордано Бруно о множественности обитаемых миров, но наверняка испытает вполне понятный культуршок при личной встрече с инопланетянами. Только в фантастических романах эта встреча обычно переносится героями легче, чем можно вообразить «на почве строгого реализма».

Впрочем, скорее всего, рассуждения о «культуро-» или «футурошоке» можно отнести к разряду очередного интеллигентского алармизма, поскольку весь опыт человечества свидетельствует, что психика хомо сапиенс пластична почти до бесконечности. Ни одно доньше известное техническое изобретение, ни один социальный катаклизм не производили слишком уж сильного впечатления на отдельных личностей и уж тем более на социумы. Хоть изобретение пулемёта или аэроплана, хоть революция масштаба французской или февральской/октябрьской воспринимались подавляющим большинством современников достаточно адекватно, нередко — просто безразлично. Можно сказать — мечты о невероятном вызывали более сильные эмоции, чем их реализация.

Вот и сейчас, после краткого момента осмысления услышанного, сопровождавшегося всеми положенными в подобном случае реакциями, а затем и уточняющими вопросами, отражающими степень заинтересованности каждого теми или иными аспектами ситуации, разговор перешёл в конструктивное русло.

Техническая сторона вопроса единогласно была вы-

ведена за скобки. За недостатком достоверных сведений обсуждать тут было нечего. Имеет здесь место факт внепространственного канала связи, «прокола римановой складки» или чего-то другого — никакой разницы. Точно так же, как абсолютно неважно, каким образом функционирует ноутбук — устройство гораздо более непредставимое с точки зрения середины XX века, когда уже появились ЭВМ размером с железнодорожный вагон.

— Таким образом, что же мы имеем? — спросил руководитель аналитического управления администрации, доктор философии, защитивший диссертацию в тридцать пять лет — в те годы, когда практического смысла в этом было не больше, чем в коллекционировании бабочек. — Некие гении изобрели устройство, дающее реальную возможность *абсолютной* власти над миром, — слово «абсолютной» он по профессорской привычке отчётливо выделил интонацией. — И вместо того чтобы использовать его так, как предпочло бы девяносто процентов «разумных людей», они начали с попытки заставить тебя «должным образом исполнять свои обязанности»? Нонсенс!

— А себя ты относишь к девяноста процентам или?.. — спросил Президент. Ему вдруг стало удивительно легко на душе. Будто бы вот, как в те времена, когда приходилось подрабатывать на станции разгрузкой вагонов: сбросил очередной мешок, и можно посидеть, перекурить в тени пакгауза.

— О присутствующих пока не будем, — возразил Философ. — Мы говорим о наиболее общих законах...

— Бытия и мышления, — продолжил Журналист. Удобно вытянулся в кресле, повертел перед глазами пузатым бокалом с ароматным, медового оттенка хересом. — Генерал Корнилов, помнится, вопреки этим самым законам отправился в ледяную степь с винтовкой

и вещмешком сухарей и патронов. Россию спасать. А мог бы и чем попроще заняться...

— Твои взгляды мы знаем, но сейчас несколько другой момент...

— Брэк, — пресёк готовый затеяться спор Президент. — Хотя и брэйнсторминг¹ у нас, но не до такой же степени. Продолжай, — предложил он Философу.

— Чего тут особенно продолжать? Если девяносто процентов людей немедленно занялись бы личным обогащением, а не... То априори можно считать, что вероятность, будто твои «Александр» и «Сильвия» руководствуются «возвышенной идеей», в любом случае не может превышать десяти процентов.

— Вероятность того, что средний выпускник очень средней школы понял всё, чему его учили, а тем более умеет применять полученные знания на практике, тоже не превышает десяти процентов, — то ли согласился, то ли возразил Юрист, исполнявший при Президенте роль «адвоката дьявола», то есть рассматривавший проект любого документа, готовящегося в президентской администрации с точки зрения — в чём его возможный вред, отнюдь не польза.

— Значит, ты считаешь, что этим «персонам» следует верить?

— Не имею достаточных оснований. Послушаем, что наш «товарищ крот» скажет.

Эти слова относились к самому молодому из всех, работавшему на малозаметной, хотя и генеральской должности, но позволявшей быть в курсе всех, даже сверхсекретных, документов, проходивших через внешние и внутренние компьютерные сети МГБ, МВД и ряда учреждений подобного типа.

— Во всём, что касается моей сферы ответственности — верить стоит почти безусловно. Я внимательно

¹ Брэйнсторминг — мозговой штурм (англ.).

слушал и вспоминал. Очень многие ранее непонятные факты теперь выстраиваются оригинальным, удивительно непротиворечивым образом. В том числе касающиеся так называемой «Чёрной метки».

— Что же ты раньше мне не говорил? — с долей обиды в голосе спросил Президент.

— А о чём? Мало ли легенд, слухов, намёков всегда ходит в наших *специфических сообществах*? Конспирология, братцы, это дело такое... Любое непонятное событие «простецы» склонны толковать самым невероятным и в то же время убедительным (для себя и подобных) образом. И что ж, твоё высочайшее внимание на каждый чих обращать? Сейчас другое дело, раз уже всё случилось, можно вплотную заняться анализом «теории невероятности»...

— Если позволят, — с весёлой, не по случаю, улыбкой сказал Литератор. Абсолютно «несистемный» человек, уже лет двадцать с лишним назад развлекавший друзей своими рукописными «романами» на темы альтернативной истории. Тогда эти упражнения, попади они в поле зрения КГБ, грозили нешуточным сроком, а сейчас неплохо кормили да заодно позволяли выступать, независимо от настроения, то защитником существующего режима, то его непримиримым оппонентом. Но в целом Литератор стоял на позициях «просвещённого монархизма» и постоянно доказывал, в основном ориентируясь на молодёжь, пагубность для России иного другого способа правления. Его книги были весьма популярны, но необъяснимым образом вызывали отчётливую неприязнь у критиков всего спектра, от крайне правых до крайне левых.

— Мне отчего-то кажется, что за нами и сейчас наблюдают, несмотря на все меры предосторожности. Слушают, смотрят, делают выводы...

— Паранойя? — спросил Философ.

— Отчего же? Если принимать слова «защитников»

всерьёз, это вполне в их стиле и их возможностях. Но — неважно. В любом случае они нас воспринимают адекватно, раз вышли на контакт и сделали известные предложения. Если даже не слушают сейчас, так ничего им не стоит смоделировать нашу беседу и наши реакции. Я бы и то смог...

— Тогда о чём речь? — спросил Философ.

— О том же самом. Их заявленная позиция лично мне близка. На их месте я действовал бы примерно так же. И совершенно нелицемерно говорил бы при встрече то, что говорю сейчас. Следует принять предложенное сотрудничество. И к какому бы решению мы сейчас ни пришли, оно не должно расходиться с тем, что ты станешь говорить при личной встрече, — это относилось к Президенту. — Хорошо бы и нам в ней поучаствовать...

— Никаких возражений. Мне предложено госпожой Сильвией пригласить на следующую встречу советников, экспертов, специалистов, — ответил тот.

— Так давайте все и пойдём, — с энтузиазмом произнёс Литератор. — Пусть они даже заранее узнают о нашей позиции на переговорах. Что нам скрывать? Мы согласны на сотрудничество в принципе, а детали можно уточнять. Цель ведь, в итоге, у нас одна...

— Ну-ка, ну-ка, — оживился Философ. — Похоже, ты наживку уже проглотил. Наконец у тебя обозначились союзники, способные реализовать твои «фантазмы»...

— И слава богу. Раз собственных силёнок не хватает, чтобы в стране порядок навести, так, глядишь, варяги помогут...

— «Варяги без приглашения», — вспомнил название очень давней книги Журналист. — Не боишься?

— Мне-то чего бояться? Как вытекает из сказанного, «желающего судьба ведёт, нежелающего тащит». Если всё, о чём мы сейчас рассуждаем, — блеф, нет ос-

нований для рефлексий. Подумаешь — невинный розыгрыш. Если правда — они сделают как хотят. С нами или без нас. Но лучше с нами. Возражения принимаются...

— По сути — нет. Возражение только одно. Все идеи насчёт розыгрыша, моего внезапного сумасшествия, наведённой на всех присутствующих галлюцинации предлагаю оставить как непродуктивные. В случае чего — меня одного или всех нас доставят куда нужно и станут лечить. Исходя не из последних достижений медицины, а из текущей политической целесообразности, — жёстко сказал Президент. — Это всем понятно?

Выдержал паузу, ожидая реакции. За столом молчали, осмысливая его слова. А ведь действительно, постепенно начало доходить до присутствующих — это совсем не дружеская болтовня в начале уик-энда. Это более чем серьёзно: поворотный пункт если не в судьбах мировой цивилизации, то в их личных — точно. Удивительно, что сразу этого не поняли. Возможно, оттого, что слишком велика была инерция представления, будто «прошло уже время ужасных чудес». В широком смысле этого постулата.

— Хотелось бы уточнить, что ты понимаешь под «куда нужно»? Поконкретней бы, — осведомился Литератор.

Президент усмехнулся едва заметно.

— В случае нашего неправильного решения это не будет иметь принципиального значения. Шлиссельбург, кремлёвские подвалы или комфортабельные апартаменты в каком-нибудь другом мире. Уголок в яме для «невостребованных прахов» тоже не исключается.

— А ведь он прав, ребята, — сказал наконец Философ.

— Не зря ведь — вождь...

— Хорошо хоть — не «учитель», — кивнул Президент. — Итак?

★

Кое-как собрав разбегающиеся мысли, перешли к конструктивному обсуждению «предложенных обстоятельств».

Литератор подтвердил, что он принципиально согласен с данной «Александром» оценкой положения в стране и позиции Президента.

— Слишком мы все заморочились на пресловутой «стабильности», «поступательном развитии» и «общеевропейских ценностях». Сколько раз я уже спорил с вами на эти темы, и что? Получается, что я таки был больше прав. Чем вы...

— Сократическая школа, — кивнул Философ. — Преимущество софистики и интуитивного знания перед рациональным. Вся беда в том, что практикам приходится руководствоваться гораздо более вескими основаниями, чем интуиция одного человека, хотя бы и наделённого не только острым умом, но и ясновидением...

— «Но ясновидцев, впрочем, как и очевидцев, во все века сжигали люди на кострах», — согласился Литератор. — А настоящая беда в том, что «власть предрежащие», за редким исключением, остерегаются доверять собственной фантазии и интуиции. Тебе ведь на самом деле кажется, — обратился он непосредственно к Президенту, — что существует некий набор политических и экономических факторов, обозначающий для тебя «коридор возможностей», вроде как фарватер через минное поле. И ты не то чтобы боишься с него свернуть, ты просто находишься в плену догм и предрассудков. «Волки знают — нельзя за флажки».

— Интересно, как бы ты повёл себя на моем месте? — усмехнулся в ответ Президент. — Насколько мы все знаем, ты всегда, с комсомольских времён, открещивался от любой реальной, самостоятельной работы...

— Именно. Чем чище погон, тем чище совесть. Кроме того, для руководящей работы, что в СССР, что сейчас, нужен набор личностных качеств, которых я пол-

ностью лишён. В подробности вдаваться не будем, неподходящий момент, да вы их и так знаете. Но ты-то наделён ими в достаточной мере. Следовательно, вопрос лишь в том, чтобы верно уловить момент, когда и какие из них следует пустить в ход, не ограничиваясь в средствах. Нравственно всё, что ведёт к достижению цели. Была бы цель достойной... — Литератор произвольно начал впадать в назидательный тон, больно уж момент был провоцирующий.

— А кто это вправе определять? — осведомился Президент.

— В данном случае — ты, если уж наделён мандатом и облечён доверием. Я во многом согласен с твоими «собеседниками», «защитниками реальности». Ситуация с этой самой реальностью действительно непростая и требует неординарных мер. «Александр» упомянул про «синдром Павла Первого». Доля истины в его словах есть. Ты ведь действительно имеешь в виду... Пусть не табакерку в висок и шёлковый шарфик, но что-то вроде «бунта элит», переходящего в «последнюю и окончательную» российскую смуту. А «защитники» — не боятся. Иван Грозный не боялся, ввёл, когда счёл нужным, опричнину, Пётр, Александр Третий, Сталин, наконец... Да и Ельцин, уже на наших глазах. — В ответ на протестующий возглас одного из друзей Литератор примиряюще улыбнулся: — Только не будем о нравственных оценках. Для каждого времени они свои. Атомную бомбардировку Хиросимы большинство граждан антигитлеровской коалиции восприняли с чувством глубокого удовлетворения. Как в то же время мир рукоплескал победам Красной Армии. Через недолгое время точки зрения на указанные события кардинально поменялись. То же касается и всего остального. Часовой на посту стреляет без предупреждения по нарушителю охраняемой территории и получает награду, не вникая в обстоятельства и лич-

ность убитого. Но одновременно казнь по суду безусловного преступника вызывает такие протесты, что фактически отменена в «цивилизованных странах». А американцы плевать на мнение «общечеловеков» хотели, прошу заметить, и проводят «санитарные чистки» и у себя дома, и за его пределами, везде, где можно это делать безнаказанно...

— Мы, кажется, отвлеклись, — сказал Философ.

— Отнюдь, — не согласился Литератор. — Я подвожу вас к мысли, что позиция «защитников» пусть и несколько прямолинейна, но зато рациональна. Если у нас с вами есть какие-то цели и идеалы, нужно проводить их в жизнь решительно и бескомпромиссно. Или бросить вёсла и... Куда вынесет. Одним словом, я за то, чтобы принять помощь кандидатов в союзники. Лучше всего после переговоров создать какой-то совместный координирующий орган. Другого выхода я просто не вижу. Иначе, не исключаяю, могу пойти на личную унию с этими ребятами. Если позовут...

Сказано было так, чтобы присутствующим стало ясно — хоть и шутит товарищ, но не так уж и шутит.

— Стоп, — пресёк слишком длинный монолог товарища Президент. — Брэйнсторминг так брэйнсторминг. Твоя позиция ясна. Кто присоединяется?

С теми или иными оговорками позицию Литератора разделило незначительное, но большинство. Категорически против были Финансист, Юрист и, что показалось удивительным, Контрразведчик. Резоны двух первых были ясны и во многом совпадали с точкой зрения Президента. Угроза краха кое-как отлаженной экономической системы, серьёзные проблемы с важнейшими зарубежными партнёрами, почти тотальный слом всей правоохранительной и правоприменительной системы и полная неясность, что удастся выстроить взамен и удастся ли вообще хоть что-нибудь при ны-

нешнем внутреннем и международном положении. Запаса прочности у страны почти не осталось.

Но вот Контрразведчик... Казалось бы, ему следовало обеими руками ухватиться за предложение «комитета». Неограниченные ведь возможности открываются.

Президент так и спросил.

— Ребята правы, — ответил тот. — С запасом прочности у нас плохо. Зато имеется масса желающих организовать десяток «цветных революций» сразу. И технически это не такая уж сложная задача. Особенно если и «друзья» захотят сыграть на этом поле. Ты ведь об этом тоже думал, признайся.

Немедленно вставил очередное слово Философ:

— Коллега просто боится конкуренции. С теми методиками, что якобы доступны «защитникам», ему и его структурам, как бы он лично к ним ни относился, в новых условиях светят только вторые, а то и третьи роли — мальчиков на подхвате и на побегушках. Вдобавок все наши разведки и контрразведки сами станут объектами наблюдения и разработок. Я правильно понял?

— И это правильно, — не стал кривить душой тот. — Такой «союз» непременно низведет нас до роли марионеток. Нам всем будут что-то сначала подсказывать, потом рекомендовать и, в конце концов, просто предписывать. И самостоятельности у нас в итоге не останется никакой, и способов противостоять давлению — тоже.

— А сейчас они есть? — осведомился Литератор. Казалось, ему диспут доставляет истинное удовольствие. Да так оно и было. Он оказался в своей стихии: всё, что раньше представлялось лишь играми разума его самого и «собратьев по перу», сейчас явилось совсем в ином свете. Будто бы богослов вдруг наяву встретился с объектами своей схоластической деятельности. И всем стало абсолютно ясно: нет больше у него другой

цели, как вступить в личный контакт с «защитниками», по воле Президента или вопреки ей.

— Кто это может знать? — неохотно вымолвил Контрразведчик. — Демонстрация, на твой взгляд, выглядела убедительно, не спорю, — обратился он к Президенту. — Но что, если это была именно демонстрация, на пределе их возможностей? Предположим, их прибор способен только на то, что он изобразил. Прямой контакт через телеэкран, перенос некоторой материальной массы на километры, а может быть, всего лишь на метры. Мы ведь не знаем, откуда велась передача. То же и с якобы «жертвами». Достаточно простой фокус — замотивировать нужным образом уже случившиеся события. Шерлок Холмс демонстрирует чудеса дедукции, называет имя и адрес преступника, описывает внешность, все повергнуты в шок и восхищение, а он всего лишь нашёл на месте преступления впопыхах оброненный паспорт. То же и их «аппаратуры» касается. Пусть она действительно есть, но в настоящее время — как винчестер без патронов. Только что стрелял и произвёл фурор, а что перезарядить его нечем — никто вообразить не может.

— И это не лишено. Тем больше оснований согласиться на предложенную встречу. Так что давайте как следует к ней подготовимся, исходя из любых мыслимых вариантов. Это для вас с Философом задача, — предложил он Литератору, — спрогнозировать ходы партнёров, — прекратил Президент дискуссию. — Прочие подготовят соображения каждый в своей области.

А Контрразведчику он поручил озаботиться мерами обеспечения безопасности, исходя из максимума возможностей «защитников».

— Если из «максимума» — вообще ничего делать не надо, — ответил тот. — В таком варианте мы перед ними бессильны. Если блефуют — тем более бояться не-

чего. А вот меры безопасности против чересчур любопытных «своих» я безусловно приму, надёжнейшие из возможных.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Ляхов-Секонд так до сих пор и не получил обещанные Императором «под настроение» за организацию романтической встречи с Сильвией и идею «Мальтийского креста» генерал-адъютантские погоны. Через несколько дней Олег Константинович как бы между прочим заметил, что он своих слов не забывает, но сначала — результат, награды — позже. Вадим и сам не особенно надеялся, учитывая свой неприлично молодой для генеральства возраст. Но всё равно было немножко обидно, пусть на самодержцев и не принято обижаться. «Над жизнью я своих людишек волен, и над смертью тоже», — как любил выражаться Иван Грозный.

Грешным делом, Вадим считал, что в его карьерной неудаче косвенно виновата именно Сильвия. Согласись она ещё дня три-четыре поиграть с государем во всепоглощающую страсть, заданного в подходящий момент вопроса: «А что это наш конфидент до сих пор в прежнем чине ходит?» — хватило бы.

Карьеристом в обычном смысле Вадим не был, велика ли разница для рыцаря «Братства», какие аксессуары украшают его в один из преходящих моментов? Но для пользы этого же «Братства» его генерал-адъютантский чин предоставлял значительно большие возможности, без сомнения.

Игра Сильвии тоже была ему не совсем понятна — отчего она вдруг резко прервала так удачно им построенную связь с Императором. Женщине её характера и морали не всё ли равно, одну ночь провести в чужой постели или «сколько потребуется»? Сам он с

юных лет считал, что понятие «измена» количественному измерению не поддаётся. Что в любви, что на войне. Если «старшая сестра» изменила нынешнему мужу единожды, то, не рискуя больше повредить своей «чести», могла бы делать это и далее, в меру необходимости.

И тут же сам себя одёрнул — не его дело рассуждать и оценивать поступки людей иного уровня и иной культуры. Если Сильвия поступила именно так, значит, имела к тому основания. Со своими бы делами разобратся.

Он вплотную занимался порученным делом, как вдруг поступило новое задание — в трёхдневный срок подготовить необходимые обоснования по «Мальтийскому кресту» для намеченной личной встречи Императора с Президентом Российской Федерации.

Ничего особо сложного, если бы не сам предмет переговоров. Если говорить без обиняков, то подразумевалась неслыханная в истории акция — фактическая аннексия независимого государства самим же собой, но выступающим в другой ипостаси. Как если бы богословам предложили рассмотреть практическую возможность слияния «живоначальной Троицы» в единую личность. При всей их «нераздельности и неслиянности».

Увлёкшись идеей «Креста» как чисто военной задачей, способом обеспечить Россию несокрушимым тылом и стратегическими ресурсами на случай грядущей европейской или мировой войны, он упустил из виду политический аспект. С некоторым опозданием вспомнил, что нации, а уж тем более такие, как русская, крайне болезненно относятся к малейшим попыткам ущемления своего суверенитета.

Впрочем, пришла следующая мысль: собственно высокая политика — не его уровня проблема. Он должен

дать в руки Императору инструмент для её проведения, всего лишь, а уж как он им распорядится...

Всего за три отведённых дня нужно было успеть собрать подходящих людей из числа «пересветов», наилучшим образом подготовленных дипломатически, свободно владеющих необходимыми статистическими, демографическими, военно-экономическими данными, разъяснить им смысл задания и снабдить нужной информацией о реальном положении дел на «сопредельной стороне». Чтобы могли без запинки играть на сопоставлении потенциалов, крыть доводы собеседников цифрами, историческими примерами и политическими аналогиями.

То есть работать экспертам пришлось в условиях жесточайшего цейтнота, как в условиях внезапно вспыхнувшей и неудачно развивающейся войны с малозначимым противником.

Здесь очень к месту пришёлся Федор Ферзен, обладавший всеми необходимыми качествами как раз для такой деятельности. Он очень хорошо проявил себя в польской кампании и при ликвидации «московского инцидента», где успел познакомиться, пусть и поверхностно, с положением дел в стане предполагаемого «союзника». Да и не просто союзника.

В последний перед днём судьбоносных переговоров вечер Вадим, в принципе довольный результатами работы своего «полевого штаба», пригласил Фёдора Фёдоровича посидеть с ним в том самом «извозчиьем трактире» напротив храма Христа Спасителя, где состоялась их первая беседа после поступления Ляхова в Академию¹.

Тогда у них состоялся интересный разговор. Ферзен на семинаре по истории высказал мнение, что нынешнее государственное устройство и само послереволю-

¹ См. роман «Дырка для ордена».

★

ционное существование России не соответствует основным принципам геополитики и даже «здравого смысла» в широком понимании. Проще говоря, тогдашний подполковник самостоятельно пришёл к выводу, что окружающая его реальность является в определённом смысле «химической». До тонкостей хронофизики и истинного устройства мироздания он, конечно, не додумался, но суть ухватил верно. Проанализировал все доступные ему источники и пришёл к выводу, что по всем предпосылкам и политико-психологическим раскладам в гражданской войне должны были победить большевики и установить свой «социализм». «Белые» не могли выиграть, при всей своей отваге и тактическом превосходстве, без полномасштабной интервенции вооружённых сил Антанты.

Этот вариант показался Ляхову довольно любопытным, как опытному шахматисту — неожиданный ход в давно известной, канонической партии. Тогда Ляхов ещё не читал соответствующих трудов из «параллели», не был знаком с деятельностью Шульгина на испанской гражданской войне 1936 — 39 годов. Иначе восхитился бы проницательности Ферзена, столь чётко реконструировавшего неизвестный ему «исторический симулякр», как некогда Кювье, наловчившийся восстанавливать полный облик динозавров по одной-единственной кости.

Сейчас, по прошествии достаточно долгого времени, они снова сидели за тем же столиком, даже заказали, кажется, то же самое.

— Ну вот, Фёдор Фёдорович, вы завтра, наконец, сможете наяву увидеть результаты того самого коммунистического «эксперимента». Всё у них *там* случилось совершенно так, как вы предположили. Я до нашей встречи понятия не имел ни о каких «параллельных реальностях», не мог и вообразить возможности их физического существования. Преклоняюсь перед

изошрённостью вашего воображения и полётом фантазии...

— А не расскажете, если не секрет, как вам удалось в моей правоте убедиться? — спросил барон, поднимая зеленоватую гранёную рюмку. — О ваших приключениях в «боковом времени» все, кому положено, знают, а вот насчёт «прямого»? С самого начала...

— Некогда, Фёдор Фёдорович. Слишком долгий рассказ бы получился. А если в двух словах — не более чем слепой случай. Попал я необъяснимым до сих пор образом на перекрёсток времён, выжил, несмотря на крайнюю маловероятность такого события, и, более того, привлёк внимание людей, умеющих ходить по трёх- и более мерным мирам, как мы с вами циркулем и курвиметром по топографической карте. «Боковое время», что вы упомянули, для них такая же частность, как физика Ньютона в сравнении с Единой теорией поля, которую никто до сих пор не создал. А «другая Россия» — вместе с нашей, заметьте — две рядом очутившиеся раковины на морском берегу...

Ферзен покрутил головой, будто воротник кителя стал ему внезапно тесен, хмыкнул непонятно в адрес какого высказывания Ляхова, предложил для успокоения выпить ещё по рюмке.

— Большой, — уточнил он.

— Да вы сами скоро всё своими глазами увидите, — продолжил Вадим. — И мир этот увидите, и людей. Раньше я не имел права говорить, но теперь уже можно. Вместе с нами на переговоры пойдёт лично Его Величество, и встреча состоится на *той* стороне.

— Ух ты! — Ферзен удивился, но не очень. Естественно, что первое лицо непременно должно скреплять своей подписью и рукопожатием акты государственного значения, однако барон считал, что непосредственная встреча вождей состоится на заключительном этапе, когда все принципиальные договоренности будут достигнуты. — Не слишком ли рискованно?

— То есть? Риска гарантированно никакого, это мы обеспечим...

— Не в том смысле. Представим, что переговоры закончатся неудачей. Это какой же урон самолюбию Государя! Зная его характер, можно ожидать вспышки неконтролируемых эмоций с самыми серьёзными последствиями...

— Ну, зачем этот пессимизм, Фёдор! Государь гораздо более здравомыслящий человек, чем это моментами представляется. Эксцессов не будет. Прежде всего потому, что лично я неудачу просто исключаю.

— Отчего же вдруг? — хитровато прищурился генштабист. — Если я правильно мыслю, подразумевается ведь самая банальная аннексия «дружественного государства», пусть и обставленная как братская помощь без малейшего посягательства на суверенитет...

Ферзен почти дословно повторил недавнюю оценку предстоящего самим Ляховым. Что ещё раз подтверждало — не зря они так легко и быстро нашли друг друга на первом курсе Академии.

— Вот этого я и опасаясь, — серьёзно сказал Вадим. — Что подобная гипотеза придёт в голову и нашим партнёрам. Навредить сильно она не сможет, слишком легко опровергается и логическими доводами, и текстом договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который мы намерены предложить. Но осадочек может остаться, не спорю. Если противники соглашения грамотно разыграют эту карту, переговоры могут осложниться. Поэтому (для чего, собственно, я вас и пригласил) следует прямо здесь обсудить все возможные контрдоводы и гарантии, чтобы сразу пресечь любые выпады переговорщиков с той стороны в этом направлении. Там люди не глупее нас с вами соберутся. Вы знаете, в той реальности, куда мы завтра отправимся, имел место близкий по смыслу сюжет. В тридцать восьмом году Австрия, как и сейчас, была

независимым государством, только ещё меньшим территориально. Союзники по Версальскому договору обстрогали её по самое некуда. А Германия как раз набирала силу и решила братскую Австрию присоединить в качестве обычной провинции Остмарк. Так самое интересное — более восьмидесяти процентов населения были «за». Аншлюс прошёл гладко. Антанта не возразила. Правда, канцлера Дольфуса, сторонника независимости, пришлось убить, но это на ход событий никак не повлияло. Правда, потом австриякам пришлось опять воевать на стороне Германии против Антанты, и конец был аналогичный, так это ж потом...

— Завидую вам, Вадим Петрович. Мало, что у нас в отличниках числитесь, так и историю параллельных миров назубок. Я бы тоже книги *оптуга* почитал...

— Закончим дело, назначим вас старшим военным советником при тамошнем начальнике Генштаба. Вот уж начитаетесь... — как бы в шутку, но и с вполне прозрачным намёком сказал Ляхов, действительно считая, что вариант этот вполне приемлемый. В бывшей Советской, а ныне Российской армии давненько *природных русских немцев* на высоких постах не бывало. После умершего в 1950 году в тюрьме адмирала Галлера — кажется, ни одного. А зря. Как раз на штабной работе немцы себя хорошо зарекомендовали.

Ферзен намёк пропустил мимо ушей.

— Из ваших слов следует, что вы всё же считаете, несмотря на все гарантии, австрийский вариант вполне вероятным?

— Убивать их Президента точно не будем. А в остальном — отчего же нет? — удивился Ляхов. — Конвергенция почти неизбежна, без всякого насилия. Чтобы не утомлять вас плохой школьной латынью, скажу по-русски: «Благо народа — высший закон!» Мы и «лучшие люди» с той стороны настроены одинаково, я надеюсь. Мало кто упрётся исключительно из «чистых

★ принципов». А что каждый свои идеалы и интересы станет отстаивать жёстко — нет сомнений. Наменять на грош пятаков в России всегда стремились, независимо из какой она альтернативы.

Но я о другом сейчас думаю, — сказал Ляхов, рассеянно глядя в окно. — О степени реализуемости наших проектов. На мой взгляд, начиная разыгрывать великокняжескую карту, вы находились в зоне гораздо большей неопределённости: правовой, психологической, юридической, военной, наконец. Я, честно сказать, в успех реставрации монархии долго не верил, да вы помните... Сейчас, в сравнении с тем временем, — всё достаточно прозрачно и просто. Вообразите, мы с вами — команда консультантов вельтмейстера перед решающей партией на мировом турнире. Противник известен, стиль его игры, теоретические предпочтения, темперамент. Мы с вами знаем наизусть сотни его партий, вошедших в учебники. Всего и делов — угадать, какими домашними заготовками парировать его седьмой, пятнадцатый и двадцать третий ход...

Ферзен понял, что он имеет в виду.

— У вас столь обширный объём разведанных? Вы имеете своих людей в окружении их Президента?

— Разведанные, естественно, есть, куда ж без этого? Вы аналитик, я разведчик «пар экселленс»¹. Только психологию и замыслы противника придётся отслеживать «по факту», не шахматы у нас могут получиться, а классическое фехтование на шпагах без «пуандаре»², — ответил Ляхов, маскируя невольную усмешку поднесённой к губам рюмкой. Совершенно ни к чему говорить, что аггрианский шар позволял проиграть десятки вариантов поведения партнёра, выбрать из них наиболее вероятные по любому из заданных критери-

¹ По преимуществу (лат.).

² Пуандаре — предохраняющий от травм наконечник на острие колющего оружия (франц.).

ев, заготовить контрдоводы и антитезисы на любое президентское предложение или возражение.

«Туман войны»¹ затенял не более пятнадцати процентов поля предстоящего боя и распространялся лишь на непрояснённые глубины психики «противника» и спонтанные, вызванные неожиданными изменениями текущей обстановки реакции. Ну и пресловутое «трение» тоже предусмотреть было невозможно. Всё же остальное... Как говорил Остап: «На такие шансы можно ловить».

— Мы ведь с вами, Фёдор Фёдорович, последнее время несколько отдалились...

— Не по моей вине, — тут же вставил барон.

— О какой вине речь — исключительно стечение обстоятельств и пресловутый расклад. А сейчас наступил момент очередного сближения. Сие знаменует гармонию природы. Мне помнится, генеральские погоны в тридцать или около того лет вы считали не переменным признаком состоявшейся карьеры. Теперь к этой цели мы близки, как никогда. Олег с определённой обещал и мне, и всем причастным. Со свитскими аксельбантами причём.

Похоже, он Ферзена не слишком удивил.

— Да и странно, если б иначе. Скобелев в тридцать пять уже полного генерала получил. Получится у нас — это ж поболее, чем какой-нибудь Туркестан для Империи завоевать.

Не поддержав эту посылку, Ляхов продолжил:

— Только ведь тут, милейший барон, главное — не ошибиться в выборе приоритетов...

— Вы намекаете, Вадим Петрович, что главным в кампании предпочитаете видеть себя, а я и все другие

¹ «Туман войны» — введённый Клаузевицем термин, означающий все те факторы, которые полководец не в состоянии знать и просчитать при подготовке сражения. От резкого изменения погоды до «насморка Наполеона».

★

прочие должны на вас ориентироваться, считая Императора вторичной фигурой?

Ферзен всегда отличался проницательностью, развитым аналитическим умом и немецкой, остзейской конкретностью, сопряжённой с жёсткой практичностью и непреклонностью в достижении цели, несмотря на свою благодушную, обломовскую внешность, совсем не соответствующую облику предков, мрачных рыцарей Ливонского ордена.

— Не попали, Фёдор Фёдорович. Упаси вас бог завтра подобным образом промазать. Как говорят в артиллерии — на два лаптя влево...

Барон вдруг привстал, перегнулся через стол и почти прошептал, хотя их и так никто не мог услышать:

— Вадим Петрович, ну признайся — ты ведь сам «оттуда»? Очень всё хорошо в таком случае в схему укладывается. Прямо зеркально. И твоё внезапное появление у нас, и благоволение Императора, и твои способности. Не говорю уже про московские прошлогодние дела. Заслан ты к нам, чтобы завтрашний день подготовить! Диссидент ты тамошний. Допустим, вроде нашего Агеева. Своими силами не удалось у себя порядок навести, решили к нам обратиться?

Ферзен, отодвинув рюмку, налил себе и Вадиму сразу в фужеры. Уж очень ему показалась своя идея остроумной и сразу всё объясняющей.

Ляхов выпил и тут же рассмеялся искренне, от души. Больно забавно барон извратил доступные ему факты. Распространённая в философии и логике ошибка. Вывод, обращённый к посылке.

— Умный ты человек, Фёдор Фёдорович, а промазал сейчас крепко. Как некоторые, что не только в «десяtku», в воздух не попадают. Если я «оттуда», зачем всё, сопутствующее моей здесь жизнедеятельности? Прежде всего, ничего бы не стоило придумать легенду, не требующую трёхлетнего, крайне трудоёмкого внедре-

ния, связанного с массой рисков без всякой гарантии успеха. Далеко ходить не будем. Ваш заговор, попытки до сих пор неустановленных сил не допустить воцарения Олега, Московский путч, Берендеевка и Корниловская дивизия. Мы её сюда перебросили из третьей по отношению к нам и вам реальности, использовали, чтобы спасти Императора, втереться к нему в доверие и так далее, вплоть до сегодняшнего нашего вечера, а также и завтрашнего дня? Да ты пей, пей, Федя, я от тебя не отстану, чёрт знает, как хочется напиться по-настоящему, чтобы хоть один вечер не думать о «проклятых вопросах». А ведь приходится!

Дальше — будь я тем, что тебе вообразилось, с теми возможностями, что ты мне приписываешь, минуя десяток ходов и позиций, ввёл бы не одну дивизию, а три, весь добровольческий корпус, в «соседнюю» Москву, посадил на престол своего человека. Хотя бы и самого Лавра Георгиевича Корнилова, ему там едва пятьдесят пять исполнилось, юноша по нынешним понятиям для политика. Он бы навёл и справедливый, и демократический порядок, причём переместившись только вдоль временного потока, совсем не поперёк. И к чему в подобном случае такие сложные вариации, как ты себе вообразил?

Берендеевка — идеальная точка исторической развилки. Ты там не был, так у Миллера спроси. Я видел, как у войскового старшины слезы на глаза навернулись, когда корниловцы строевым шагом по плацу ударили. А ещё лучше тебе Уваров всё обрисует. Тот уж душой не покривит. Ты хороший штабист, Фёдор, но вообразить не можешь, что значит — с остатками роты безнадёжно оборонять последний рубеж, глупо надеясь, что хоть взвод ему Миллер подкинет. И вдруг увидеть за спиной выходящую из леса цепями дивизию, которая штыковым ударом опрокинула и уничтожила врага, которому четверти часа не хватило, чтобы разо-

браться и с остатками наших войск, и с Олегом Константиновичем лично...

В этих условиях кто помешал бы генералу Берестину, герою Каховского сражения, и мне, разумеется, совершить прямо там государственный переворот или мирную передачу власти кому заблагорассудится? — Ляхов прервался, закурил, раза три подряд молча затянулся. Потом спросил: — Что, Фёдор Фёдорович? Не один ты умеешь неудобные вопросы задавать. Некая кавалерственная дама, там присутствовавшая, мне потом излагала свои дамские чувства. «Когда я увидела генерала Берестина, чеканящего шаг навстречу Олегу, я подумала: «С таким лицом и манерами идут убивать!» Через полчаса она сменила мнение на прямо противоположное.

Фон Ферзен задумался. Как положено немцу, думал долго. Вадиму даже стало надоедать смотреть на его глубокомысленное лицо. Но мешать он не собирался. По крайней мере, сигару можно выкурить спокойно. А сигары он использовал, чаще всего чтобы выглядеть солиднее и независимее и иметь возможность окутываться клубами ароматного, почти непроницаемого для посторонних взглядов дыма.

— Не имёю возможности с тобой спорить, Вадим, — наконец произнёс барон. — Но ведь, если додумывать до конца, всё это бессмысленно, глупо, натянуто — как хочешь... Тебе лично я готов верить, как ты недавно поверил мне. Понимаешь — тебе лично. — Ферзен, то ли начиная проваливаться в глубины алкогольного любомудрствования, то ли имитируя это (что Ляхову казалось более достоверным), подскочил со своего места, пересел рядом с Вадимом и дружески обнял его за плечо. — Ну, вот давай ещё выпьем и договоримся — я твой верный паладин в любой предложенной ситуации...

Неужели барон настолько не понимает характера своего коллеги и якобы приятеля, что пытается так вот

примитивно его подловить? Или действительно торопливо, не ожидая горячей закуски, принятые двести грамм так понесли боевого офицера? Непохоже. Даже среди своих начинаются игры? Ляхов поморщился.

— Федя! На какой хрен мне паладины? — Грубость в сочетании с лёгкой злостью в голосе — самое то. — Если, как ты вообразил, я способен повелевать мирами, воздвигать и рушить троны, перемещаться вдоль и поперёк времён — зачем мне ты, Олег, Чекменёв, вообще любой бессмысленно-смертный человек? Я вас могу даже не видеть среди туманных проявлений лишённой самосознания природы!

Сильно было сказано, как Вадиму показалось. И достаточно близко к истине. Но тут же он и смягчил посыл, после очередной рюмки водки, сноровисто налитой половым каждому из, на его взгляд, слишком раздражённых офицеров.

— Видишь, до чего договориться можно, если, вопреки уважаемому нами обоими монарху, начать бесконтрольно умножать сущности? И пить нам хватит — не для того ведь встретились. День завтра, как бы там ни было, обещает быть трудным.

...Переговоры с Сильвией Президент решил провести не в одной из своих резиденций, а на неприметной по нынешним временам даче в старомодно-уютном посёлке неподалёку от МКАД, принадлежащей Философу. Построенная в первые послевоенные годы для его деда по материнской линии, члена-корреспондента Академии медицинских наук, она наилучшим образом удовлетворяла требованиям конфиденциальности и безопасности. Именно тем, что ничем не выделялась из десятков подобных, расположенных на порядочном удалении друг от друга, с участками от гектара и больше, обнесённых не слишком высокими дощатыми заборами. В те времена развитого тоталитаризма проблемами

безопасности творческие люди не слишком были обеспокоены — от «органов защиты пролетарской диктатуры» всё равно не спрячешься, если что, а бытовая преступность реальной опасности не представляла, поскольку посягательство на жизнь и имущество «государственных дачников» тянуло не на обычные год-другой, а на полновесную пятьдесят восьмую статью. Пункт — терроризм, от двадцати пяти лет до вышки, как прокурор взглянет. Оттого достаточно было держать сторожа-дворника-садовника в одном лице, калитку запираť на щеколду и вполне полагаться на участкового милиционера в старшинском звании.

Сейчас, естественно, меры безопасности были несколько усилены, но не до «рублёвских» масштабов. Само собрание тоже не должно было привлечь излишнего внимания. Соседи давно привыкли, что почти каждый выходной сюда съезжались многочисленные компании: летом купаться в речке и плавать на байдарках, зимой кататься на лыжах со склонов глубоких оврагов.

В этот раз несколько машин с неприметными номерами, подъезжавшие с утра до полудня, тоже никого в ближних окрестностях не заинтересовали. Если бы даже кто-то от скуки проявил любопытство, узнать главу государства в одном из десятка примерно одинаково одетых «по-походному» мужчин едва ли было возможно, просто из-за невероятности такого допущения.

Сильвия с Императором, Секондом, Фёстом и сопровождающими лицами прибыли на довольно потрёпанном внешне, но подготовленном «ин леге артис» микроавтобусе «Баргузин» и вместительном, но ничем не примечательном джипе. Чтобы в пути не случилось задержек и недоразумений с ДПС, на переднем сиденье ехал приглашённый Фёстом «для обеспечения» полковник Службы собственной безопасности МВД, член «Чёрной метки».

Олег Константинович всю дорогу после перехода в параллельную реальность неотрывно смотрел в окно, жадно впитывая детали и подробности здешней жизни. По выражению его лица трудно было судить о реакции на способ перемещения в «иной мир» и окружающую действительность, а от каких-либо вопросов и собственных оценок он пока воздерживался. По привычке географа и этнографа предпочитал составить собственное, незамутнённое представление о «неведомой стране», в которой довелось очутиться.

Одет он был, как и большинство пассажиров автобуса, в высокие десантные ботинки и выцветший камуфляж, весьма удобно для похода за грибами в окрестные, довольно влажные, а местами и заболоченные леса. На поясе универсальный нож с тридцатисантиметровым клинком, под курткой в наплечной кобуре пистолет, больше для самоуважения. Не пристало первому дворянину империи ходить без оружия.

Одна Сильвия выделялась в мужской компании голубыми джинсами, заправленными в высокие замшевые сапожки, и элегантной курткой того же материала и цвета.

В километре и трёхстах метрах от поворота к даче «гости», не останавливаясь, отметились на импровизированных контрольных постах — первом, организованном Фёстом, втором — президентском.

Погода стояла самая что ни на есть благоприятная. И для прогулок по лесным тропинкам, и для дружеского застолья на обширной веранде. Ярко-синее небо, покрытое редкими белоснежными облаками, температура около двадцати градусов, лёгкий ветерок, пахнущий нагретой сосновой смолой и хвоей, полевыми цветами и боровой сыростью, пение птиц и жужжание пчёл.

Умели люди выбирать подходящие для отдохновения места, если и через полвека с лишним вокруг неза-

метно никаких признаков цивилизации, за исключением электрических столбов.

На веранде, открытой в сторону солнечной лужайки, а с боков густо заплетённой хмелем, Президент со свитой встретили первую в истории делегацию из другого мира. Ну, не так чтобы действительно первую — встречу Кортеса с каким-нибудь Монтесумой или древних египтян с древними же китайцами тоже можно провести по этому разряду. Но всё равно подобного события не случалось очень давно.

Президент догадывался, что для переговоров с ним прибудет весьма высокопоставленное лицо из «Комитета по защите реальности», скорее всего, сам «Великий Магистр», или «Гроссмейстер», хотя таких титулов ни Сильвия, ни Фёст не упоминали. Вообще не проводили параллели между своей организацией и рыцарским орденом. Но такое ощущение у него сложилось, ничего не поделаешь. Считать того и другую «высшей инстанцией» у Президента не получалось.

Чтобы всё было естественно, приехавшие в разное время гости держались как обычно в подобных случаях. Знакомились, прогуливаясь по территории, до поры не упоминая должностей и чинов. Время от времени сосредотачивались у накрытого а-ля фуршет стола между тремя отдельно стоящими кряжистыми, не менее чем столетними соснами, обменивались мнениями о погоде и даче как таковой, благо было где прогуляться и на что посмотреть. Кое-кто, приняв по рюмочке крепкого или бокалу вина, заинтересовался великолепным бильярдным столом в специальной беседке. Тут же составила партия в американку, просто так, чтобы размяться и блеснуть умением попасть кием по шару и шаром в лузу, что не каждому доступно, невзирая на чины и звания.

Здесь, кстати, великолепно проявил себя барон фон Ферзен, скромно представившийся просто Фёдором.

Благоразумия и умения применяться к обстановке ему хватало, чтобы в совершенно новом для себя мире не произносить лишних слов, слушать, о чём и как говорят «местные жители», одновременно демонстрируя собственные способности.

Раз язык общения здесь тоже русский, пусть и не совсем правильный, то хорошо образованному немцу нетрудно вести изящную, моментами остроумно-двусмысленную светскую беседу, несмотря на очевидную разницу в культуре и менталитете. А предварительно извиняясь, загонять в лузы такие шары, на которые никто и внимания не обращал как на совсем бесперспективные — это у него получалось ещё лучше.

Кроме того, мужчины из другого мира, окружавшие его, барону нравились. Может быть — именно какой-то особенной непринуждённостью, пусть и находились они в присутствии своего «сюзерена». И, живя в стране, категорически барону не нравящейся по массе параметров (исходя только из документальных данных, естественно), оставались безусловно достойными внимания и общения. Более того — ощущал Фёдор Фёдорович исходящую от них непривычную силу. Это, впрочем, понять было можно. Если вокруг тебя жизнь, невыносимая для нормального человека, а ты в ней не только живёшь, но и достигаешь чего-то — то заслужи-ваешь даже больше, чем обычного уважения. Может быть — преклонения, как перед вернувшимся с войны солдатом, увенчанным полным Георгиевским бантом и кое-чем сверх того.

Заодно барон тщательно сравнивал с этими людьми манеры, стиль речи и поведения Ляхова и убеждался, что действительно ошибся — Вадим, при самых выдающихся актёрских способностях, не смог бы замаскировать свою принадлежность к чужой реальности, хоть когда-нибудь невольно и не заметив этого выдал бы себя.

Сильвия же, на которую барон ещё на своей стороне мира обратил тщательное внимание, поскольку никогда раньше не видел женщин с такой мощной энергетикой (именно так, её красота Ферзена не слишком взволновала), умело маневрируя среди мужчин, словно бы невзначай оказалась рядом с Президентом.

Знакомы они были только «по телевизору», а теперь вот — заговорили наяву. Сильвия видела, сколько глаз направлено на них, включая и двух охранников, засевших на чердаке со снайперскими винтовками.

— Мы так не договаривались, — сказала она, чуть сжав пальцы на локте Президента.

— Вы о чём?

— Да о тех ребятах, что щупают перекрестьями наши спины. Меня это слегка раздражает. А вас нет?

— Не совсем понял. — Президент на самом деле был удивлён.

— Что тут понимать? Вы и здесь себе не хозяин. А это очень плохо. Король Ричард Львиное Сердце, при всех своих недостатках, обходился без прикрывающих его снайперов. И император Александр Второй считал зазорным... А ваши «охранники» посадили на чердаке двух парней с «СВД», как будто это может что-то решить и от чего-то уберечь. Смешно, право...

— Как?! Да я немедленно..

— Оставьте, мой друг, — Сильвия легко и серебристо рассмеялась. — Не пытайтесь показать себя круче, чем вы есть. Пусть каждый пьёт из своего стакана, как говорят французы.

И впервые назвала его по имени-отчеству, а не по должности. От этого Президент ощутил непривычную ему близость к мало того, что посторонней, но и внушавшей ему сильную опаску женщине.

— Да не нервничайте вы так, — сказала Сильвия. — Всё гораздо проще, чем кажется. Ваших (или не ваших) снайперов я могу нейтрализовать прямо сейчас. Мас-

сой способов. Хотите — они заснут, не выпуская из рук винтовок, или спустятся вниз, доложив нам, кто и зачем назначил их на это дело... Всё равно это пустяки. Послушайте лучше, в какой интересной жизненной ситуации вы оказались...

Она, пользуясь его растерянностью, под локоть повлекла Президента, очевидным образом утратившего свою должностную харизму и нечувствительно превратившегося просто в обыкновенного мужчину средних лет, полностью подчинившегося воле женщины, в заплетённую плющом беседку. Физическая красота — дело десятое, он подчинился ей по совсем другой причине.

— Так что вы хотите мне сказать? — отчего-то плохо повинующимися ему губами спросил он.

— Ничего особенного. Только лишь — расширить круг ваших представлений...

И начала излагать ему теорию о двух параллельных Россиях. Одна из которых — эта, где они сейчас пребывают, а соседняя — совсем другая... Вполне подробно Сильвия всё рассказала и, на её взгляд, убедительно.

— Так это вам нужно обсуждать не со мной, а с моим другом Писателем. Он как раз на подобных темах специализируется... — Президент по-прежнему пытался сохранять здравомыслие, пусть это и не слишком удачно у него выходило. Есть пределы у каждого...

— С ним тоже поговорю. Но отчего вы так демонстративно мне не верите? Что в моих словах вам кажется глупым, нелогичным, абсурдным, наконец? Вы помните «свою» историю? А хорошо ли помните? Например, апрель тысяча девятьсот восемнадцатого года?

— А что произошло в том апреле? — Лицо Президента выразило искреннее недоумение.

— Плохо вас учили, ваше превосходительство, — голос Сильвии выразил долю пренебрежения, что Президент почувствовал сразу.

— Подзовите вон того молодого человека. — Она указала рукой на Ляхова-Секонда. — Он наверняка сообщит вам, что это за дата... Да и ещё кое-чем сможет правоту моих слов подтвердить.

Секонд подошёл, повинаясь жесту Президента, подтверждённому разрешающим кивком Сильвии.

— Вот, Вадим Петрович Ляхов, полковник гвардии, флигель-адъютант Императора и многих орденов кавалер... Кстати, одновременно слушатель Военно-дипломатической Академии.

Вадим вежливо наклонил голову.

— Скажите, Вадим Петрович, чем знаменит апрель восемнадцатого года в *моей* реальности? — спросил Президент, понимая, что подчиняется чужой воле, но, как ни странно, не испытывая от этого никакого дискомфорта. Ему на самом деле было интересно — готов ли этот симпатичный молодой офицер *навскидку* ответить на достаточно неожиданный вопрос. Если он, конечно, не входит в *домашнюю заготовку*.

— Единственное, что приходит в голову, — неудачный штурм Добровольческой армией Екатеринодара и гибель в бою генерала Корнилова, — продемонстрировал Ляхов знание не только своей истории.

— А у вас? — Президент на самом деле заинтересовался. Сейчас он вдруг перешёл на уровень своей давней уже аспирантской и преподавательской деятельности.

«Студент» ему попался способный и эрудированный.

— Естественно — всё наоборот. Снаряд лёг перелётом, генерал выжил, Екатеринодар был взят, кубанское и терское казачество в массовом порядке признало Лавра Георгиевича своим Походным атаманом и Верховным Правителем. Отступающая от Эрзерума и Трапезунда Кавказская армия тоже решила организованно перейти на сторону «Добровольцев». Ну и так далее.

— Спасибо, Вадим Петрович, — сказала Сильвия, совершенно с тем выражением лица, которое могла бы сделать преподавательница, проверяемая комиссией министерства образования на предмет завышения оценок своим ученикам. — А теперь не затруднитесь показать нашему гостеприимному хозяину свой документ.

Слегка удивившись, Ляхов протянул Президенту Служебную книжку слушателя Академии с вложенной в неё выпиской из Рескрипта о назначении его флигель-адъютантом Государя. Со всеми должностными правами и привилегиями.

Президент прочёл все до единой строчки документов, исполненных на гербовой бумаге и заключённых в обложку из ярко-зелёного (совсем не красного, как здесь принято, сафьяна), выполненные причудливым писарским почерком. Вернул владельцу, слегка пожав плечами:

— И что это доказывает? Насколько я знаю, даже грамота наследника дома Романовых стоит в Интернете не слишком дорого...

— Ну, ваше превосходительство! Не настолько же вы плохо о нас думаете, на самом-то деле. Вы пока свободны, Вадим, извините за беспокойство. Кстати, что касается произнесённого вами имени, — вновь обратилась она к Президенту, — вон тот мужчина, представившийся вам Олегом Константиновичем, как раз и есть наследник того самого дома, он же — действующий Император Российской империи, коронованный самым законным образом.

Она указала рукой на Олега, только что с треском загнавшего почти безнадёжный шар в лузу в поединке с Ферзенем и довольно засмеявшегося.

— Его Императорское Величество, прекрасно понимая важность сегодняшней встречи, благосклонно согласился принять в ней участие. Пока инкогнито, но

назовёт себя, если будет уверен, что не станет объектом насмешек с вашей стороны и со стороны ваших друзей. Подобное неуважение может стать причиной больших неприятностей... Как вы понимаете, удостоверения с указанием занимаемой должности он при себе не носит. И верительных грамот сам себе не выписывает. Так как?

— Для кого — неприятности? — спросил Президент, с удивлением ощущая, что, похоже, готов поверить прекрасной даме. Независимо от своего характера, поста и привычки общаться с главами государств, в том числе и женского пола (но ни одна из дам-президентш, канцлерш и премьерш рядом с Сильвией не стояли по любым критериям), Президент ощутил некоторую дрожь, в доли секунды пробежавшую по его организму. Вроде как в школьные годы при взгляде на старшеклассницу, признанную королеву красоты. Это чувство вызвало у него раздражение собой и немедленную обратную реакцию.

— Вот именно — для кого? — повторил он, явно проигрывая темп. — Не для меня же, если, пусть на мгновение, я вам поверю...

— Конечно, в данный момент лично вам беспокоить себя не о чем. Верить — не верить, это вопрос глубоко личный. Государь весьма терпимый и деликатный человек и никоим образом своего неудовольствия вами не выкажет. Надеюсь, устроители переговоров с нашей стороны тоже не слишком пострадают. Хотя... Вот как бы вы, в служебной обстановке, отнеслись к людям, ответственным за сорванный визит вашего американского коллеги, предположительно — судьбоносный?

При взгляде в её глаза, да и в сторону так называемого «Императора» Президент вдруг подумал: «А что, если Сильвия всё же говорит правду? Абсурдную, но тем не менее...»

Пожалуй, Сильвия всё же совершила ошибку. Пре-

зидент только-только созрел для того, что поверить в существование «Комитета защиты реальности» и имеющейся у него аппаратуры, но именно как в феномен автохтонный¹. О существовании параллельных реальностей с почти аналогичными историей, населением, культурой, и уж тем более — второй Россией, почти сто лет назад избравшей иной путь развития и успешно по нему идущей, речи не велось. А это коренным образом меняло ситуацию. Одно дело — заключать союз с могущественной, но всего лишь группой, совсем другое — с Державой, превосходящей Российскую Федерацию численно, территориально и, скорее всего, экономически. Очень вдруг понятна ему стала позиция лидеров нынешней Украины, к примеру. Да и пример «союзного государства» ФРГ и ГДР.

Проще говоря, ситуация мгновенно развернулась на сто восемьдесят градусов. И все предыдущие «дипломатические заготовки» потеряли смысл. Придётся импровизировать на ходу, или — прервать встречу, взять тайм-аут для консультаций.

— Хорошо, — ответил Президент после паузы. — Будем считать — сейчас я выступаю фактически как частное лицо. И, похоже, совершаю очередную глупость, поддавшись вашим... Вашим...

— Фокусам, вы хотите сказать, — помогла ему леди Спенсер. — Или, если угодно, — «чарам». Скажите ещё — «провокациям». Каждое слово будет по-своему верным. Я прямо-таки и не знаю, чем вас убедить. Что бы я ни говорила, вы заведомо настроены негативно и приложите все душевные силы, чтобы сохранить в неприкосновенности свои предрассудки и то, что вы называете «здравым смыслом». Вот разве что... Это запрещённый приём, но — другого выхода просто нет!

¹ Автохтоны (греч.) — виды организмов, которые со времени своего возникновения обитают в данной местности, характерны для неё.

★ Подзовите сюда человека, здравомыслию которого вы наиболее доверяете. Я не хочу говорить без свидетелей, иначе любые мои слова вы истолкуете в прежнем ключе.

Президент огляделся. Ближе всех к нему находился Журналист. Что ж, его здравомыслию он действительно доверял. А также чутью, политическому и, так сказать, общечеловеческому.

— Толя, можно тебя на минуточку?

Журналист подошёл, выражая на лице искреннюю радость по случаю представившейся возможности лично приложиться к ручке роковой (такое определение мелькнуло у него в мыслях) красавицы, за каждым жестом и словом которой он наблюдал с первой секунды её здесь появления. Можно сказать и больше — он эту Сильвию уже целый час физиологически *вожделел*, безуспешно пытаясь убедить себя, что смешно в его возрасте так реагировать... Да и на что? Кокетства ноль, тело полностью прикрыто, хотя очертания фигуры, стройность ног, грация пантеры способны возбуждать не меньше, чем пляжное бикини, даже и топлес... Но здесь, скорее, дело в мимике, глазах, интонациях. Так какая в них должна быть эротическая сила?

— Видите ли, Анатолий, — она улыбнулась до невероятности лучезарно и интригующе, — ваш друг позволил себе усомниться в моей искренности и правдивости...

— Да как можно?! — едва не ужаснулся Журналист, одновременно незаметно подмигивая Президенту невидимым Сильвией глазом: я, мол, сыграю как надо, не сомневайся, пусть пока и не знаю, в чём моя роль должна заключаться...

— Видите — можно. Ваше общество, не здесь присутствующие, а вообще, в глобальном смысле, слишком уж успешно *прогрессирует*. В процессе этого «прогресса» отказалось от понятий чести и благород-

ства в пользу так называемой «политкорректности». У нас совершенно невозможно усомниться в честном слове человека своего круга, тем более — титулованной дамы. У вас же, как я неоднократно имела возможность убедиться, всё наоборот. Неприлично говорить правду, если она способна причинить малейший дискомфорт. Даже в делах государственной важности.

При этих словах лицо Сильвии приобрело выражение надменное и почти угрожающее.

— Вы не так меня поняли... — Президент ещё недостаточно долго занимал свой пост, чтобы полностью утратить способность к естественным человеческим реакциям.

— Так, так, — отмахнулась Сильвия. — И за это будете наказаны. На глазах своего друга. Я не мужчина, к сожалению, на дуэль не вызову, но и меня нельзя обижать безнаказанно.

Никто не успел сообразить, как именно следует реагировать на эти слова, прозвучавшие отнюдь не шутливо.

«Чёрт её знает, — мелькнуло у Журналиста. — Вдруг всё подстроено, и она сейчас выхватит пистолет, а то и замкнёт контакт пояса...»

Но обе руки Сильвии были на виду, она вертела в пальцах тонкий золотой портсигар, на крышке которого вспыхивала водопадами искр драгоценная монограмма.

— Я закурю, — сказала она совершенно другим, мягким, чуть ли не просительным тоном, щёлкая рубиновой кнопкой. И явственно подмигнула Журналисту. Он машинально сунул руку в карман за зажигалкой.

...Сильвия уже поняла — никакими словесными доводами ей не удастся убедить Президента в истинности своих слов, и личное присутствие Олега ничего не меняло. По крайней мере — сегодня. Если человек зациклен на какой-то идее, в данном случае идее против

★

него направленной мистификации, то переубедить его так же трудно, как шизофреника в нелепости его бреда. Иногда, правда, помогает нечто вроде электрошока.

Значит, его и надо использовать. Не в буквальном, конечно, смысле. Просто — устроить небольшую демонстрацию. Приём был стандартный, требующий минимальной предварительной настройки блок-универсала. Таким же образом она однажды перебросила Новикова из своего английского поместья на Таорэру. Сегодня процедура была гораздо проще, дистанция не десятки парсек, а столько же километров, и без какого-либо межвременного смещения. Переместиться нужно в синхрон аналогичной реальности, через барьер толщиной в несколько хроноквантов. Не сложнее, чем переход из комнаты в комнату на Столешниковом.

Сильвия заранее выставила координаты, всего лишь двухметровый радиус захвата, достаточный, чтобы в зоне переноса оказались только они трое. Нажала рубиновую кнопку защёлки.

Проморгавшись после ослепительной вспышки тьмы, Президент с Журналистом увидели, что они стоят не на зелёной, тщательно подстриженной лужайке, а на диабазовой брусчатке Красной площади рядом с собором Василия Блаженного. Место было выбрано так удачно, что их появление в затенённой нише храмового цоколя никто не заметил. А если кто-то из проходивших вдалеке, вдоль фасада ГУМа (то есть здесь — Верхних торговых рядов), москвичей или гостей столицы и взглянул случайно именно в этот момент в их сторону, наверняка подумал, что женщина и двое мужчин только что вышли из-за ближнего угла.

— Всё нормально? — заботливо спросила Сильвия у Президента и его друга. — Не тошнит?

Те вертели головами в полном ошеломлении. Переход из мира в мир не вызвал у них неприятных физиче-

ских ощущений, да и психологический шок пока не случился. Слишком всё произошло внезапно.

— Это что было? — первым раскрыл рот Журналист.

Президент нашёл в себе силы сохранить положенную должностью выдержку.

— Это то, о чём я и говорила. Нельзя настолько не верить даме и союзнику. В противном случае рискуете оказаться в неудобном положении. Ладно, извинений я от вас не потребую, вы и так достаточно наказаны. Видите ли, Анатолий, — через Журналиста доносить до Президента свои слова и эмоции ей казалось правильнее в смысле субординации. Кроме того, она знала об обрушившемся на мужчину приступе почти детского эротического восторга, как у школьника, подсмотревшего, как раздевается за кустами на пляже его первая любовь. Сильвии не составило труда вызвать у Журналиста подобную реакцию: ей нужен был человек, который, пережив такое, и впредь будет подсознательно поддерживать её, а не чью-либо другую точку зрения и в далёких от личных симпатий и антипатий вопросах.

— Я несколько минут назад осмелилась изложить истину, которая была воспринята неадекватно ввиду чрезмерной зашоренности вашего мышления. Хотя, казалось бы, чего проще? Во Вселенной существует бесчисленное множество обитаемых миров, за подобное утверждение Джордано Бруно сожгли ещё пятьсот лет назад. Некоторые из них находятся от нас в сотнях световых лет, другие — на расстоянии вытянутой руки. И населены не монстрами негуманоидными, а неотличимыми от нас людьми. В чём вы имеете возможность убедиться. Прошу...

Она обвела широким жестом панораму Красной площади и окружающих её зданий, группы и группки

★

праздно озирающих кремлёвские стены и башни туристов, простых москвичей, спешащих по своим делам.

Гости, постепенно приходя в себя, увидели картину одновременно знакомую и невероятно чуждую. Шпили башен, увенчанные вместо звёзд двуглавыми орлами, городского в чёрной с красной отделкой форме на углу Хрустального переуллка, одежду мужчин и женщин, автомобили незнакомого облика, рекламные щиты на фасаде Торговых рядов, отсутствие многих известных зданий в окружающей панораме и многое другое. Достаточно, чтобы понять — мир вокруг действительно чужой.

— Мне кажется, вы поступили опрометчиво, — сказал Президент, сосредоточившись совсем не на том, на чём следовало бы. Может быть — в качестве психологической защиты. — Представьте, какая сейчас поднялась суматоха в связи с нашим исчезновением. Я опасаюсь — вашим друзьям придётся очень непросто.

— Ах, оставьте. Был, кажется, во времена вашей молодости такой анекдот: «В Политбюро тоже не дураки сидят. Всё предусмотрено. На Солнце полетите ночью». Так и у нас. Чудеса техники и хронофизики простираются настолько, что мы вернёмся буквально через несколько секунд. Большинство *ваших людей*, — она подчеркнула это интонацией, — вообще ничего не заметят, кроме, может быть, не слишком яркой вспышки, которую вполне можно счесть солнечным бликом. *Наши*, само собой, в курсе...

— Вы уверены?

— Какое ещё чудо техники требуется совершить, чтобы вы перестали задавать подобные вопросы? — ледяным тоном спросила Сильвия, прищурившись. — Может быть, желаете из ложи бенуара полюбоваться на звезду Бетельгейзе? Правда, будет не очень комфортно, она в восемьсот пятьдесят раз больше Солнца...

— Извините, Сильвия Артуровна, я опять сказал не подумав, — склонил голову Президент.

— Принимаю. Теперь — краткий инструктаж. Мы с вами прогуляемся несколько кварталов вверх по Тверской. Если угодно — можно и по Охотному ряду, и в сторону Арбата. На ваше усмотрение. Посмотрите. Купите свежие газеты — вам будет интересно. Можно где-нибудь на веранде трактира попробовать местного пива. Средствами я располагаю, — снова улыбнулась она. — По поводу своей безопасности можете быть совершенно спокойны. Документы здесь предъявлять не нужно, многие вообще давным-давно забыли, для чего они, если за границу не выезжать. От вон того городского, — она указала на дюжего, но благообразного унтера с несколькими медалями на кителе, при револьвере и шашке, — пользы и помощи гражданам больше, чем от целого райотдела милиции у вас.

Президент предпочёл не реагировать на очередной выпад, а Журналист едва заметно улыбнулся. Он жадно осматривался по сторонам, сознавая, что началось самое яркое в его жизни приключение. И, как он понимал, далеко не последнее. Повезло репортёру, как ни какому другому в писаной истории...

— И — главное, — закончила Сильвия, — держитесь ровно и спокойно. Вы теперь рядовые граждане Российской империи. О своём положении *дома* временно забудьте. Здесь на улице и наследник Престола правовым статусом ничем не отличается от дворника или разносчика папирос. От меня не отставайте. Если потеряетесь, я вас найду, конечно, но лучше держитесь в пределах шаговой доступности. Вот и всё, пожалуй. Так куда идём?

Президент со странным чувством посмотрел на кремлёвские стены.

— Ну, давайте по Тверской...

Вздохнул и двинулся через необъятную площадь, от-

чего-то избегая слишком близко подходить к местным жителям. Из суеверности, что ли?

Своим обликом они с Анатолием и Сильвия не слишком выделялись среди народа. Именно так никто здесь не одевался, но если предположить, что они — путешественники, хоть из-за рубежа, хоть из отдалённых провинций, — вполне сойдёт. Любопытство к окружающим в Москве не было в ходу. Каждому хватало своих забот, и внешность посторонних не являлась предметом обсуждения. Лишь бы она не оскорбляла «общественную нравственность». А этого не было.

Часы на Спасской башне пробили одиннадцать. В другой тональности, чем дома. Оно и понятно: в эти куранты большевистские снаряды не попадали, восстанавливать и переналаживать механизм не пришлось.

На месте гостиницы «Москва», стремительно снесённой и так же быстро выстроенной заново Лужковым, протянулся трёхэтажный корпус старого «Гранд-отеля». Журналист, увидев газетный киоск, немедленно обратился к Сильвии вопросительно-просящий взор. Она протянула ему жёлтый горизонтально-продолговатый рубль, размером с эрэфскую пятисотку.

— Хватит, хватит, не бойтесь...

Анатолий жадно взял с прилавка «Речь», «Русское слово», «Новое время», ещё несколько многостраничных изданий, включая даже «Ведомости Московского градоначальства», которые здесь никто не читал, за исключением лиц, напрямую зависящих от деятельности этой административной структуры. После этого получил сдачу несколькими серебряными гривенниками и медной мелочью.

— Вот истинная свобода средств массовой информации, — то ли в шутку, то ли всерьёз сказал он, неизвестно к кому обращаясь.

— Что, у нас меньше? — отреагировал Президент.

— Я о ценах. Три копейки номер, а не двадцать рублей. А какая у вас здесь средняя зарплата?

— По способности. Я не очень вникала, я ведь тоже нездешняя. Но на рубль дня три прожить можно. И в трактире выпить-закусить. А пожелаете в «Националь», — она кивнула на здание напротив, — в четвертной едва уложитесь.

— «Четвертной» — это двадцать пять? — уточнил Журналист. — Как и у нас при Советской власти?

— И как до революции тоже. Он же «Сашенька» — по портрету Александра Третьего.

— Устойчивая валюта, цены практически те же, что сто лет назад...

— Надеюсь, теперь вы окончательно поверили, что вокруг вас не декорации, и газеты я специально для вас у себя дома на ксероксе не печатала, — не упустила случая снова уязвить своих «кавалеров» леди. — Что касается «устойчивости» — это тоже вопрос государственной воли. Соблюдайте постоянный паритет бумажных денег к золотовалютным резервам в пропорции два к трём — у вас и тысячу лет инфляции не будет...

Сказано как бы в пространство, но Президент намёк понял. Однако промолчал. Сильвия наблюдала за ним очень внимательно, опыта хватало. Держится «молодой человек» неплохо, психика устойчивая. Ни одного по-настоящему лишнего слова или жеста. Но внутри напряжён до предела. Тоже понятно. Это Журналисту просто интересно, тот по типуажу куда ближе к Ляховым и старшим товарищам по «Братству». Так те — парни от природы «отвязанные», экзистенциалисты в чистом виде. Никаким посторонним факторам не подверженные, кроме собственных убеждений и в этих понятиях трактуемого «долга». Долго ей пришлось привыкать и подстраиваться, чтобы её признали за свою. И удивительно, подобное признание было быв-

★

шей агтрианке дороже всего, случавшегося в предыдущей жизни.

Президенту, конечно, труднее. Скажи ему сейчас, что возврата не будет и придётся навсегда обустроиваться здесь, он наверняка не растеряется и не потеряется, но пока ощущает себя не частным лицом, а воплощённой в теле смертного «функцией».

По сторонам тем не менее смотрит с интересом, наверняка продолжая просчитывать: не «подстава» ли? Ради такого, как он, все враждебные силы могут сосредоточиться, чтобы... Чтобы что? С помощью гипноза и тому подобных средств создать у него иллюзию реальности окружающего? А зачем?

Она так его и спросила негромко, пока Журналист впитывал ауру иного мира.

— Если вам тяжело, можем вернуться прямо сейчас. Зайдём в ближайшую подворотню или подъезд. У вас, наверное, давление сильно подскочило, и пульс частит...

— Нет, спасибо, мне очень интересно. Давайте дойдём хотя бы до Маяковского. И действительно пива выпьем, там, где студентами пили. Сохранились те точки, или всё окончательно иначе?

— Честно говоря, не в курсе. Я по пивным как-то не очень. Ни в юности, ни сейчас. Но что-нибудь подходящее найдём непременно.

И нашли, конечно — слева по ходу, позади памятника Пушкину, стоящего напротив привычного места. Отсутствие на площади редакции «Известий» и кинотеатра «Россия» при наличии Страстного монастыря гостей не очень удивило — видели старые фотографии и кинохроники.

— Неплохо, очень неплохо, — сказал Журналист, сделав глоток из массивной фаянсовой кружки, поскольку пивная была немецкая, закусил ржаным бубличком, покрытым крупными кристаллами соли. —

Я бы, например, с целью изучения действительности охотно задержался здесь на сутки, двое... Как, не возражаешь отпустить меня в «творческую командировку»? — полушутливо спросил он Президента.

Тот был погружён в задумчивость и отреагировал серьёзно:

— Ты действительно так легко к этому относишься? Пришли, погуляли, вернулись...

Не заботясь об имидже, попросил у Сильвии сигарету, прикурил чуть торопливее, чем следовало, нервы всё-таки не железные, да и некому сейчас хладнокровие демонстрировать. С точки зрения аггрианки, это было правильно.

— Желаешь с моей стороны театральных эффектов? — пожал плечами Анатолий. — Не вижу оснований. Только что мироздание приоткрылось ещё одной стороной. Ну и что? Мир не рухнул... А, чёрт! Ядерный чемоданчик!

До него только сейчас дошло. Как ни относиться к чудесам и парадоксам природы, факт налицо — Президент здесь, чемоданчик — там. И между ними — непреодолимая никаким мыслимым способом пропасть. Ничего другого врагам, хоть внутренним, хоть внешним, и не нужно. Чемоданчик — там! То есть — неизвестно где.

— Господа, да будьте же вы мужчинами, — с усмешкой сказала Сильвия, вместо пива поднося к губам рюмку коньяку за неимением в заведении джина. — Я сказала — через полсекунды *того* времени вы окажетесь дома. В случае присутствия с моей стороны враждебных намерений вы просто бы не существовали уже (не знаю, правда, зачем бы это мне, нам могло потребоваться?). Выкуп за вас взять? Чем? Нет в России, да и на всей Земле ничего такого, что мы не могли бы взять без дешёвой театральщины. Посадить на ваш, господин Президент, престол другого человека? Смыс-

ла ещё меньше. Да расслабьтесь вы, поживите хоть десять минут спокойно, получите от пива и новых впечатлений удовольствие. Полюбуйтесь на местных девушек и женщин — когда ещё придётся. И, пожалуйста, ревену а ну мутон¹. Можем прямо отсюда, а можем из деликатности, не шокируя аборигенов, вон из того дворика напротив...

...Левый снайпер на чердаке, державший в перекрестье прицела спину Сильвии, непроизвольно дёрнул головой, выпуская цель из поля зрения.

— Бл...

— Что такое? — спросил правый.

— Глаз засветило. Точно лазером по стёклам мазнуло. Тебе как?

— Блымснуло что-то, но слегка. Детишки зеркальцем балуются?

— Ярковато, до сих пор пятна мелькают... Ты смотри, смотри...

Затяя Контрразведчика была дурацкой, как и многие другие идеи и решения этого ведомства. Чем могут помочь снайперы в случае покушения на «охраняемое лицо»? Абсолютно ничем. Разве что стрелять куда придётся *после случившегося*. До *инцидента* — бессмысленно.

Вот как и сейчас. Совершенно случайно вспышка, сопровождавшая переход, через оптическую ось прицела почти ослепила снайпера. Хорошо, не выстрелил от неожиданности, а то мог бы попасть в кого-то из гостей, беспорядочно перемещавшихся вдоль линии огня.

Сильвия хоть и сдержала своё слово, но с опозданием на целых три секунды. Все трое оказались практически на том же месте, но развёрнутые на сто восемь-

¹ Вернёмся к нашим баранам (франц.).

десять градусов. Принцип неопределённости Гейзенберга, ничего не поделаешь.

Зато короткий обмен мнениями между снайперами впоследствии не позволил им правильно оценить интервал времени — полсекунды прошло, полторы или три.

— Протёр глаза? Всё, не отвлекайся, — сквозь зубы бросил правый снайпер. Ему тоже показалось несколько удивительным случившееся. Только что он наблюдал «предполагаемую цель» и «охраняемое лицо» в фас, а теперь — наоборот. Но здравый смысл, необходимый людям их профессии, не допускал излишних фантазий. Повернулись — значит, повернулись в тот момент, что они отвлеклись на вспышку и посторонние слова. Ничего ведь не случилось. Президент — вот он, там, где и был, и его приятель, и странная (вот именно так и подумал старший лейтенант — «странная») женщина. Докладывать «наверх» не о чем. Но вот задуматься...

На двадцать километров впереди — сплошной лесной массив. С любого дерева можно послать световой импульс, способный ослепить снайпера. Но зачем? Если цель — «охраняемое лицо» и кто-то имел намерение его убить, это бы уже было сделано. Без всяких игр с солнечными зайчиками. Банальной ракетой с осколочно-фугасной головкой. Как Джохара Дудаева. Но подобный вариант уже за пределами «оперативной задачи». На этом стрелок и успокоился. Если дальше ничего не случится и их снимут с поста по миновании надобности — проще всего забыть о «непонятном». Мало ли в природе всяких «атмосферных» явлений. Но пока что нужно удвоить бдительность и немного сменить позицию. Он отодвинулся на метр в сторону, продолжая выполнять своё совершенно бессмысленное задание.

Сильвия ободряюще кивнула своим спутникам. Мол, вот видите, всё получилось так, как я обещала. При этом, маскируя острый взгляд ресницами, продолжала наблюдать за Президентом. В отличие от Анатолия, воспринявшего «прогулку» с огромным удовольствием, верой и жадной новых приключений, Президент был напряжён и мрачен.

Да и как же, по большому счёту, иначе? Достоевский, кажется, написал: «Если Бога нет, какой же я штабс-капитан?» Так и здесь: «Если у вас есть параллельная Россия, какой же я теперь Президент? И главное — чего?»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сильвия убедилась, что их кратковременной отлучки никто не заметил, даже Фёст с Секондом. На это и был расчёт: если она бралась за дело, то предпочитала сохранять в процессе его исполнения инициативу, а также и обладать максимумом недоступной другим информации. Такая тактика обычно обеспечивала несколько дополнительных степеней свободы поведения.

Президенту и Журналисту она коротко шепнула, чтобы о случившемся с ними пока молчали и ничему предстоящему тоже не удивлялись.

— ...Ну так что, господа, — громко сказала Сильвия, поднимаясь на веранду, — познакомились, настроились? Пора и к делу.

Пусть она не была хозяйкой дачи, но хозяйкой положения — безусловно. А также и инициатором этой встречи. А ещё — единственной дамой в мужской компании. Не говоря уже о том, что в подобных дипломатических играх она имела куда больший опыт, чем общая продолжительность жизни любого из присутствующих.

Президент кивком подтвердил, что не возражает. Его друзья сразу заметили его непривычную скованность, но отнесли это на счёт важности момента. «Руководитель» сосредотачивается.

«Высокие договаривающиеся стороны» разместились по обе стороны длинного стола согласно протоколу. Стенографистки, естественно, не было, но с общего согласия был включен высокочувствительный диктофон.

Президент представил своих коллег и помощников, с указанием качества, в котором они здесь присутствуют. То есть как лиц совершенно неофициальных. Группа советников и консультантов, не более того.

— Как всем должно быть очевидно, — подчеркнул он, — мы собрались исключительно в частном порядке. Просто для того, чтобы посмотреть друг другу в глаза и обсудить доверительно вопросы, могущие иметь для нашей страны исключительное значение. Как в позитивном смысле, так и наоборот...

Сильвия, в отличие от него, сразу взяла быка за рога.

— Мы находимся в несколько ином положении и правовом статусе. Среди нас нет экспертов и консультантов. Часть присутствующих занимает вполне конкретный пост в той организации, которую мы, для простоты и удобства, назвали «Комитетом защиты реальности». Сама по себе организация является неправительственной, внесистемной, добровольческой и так далее. Но при этом, по ряду причин, вполне может рассматриваться и с совершенно иной точки зрения. Например, по аналогии с одним из рыцарских орденов, наш «комитет» также не является элементом государственного устройства, но вполне сравним по значимости и возможностям с той же администрацией Президента.

«Советники и консультанты» изобразили то, что в

★

стенограммах принято обозначать значком «оживление в зале».

— Остальные члены нашей делегации пока что являются просто наблюдателями. С вашего позволения, свои, так сказать, «верительные грамоты» они вручат несколько позже. Прошу прощения, но у них есть основания некоторое, очень недолгое, время сохранять инкогнито... Так что нашу группу можно расценивать в качестве посредников, равноудалённых от каждой из сторон...

Заявка красавицей была сделана неслабая, в некотором смысле даже вызывающая. О сути, роли и месте в истории рыцарских орденов все имели понятие, но как-то несерьёзно выглядело здесь такое самопредставление со стороны нескольких человек, пусть и овладевших чудесным техническим средством, но всё равно ничтожной в сравнении с государственной машиной. Любая, к примеру, террористическая организация, имеющая на вооружении самую современную технику, включая и ядерное оружие, всё равно заведомо проиграет, если начнётся тотальная и бескомпромиссная война на уничтожение.

Другое дело, что такого развития событий никто не хотел, и большинство присутствующих с президентской стороны ориентировалось на то, чтобы каким-то образом поставить «Комитет» с его возможностями на службу собственным интересам. То есть государственным, конечно!

— Спокойно, господа, спокойно. — Сильвия включила очаровательнейшую из своих улыбок, которая, впрочем, не замаскировала завораживающе-давящего взгляда. — Ход ваших мыслей мне ясен. Увы, всё не так просто. То, о чём вам несомненно рассказал ваш Президент, — лишь малая и, признаться, не самая важная из наших... способностей. Для демонстрации, само собой, выглядит эффектно, и... очень полезно в ряде слу-

чаев. Но имеется и многое другое, друг Горацио... Продолжение цитаты вы знаете. Одним словом, я бы хотела довести до вашего сведения следующее — окружающий мир устроен совсем не так, как вы привыкли себе представлять. Отвратительно устроен — скажу от всего сердца. Соответственно — все ваши навыки, знания и привычки — примерно как семь классов школы при поступлении в аспирантуру Курчатовского института. Большинство из вас, естественно, не помнит, но аттестат об окончании «неполной средней школы» с начала двадцатых годов и до конца пятидесятых был документом, легко позволявшим занять абсолютно любой государственный и партийный пост. У Кагановича подтверждённых классов вообще два набралось, а наркомом путей сообщения он стал вполне успешным. С тех пор роль образования значительно возросла. Так что учиться придётся всем нам, независимо от желания. Особенно в свете наличия буквально на расстоянии вытянутой руки такого феномена, как возрождённая Российская Империя...

Последние слова Сильвии внесли явный интеллектуальный и эмоциональный беспорядок в и так не слишком монолитные ряды «президентской рати».

Люди-то они все были мыслящие, притом умеющие это делать в любых обстоятельствах, за оговорку никто это заявление не принял, но вототреагировали каждый по-своему.

Первым нарушил немую сцену Философ.

— Конкретнее можно изложить последний тезис? В форме, доступной для нашего, без всякой иронии признаю, плохо информированного в данном вопросе общества? — спросил он. И взглянул на Президента.

Тот сидел, опустив глаза к столу, и что-то рисовал в лежащем перед ним блокноте.

«Да ему же скучно! — подумал Философ. — Невероятно, но факт. Такое впечатление, будто он уже знает,

о чём речь. И ждёт каких-то других слов, главных. Причём ждёт тревожно... Самое главное — узнал он об этой «другой России» только что, скорее всего — когда прогуливался с этой интриганкой по участку. Когда ехали сюда, он ещё был не в курсе, ручаюсь. Иначе бы обязательно поставил нас в известность. Но ведь и Анатолий был с ними. Он тоже знает, о чём речь? Интересно карты ложатся...»

— Нет ничего проще, — заверила Сильвия, — при условии, что вы, как и положено человеку вашей профессии, в традициях сократической школы согласитесь считать мои слова истиной, пока не сумеете доказать обратного. Логическим или эмпирическим¹ способами. Видите ли, прямо рядом с нами, ещё точнее — одновременно с нами и занимая то же самое место в пространстве, — она широким жестом обвела окружающий пейзаж, — существует практически аналогичная страна Россия. Отличающаяся лишь тем, что в ней большевики проиграли Гражданскую войну уже к началу девятнадцатого года. Что из этого последовало — вам, надеюсь, понятно. Там тоже говорят по-русски, строят своё светлое будущее, как они его понимают, уже девяносто лет без войн и революций. При этом те, кто осведомлён о существовании нашей с вами реальности, крайне встревожены тем, что здесь творится...

Философ, Контрразведчик, Юрист, Финансист и Дипломат не удержались от внешнего проявления эмоций. Каждый в своём стиле, но отреагировали. В диапазоне от явного недоверия до сдержанного возмущения тем, что в серьёзном обществе и при важном разговоре допускаются подобного рода высказывания. Как если бы при встрече глав государств, хотя бы и «без галстуков», кто-то начал травить казарменные анекдоты.

¹ Э м п и р и з м — направление в теории познания, признающее чувственный опыт единственным источником достоверного знания.

Одновременно Философ заметил совсем неадекватную реакцию Журналиста и Писателя. Именно — неадекватную с точки зрения «нормального человека», только что узнавшего о факте, меняющем всю привычную картину мира и его личную судьбу заодно. Эти двое держались так, будто не слышали ничего нового и с нетерпением ждут продолжения. Что при этом подумал Контрразведчик, и заметил ли он вообще такую тонкость — неизвестно.

Переговорщики со стороны Сильвии вообще никаких эмоций не проявляли, что и понятно. Они сейчас словно были в своём праве, пусть и на чужой территории.

Зато Писатель прямо расцвёл. Бросил три быстрых взгляда — на Сильвию, Президента и самого Философа. При этом последнему — подмигнул.

Другого от него и ждать не следовало, будь он только старым школьным другом и автором развлекательных книжек. Но он ведь ещё и в кое-каких спецструктурах послужил. Выше подполковника не поднялся, но для написания достоверных исторических боевиков — более чем достаточно.

Что-то интересное начинается, знать бы вот только — что. Но ждать в любом раскладе недолго. Так и вышло.

— Очень хорошо, — с серьёзным видом согласился Философ. — Поскольку я действительно не в состоянии привести обоснованных доводов против вашего утверждения, считаем его принятым. Рядом с нами на самом деле существует параллельная Вселенная, в ней — Солнечная система, Земля, на ней, само собой, присутствует и Россия. Правда, мне не совсем ясно, отчего она тысячу лет развивалась абсолютно идентично с нашей и только именно в девятнадцатом году решила пойти собственным путем. Не надо мне ничего объяс-

нять, — предостерегающе поднял он руку. — Я тоже читал достаточно и серьёзных работ, и беллетристики. В нашем случае это такая же данность, как, предположим, температура кипения воды или скорость звука. Меня другое интересует. Хочется понять ваши, обаятельнейшая Сильвия Артуровна, мотивы. С любой разумной точки зрения. Интерес ваш не просматривается в заявленных обстоятельствах. До того как вы объяснили о существовании «параллельной России», я, к примеру, мог для себя ваши действия объяснить. Обращаясь к Президенту, вы намеревались легализовать свою организацию и уже в официальном статусе добиваться тех или иных целей. Мы с вами могли бы достичь, рано или поздно, взаимоприемлемого консенсуса. И хотя бы лично я готов был на сотрудничество, тоже имея в виду свой интерес...

— Господа, — вдруг перебил его Фёст. — Может быть, сделаем паузу? Выпьем, раз уж сидим за накрытым столом, чуть снизим накал обсуждения. Спешить нам особенно некуда...

— Дельное предложение, — поддержал его Писатель. — Никто нас в шею не гонит. Куда более простые вопросы на международных конгрессах неделями и месяцами обсуждались...

— Не возражаю, — ответил Философ. — Только позвольте, я всё же закончу свои тезисы. Повторяю — я был готов поддержать идею сотрудничества с «Комитетом». Но если вы вводите дополнительный фактор, эту самую вторую Россию, так зачем вам мы? Чего вы надеетесь получить здесь, уже имея гораздо более мощного и благополучного, как мне представляется, союзника? Извините — моего воображения хватает только на весьма неприятный для Российской Федерации вариант, и я его принять не могу. Лично я! — с какой-то бесшабашной отчаянностью заявил он. Будто после этих слов его тут же поволокут на дыбу. Так хоть рубашку на груди перед этим рвануть.

Сильвия, ничего не ответив, посмотрела на Президента. Тот едва заметно пожал плечами, явно не собираясь высказывать своё мнение.

— Вы всё время говорите только об интересах, — снова ответил за неё Фёст, — и совершенно забыли о такой категории, как идеалы. А они нередко выше... Разве не так?

— Господа, господа, — постучал вилкой по хрустальному бокалу Журналист, — давайте действительно последуем предложению Петра Петровича, выпьем прежде всего за взаимопонимание. Как бы ни расходились наши мнения, поводов для конфронтации у нас нет и быть не должно. Осознаем прежде всего величие момента — это ведь больше, чем даже встреча инопланетных цивилизаций. У меня просто слов нет. Каждый из нас, — он сделал жест, будто захотел обнять всех присутствующих разом, — и каждая из России как бы обретает свою утерянную почти век назад половину...

— Аркадий, не говори красиво! — с усмешкой процитировал Островского (не Николая, а Александра Николаевича, драматурга) Контразведчик.

Наступила некоторая разрядка. Выпили, кто водку, кто вино или коньяк, заговорили все разом, свои со своими и через стол. Теперь друзья Президента видели своих гостей как бы другими глазами, искали и находили раньше не замеченные отличия в манере поведения и речи.

— Что же ты меня заранее не предупредил? — с лёгкой обидой спросил Философ Журналиста. — Кажется, нетрудно было, я бы хоть морально подготовился. И до сих пор что-то скрываешь, только в толк не возьму, что именно. Чем она вас с шефом обратила в свою веру?

— Ну, подожди ещё немного. Тебе же интересней будет, — ушёл Анатолий от прямого ответа.

— Как знаешь. — Философ отстранился и потянулся

с рюмкой к сидящему напротив Фёсту, резонно считая его человеком, не менее информированным, чем Сильвия.

Когда застолье приобрело хотя бы подобие непринуждённости, Сильвия решила снова обострить партию. Без всякого заранее написанного сценария, полагаясь только на интуицию и естественный ход событий.

— Моим словам большинство из вас всё же не поверили, господа. — Набор улыбок леди Спенсер был неисчерпаем. — Как-то легкомысленно отнеслись. Придётся углубить шокирующее действие...

Она вдруг сделала шаг назад, согнулась в изящном полупоклоне и возгласила тоном и децибелами средневекового дворцового герольда:

— Его Величество Государь Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий князь Финляндский, Всея Великая и Малая и Белая Руси Государь и Повелитель, и прочая, и прочая, и прочая!

Сильвия произнесла лишь «малый титул». Если бы она взялась излагать «Большой», церемония непременно потеряла бы темп, а в нём вся интрига и заключалась.

«Немая сцена» из финала «Ревизора» произошла медленно. Олег Константинович, своим нынешним обликом более напоминающий егеря с дальнего кордона, нежели Венценосца, встал, располагаясь улыбнулся всем сразу, сделал шаг навстречу Президенту, едва ли не щёлкнул каблуками, признавая его особой почти что равной себе да вдобавок и полновластным хозяином на своей территории.

Президент почти машинально поднялся, растерянным взглядом скользнул по приближённым, потом посмотрел на Сильвию, снова на Олега. Происходящее, даже после прогулки по Москве, было непонятно, а этого он не любил. Даже когда ещё преподавал в университете. Неужели Сам Император *той* России явил-

ся сюда лично, никак подобающим титулу образом сего не обставив?

— Поясните, — после непозволительно затянувшейся паузы попросил он Сильвию. Задать тот же вопрос непосредственно Олегу что-то ему помешало. А казалось бы...

— Да что тут пояснять, ваше превосходительство, — снова улыбнулась Сильвия. — Просто мы решили, что достаточно испытывать ваше терпение, да и наше тоже, вот и решили сразу расставить все точки и снять все проблемы. Сразу и окончательно.

— После окончания Гражданской войны Учредительное собрание и Земский собор провозгласили Российскую Державу с демократическим парламентским устройством, но одновременно и сохранением поста Местоблюстителя Императорского престола. То есть монархия как бы и сохранялась, но — в латентном¹ состоянии, примерно так, как Патриаршество в нашей реальности с 1917 по 1943 год. В прошлом году очередной Земский собор решил, что пришло время восставления Самодержавия в полном объеме. Местоблюститель Великий князь Олег Константинович Романов был провозглашён и коронован Императором Олегом Первым! Его Императорское Величество, осознавая важность момента, нашёл, как видите, возможность и изъявил желание явиться сюда СОБСТВЕННОЙ АВГУСТЕЙШЕЙ ПЕРСОНОЙ. Поскольку визит его, как уже было сказано, — неофициальный, было решено все положенные протокольные процедуры отложить до более подходящего момента.

Гражданам, и даже главе демократического государства, было неизвестно и непонятно, как следует вести себя с коронованной особой. Нет, если бы это был ино-

¹ Латентный (лат.) — скрытый, невидимый, существующий, но внешне не проявляющийся.

★

странный король, султан или эмир, прибывший и принимаемый в установленном порядке — вопросов бы не возникло. Есть на то тщательно прописанный церемониал. А здесь ситуация щекотливая — во-первых, из чего следует, что этот представительный мужчина — на самом деле Император из дома Романовых, в этой реальности давным-давно потерявших права на царствование в полном соответствии с Законом о престолонаследии? Любой актёр мог весьма убедительно сыграть такую роль. Во-вторых, если Сильвия всё-таки сказала правду, как соотносятся в смысле субординации главы одной и той же страны, существующей как бы в двух ипостасях, в юридическом смысле взаимоотношающихся. Либо одна, либо другая, но никак не обе сразу.

Впрочем, есть же в физике понятие дуализма волны и частицы.

Император был более подготовлен, поэтому он первый шагнул вперёд и крепко, по-мужски пожал своему коллеге руку.

— Будем знакомы. Окончательно я смогу подтвердить свою подлинность только в одном случае — если вы согласитесь нанести мне официальный визит. Я приму вас в Кремле, и вы лично сможете сравнить, что у нас до сих пор совпадает, а что изменилось бесповоротно.

— Что ж, готов принимать вас в этом качестве, пока не убедился в обратном... — Ошеломление постепенно оставляло Президента.

Император усмехнулся. Очень эта сцена напоминала известный фильм «Иван Васильевич меняет профессию», который Ляхов ему прокрутил в берендеевском конференц-зале.

— С удовольствием приму приглашение, — продолжил Президент, считая, что лицо сохранил, — но, сами понимаете, не сегодня и даже не завтра... — Он до сих

пор находился под впечатлением краткой прогулки по той Москве и склонен был поверить, что разговаривает действительно с российским Императором. Иначе степень абсурдности превысит все мыслимые пределы.

— Это понятно. Сначала можете направить к нам группу сотрудников, они на месте посмотрят, с моими людьми процедуры согласуют, темы переговоров обсудят, тогда и милости просим. Но и сейчас нам есть о чём мнениями обменяться, а то мы всё подходим, подходим, да к делу никак не перейдём.

— Я готов вас выслушать. Это как-то будет связано с событиями последних дней, «Чёрной меткой» и всем прочим?

— Как вам сказать... Меня, согласно занимаемой должности, подобная мелочь не слишком интересует. Ваши это внутренние дела, не мои.

— Тогда я вообще не понимаю, на каком основании *ваши* люди в них вмешиваются? Что бы у нас ни происходило — это наши вопросы, наше суверенное право.

— По поводу последнего не смею возражать. Только так называемый «Комитет» — организация не моя. И входят в него граждане, так сказать, экстерриториальные. Кое-кто из числа ваших подданных, иные, насколько мне известно, — из третьих и четвертых параллельных времен. Мне тоже, знаете ли, — по-свойски улыбнулся Император Президенту, — пришлось в эти вопросы вникать. Просто я по основной специальности учёный-естествоиспытатель, мне легче было соотнести реалии натурфилософии и политики. В этом самом «Комитете» из моих — только полковник Ляхов, до последнего участвовавший в этих делах по своей личной инициативе. Меня он поставил в известность о своём фактическом там статусе совсем недавно. Я счёл, что вещи, выходящие за пределы, артикулом определённые, являются личным делом каждого. Потом все эти *ваши* дела завертели, явно угрожающие спокой-

★

ствию моей Державы. Вадим Петрович, как мог, объяснил обстановку. И убедил встретиться с вами. Я согласился, скорее из любопытства, поскольку, как уже сказал — до того, как Императором стать, всё больше научными исследованиями занимался, путешествовал, книжки писал. Пока Отечество не призвало...

— Экстерриториальные? — Президент явно путался в изящных построениях Олега. — А я вот вообразил, что и Сильвия Артуровна, и всё остальные — прибыли к нам от вас. И занялись, как говорится, «самодеятельностью», с полным основанием квалифицируемой как вмешательство во внутренние дела иностранного государства.

— Ну, «иностранной» я бы вашу Россию не назвал. Тут вообще никакие привычные нормы права неприменимы. На ваше отражение в зеркале чья юрисдикция распространяется?

Вмешался Философ:

— Ваше Величество, господин Президент, парадоксов в данной ситуации лучше избегать. Мы в них запутаемся, и ни к чему хорошему это не приведёт. Для общей пользы давайте всё-таки считать нашу и вашу России совершенно самостоятельными и независимыми государствами. Дружественными, союзными сколь это возможно, но всё же суверенными. И контакты, если договоримся, будем поддерживать на уровне обычных посольств... Иначе можем зайти слишком далеко.

Он взглядом спросил Президента, согласен ли тот с его инициативой. Тот кивнул и добавил:

— За одним исключением. В открытую объявить о появлении на карте мира «другой России», на мой взгляд, пока невозможно. Наши контакты придётся до поры осуществлять под грифом высшей степени секретности. Не подключая к этому официальные структуры. Думаю, объяснять причину нет необходимости.

И ещё — как в данном случае понимать термин «экстерриториальность»?

— В самом прямом, — ответила Сильвия. — Наш комитет не принадлежит ни к одной из известных нам реальностей и одновременно — ко всем сразу. Нам на этот момент известно, как минимум, семь. И все они друг с другом взаимосвязаны — в некотором смысле каждая является причиной и одновременно следствием всех остальных. Мы не настолько хорошо представляем себе основы такого мироустройства, но эмпирическим путём установили, что любые потрясения в любой доступной точке континуума способны вызвать нечто вроде эффекта домино. С непредсказуемыми, как любят выражаться журналисты, последствиями. Вот нам и приходится отслеживать неблагоприятные тенденции в каждой из них и, в случае необходимости, принимать адекватные меры.

— Без согласия коренных обитателей этих «реальностей»? — не совсем искренне удивился Президент.

— А как вы себе представляете получение этого «согласия»? Вы, юрист-правовед! Всенародным плебисцитом? Или обращением к законным властям с разъяснениями? Был у нас случай, в одной из «веток» *вашей* реальности. Там пришлось экстренно решать вопрос об отстранении от должности хорошо вам известного «товарища Ежова». По понятным причинам мы это сделали, не обращаясь к единственно законному органу народного представительства, Верховному Совету СССР. К «народу вообще» тоже не обращались. Да и товарища Сталина, принявшего «окончательное решение», мы *сыграли втёмную*. Неужели вы считаете, что если бы и *здесь* товарищ Ежов был ликвидирован своевременно, пусть и без соблюдения «юридических процедур», и на его место поставлен другой человек, отнюдь не Берия, народу, стране стало бы хуже? Может быть,

★

вы скажете: «Pereat mundus et fiat justitia!»¹ Для меня это спорный тезис.

Вот в теперешнем случае мы решили действовать открыто, обратились прямо к верховной власти в вашем лице. И что? Чувствую — обсуждение ситуации затянется на месяцы, притом что большую часть наших доводов вы явно не готовы воспринять. Не в силу своей ограниченности или злой воли, упаси бог! Просто для того, чтобы знать то же, что знаем мы, мыслить в унисон, вам придётся присоединиться к нашей организации, сначала — в качестве учеников. Вот господин Ляхов третий год с нами взаимодействует, благодаря чему оказал Престолу и Отечеству неоценимые услуги, но полноценным членом комитета так и не стал. Именно потому, что иначе у него не осталось бы времени на службу. А в отставку выходить он не хочет.

При этих словах Император молча кивнул. Да, мол, подтверждаю всё сказанное.

— Ну и какая же опасность грозит «реальностям» сейчас? Исходит она из нашей страны, раз вы обратили на неё своё «благодарное внимание»? — Президент постарался, чтобы все присутствующие ощутили его иронию и даже сарказм.

— Вашему превосходительству достаточно дать поручение тем руководителям МГБ или иных организаций, которым он безусловно доверяет, предоставить ему полную информацию по событиям, имевшим место в Москве осенью прошлого года. У нас та операция прошла под кодом «Ночь и туман»², — впервые взял слово Фёст. — Только запросите *действительно* полную информацию. С фактами, установочными данными на бесследно исчезнувших лиц (не вокзальных бомжей, конечно, а действительно *значащих* фигур), поса-

¹ Правосудие должно свершиться, даже если погибнет мир (лат.).

² См. роман «Хлопок одной ладонью».

дите хоть целое аналитическое управление, пусть они вам все версии выдадут, а заодно и изменения, которые после всего этого произошли в раскладах внутри ОПГ, финансового и политического сообщества...

— А зачем? — спросил Контрразведчик, который наверняка был в курсе если и не всего, то значительной части того, о чём говорил Фёст. — Если вы располагаете всеми необходимыми материалами, так и поделитесь. Конфиденциальность я гарантирую.

— Для повышения уровня взаимного доверия. Чтобы это не выглядело примитивной «дезой» или попыткой оказать на вас информационное давление. А если возникнут вопросы — охотно на них отвечу. Я тоже лицо неофициальное, у меня свой бизнес...

Контрразведчик взглянул на протянутую Фёстом визитку, удивлённо приподнял бровь.

— Совершенно верно. Именно на этом уровне меня и воспринимайте. «Паранормальные явления», и ничего больше. Сейчас мы занимаемся в основном ясновидением, в разработке левитация и телепортация. Кое-каких успехов добились, как видите. А если без шуток... Так до конца и не прояснённые нами силы пытаются использовать территорию вашей России для дестабилизации соседней. И нет оснований надеяться, что прошлогоднее поражение противника его так уж образумило. Ещё проще — наша страна сейчас — это вражеский плацдарм, с которого планируется очередное и гораздо более масштабное вторжение к ним, — он указал на Олега Константиновича. — Это нешуточная угроза сразу двум реальностям, вплоть до их физического, а не только политического существования. Такого, я думаю, не потерпит даже Румыния от Болгарии, например.

Президент вдруг уловил в голосе Фёста знакомые нотки. «Александр Александрович?» Пожалуй, он са-

★

мый. Грим гримом, а взгляд, голос, манеру говорить замаскировать трудно.

Говорить об этом вслух он не стал, разговор и так пошёл слишком скомканный. В подтверждение той мысли, что действительно не два посольства суверенных держав здесь встретились, а близкие родственники (причём скорее — из южной семьи, многочисленной, с полузабытыми генеалогическими отношениями), для которых сиюминутное настроение и какие-то давние пересечения внутрисемейных приязней и антипатий куда важнее внешней пристойности и этикета.

Сам Президент и то подумал, что интересная юридическая коллизия вырисовывается, если к ней с беспристрастной меркой подойти. В смысле — является ли *его* страна правопреемницей царской? До семнадцатого года существовавшей, как Ельцин в своё время признал РФ правопреемницей СССР со всеми юридическими и политическими последствиями. Или же ныне здесь присутствующий Олег Константинович вправе предъявить собственные ленные права на это, с точки зрения параллельной реальности, «*химерическое*» государство. Как Китай на неизвестно кому по праву принадлежащий Тайвань.

Подумал мельком, но тут же и оформил эту мысль в чёткое решение. Почему и стал Президентом, а не владельцем мелкой коммерческой фирмы или «помощником присяжного поверенного». Данное подобие переговоров — немедленно прекратить. Дабы не придать им какое угодно подобие легитимности. Познакомились — достаточно. В частном порядке можно ещё какое-то время пообщаться с человеком, назвавшим себя «Императором», ничем не более убедительным в данной роли, чем насмешливо улыбающийся «Александр Александрович». Для окончательного прояснения позиций и ситуации.

Президент уже почти сумел отрешиться от впечатления, полученного за время краткой прогулки по чужой Москве. Ну, было и было, причём не совсем даже и ясно, что было, и было ли на самом деле.

А вот своим друзьям-консультантам он немедленно поручит вступить в самые тесные отношения со своими *визави*. Каждый из них, судя по всему, занимает примерно аналогичное положение при своём «государе», и поговорить им будет о чём. Пусть найдут способ (а зачем его искать, сами предложат) заручиться приглашением в гости в ту реальность. На неделю, на месяц — несущественно. Командировку выпишем и командировочные выплатим по факту, невзирая, что и годовичная командировка может ограничиться тремя секундами. Именно столько времени сам он провёл там, если верить подаренному главой Швейцарской Конфедерации штучному «Лонжину».

Олег Константинович, очевидно, пришёл к такому же выводу — о бессмысленности ожидания от встречи с «этим мальчишкой» немедленного позитива. «Мальчишка» — отнюдь не подразумевало негативного отношения ненамного старшего по возрасту Императора к своему... Да неизвестно, как его и назвать, исходя из понимания вопроса. О жизненном опыте думал Император, о том, что наверняка руководитель этой России (термин «Президент» ему даже про себя произносить было неприятно. Как глотать «консоле» вместо борща с добрым куском мяса) понятия не имеет, как седлать коня, как трястись в этом седле по полусотне вёрст ежедневно, не снимая ладони с шейки приклада верного карабина, в любую секунду ожидая... Да чего угодно ожидая в двухсотвёрстной полосе по обоим берегам Амура.

И слишком уж этот «Президент» сейчас пытается... Да, именно пытается выглядеть «соответствующим

★

должности». А этого не надо. Пытаться. Сам он, ещё тридцатилетний капитан, заезжал, небритый, в пропотовшем кителе, на глухую таёжную станицу, от которой за трое суток переменным аллюром никуда не доскачешь, и полдюжины заслуженных дедов, на вечерние посиделки у правления выходившие в выцветших гимнастёрках, при крестах и медалях, инстинктивно, пусть и с достоинством, вставали и отдавали честь. И не ехали при этом впереди него машины с мигалками, кортеж мотоциклистов (эти тонкости здешней жизни Секонд ему показал на видеороликах).

Три казака позади, верный Миллер, или Чекменёв рядом — и достаточно. Пять патронов в карабине, десять в «маузере». Вот в этих пределах ты и человек. Само собой — глаза при тебе, руки-ноги, сила и реакция. «Благословение Господне» — как получится. «Ему там» виднее. Захочет — снаряд, точно в тебя направленный, рядом упадёт и не взорвётся. Захочет — шею сломаешь, не на тот край лавочки сев.

Олег Константинович улыбнулся. Секонд и Миллер знали эту добродушную, одновременно хитрую улыбку.

— Может быть, для укрепления взаимного доверия согласитесь принять моё предложение? — спросил он у Президента, заведомо не рассчитывая на позитивный ответ. — Тут до моей летней резиденции не так уж далеко. Посидим, поговорим. Приму по-царски... — опять якобы с усмешкой. — Посмотрите, как при «военно-феодальном строе» живём.

Это уже откровенная *подколка*, на основе почерпнутых Императором из нескольких доставленных флигель-адъютантом *отсюда* книг, написанных в стиле марксистско-ленинского понимания истории. Ничего, кроме отвращения, они у него не вызвали.

— Спасибо... — Президент замялся. «Вашим Величеством» называть собеседника явно не хотелось.

— Да Олег, и всё, — понял его затруднение Император.

— Олег... Спасибо за приглашение, «царский обед» нам и здесь скоро накроют. Но вы должны понять...

— Да не затрудняйся ты так, — вдруг перешёл на «ты» Олег Константинович. — Свои же люди. Давай я тебе лучше подарочек сделаю...

Президент насторожился.

Он, в отличие от президента американского¹, догадывался, что подарочки оч-чень разные бывают. От иного долго-долго не сообразишь, как избавиться. Да и «отдариться» не всегда получается.

Император сделал жест в сторону войскового старшины Миллера. Тот немедленно извлёк из внутреннего кармана куртки (адъютантской полевой сумки с собой не взял) не слишком большую, обтянутую вишнёвым бархатом коробочку.

— Возьми, товарищ (другого слова Император не нашёл, кроме этого, очень почётного обращения, к большевикам отношения не имеющего²), просто в память нашей встречи. — О том, как это слово воспримут *аборигены*, он не задумался.

Президент взял, оснований отказать не было, хотя Контразведчик непроизвольно дёрнулся.

Внутри лежал орденовский крест, размером с Георгиевский третьей степени, но иной формы, выполненный из золота, с чёрно-белой эмалевой окантовкой лучей, с кольцом для шейной, сейчас отсутствовавшей ленты.

— Это не орден, макет, — пояснил Олег Константинович. — Пока не утверждённый, но исполненный в натуральную величину и из натуральных материалов...

¹ См. роман «Мальтийский крест», т. 2.

² К примеру, адмирал В.А. Корнилов обращался к войскам: «Товарищи! На нас лежит честь защиты Севастополя...» (Е. Тарле. Крымская война. М., АСТ. 2005).

— Действующая модель паровоза в натуральную величину, — вроде бы буркнул себе под нос Писатель, но все услышали.

— Вот именно, друг мой, вот именно, — немедленно отреагировал Император. — Вы и раньше, как я заметил, проявляли должную быстроту мышления, так я попрошу вас к себе в гости независимо от точки зрения *политической*.

Нет времени сейчас описать выражения глаз, лиц, а главное — мысли людей с президентской стороны стола. Достаточно одной, Журналиста: «Трепач, ничего для собственного успеха не сделал, а в «мэтрах» обозначился. И сейчас совсем не в тему ляпнул, и на тебе, личное приглашения! Я первый *туда* сходил, и что?»

Причём мнение это было совершенно дружеское. Без тени зависти или желания навредить, точно как непроизвольный вскрик — собрался то ли на мизер, то ли на тотус упасть, просчитал, заслабило, партнёру прикуп отдал. А там либо два туза в жилу, либо две «хозяйки». И тебе и ему одинаково, на двенадцати картах игралось. Но ведь обидно же! Сам Боб Власов, любимый партнёр, чуть не Капабланка в «префе», и тот в таких случаях едва не до слёз расстраивался.

Президент «макет» орденского знака принял. Внимательно его осмотрел, с особым вниманием прочёл «девиз»: «Рука всевышнего отечество спасла!»

— Это по какому случаю? — на всякий случай спросил, ибо в истории «параллельной», естественно, был не силен. Но что-то такое ему эти слова напоминали.

Что так называлась весьма популярная в тридцатые годы уже позапрошлого века драма Кукольника, Нестора Васильевича, изданная раньше «Ревизора» Гоголя и «Героя нашего времени» Лермонтова, он не помнил, но, как известно: «Высшее образование — это то, что остаётся, когда всё выученное забывается».

Император умел «руководить процессом». Не считал

нужным отвечать сам, если подчинённые могли это сделать лучше или видел для себя «некоторый урон».

Не войсковой старшина Миллер, державший в руках коробку с наградой, а флигель-адъютант Ляхов, по незаметному знаку, ответил со всем возможным пиететом к любым проявлениям «щепетильности»¹ со стороны здешнего правителя. Так, «чтобы очень», как в грузинском анекдоте, этот Президент ему не нравился. Но — должностное лицо, официального почтения заслуживающее.

— Ваше Превосходительство! — Ляхов очень здорово умел «играть голосом», щёлкать каблуками любой надетой на нём обуви и вообще выглядеть так, что «проникались» и начальствующие мужчины, и самые красивые женщины, вроде Майи Скуратовой. — Данный орденский знак Его Императорское Величество решил учредить в ознаменование разгрома вторгшихся на территорию Империи банд, проникших туда с подконтрольной Вам территории. Имевших в своём составе чеченских и иных кавказских, вкуче с иными исламистами сепаратистов, украинских и прибалтийских фашистов, а также и прочий наёмный сброд. Гвардия Государя совместно с доблестными Корниловской и Марковской дивизиями, пришедшими нам на помощь, навели в Москве и окрестностях «конституционный порядок». — Это сочетание Ляхов употребил специально. Чтобы понятнее было.

— Простите, — не выдержал Контрразведчик. — Какими «корниловскими и марковскими»?

— Именно теми, о которых вы подумали, — почти издевательски сказал Ляхов. — Вам известны какие-нибудь другие?

— Но...

¹ Щепетильность, по Далю — привередливость, склонность выискивать во всём неудобные, обидные для себя моменты.

— Вас опять что-нибудь удивляет? — уж с этим «жандармским» генералом Вадим мог держать себя абсолютно раскованно и независимо. И не таких видали.

— Да, естественно, с первого раза это с трудом укладывается в привычные представления. А мы все и здесь присутствующий Государь откуда? У вас такой-то год, у нас приблизительно соответствующий, ну а в «третьей реальности» двадцатые прошлого века в самом начале. Точно так же люди живут, независимо от того, что на Главной исторической последовательности все они давно покойники. И связь с тем и нашим временем отлажена довольно чётко.

— Если существование вашего *параллельного* времени ещё может быть как-то объяснено, — сказал Философ, до сих пор не догадывавшийся, что Президент и Журналист там уже побывали. Того, как друг спрятал в походную сумку пачку газет, он просто не заметил, — то прошлое, с какой бы точки зрения к нему ни подходить, уже не существует. Иначе бы оно таковым не было...

— Да как же так? — в стиле Коровьева удивился Секонд. — Если вы хоть раз держали в руках любой предмет, изготовленный раньше текущего момента, то не можете не признать, что если реален сам предмет, то не менее реально место и время, где он был произведён. Конечно, в ньютоновой физике и марксистской философии эта точка и все ей предшествующие точки континуума недоступны. Про парадокс с убийством дедушки я тоже знаю. Суть вопроса в том и заключается, что вы рассматриваете слишком частный случай. Допустим, вы проехали железнодорожную станцию, и она для вас безусловно позади географически и в прошлом хронологически. Но только — в пределах системы «поезд-рельсы-расписание». Сама же она никуда не делась, с помощью автомобиля или вертолёта вы вполне можете туда вернуться, сделать какие-то упу-

щенные дела, после чего на следующей станции догнать свой вагон, внутри которого за время отсутствия никаких значимых изменений не произойдёт, и в пункт назначения прибудете в положенное время...

Аналогия не показалась Философу корректной, и он немедленно захотел её оспорить, почти забыв об исходной точке дискуссии.

Увидев, что спор одинаково эрудированных людей обещает быть долгим и вполне может перейти в банальную склоку, Император сделал короткий, но сразу ставящий спорщиков на место жест.

«Что ж, сувенир он и есть сувенир, отчего и не принять? — думал Президент. — Что там за намёк Олег этим подарком обозначает — не суть важно. Только теперь нужно немедленно ответить чем-то равноценным».

Он передал коробку в руки Писателя, обвёл друзей вопросительным взглядом. На что ещё нужны советники? Подсказать необходимое решение в момент, когда сюзерен не то чтобы в растерянности (такого быть не должно, а следовательно, и не может), а по известным только ему причинам размышляет о чём-то другом, не менее важном.

Здесь у него под руками равноценного подарка не было, и где его взять? Хоть в Москву посылай специального человека, имеющего доступ к Спецхрану.

Тут и подфартило Контрразведчику. Без всякой специальной цели, просто — друзьям показать, заодно и пристрелять по бутылкам и другим подходящим целям прихватил он с собой попавший на днях к нему в руки пистолет «Гюрза», заводского производства, но побывавший в руках неких умельцев, превративших его в произведение искусства. Не иначе как в знаменитом ауле Кубачи над ним поработали (или в одном из мест лишения свободы, где «народные умельцы» что угодно изготовят, был бы заказ). Все металлические детали расписали золотой чеканкой, травлением по металлу и

прочими изысками, всячески обыгрывающими наименование модели. На щёчки пустили слоновую, а скорее — моржовую кость, сплошь покрытую неповторяющимся орнаментом. Может, для какого «амира» то ли своего, то ли заграничного делали. Или — министру ко дню рождения.

Немного жалко было вдруг взять да отдать красивую игрушку. Так и выигрыш тоже светил немаленький, что с этой, что с другой стороны. А себе ещё найдём, особенно если весь «цех» накрыть удастся. Самое главное, пистолет был из той серии, что предназначалась под девятимиллиметровый патрон «Парабеллум». Такие и в параллельном мире наверняка найдутся¹.

Не рояль в кустах, но около этого.

— Я сейчас, — сказал он Императору.

И бегать никуда не пришлось, только до машины дойти. При всём своём скептицизме и даже несколько вызывающем неприятии общепологающей идеи Контрразведчик оказался профессионально «грамотным человеком». Чётко сообразил, что проще поверить в невероятное, чем остаться на перроне, глядя в хвост уходящему поезду. Журналист и Писатель явно уже поверили и «императору», и его свите, а они ребята хваткие, на пустую блесну не ловятся. Как бы не выиграли «поперёд него» редко выпадающий шанс. Текущий расклад в случае чего бо-ольшущий куш сулит.

Деревянный футляр, в каких обычно хранилось целевое оружие, он подал Президенту почтительно, одновременно бросив взгляд в сторону. Не на Императора (не его уровень), а, как у царедворцев положено, на человека, который приставлен к аналогичным делам, то есть на Миллера. В любой иерархии, начиная с

¹ Подразумевается, что все типы боеприпасов и марки оружия, произведённые до развилки 1918 года, аналогичны в обеих реальностях.

Древнего Египта, сановники близких рангов легко друг друга узнают.

Президент был обрадован мгновенностью реакции друга, ещё не зная, что именно скрыто в коробке. Просто знал, что этот — не подведёт. Грубо выражаясь, «туфту не подсунет». И подал Императору ответный подарок, даже его не раскрывая.

— Сами понимаете, Олег Константинович, не готовился я к нашей встрече. Вообразить не мог. Но — чем богаты, тем и рады! Примите от души. — Слова Президента прозвучали со всей возможной теплотой и радушием, но чувствовалась в них некоторая неуверенность, не всеми уловимая. Вдруг да не то в футляре окажется? Фрейдизм в какой-то мере, но был у него в молодые годы подобный случай. Перепутал на Восьмое марта подарки: то, что девушке предназначалось, маме вручил...

Олег Константинович, в отличие от Президента человек военный до мозга костей, по виду футляра догадался, что там может содержаться. И откинул замки крышки с нетерпением. Интересно же!

Увиденное его восхитило, без всяких преувеличений. В смысле оружия Император был редкостным знатоком и ценителем. А тут — совершенно *потустороннее* изделие. Словно Сильвия среди его придворных дам!

Прекрасный пистолет! Невзирая на отделку, бог с ней, с отделкой, хотя и она хороша! Особенно эта хищная змея, обвивающая своим золочёным телом чешуйчатый кожух затвора. Он сразу же взял его в руки, прикинул *эргономику*, вес, баланс. Несколько секунд хватило, чтобы сообразить, где кнопка магазина, затворная задержка, предохранитель и всё прочее.

И обратился он не к Президенту, а прямо к Контрразведчику.

— Характеристики изложите. Что калибр «девять» я и сам вижу, а остальное?

Тот доложил со всей возможной полнотой и точностью, присовокупив, что именную табличку в ближайшее время изготовят и передадут любым удобным способом. Чем набрал дополнительные очки.

— Попробовать можно? — У себя в Берендеевке Олег никого бы не спрашивал, а здесь всё-таки «чужая земля».

— Да о чём речь?

Первым выстрелом Император сбил с дерева сидевшую метрах в двадцати ворону. Только перья полетели. Ещё двумя — крупные еловые шишки на том же примерно расстоянии¹.

— Хорошо, — расплылся в довольной улыбке Олег Константинович. — Надёжная машина. Теперь вы? — Он протянул пистолет рукояткой вперёд Президенту.

— Вот здесь — увольте, — выставил тот вперёд ладонь с раскрытыми пальцами. — Я в плавании кое-чего достиг, в теннис играю, велосипедом занимался, а это как-то мимо прошло. В другое время рос...

Император с весёлой хитринкой в глазах скользнул по президентскому окружению.

Позориться никому не хотелось после изображённого чужим предводителем мастер-класса.

— Мне позвольте? — сделал шаг вперёд Писатель.

Остальные его друзья облегчённо вздохнули. Что он стрелять умел довольно прилично, знали все, но вот при всех посоревноваться с державной особой, владеющей оружием, как Юл Бриннер? Так это, может быть, даже и лучше! Человек умственного труда примет на себя удар. Никакой не удар, конечно, обычное развлечение, в котором, однако, более значительные

¹ Кучность стрельбы из «Гюрзы» сериями по 10 выстрелов на 25 метров — все пули укладываются в круг 8 см. На 100 метров — 32 см.

лица останутся в стороне, высокий гость — при своей победе и восхищении зрителей с обеих сторон. В случае же неудачи интеллигент с сомнением удовлетворится тем, что хотя бы удостоился чести занять второе место в соревновании с непревзойдённым стрелком, тем более — Императором.

Может возникнуть вопрос — как именно все эти «демократически», а главное — крайне скептически настроенные господа так быстро, поперёк собственного отношения к любого рода «мистификациям», согласились воспринимать Олега Константиновича в заявленном им качестве? Харизма ли тут подействовала, свойственная всем Романовым, или иное что-то, но даже сам Президент ощутил, что при первом же серьёзном историческом катаклизме его личные друзья охотно признают главенство не его, а этого вот самоуверенного мужчины. Не то чтобы предадут, это исключается, просто согласятся с неизбежным, как если бы он отслужил определённый в должности срок и вернулся в исходное состояние.

Писатель тем временем перешёл в иную *позицию* своей личности.

Этому *перевоспощению* он научился очень давно и пользовался при необходимости, в ситуациях, с которыми в *повседневном состоянии* справиться не мог. Тогда он, как талантливый актёр школы Станиславского, превращался в другого человека. Сейчас — в стрелка типа Криса из «Великолепной семёрки», попадающего навскидку в любую цель. У него даже черты лица стали резче и жёстче, фигура приобрела давнюю стать и пружинистую силу.

С лёгкой уважительной (а как же иначе) улыбкой взял из рук Императора пистолет, внимательно его осмотрел, взвесил на руке, несколько раз вскинул от колена до плеча и обратно. Усмехнулся, прямо взглянув в

★

глаза Президента, будто спрашивая: «Делать «клиента» или уступить?»

Президент, сам не понимая, мысли он друга читает или просто думает и ощущает происходящее одинаково, кивнул, одновременно выкрикнув ментально, едва не вслух: «Делай, делай. Что можешь!»

Писатель снова усмехнулся весьма двусмысленно. Можно было догадаться, что мысленный посыл он принял.

Повернулся к Олегу Константиновичу, пошевеливая пальцами на рукоятке и перед спусковым крючком.

— Ворон что-то не видно. Разлетелись, напугались. По шишкам, что ли?

Император уловил в стоявшем перед ним подтянутом, худощавом мужчине с ироническим складом губ серьёзного противника. Этот не станет ради дипломатического политеса шар в бильярде подставлять или играющего короля на козырную шестёрку сбрасывать.

— Давайте по шишкам, — согласился Олег.

Писатель вскинул пистолет и шестью выстрелами, прозвучавшими почти как очередь, снёс с вершины стоявшей у края ограды сосны (двадцать пять метров до неё точно) целую гроздь, то ли шесть шишек, то ли семь, никто и посчитать не успел. Долго падали на землю крупные янтарные пластинки чешуи после того, как смолк последний выстрел.

Для пущего эффекта Писатель прокрутил «Гюрзу» на спусковой скобе вокруг пальца, дунул в ствол, изобразил попытку бросить его в кобуру на бедре, которой, естественно, не оказалось, снова усмехнулся, развёл руками и протянул пистолет владельцу.

— Приятно было размяться, — сказал он. — Счёт равный, так будем считать?

Император приобнял Писателя за плечи.

— Великолепно, друг мой, просто великолепно. Счастлив видеть и здесь прекрасного стрелка. Мы, уверен,

ещё посоревнуемся как следует. А пока я награждаю вас золотым знаком «Императорского стрелкового общества». Достойны — без всяких рекомендаций и представлений достойны. Войсковой старшина Миллер или полковник Ляхов завтра же вам его доставят... Только вот — не люблю я поражений. И мы с вами непременно встретимся в моём тире и проверим, кто чего стоит по-настоящему....

— Что значит — по-настоящему? «Большой стандарт» стрелять будем? И не вижу я, отчего вы себя «проигравшим» посчитали. Три ваших выстрела, шесть моих, и все — в цель. Нормально, мне кажется, боевая ничья.

Император эти слова пропустил мимо ушей. Видимо, имел своё мнение. Его другое заинтересовало.

— «Большой стандарт» — это что? И где вы учились?

— Стрельбе — сначала у школьного военрука Владимира Ивановича Максина, потом у тренера клуба ДОСААФ Ивана Ивановича Ледовского. Остальную часть жизни — самостоятельно...

— Хорошие учителя. Так что за «стандарт»?

— «Большой стандарт», Ваше Величество, это достаточно трудное упражнение. По тридцать выстрелов подряд из винтовки с трёх положений — лёжа, с колена и стоя. Лично мне уж слишком тяжело «с колена» давалось. Связки, наверное, плохие достались. Отчего и на пистолет перешёл.

— Очень, очень интересно, — сказал Император, положив руку на плечо соперника. — Непременно попробую. Люблю я это дело, в отличие от вашего Президента. Закуривайте. — Он протянул свой портсигар: — Мои любимые «Кара Дениз», смесь по особому рецепту...

По лицам Президента и его окружения не совсем понятно было, довольны они успехом своего товарища или расценивают его как-то иначе.

... Пока доставленные из города официанты (каждый — сотрудник ФСО в офицерском звании) накрывали столы для достойного высоких гостей обеда, Президент пребывал в тяжких сомнениях. Ему не нравилось сейчас абсолютно всё. Не только локальная окружающая действительность, но даже и родная Солнечная система в целом. Совершенно как в «Записных книжках Ильфа».

Никому не нужно ничего объяснять, но для себя он понимал — фактически проиграно всё! Нет больше у него уверенности в себе, без которой занимать подобный пост — профанация, если относишься к своей миссии серьёзно. А он к ней относился именно так, считая себя в нынешней ситуации единственным спасителем России, призванным провести её узким бурным проливом между Сциллой диктатуры и Харибдой анархии.

Отчего и вызвало у него такое возмущение появление на горизонте сначала «Александра Александровича», а потом и Сильвии. Не столь даже важно, что реализация их идеи влекла за собой и то и другое сразу, в других условиях подобную опасность можно было пресечь в корне, пользуясь привычными и испытанными средствами. Но ведь продемонстрированные «защитниками» возможности, если принять их всерьёз (а как иначе?), сводили на нет все доступные ему и государственной машине в целом способы управления ситуацией. словно как появление в рядах дружины Мстислава Удалого на Калке десятка банальнейших пулемётов «ПКМ», грамотно расположенных и снабжённых достаточным количеством боеприпасов, поставило бы крест на геополитических планах Чингисхана.

Что же касается направления деятельности по «наведению порядка» в России, а тем самым и «сохранения реальности», оно вызывало у Президента принципиальное неприятие. Сторонник теории эволюции, он

считал, что бороться с коррупцией и прочими негативными явлениями окружающей действительности можно лишь неуклонным, но неторопливым ростом экономики, «смягчением общественных нравов», совершенствованием административной и правоохранительной системы, развитием гражданского общества и так далее. Предполагая и соглашаясь, что процесс может занять исторически длительный срок. Как становление парламентаризма и правовых государств в Европе. Главное — не торопиться и не делать резких движений.

В широком смысле он понимал свою задачу следующим образом — отладить процесс так, чтобы в стране постоянно и неуклонно происходили пусть внешне почти незаметные, но позитивные изменения, с одновременным уменьшением всяческого негатива. Всего лишь.

То же, что предлагали «комитетчики», обещало новый цикл «бури и натиска», автоматически, имманентно предполагающий очередной разгул хаоса. По всем направлениям. Президент хорошо помнил, как из-за вполне благородных по замыслу кампаний по «преодолению пьянства и алкоголизма» и «борьбе с нетрудовыми доходами» одновременно начали рушиться и экономика, и авторитет центральной власти. До восьмидесят пятого года Советская власть была только неэффективной и догматичной, а тут вдруг, почти в одночасье, стала ещё и смешной.

Столь же разрушительным примером «усердия не по разуму» и «намерений, которыми вымощена дорога в ад», он считал решение о создании кооперативов на базе действовавших «социалистических предприятий». Горбачёву и его советникам мыслилось, что частная инициатива процветёт под прикрытием и приглядом «советских крепких хозяйственников» и государственного контрольно-репрессивного аппарата. Вышло же всё с точностью до наоборот: как только

появилась возможность легально обналичивать «безналичные деньги», которые вообще деньгами не являлись по идее, всего лишь условной расчётной единицей — в первых рядах «кооператоров» оказались «надёжнейшие, честнейшие и вернейшие». То, что пафосно называлось «Честь, ум и совесть эпохи».

Оказаться в подобной ситуации Президент боялся больше всего и невольно уподобился врачу, уповающему исключительно на терапию и категорически не приемлющему хирургических методов, забывшему, а может быть, просто не знавшему афоризма К. Пруткова: «Ничего не доводи до крайности. Человек, желающий трапезовать слишком поздно, рискует трапезовать рано поутру».

Сегодня он увидел и понял, что его оппоненты сильнее его. Не только тем, что располагают чудесными техническими устройствами, но и наличием у себя в тылу такого государства, как Императорская Россия, во главе с волевым и не склонным к компромиссам и интеллигентским рефлексиям лидером.

Собираясь на эту встречу, Президент готовился именно к дискуссии с несколькими авантюрно настроенными людьми, пусть и владеющими методикой межпространственных перемещений. С ними он, пусть приблизительно, знал, как договориться и на каких условиях.

Но теперь-то всё совершенно иначе. И он — в положении князя, собравшегося сразиться с дружиной соседа в полтысячи копий и сабель, но, выехав на поле, увидевшего перед собой теряющиеся за горизонтом туги хана Батия.

Президенту хватило проведённого в другой Москве часа и личного знакомства с Олегом Первым, чтобы понять безнадёжность своего положения. А существует, оказывается, ещё и третья Россия, белогвардейская, врангелевская, располагающая мощной Добро-

вольческой армией, готовой и способной направить «интернациональную помощь» в любую точку «иных миров». Настолько боеспособной, что, по словам Императора и его придворных, двумя дивизиями сумела подавить вооружённое вторжение из *этой* реальности, оснащённое, очевидно, самой совершенной боевой техникой двадцатого и даже двадцать первого века, против которой оказалась бессильной императорская гвардия.

Подробности того «инцидента» следует тщательно изучить, но в любом случае... Если Олегу и «комитетчикам» придёт в голову начать действовать своими методами, противопоставить им будет нечего. Президент достаточно знал свой народ, чтобы понять — на демагогию «защитников реальности» и «борцов с коррупцией» он легко поддастся, даже с восторгом, особенно если узнает — есть совсем рядом, только руку протяни, «сказочная страна». Не Америка какая-нибудь, не европейская конфедерация (при всей заманчивости тамошнего уровня жизни психологически чуждые и внутренне враждебные «русской душе»), а самая настоящая, процветающая «Русь-матушка», во главе с добрым царём, с почти полумиллиардным счастливым населением, в границах тысяча девятьсот сорока-пятидесятого года, если не больше...

Сохранить свой пост, может быть, и удастся, но на деле сам он превратится в нечто подобное руководителю «братской независимой Абхазии».

И ведь никаких мер контрпропаганды придумать невозможно, по крайней мере — с ходу. Положение хуже, чем у Хонеккера и... как там была фамилия последнего руководителя независимой ГДР? Если народ загорится идеей объединения с братьями «за берлинской стеной»... тем более, и «стены» никакой нет. Откроются сотни, а то и тысячи проходов только в одной Москве — вот вам и всё!

Одна надежда — Олег и его царедворцы сами не захотят «объединяться» с такой страной, как наша... И организуют «стену» со своей стороны.

Президент в одиночестве (друзья, понимая его состояние и настроение, имитировали бурную деятельность по организации парадного обеда) прохаживался по тропинке позади дома, нервно курил, уже не скрывая «вредной привычки». Как студент-первокурсник перед трудным экзаменом.

Сильвия возникла у него за спиной бесшумно, как спецназовец в тылу врага.

— Вы напрасно всё так драматизируете, — сказала она негромко, чтобы не напугать внезапностью, — дела обстоят гораздо лучше, чем вам вообразилось.

— Откуда вам знать, что именно мне «вообразилось»?

— Подумаешь — бином Ньютона, — располагающе улыбнулась Сильвия. — Не стану воспроизводить ход ваших мыслей, но опасаться недружественных шагов со стороны Российской Империи нет ни малейших оснований. С нашей — тем более. Это, разумеется, касается только государственного устройства и государственных интересов вашей страны. Что же касается отношений «Комитета» с лицами и организациями, представляющими действительную опасность для «реальностей», — тут уж извините. Вы не обязаны читать будущее, как открытую книгу, хотя способность к футурологии для государственного деятеля весьма желательна. Но вот мы, этими методиками владеющие, не можем ставить на карту существование нескольких миров в угоду чьим бы то ни было предрассудкам и личным интересам. Вам же, для общего спокойствия, если не готовы деятельно помогать — лучше всего не обращать внимания на происшествия, «несущие внеш-

ние признаки преступления, но не являющиеся таковыми...».

— Спасибо, что такое действия, совершённые в состоянии «крайней необходимости», я знаю. Жаль только, что вы присваиваете себе исключительное право, принадлежащее только суду.

— Уверяю вас, наша квалификация неизмеримо выше таковой у рядового судьи или прокурорского работника, тем более что в нашем случае АБСОЛЮТНО исключается воздействие «привходящих» факторов как административного, так и финансового планов. Я надеюсь, вы сегодня в этом окончательно убедились...

Говорила Сильвия с такой психологической убедительностью, подкреплённой созданной ею локальной мыслеформой, что Президент, вопреки недавним мыслям, с огромным облегчением решил: единственный достойный выход из логического и нравственного тупика — полностью принять точку зрения собеседницы. Действительно — никаких доводов, оправдывающих собственную непреклонность, нежелание воспринимать объективную реальность как высшую в сравнении с собственными предрассудками и стереотипами, он привести не мог. Даже себе самому. Способов противодействия деятельности «Комитета» он тоже не видел. Следовательно — до поры до времени правильнее всего заняться тактическим маневрированием, удерживая занимаемые позиции и уповая на пресловутую кривую, которая куда-нибудь непременно вывезет.

— В то же время вы всегда можете рассчитывать на нашу поддержку. Любую. — Последнее слово она выдвинула интонацией. — Обдумайте это, время есть. Помните, как писали классики? Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей, приобретёт же он весь мир. А сейчас пойдёмте. За дружеским столом, в неприуждённой обстановке обсудим практические вопросы помощи, которую Империя сможет оказать Россий-

ской Федерации в ближайшее время. Эта помощь, в отличие от любой другой (вернее — оказанной кем угодно другим), будет совершенно бескорыстной, квалифицированной и эффективной. Без всяких предварительных и постфактум условий.

— Так разве бывает?

— У кого как. Обращаясь в трудную минуту к родному старшему брату, вы обсуждаете с ним сроки компенсации и сумму, с учётом сложных процентов? Если помните, Россия, даже неся тяжёлые потери, рискуя самым своим существованием, никогда ничего не требовала взамен. Зато нередко получала в ответ чёрную неблагодарность. Болгария, Сербия, арабские страны, Грузия — вы помните, чем обернулся наш альтруизм, сотни тысяч ни за что погубленных солдатских жизней, сотни миллиардов безвозмездной помощи, отнятой у своего полуголодного народа?

— Но всё-таки — старшему? — единственное, что смог спросить Президент.

— Как вам будет угодно считать. Претендуете сами на эту роль — приготовьтесь платить золотом, потом, кровью... Однако примите во внимание, что РФ официально существует около двадцати лет, а Российская Империя, даже если считать только с Ивана Третьего — более пятисот¹. Однако, если не ошибаюсь, в Новгороде Великом памятник «Тысячелетие России» установлен ещё в девятнадцатом веке...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

План переговоров, тщательно отработанный Ляховым и Ферзенем, оказался скомкан. Неправильно они рассчитали эмоциональный настрой своих партнёров,

¹ Иван Третий Васильевич (1440 — 1505), Великий князь владимирский и московский. С 1478 г. официально считается «государем всея Руси».

исходя из собственных взглядов и мировоззрения. Сам факт существования второй России (не в фантастических романах, а наяву) оказал на Президента и его команду такое воздействие, что не потребовался ни политико-экономический доклад барона, ни подготовленные Вадимом «тезисы для дискуссии». Привычка к академическим, почти безэмоциональным симпозиумам «пересветов», где обсуждались любые, самые невероятные с точки зрения здравого смысла проблемы, выставила «теоретиков» в достаточно глупом свете. С точки зрения Императора, конечно.

Ему-то можно было слегка ошибиться в психологическом рисунке своего коллеги, никогда не виданном человеке абсолютно иной культуры и воспитания, но никак не штабистам, на то и поставленным, чтобы в любых обстоятельствах предлагать полководцу оптимальные решения без ссылок на то, что «неприятель» повёл себя «неправильно».

Зато каждый из «друзей Президента» нашёл время, чтобы подойти к вывешенным рядом картам одной и другой России и посмотреть статистические таблицы, касающиеся экономики, военно-стратегических ресурсов, демографии и многого другого, касающегося сравнительного положения той и другой державы на «мировой шахматной доске».

Безусловно, эти материалы впечатление произвели. Другое дело, что не на всех то, что изначально подразумевалось аналитиками.

В какой-то момент рядом с этим «уголком наглядной агитации» оказались Ферзен, Секонд, Фёст и Писатель, профессиональная тяга которого к «пришельцам» была неодолима. Да и после своего сольного выступления он предполагал, что имеет право держаться на равных с этими офицерами. Тем более — по приказу Императора Секонд должен был завтра же вручить ему «Золотой значок». Правда, как и когда, оговорено

не было. Вот, кстати, и повод, чтобы от этого частного вопроса перейти к более общим.

Писатель не догадывался, что на самом деле представляют собой Секонд и Фёст, вместе и по отдельности, что один из них его соотечественник (если это слово в данной ситуации применимо, может быть, лучше — современник?) и что каждый из них — стрелок гораздо более высокого класса, чем он. Просто потому, что не по шишкам они мастерски стреляли, а по движущимся и отвечающим плотным огнём объектам, и не на двадцать метров, а на двести и дальше.

Но тем не менее взаимная тяга ощущалась. Пусть и по разным причинам.

У друзей Президента, получивших, пока он, поглощённый беседой с Императором, в буквальном смысле не видел ничего вокруг, возможность пообщаться с вполне на первый взгляд адекватными ребятами «другой России», вызвала энтузиазм, впрочем, довольно противоречивый. Журналист, лично побывавший в их Москве и полностью уверенный в своём психическом здоровье, стремился доказать своим товарищам и новым знакомцам, что темы для дискуссии — заключать союз с другой Россией или нет — вообще не существует.

Стоит всем им побывать на *той стороне*, и останутся только вопросы исключительно практические. При этом он любовно погладил рукой по пачке газет, в которых едва ли успел просмотреть больше чем по колонке. Этого было достаточно. Он решил — при любой позиции Президента опубликует хоть одну полосу целиком, репринтно — это будет убойным материалом. С соответствующими комментариями, конечно. Народ у нас доверчивый, но здравомыслящий, к чему угодно привычный, «самый читающий в мире, между строк», легко поверит в такую вот «другую Россию», «Беловодье», «град Китеж», если хотите. С гораздо большим

энтузиазмом, чем двадцать лет назад — в «великую Америку, где текут реки молока и мёда».

Анатолий взглянул на Писателя, с непередаваемой усмешкой на лице cedящего свой коньяк.

— Что? — спросил тот. — Поддержка собственным мыслям требуется? А я для кого писал с десятого класса? Вы читали. Нравилось вам, как вы в придуманных мною мирах геройствовали? Теперь давайте сами. «Вперёд и вверх, а там...»

— Я, кстати, ваши книги тоже читал, — сказал Фёст, назвавшийся здесь Петром. Он показался Писателю очень похожим на Ляхова, особенно если бы ему сбрить усы и шкиперскую бородку. — Если вы не дурака валяли, так должны сейчас радоваться. Почти всё по-вашему выходит.

— И где же вам это удалось?

— Здесь, где же ещё? Я, чтобы вам понятнее было, из местных. Коллаборационист, так сказать. Из чисто прагматических соображений давно и тесно сотрудничаю и с «Комитетом», с господами-товарищами имперцами — не знаю, как бы их правильнее назвать. Вы тоже подумайте, придётся ведь всё равно какой-то звучный и общепонятный термин придумать, чтобы *простому* человеку сразу понятно было и прижилось.

— Придумаем, — сказал Журналист.

— Ну, допустим, сотрудничаете, — согласился Писатель, — это весьма удачно, есть хоть одно связующее звено. Но отчего вы сказали в мой адрес «если не дурака валяли»? Интересная, в принципе, оценка...

— Вас что-то задело? Напрасно. Я в том смысле выразился, что либо автор в какой-то мере верит в то, что пишет, либо просто «гонит километраж», зарабатывая на конъюнктуре. Сам же, кроме денег, вообще ни во что не верит...

— Друзья, вы, похоже, не в ту сторону заворачиваете, — вмешался Философ. — Нам сейчас только дис-

куссии о психологии творчества, взаимоотношениях масскульта и серьёзной литературы не хватает.

— Мы быстренько, — успокоил его Пётр-Фёст. — Если вы допускаете возможность существования придуманной вами модели мироздания, то должны бы сейчас, когда нечто подобное осуществилось, стать нашим самым главным союзником и помощником. Поскольку единственный здесь, кому нет необходимости ломать через колено собственные предрассудки, а также и фобии любого рода. Даже вот Анатолий, по профессии обязанный иметь максимально широкие взгляды, очевидным образом колеблется в диапазоне от любопытства до ксенофобии. Понять его можно. От нечего делать книжки про пришельцев или даже всяческих вампиров почитать и фильмы посматривать — это одно. Лично в тёмном переулке встретиться — несколько другое. Очень неплохо, если помните, в «Сказке о тройке» звучит речь товарища Вунюкова о недопустимости контакта с инопланетянами.

И он на память процитировал:

— «Вы предложили нам дружбу и сотрудничество во всех аспектах цивилизации. Это предложение беспрецедентно в человеческой истории, как и беспрецедентен наш ответ на ваше предложение. Мы отвечаем вам отказом по всем пунктам предложенного вами договора, мы отказываемся выдвинуть какой бы то ни было контрдоговор, мы категорически настаиваем на прекращении каких бы то ни было контактов между нашими цивилизациями и между их отдельными представителями...» Похоже?

— Чего же дальше не продолжаете? — спросил Писатель. — Вот это: «Что же касается нашего закоренелого мистицизма, нашей застарелой надежды на добрых богов, добрых царей и добрых героев, надежды на вмешательство авторитетной личности, которая грядёт и снимет с нас все заботы и всю ответственность...»

— Да потому, что считаю это полной ерундой, — отмахнулся Фёст. — Авторы писали это в совершенно другое время и других условиях. С тех пор прошло почти полвека. Обстоятельства изменились кардинально. Если мы пойдём на союз с Империей, откроем границы — шок может случиться только у определённой страты — от сильно больших олигархов до нескольких миллионов «офисного планктона», тяжелее компьютерной мышки никогда ничего в руках не державших. Но это преодолимо. Лесоповал — великолепное средство против избыточного самоуважения. Как свидетельствуют многочисленные мемуары — у очень многих убеждённых коммунистов, «бойцов ленинской гвардии» мозги после «норильской десятки» гораздо реалистичнее начинали работать.

— Ну, это вы опять в крайности бросаетесь, — усмехнулся Писатель, снова взяв с фуршетного стола очередную рюмку и предложив остальным последовать его примеру. — Что вы по натуре экстремист, сразу и издалека видно. Только не вкладывайте в мои слова нынешнего негативно-юридического смысла. «Экстремум» — всего лишь крайность, и не более того. Это же я отношу к вашим инвективам насчёт лесоповала и тому подобного. Давайте лучше о другом.

О футуро- или каком-либо другом шоке. С вами такого ведь не произошло? Я, может быть, не совсем корректный пример приведу, но человек боится только неведомого. Как только оно перестаёт быть таковым, он успокаивается. Большинство наших сограждан панически боится «тюрьмы и суммы». Когда же такое случается — человек очень быстро восстанавливает душевное равновесие и начинает обживать в предложенных обстоятельствах. Будете спорить?

— Ни в коем разе. — Фёст поднял руки ладонями вперёд. — Я ведь сам это же самое хотел сказать, только другими словами. И вам, пожалуй, если мы всё же

★
придём к соглашению, предстоит нелёгкая задача убедить *нашего* Президента, что всё действительное — разумно.

— Это, скорее, по моей части, — выпив свою рюмку, сказал Философ.

— Да необязательно, — ответил Фёст.

И его тут же поддержал Секонд.

— Не сочтите за неуважение, — обратился он ко всем сразу, — но сегодня я убедился в том, что *ваш* Президент — довольно тяжёлый в общении человек. Несмотря на его старание произвести противоположное впечатление.

Друзья Президента почти одновременно отметили, что тембр голоса и манера выражаться у *своего* Петра и *чужого* Вадима удивительно, моментами до полной неразличимости похожи.

Отметили, но прежде дружно начали возражать, что это совершенно не так, и Президент, наоборот, удивительно толерантный, широко мыслящий, мягкий иногда до несовместимостью с должностью человек.

— Уж с Государем Императором — никакого сравнения, — сказал Контрразведчик. — С более жёстким человеком я и не встречался, пожалуй.

— Вы? — наигранно удивился Фёст. О том, с кем и как *встречался* его визави, он знал достаточно. И сумел показать это понятным им двоим (ну и Секонду с Ферзенем) образом. — Я военный человек, врач по образованию, агентурный разведчик по призванию, связной между нашими цивилизациями по должности, со всей откровенностью должен вам сказать: или вы стараетесь показаться проще, чем есть, или совсем не разбираетесь в людях. Вот господин Писатель, инженер, по дурацкому выражению тридцатых годов, человеческих душ, скорее всего, меня поддержит. Олег Константинович как раз куда более отвечает характеристике, данной вами Президенту. Да вы прямо отсю-

да посмотрите, не слыша слов, как они друг с другом общаются.

Все посмотрели. И, по крайней мере в душе, согласились.

— А ведь наш — у себя дома, а тот — в чужом мире. Это первое. Второе, — он снова обратился к Писателю, положив руку ему на плечо. — Ваш друг никогда не читал или, хуже того, читая, не понимал фантастики... Даже вашей!

— А какое это имеет значение? — удивился Контрразведчик.

Писатель усмехнулся. Ход мысли Петра ему был понятен. Остальным потребовалось пояснить, что странный «коллаборационист» сделал весьма доходчиво.

— А вот не кажется ли вам, разумеется, чисто гипотетически, — снова ввязался «чекист», — что Президент, независимо от мнения всех присутствующих и того, о чём сейчас говорит с Императором, в итоге сочтёт наиболее полезным полностью и категорически отказаться от всяких контактов с «параллельным миром». Достаточно его приказа, и вся делегация может быть интернирована. И освобождена лишь после недвусмысленного, должным образом гарантированного соглашения о полном и абсолютном невмешательстве в дела друг друга?

Сказано было вроде как в плане общего, ни к чему не обязывающего разговора, но искорки, промелькнувшие в глазах Контрразведчика, намекали, что не так уж он и шутит. Неизвестно, выражали его слова истинное намерение (или хотя бы *настроение* Президента), уловленное чутким специалистом, или же были чистой провокацией.

Ляхов и Ферзен напряглись. Чёрт его знает, какая дурь может аборигенам в голову прийти. И более идиотские решения господа правители принимали, не думая о последствиях.

— Ты это что, всерьёз? — удивился Журналист, а Писатель просто покрутил пальцем у виска.

— Пока — как вариант. Хочется ответ услышать, — смотрел Контрразведчик только на Фёста.

— Лучшего подарка своим оппонентам вы бы не могли придумать, даже если бы *очень долго* думали...

Он вытащил из пачки сигарету, слишком тщательно её разминал перед тем, как прикурить.

— Даже если были бы раньше меня завербованы «коварными агрессорами». «Казус белли»¹ налицо, и больше никаких сомнений морально-этического плана. Исходя из наших возможностей, эта акция была бы пресечена или немедленно, или... — он не спеша выпустил дым, — в тот момент, когда мы сочли бы это более подходящим. Например, после того, как одновременно по всем телеканалам и Интернету было бы передано должным образом составленное обращение к народам России. Что в нём можно написать и показать — товарищ не хуже меня знает, — указал он сигаретой на Журналиста. — Ну а дальше... Чтобы освободить интернированных и «изъять» Президента со всем его «штабом» из самого защищённого подземного бункера в любой точке России, много времени не потребуется. Затем, по аналогии с «берлинской стеной», снять барьер между нашей и их Москвой, при горячем одобрении народа ввести сюда некоторое количество полков императорской Гвардии. Это вам не ГКЧП будет, а гораздо интереснее. Коллаборационное правительство сформировать труда не составит. Я доходчиво объяснил?

— Следует понимать как угрозу? — некрасиво скривил губы Контрразведчик.

— С угрозы вы начали, — небрежно отмахнулся Фёст. — Я только развил тему и расставил акценты.

¹ Казус белли — повод к войне (лат.).

Как вы понять-то не можете, господа, что положение у всех у нас, если разобраться, абсолютно проигрышное. Это я как обитатель нашей с вами реальности говорю. Вы что, воображаете — я за большими деньгами или ради какой угодно должности в эти дела влез? Совершенно неправильно, если так подумали. Исключительно — от полной безысходности. Вот вы, — обратился он к Журналисту, — Мишу Воловича наверняка знаете?

— Знаю, конечно. И что из этого?

— Да то, что с болью сердечной я с ним во многом согласен. Политический его позицию не приемлю, но это — моё личное дело. А так, «без гнева и пристрастия», — очень во многом он прав. Ерундой вы вместе со своим Президентом занимаетесь! «Стабильность» и всякое другое прочее — звучит, конечно, хорошо. А на самом деле? Трепотня, маскирующая безволие и страх. Как в Европе перед Второй мировой...

Я историю, и не только нашу, вполне прилично изучал и прекрасно всё это вижу, да и вы тоже видите, только признаться не хотите. Между собой, возможно, подобные темы обсуждаете, а при посторонних — упаси бог. Как Пушкин говаривал, за точность цитаты, впрочем, не ручаюсь, только за смысл: «Я от всей души ненавижу своё Отечество, но мне невыносимо, когда это чувство разделяет со мной иностранец...»

У нас с вами то же положение, с некоторыми нюансами. Господ Ляхова и Ферзена можете не стесняться, они — не иностранцы, следовательно, обладают тем же менталитетом и наши беды воспринимают как свои собственные. Тем более не так давно МЫ им оказывали помощь в весьма непростой ситуации...

— «Мы» — это как понимать? — спросил Журналист. — Явно ведь не на государственном уровне...

— «Мы» — это, в частности, ваш покорный слуга, многие члены организации «Чёрная метка», а также бойцы «Вооружённых сил Юга России» в количестве

нескольких знаменитых полков, — совершенно спокойно ответил Фёст. — Но мы уклоняемся от темы...

— Тем самым, быть может, прямо на глазах формируем очередную альтернативу, — добавил Секонд.

— Без всяких «может», — ответил Писатель. — Она уже сформировалась в тот момент, когда ваша организация напрямую обратилась к Президенту. Никто ведь не станет спорить, что мир вокруг нас уже не тот и «тем», что был три дня назад, уже никогда не станет. А какова окажется «N + 2, 3 и так далее», будет зависеть от результатов сегодняшнего совещания...

— Мы и вправду слишком уклонились, — прервал очередной поворот сюжета Журналист. — Пётр собирався нам поведать, в чём прав Волович и отчего он сам якобы «ненавидит своё Отечество». Послушаем?

— Насчёт «ненавидеть» — это не ко мне, к Александру Сергеичу. Лично я столь ярких эмоций не испытываю. Разочарование пополам со злостью — вернее будет. Это и заставляет меня заниматься тем, чем занимаюсь, а не сибаритствовать в собственном имении, которое я давно заработал. Причём могу предаваться «неге» с чистой совестью, а не так, как «объекты моего пристального внимания». Не знаю, обижу я кого-нибудь сейчас или нет, но сказать должен: «Лишь звёзды капитанские я выслужил сполна...» Если вы свои чины и «звёздочки» получили аналогичным образом — примите моё уважение. Если в чьих-то есть сомнения — только сочувствие. И не более того...

— Меня вы точно не обидели, — сказал Философ. — Я как жил в двухкомнатной «сталинке» на проспекте Мира, от отца доставшейся, так в ней и живу. На Рублёвку перебираться ни желания, ни возможностей не было. Но вы всё время отвлекаетесь — явная недисциплинированность мышления. Что вас, человека, обладающего невозможной, а кое в чём и нереальной мощью (в обычном представлении), так раздражает в на-

шем «несовершенном мире»? Если вы от него сумели *отстраниться*.

— Как же это — отстраниться? — возмутился Фёст. — Головой который год рискую, за благо Отечества. Вначале — в миротворческих силах, не столько за деньги, хоть *немного большие*, чем Родина считает для своих защитников необходимыми и достаточными, а по искреннему убеждению в важности такой службы, если Россия действительно не «Верхняя Вольта с ракетами», а полноценная цивилизация мирового масштаба...

Теперь вот вообще превратился в *одинокую партизана*, даже конвенциями никакими не защищаемого, поскольку не представляю собой «комбатанта государства, ведущего войну, чьё правительство не подписывало капитуляции, и носящего явно видимые знаки различия и оружие — открыто¹».

— Я правильно процитировал? — обратился он ко всем сразу, но к Философу и Контрразведчику — особо. В Писателе и Журналисте он уже видел людей, готовых перейти на его сторону. А те двое колебались, но — по разные стороны баррикады. Философ при достаточно точно рассчитанном давлении явно склонен был присоединиться к большинству, Контрразведчик — наоборот. Увидел, судя по выражению его глаз, приличные шансы с другого края. Что ж, камрад, посмотрим, чем и тебе при случае можно помочь.

— Достаточно близко к тексту, — согласился Контрразведчик. — А зачем взрывать поезда, если война двадцать лет как кончилась? Помните этот анекдот?

— Как же, как же! А одновременно с ним другой почти такой же появился, к двадцатой годовщине Победы, товарищем Брежневым возрождённой. Про человека, что еврея от немцев прятал за приличное воз-

¹ Вольный пересказ положений Гаагской конвенции о партизанской войне.

награждение. «Так война ж когда кончилась! — удивился приятель. — А у него в подвале приёмника нет».

— И к чему вы это? — удивился «боец невидимого фронта». — Как бы и не по теме...

Фёст скользнул взглядом по окружающим. Секонду и Ферзену тут всё непонятно, с них и спрашивать нечего. Только Писатель и Журналист, похоже, поняли. Что и подтвердило правильность ставки.

— Да вот, уважаемый, вопрос очень по теме. Зачем означенного еврея в подвале двадцать лет держать, кормить, по ночам на прогулки выводить, получая от него регулярное и не слишком уж большое, судя по всему, вознаграждение? Я понимаю, что анекдот и есть анекдот, но ведь, чтобы его придумать, *именно такой*, и чтобы он успехом пользовался...

Фёст повернулся к Писателю и сделал ему комплимент, одновременно демонстрируя и собственную эрудицию:

— В одной из своих книг вы писали, что логика русского анекдота не требует дальнейшего развития сюжета. И это верно. Но — вы ответите на мой вопрос или товарищам предоставите?

— Я ответ знаю. — Писатель снова сдержанно усмехнулся и потянулся к бутылке, чтобы налить всем ещё.

— Тогда — вы? — предложил Фёст Философу. Как бы подразумевая, что от Контрразведчика он толкового ответа не добьётся.

Однако ответил именно он.

— Имеете в виду, что с иной психологией проще было его убить и забрать всё сразу?

— Точно! Вот и считайте, что я руководствуюсь логикой именно автора этого анекдота.

Ферзен незаметно толкнул Секонда в бок. В том смысле, что молодец твой *братец*.

А Фёст продолжал, очевидно желая забить хоть один

«заявочный столб» перед тем, как встреча закончится (неизвестно чем, поскольку видно было, что и Президент с Императором явно не могут прийти к взаимоприемлемому решению), да и его ближайшие *конфиденты* пребывают «в разброде и шатаниях», как товарищ Ульянов-Ленин выражался. Ситуацию он решил не обострять. Эти ребята, все умные, пусть и хорошо образованные, но недалёкие по определению (его определению), живут с ним в одной Москве. И жить в ней же ещё придётся либо распивая шампанское в президентских резиденциях, либо отстреливаясь из автоматов и пистолетов, делясь последними патронами... Как случится. Но врагами он их не видел.

— Совсем я не хочу говорить ничего ни для кого обидного. Просто констатирую текущее положение в *нашей* стране под *вашим* руководством. Но вы наверняка обидитесь. Для самоутверждения и самооправдания. Вы тут все постарше меня. Однако и мне в «судьбоносном» девяносто первом было шестнадцать. И назад многое помню, и вперёд тоже. Вы, господа, что ни говорите, «демократы» ли вы «первой волны» или чиновники при нынешней власти, — а ничего у вас не получается! — Фёст сказал это с очевидным напряжением в голосе, что свидетельствовало о его крайнем недовольстве и темой, и ходом разговора. — При «до конца разложившейся царской власти» Транссибирскую магистраль за девять лет построили, от Владивостока до Москвы, без экскаваторов, бульдозеров «Катерпиллер», грузовиков «БелАЗ» и прочей японской и американской техники. А, к примеру, за семьдесят лет советской власти и двадцать — вашей одну-единственную автодорогу по тому же маршруту до сих пор до ума не довели. Ни страх перед Президентом, раз сто уже на эту тему высказывавшимся, ни соображения гигантской государственной выгоды не смогли на какого-то министра повлиять. Он над вами смеётся, в глаза, мож-

но сказать, плюёт, а вы только утираетесь да про «божью росу» бормочете...

Фёст явно начал нервничать. Секонд положил ладонь ему на плечо.

— Да нет, я в порядке, — отмахнулся он. — Суть моих слов в чём? Вы, господа либерал-демократы, а то и «державники», делать ведь ничего не умеете. Вообще. За двадцать лет — ну что вы сделали? На Марс слетали? Всех мировых лидеров на представительские «Зилы» и «Чайки» пересадили? Ещё Горбачёв, помнится, обещал наш автопром в законодателя автомобильной моды превратить. Отчего же у вас не вышло? Даже Китай, на век с лишним от нас отстававший, на нашей с вами памяти лопаты в СССР покупавший, где теперь? За те же самые двадцать лет...

Фёст закончил фразу на грани надрыва, закурил и внимательным, совсем не возбуждённым взглядом (хотя многим, напротив, показалось, что он сейчас сорвётся в истерику) посмотрел на друзей Президента.

— Готовы ответить, друзья-товарищи, на заданные мною вопросы? Не мне, самим себе в первую очередь. Ну, кто первый? Вы, коллега Философ, вы, Литератор? — Мимо Журналиста он отчего-то проскользнул взглядом, будто его тут и не было, остановился на Контрразведчике: — Неужели вам нравится жить именно в этом, кем-то для вас или вами для себя созданном мире?

В Контрразведчике Фёст видел главную опасность для своих планов. Прямого физического воздействия, несмотря на недавние слова, он не боялся. И в долгосрочной перспективе ничем он со всей своей конторой помешать не в состоянии. Но в качестве «друга Президента», да ещё — человека со специфическими навыками и обширными возможностями способен вредить на каждом шагу и словом, и делом. Пока не надоест настолько, что заставит себя нейтрализовать тем

или иным способом. А этого делать категорически не хотелось. Впрочем...

— Я — ответчу, — не смутился Контрразведчик. — Совершенно ничего нового и неожиданного вы не сказали. Могу расширять ваш список хоть до бесконечности, нет ничего легче. Только зачем же ограничиваться «неполным служебным соответствием» нынешнего руководителя. Можно с Керенского начать — не с того конца демократию взялся в России насаждать. Можно — с Петра Первого. Лучше всего — сразу с Рюрика. И весь народ с того же девятого века во всех своих бедах сам и виноват. Надо было новгородскую демократию развивать, всяческие отклонения от неё со всей решительностью пресекая... Смешно? Мне тоже. Значит — остаётся принимать окружающую действительность как данность. При всех её недостатках, которые следует изживать с разумной постепенностью и строго в рамках закона. Именно это Президент и сказал. Ничего лучшего ВЪI нам предложить не можете... Любое насильственное вмешательство чревато... Сами знаете чем.

Фёст неторопливо обвёл глазами всех *соотечественников*. На Секонда и Ферзена смотреть не требовалось.

— Что ж, господа! Очень жаль, если именно эта точка зрения возобладает в вашем дружном коллективе. Но, надеюсь, естественный ход событий всё расставит по своим местам. И очень скоро. Не помню, приводили я в данной аудитории одну старинную максиму: «Желающего судьба ведёт, нежелающего — тащит».

Фёст широко улыбнулся, поднял на уровень глаз полную рюмку, которую так и держал в руке во время дискуссии.

— А пока давайте «пить и смеяться, как дети». Расхождение во взглядах — отнюдь не повод отказывать себе в радостях жизни... Кстати, судя по выражениям

лиц, Президент с Императором сейчас в той же фазе разговора, что и мы, грешные.

Писатель и Журналист выглядели расстроенными, что и неудивительно. Срыв переговоров ставил их в крайне неудобное положение. Если будет наложен мораторий на оформление дипломатических отношений с «другой Россией», неминуем раскол и резкое охлаждение внутри их тесного кружка друзей. Что само по себе заметно ослабит позиции Президента в системе власти. Сейчас, по весьма достоверным данным, полную и нелицемерную лояльность ему сохраняют едва ли десять процентов высших чиновников. Остальные, как это вычислили и Фёст с Сильвией, лояльны «ситуативно» и, значит, при изменении обстановки способны на всё, что угодно, от тихого саботажа до откровенного предательства. Так, как это случилось в окружении Ельцина в девяносто третьем году.

Причём в подобном случае Президенту придётся гораздо труднее. Если бы он захотел и сумел за предыдущие годы реформировать армию, МВД, МГБ и, разумеется, агитационно-пропагандистский аппарат таким образом, чтобы безусловно рассчитывать на них при любом повороте ситуации... А ведь примеров, достойных подражания, в истории имелось предостаточно. Нескольких лет вполне достаточно, чтобы «кнутом и пряником» создать «железную гвардию» профессионалов, своим благосостоянием и положением в обществе обязанную лично «верховному правителю» и проводимому им курсу. Тогда любые экономические и внутриполитические проблемы можно решать, не буксуя в бесконечных согласованиях интересов всевозможных «групп влияния».

Да и международную политику, имея прочный тыл, проводить проще без оглядки на «двойные стандарты». Клаузевиц писал, что «нельзя быть сильным везде». Но уж тем более недопустимо везде быть слабым.

Значит, очень может быть, думал Журналист, что скоро Президенту придётся обращаться к Императору уже не как к равноправному партнёру, а как к «королю в изгнании». С просьбой о вооружённой интервенции или сразу — о политическом убежище.

Случай, конечно, крайний, но отнюдь не невероятный.

Писатель повёл себя более решительно.

— До тех пор пока мне не докажут, что союз между двумя Россиями угрожает *коренным интересам* народа и государства — я на вашей стороне, — сказал он Фёсту, глядя при этом на Контрразведчика.

— Я — тоже, — развел руками Журналист. — Благо народа на самом деле — высший закон, в отличие от благополучия достаточно случайно сложившейся системы власти.

— Это что — бунт на корабле? — как бы пытаясь свести всё к шутке, весело удивился Контрразведчик. — А ты с кем — со мной или с ними? — это уже к Философу.

— В чём? — тот, демонстрируя профессионализм, тут же ответил вопросом на вопрос. Кто спросил, пусть сам и отвечает мотивированно.

— В поддержке позиции нашего Президента. В чём бы конкретно она в данный момент ни заключалась. Ему, в конце концов, виднее. Не только сиюминутные выгоды, но и более отдалённые последствия...

— Это уже демагогия. Все присутствующие слышали, что Президент полностью поддержал идею продолжения контактов между нашими... мирами. Вот мы этим и займёмся. Какой же тут «бунт на корабле»?

— Он же при этом недвусмысленно дал понять, что эти контакты до определённого времени должны сохраняться в строгой тайне и от нашего населения, и тем более от заграницы, — продолжил Контрразведчик. — Из чего с неизбежностью вытекает — никто,

★ — кроме нас, к этой тайне допущен быть не может. С полной ответственностью заявляю — в противном случае о ней менее, чем за неделю, узнают все. И последствия...

— Да никаких последствий, — снова вмешался Фёст. — И цена этой информации будет копейка в базарный день. Вот попросту — как вы себе это представляете? В одной из газет — кстати, какой, как вы думаете, лучше эту сенсацию предложить — «Известиям», «Комсомольской правде», «Секретным материалам», «Завтра»? В одной из этих газет появляется — что? Редакционная статья, передовица Проханова, перехваченная докладная записка Министра ГБ Президенту? Или вот Анатолия попросим, — он указал на Журналиста, — завтра же подготовить репортаж о нашей встрече и, для усиления эффекта, о его личном посещении «другой Москвы». А я вас любым количеством фотографий снабжу. Надеюсь, у вас есть возможность подключить необходимый контингент социологов. Через пару дней будете иметь полную картину реакции общественного мнения... Лично я результат могу предсказать прямо сейчас...

— Да как сказать, — не хотел сдаваться Контрразведчик. — Если материал пустить через пресловутого, не к ночи помянутого Воловича или любого из его команды, то его спонсоры и работодатели вполне могут ухватиться и погнать волну уже в своих массмедиа... Впрочем, ладно, — неожиданно легко отыграл он назад, — похоже, этот раунд в целом остаётся за вами. Не нокаутом, но по очкам. Подождем, чем закончится беседа первых лиц. Извините, мне нужно отлучиться...

Фуршетные столики были расставлены вокруг дома с верандой на достаточном отдалении друг от друга, и каждый мог остановиться там, где вдруг захотелось перекинуться словом и чокнуться рюмочкой с нужным человеком, не опасаясь, что конфиденциальность бу-

дет нарушена. Или — побыть наедине с собственными мыслями. Можжевельников и других вечнозелёных растений вокруг было достаточно, чтобы обслуживающий персонал, не раздражая гостей, мог, соблюдая дислокацию, видеть всё и должным образом реагировать на любое, пусть и не высказанное вслух пожелание гостей.

— Терпеть не могу этих фуршетов, — сказал Писатель, когда они вдвоём с Фёстом устроились на удобной скамье перед низким столиком, скрытым от посторонних глаз пышными кустами. — Русскому человеку не пристало есть и пить стоя. Не лошадь же.

Тут же перед ними возник официант с подносом.

— Это ты правильно, — похвалил его Писатель, снимая несколько тарелочек с бутербродами. Фёст впрок запасася рюмками очень неординарного коньяка.

— Давайте за успех нашего безнадёжного предприятия, — предложил он. — Сейчас этот тост можно понимать в абсолютно буквальном смысле...

— А поделикатнее нужно было игру выстраивать, как поначалу задумали, — ответил Писатель. — С частными лицами, и даже частной организацией, сколь угодно могущественной, Президент нашёл бы общий язык. А вот сразу всех тузов на стол выбрасывать, — он имел в виду карту, где Российская Империя простёрлась меж трёх океанов и множества морей, значительно превосходя территорией даже бывший СССР, цифровые и графические таблицы, любовно вычерченные Ферзенем, — провокация, иначе не назову. Кто это у вас такой... — писатель помялся, подбирая слово поделикатнее, — такой непредусмотрительный?

— Считайте, что я, — решил закрыть грудью амбразуру Фёст. — Я здешний, вот по некоторому идеализму и врождённой наивности вообразил, что Президенту Радостно будет узнать, какой у него роскошный союзник объявился. Ни китайцев, ни американцев бояться

больше не нужно, проблемы экспорта снимаются полностью — всё, что мы действительно умеем, наклепаем для братской страны в неограниченном количестве, а качественный ширпотреб они нам поставят. А уж с газовым и нефтяным краниками отныне сможем поступать, как заблагорассудится...

— То есть энергетический шантаж в чистом виде? — спросил Писатель с непонятым выражением лица.

— Вот именно! Нам, скажем мы им, ребята, ваши самопальные баксы и на хрен теперь не нужны, как и всё прочее. Теперь вы думайте, чем бы таким-этаким матушку-Расею ублаготворить, чтоб ей по вкусу пришлось. Помните, как сибирский кулак Сталину предложил в двадцать седьмом году, в конце «утара НЭПа»: «А ты, начальник, мне спляши, может, я и дам тебе хлеба. А твоими бумажками только задницу подтереть...»? С чего, в общем, и началась коллективизация.

— Восхищён вашей эрудицией, — сказал Писатель, — но наивность ваша...

— Что поделаешь? Я ведь уже покался. Знаете, не хочу, чтобы мои слова были неверно истолкованы, однако с детства меня крайне удивляли моменты, когда окружающие, независимо от ранга и возраста, оказывались глупее меня. Я странным образом был уверен, что всё должно быть наоборот...

— Распространённый случай, — улыбнулся Писатель. — Есть на эту тему один хороший фантастический рассказ, где человека официально признавали идиотом, не способным ни к какому общественно полезному труду, и только в специальной резервации ему объявляли, что он признан годным для вступления в касту творцов и руководителей их предельно зарегулированного общества.

— Да, помню, — тут же ответил Фёст. — Азимов. «Профессия».

Писатель только уважительно развёл руками.

— Короче говоря, вам бы следовало начинать переговоры со мной, с Журналистом, с Контрразведчиком даже, и уж в самую последнюю очередь — с Президентом.

— Да, не повышаете вы своими словами его авторитет, — развеселился Фёст. — Я, знаете ли, не имел счастья общаться с ним так же близко, как вы, вообще последнее время был поглощён делами, далёкими от ситуаций в коридорах власти, но исходил из постулата, что правитель должен быть умнее любого из своих сотрудников, вместе взятых. Как Наполеон, например, или Чингисхан, да и Олег Константинович, в конце концов. Не квалифицированное в тех или других вопросах, а просто умнее. Вообще. А ваш сюзерен простейших моментов не улавливает. Без обиды только, взгляд со стороны, ничего личного.

— Какие обиды! Человек своего времени в предложенных обстоятельствах. Но мозги у него в полном порядке, да и характер тоже. Давайте вместе соображать, как ситуацию выправлять будем. Я-то на вашей стороне, не сомневайтесь. Пойдёмте послушаем, о чём за общим столом наши лидеры беседуют. Да и обед, кажется, уже подают.

Президент с Императором сидели в самой удобной для доверительного разговора позиции — по обе стороны левого угла торцевой части стола.

— Я не хочу превращаться в тирана и даже автократора, я хочу всеми доступными мне средствами строить в стране настоящую демократию. Хотя это и нелегко, — излагал свою позицию Президент.

— А вы представляете — я имею в виду — по-настоящему представляете, чем отличается автократор, даже «самодержец», от тирана? — с несколько печальной улыбкой умудрённого жизнью и даже несколько от неё уставшего человека отвечал Олег. — Так я вам по-

ясню, на личном опыте. А то чувствуется в ваших словах нечто неуместное для человека вашего калибра. Некритично заимствованное из трудов безответственных писак, никогда даже ротой не командовавших, не то чтобы Империями. Первое — самодержец отличается от тирана прежде всего тем, что первый неукоснительно и без изъятий исполняет законы, им самим и предками установленные. Подданные могут, по слабости человеческой, грешить, но самодержец — никогда. Он имеет право инициировать принятие новых законов или самовластно их вводить, но нарушать существующие, без теми же законами установленной процедуры — ни за что! Иначе он теряет Свыше определённую легитимность. Вам, так называемым «демократам», эту тонкость трудно уловить. Но на досуге — попробуйте. На мои дружеские и нелицемерные советы в этой сложной сфере человеческой деятельности можете рассчитывать. Вас ведь, и всех ваших «коллег» дома и за рубежом, «на президента» не учили. Якобы выбрали, «народным волеизъявлением», без всякого учёта «профессиональной пригодности». А на самого обыкновенного ротного, каких в армии тысячи, учат от трёх до десяти лет, если считать кадетский корпус, и лишь после двух-трёх лет реальной и весьма нелёгкой службы что-то из него получается. Или — нет. До комдива, которых тоже сотни, лет через пятнадцать дослуживается меньше десяти процентов. И из них по-настоящему соответствует должности едва ли каждый второй. С командармами положение ещё хуже. Что уж тут о царях говорить! На царя учат не только всю твою личную, не слишком продолжительную жизнь, сюда нужно приплюсовать тщательно изучаемый с пелёнок опыт, положительный и отрицательный, всей твоей династии. Вот вам и разница.

Второе, и, пожалуй, самое главное, — Император понизил голос и очень дружеским, почти отеческим жес-

том, положил тяжёлую ладонь воина на руку Президента, — самодержец волен над судьбами людскими, над судьбой своей Державы и, нередко, многих других тоже. Но вот над СОВЕСТЬЮ человеческой он не волен. Указать может, подсказать, попытаться наставить на путь истинный, но не более. Если какой-нибудь поручик или полковник, вроде известных вам из истории пестелей, кропоткиных, даже помощников присяжных поверенных ульяновых, против власти злоумыслил и решил революции учинять — самодержец в том повинен. Не тому и не так в кадетском или Пажеском корпусе учили, в Университете опять же. Вовремя не распознали заразу и вовремя нужного лечения не предложили. Меа culpa¹. Но ежели вдруг подобное случилось — наказать в пределах, определённых законом, нужно с неперемённостью и непреклонностью. Для избавления от «паршивой овцы» и в назидание окружающим. А заставить кого-то мыслить и ощущать иначе — не в нашей власти. Было дело — и декабристы калялись в совершённом грехе, и иные «революционеры», когда в девятнадцатом году начали массово судить тех, кто выжил и за границу сбежать не успел. Плакались, что бес попутал, другие народ обвиняли, не сумевший понять величие их идей и чистоту помыслов. Однако — поздно было. Ты поступал в соответствии со своей совестью, я — со своей. Да воздастся каждому по делам его! Я доходчиво излагаю? — спросил Олег.

— Да уж куда больше. У нас в пятидесятые годы прошлого века целая философская система появилась, близкая к вашим воззрениям — экзистенциализм называется...

— Слава богу, не знаю. Но если близкая — значит, и я, можно сказать, стихийный философ, — сделал значительное лицо Император.

¹ Моя вина (лат.).

— Только та система в основном как раз против «правящих» направлена. Мол, если ты с властью борешься на основе собственной «чистой совести» — так безусловно прав. Поскольку честный и мыслящий человек просто обязан противостоять любой власти...

— И я о том же, — согласно кивнул Император, не повышая голоса. — Он прав, и я прав. Только на моей стороне законы и подкрепляющая их сила, а на их? Сумеют навербовать достаточно сторонников, чтобы существующую власть низвергнуть, — их счастье. Нет — закопаем без салюта и прочих почестей. Экзистенциально¹? — усмехнулся Олег.

У Императора были и другие дела, кроме как просвещать Президента братской державы в вещах общеизвестных. Но ему, с одной стороны, было просто интересно, а с другой — он был уверен, что тем или иным способом, с этим партнёром или с другим, своей цели всё-таки добьётся. Вначале он отнёсся к идее Ляхова-Сильвии с интересом, не более. Должна же появиться у него какая-то большая цель, достойная его правления. Ну, отчего бы не эта? А побыв здесь совсем немного, увидев параллельную Россию наяву, он вдруг впал в азарт. Теперь уже решил добиться своего во что бы то ни стало. Кроме новой гражданской войны, конечно.

Президента он счёл подходящим объектом для своей игры. Господин, весьма похожий натурой на бывшего премьера Каверзнева, тоже избранного главы «российской демократической республики». Разобрались с ним, без особых затей разобрались: власть сдал, как эс-

¹ Экзистенциализм — философское направление, рассматривающее человеческое существование в непосредственном переживании своего «бытия-в-мире». Будучи всегда «заброшенной» в ту или иную конкретную историческую (психологическую) ситуацию, экзистенция совершает выбор самой себя, реализуя тем самым изначально присущую ей свободу.

кадрон, без всяких вывертов. Так теперь наслаждается должностью Канцлера Империи, особы Первого класса по Табели о рангах, равной генерал-фельдмаршалу. И сидеть на ней будет, сколько захочет, хоть до девяноста лет, как министр двора граф Фредерикс, дай ему бог здоровья.

Да ведь, здраво рассуждая, этот Президент ещё проще Каверзнева будет. Тот хоть поднаторел, изучая опыт девяноста лет парламентского правления в России, а визави четыре года на своём посту, а фактически никакой властью, приличной главе великой державы, так и не обзавёлся.

Тут, конечно, нужно отметить, что позиции Императора и Президента сравнивать невозможно. Не по разнице властных полномочий, но по стилю личностей.

Один из историков писал по поводу адмирала Нельсона, который якобы всегда имел «каре тузов» в рукаве: «Обладание ими делало флотоводца гением. *Первый* туз — лидерские качества, способность завоевать преданность людей и повести их за собой даже на смерть. *Второй* туз — нестандартное, гибкое мышление, искра гения. *Третий* — способность и готовность выслушать подчинённых, учесть их мнение. *Четвёртый* — агрессивный наступательный характер». С этой характеристикой нельзя не согласиться в отношении Нельсона. Только Император Олег Первый, похоже, имел с рождения к «каре тузов» ещё и джокера. Кто играет в покер — поймёт. Джокер, в данном случае — способность отвлечься от всех привычек и стереотипов, при необходимости принять решение, полностью противоположное тому, что от него могли ожидать люди, считающие, что досконально изучили натуру и стиль Его Величества.

— Друг мой, — продолжил Император, положив ладонь на плечо Президента. — Я говорю сейчас с вами, как с братом. Не в том смысле, что подразумевали вла-

дыки ПРОШЛЫХ империй. Николай Второй называл «братом» Вильгельма под тем же номером. Ещё большим «братом» был ему английский король, сначала обещавший, а потом отказавшийся принять под своё покровительство даже жену и дочерей Николая, когда им грозила жуткая смерть. И после этого вы думаете, что стоит верить подобным словам?

— Простите, Олег, — несколько нервно сказал Президент, задетый словами державного коллеги, — а как же я тогда должен верить вам? Кто бреет цирюльника?

Император раскатисто рассмеялся.

— Мы сейчас начнём обсуждать апории Зенона или что-нибудь более близкое ко времени нашего правления? Я всего лишь хотел сказать, что я — совсем другое дело. У меня нет интересов, ради которых стоило бы лгать, изображая дружелюбие, одновременно точка за спиной нож и пряча камни за пазухой. Если я в чём-то заинтересован в вашем мире — я скажу прямо. И если что-нибудь пообещаю, дав честное слово офицера, — я это исполню. В вашей реальности, к сожалению, давно отвыкли от такой военно-феодальной простоты.

Император посмотрел на несколько стоящих перед ними бутылок очень хорошего вина.

— Буквально по глотку, и на этом закончим. Видите, официанты нервничают, и наши с вами соратники с неудовольствием поглядывают в нашу сторону, обоняя соблазнительные запахи... — Олег при этом очень хитро усмехнулся.

— Только ведь... Знаете, если к вам придут те, кто пришли ко мне в Берендеевку, чтобы меня убить и установить свою власть (кстати — ко мне они пришли из вашего мира, и я не поручусь, что следующей целью они не изберут вас), всё может закончиться гораздо хуже, попросту говоря... — Император, не затрудняясь эвфемизмам, прямо и отчётливо сказал, что ждёт его коллегу.

— И, насколько я знаю, полковников Ляховых и капитана Уварова на вашей стороне вовремя может не оказаться...

— Простите?

— Да он здесь присутствует, мой флигель-адъютант. Проявил отвагу и мужество в боях с мятежниками на улицах Москвы, одновременно координировал действия наших войск с врангелевской гвардией. Уваров сейчас в другом месте решает судьбы истории, командовал ротой, до последнего оборонявшей мою резиденцию, пока не подоспела помощь. Хорошо ощущать себя императором, которому служат Лукулл, Помпей, Сципион Африканский одновременно. Верно, без лести и собственных претензий на власть, готовые умереть за царя, хотя и предпочитают выжить. До сих пор это им удавалось. И ни одного Брута поблизости.

Президент, не настолько хорошо знающий Древнюю историю, тем не менее согласно кивнул, поняв общую суть. Императору легко рассуждать, думал он. Самодержавие — действительно совсем другой способ правления и, соответственно, другой образ мыслей и стиль поведения правителя. При этом Президент как-то упускал из виду, что нынешнего положения Олег Константинович добился собственными усилиями, превратив за короткий срок в Империю вполне себе демократическое государство со всеми его пороками, ухитрившись избавиться от пороков, но сохранив и приумножив преимущества. Такое, разумеется, не каждому дано, тут требуется непреклонная воля, чёткое осознание цели и достаточные силы, в том числе и вооружённые, на которые можно опереться в критические моменты.

Но то, что в существующих обстоятельствах ни сам он, ни один из лично известных ему людей «высшего эшелона» на подобный подвиг не способны, Президенту было очевидно. Увиденное во время краткого посе-

★

щения императорской Москвы и общение с Олегом Константиновичем и его соратниками надежд не оставляло. Сегодня же о том, где они побывали, Анатолий расскажет остальным, предъявит документальные подтверждения. Кроме тамошних газет — собственно-ручно сделанные телефоном фотографии. Остальное — вопрос времени.

Разве что, отказавшись от всех своих принципов, сыграть на опережение? До последнего демонстрируя упрямую непреклонность, отступая шаг за шагом, якобы под давлением непреодолимых обстоятельств, спланировать и осуществить собственную операцию, вроде контрнаступления под Сталинградом. Как именно это будет выглядеть, он пока не представлял, но, как говорится, есть над чем работать... С большими оговорками, но кое в чём признать правоту «Александра», Сильвии, согласиться на частичную легализацию их «Чёрной метки» и провести несколько показательных антикоррупционных акций. Решительных и беспощадных. А у Императора попросить несколько надёжных воинских частей для пресечения возможных беспорядков хотя бы в столице и ещё нескольких ключевых точках.

Тут-то и наступит «момент истины». Но какой ценой? США и Евросоюз, что совершенно очевидно, отреагируют мгновенно. Объявят всё происходящее не менее чем фашистским переворотом, введут санкции вплоть до тесной блокады границ, а то и отважатся на прямое военное вмешательство. И что — использовать ядерное оружие, поскольку обычных вооружённых сил явно не хватит для «классической войны». Наверняка тут же активизируется «исламский фактор», да и Китай своего не упустит.

Короче — глобальная катастрофа. Или — наоборот? Как в дни Кубинского кризиса продемонстрировать

готовность идти до конца и в решительный момент выбросить на стол козырного туза.

— Да, Олег, — со всей доступной ему твёрдостью ответил Президент. — Пожалуй, пока нам стоит остановиться на достигнутом, на какое-то время расстаться. Расстаться друзьями, разумеется. Я не возражаю против поддержания культурных контактов, весьма желательным считаю обмен какой-то взаимополезной информацией... — Он замялся. Что-то ещё следовало сказать, но вот что? — Создадим контактную группу, вполне неофициально, разумеется. Любые утечки информации, а они непременно будут, мы с полным основанием будем игнорировать, не снисходя до комментариев столь абсурдных утверждений. Как говорили в анекдоте времен «холодной войны»: «Хай клеветцут!»

— И это совершенно правильно, — поддержал его Олег. — Чем больше вы будете отрицать, тем сильнее занервничают ваши противники, внешние и внутренние. Грамотно поставленной кампанией разнонаправленной информации можно такой раздраз в геополитике учинить... — Император даже прижмурился, как кот, от удовольствия. — Непременно предоставляю вам несколько специалистов этого дела. Их методика, неизвестная в вашем мире, подбавит перчика...

Я, честно вам признаюсь, одного не понимаю — такой вот вашей слишком нервной реакции на наше знакомство, — продолжил Император, великолепно ощутив весь спектр обуревающих собеседника чувств. — Очевидно, сегодняшний день оказался слишком труден. Слишком много экстремальных впечатлений, без привычки-то. Чересчур жизнь у вас выдалась спокойная, что личная, что государственная. Оно и хорошо, если по-обывательски смотреть. «Царствуй, лёжа на боку», как наш общий поэт писал. А в кризисной ситуации?

Если вдруг вражеское вторжение на тысячекилометровом фронте, войска отходят, почти не оказывая со-

★

противления, в тылу бардак, соратники ненадёжны, союзники предадут, да вдобавок народные бунты там и там возникают — в такой обстановке вы готовы Державой управлять? На любое решение — несколько часов от силы, и каждое должно быть единственно верным, а главное — осуществимым. И конечная цель — неременная победа, иначе лучше сразу капитулировать, «во избежание ненужного кровопролития», после чего застрелиться или преобразиться, как Александр Первый, в старца-отшельника...

— Это вы тоже на Сталина намекаете? — спросил Президент, к которому вполне сейчас была применима поговорка насчёт «голодной кумы».

— Да на кой мне чёрт какой-то ваш Сталин? — возмутился Олег. — Своих примеров достаточно. Один — Николай Второй, второй — ваш покорный слуга. А вы какую-то мерехлюндию развели. Меня действительно дела торопят, а у вас, похоже, времени в избытке. Вот и поразмышляйте на досуге. Я ведь чего в идеале хочу — истинного возрождения и процветания не чужой мне страны. Прадед не очень хорошо ею распорядился, плоды чего вы до сих пор пожинаете. А ведь и у меня, и у вас до сих пор живут люди — немного, но ещё есть, — родившиеся до «развилки». Значит, одинаково мои и ваши подданные. Их судьбы в чьей фактической юрисдикции? А детей, внуков?

Президент совершенно не был готов к подобному стилю общения. Как на государственном, так и на личном уровне. С ним последнее время вообще не спорили, а разные формы несогласия, что в правительственных кругах, что на всяких зарубежных «саммитах», облекали в бесчисленное количество пустых словесных обёрток.

А тут в лицо говорят, что если ты и не совсем пустое место, то близко около этого. И отвечать нужно без подсказки «спичрайтера», да так, чтобы потом не было «мучительно больно». Как в детстве и юности на крутых пацанских разборках.

Да ещё Сильвия с дальнего конца стола смотрит обволакивающим русалочьим взглядом, и как-то ведь придётся объясняться с друзьями, когда гости отбудут восвояси. Тяжело, очень тяжело, и стыдно как-то. Перед самим собой, прежде всего.

Ну, не готовился он к такому, действительно, что тут теперь поделаешь. Правильно пел Высоцкий: «Я на десять тыщ рванул, как на пятьсот, и спёкся...»

— Ты вот, коллега, — продолжал тем временем Император, — главное, нервы не перетруждай. Выпивай вечерами, не с горя, а для веселья, на рыбалку или охоту выезжай почаще, в хорошей компании, вот она, то есть жизнь, сама на нужную колею и выберется. Куда как трудно Александрам, что Второму, что Третьему, приходилось, никак не легче, чем нам с тобой, а в радостях жизни себе не отказывали. Может, и вправду — двинемся прямо сейчас ко мне в Берендеевку? Развлечёмся — небу жарко станет, и все государственные проблемы обратятся в мелочь, не стоящую внимания!

Олег Константинович был совершенно искренен в своём приглашении, и Сильвия будто бы кивала, напоминая, что и месяц в другой России здесь секундами обернётся.

Но это уже морок какой-то затягивающий, и едва ли, поддавшись, сумеешь остаться самим собой.

Президент отрицательно мотнул головой:

— С удовольствием принимаю приглашение, но, увы, не сегодня. Многовато для первого раза будет. Вообще предлагаю прекратить прения. Обед так обед.

— Быть по сему, — согласился Олег, допивая свой бокал. — Даст бог, не последний день живём. Пробил адмиральский час¹, и Шехерезада прекратила дозволенные речи...

¹ На дореволюционном флоте — обеденное время с выдачей винной порции, начиналось после выстрела полуденной пушки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В положенное время участники собрания ведущих членов «Хантер-клуба» перешли в каминный зал, где на ужин в их присутствии по всем правилам готовились бекасы, вальдшнепы и прочие птицы этого семейства. А также и кроншнепы, относящиеся к семейству ржанковых и достигающие размеров приличной курицы. Были и куропатки из семейства фазановых. Запахи по залу распространялись умопомрачительные, повара в егерских одеждах орудовали вертелами, лакеи готовили столы «по-походному».

Арчибальд перешёл от общих рассуждений к вопросам практики, от которой кое у кого начали кривиться губы. Одно дело — создавать теории и «продвигать их в массы» ничего не понимающих исполнителей, совсем другое — поставить на кон собственные головы, согласившись, что они ничуть не ценнее и, главное, не крепче прочих.

После достопамятного разгрома британской кавалерии под Балаклавой 13/25 октября тысяча восемьсот пятьдесят четвёртого года (официальная траурная дата военной истории Англии), когда были массово уничтожены представители самых аристократических фамилий¹, гордые альбионцы предпочитали избегать прямых боестолкновений с русской армией. Да их после окончания Крымской войны и не случалось больше, англичане воевали с Россией или чужими руками, или вонзали ей ножи в спину и ставили подножки, числясь официальными союзниками.

Удивительно, насколько утратила боевой дух нация, потеряв в честном бою всего лишь сотню офицеров и пару тысяч рядовых! Этого хватило, чтобы её полководцы решили в настоящих сражениях с достойным

¹ См. Е. Тарле «Крымская война», т. 2.

противником больше не участвовать. Один раз не удержалась, и опять в связи с «русским вопросом». Так Британии не хотелось, чтобы Россия, надёжнейший союзник по Антанте в Мировую войну, заняла Босфор и Константинополь, что решила она на опережающую, неподготовленную операцию по захвату Дарданелл. Бывшие друзья-турки устроили ей страшный мордобой при Галлиполи, взяв заодно реванш за тяжёлое поражение от русских под Эрзерумом и Трапезундом. В той бестолковой мясорубке англичане потеряли двести тысяч солдат и несколько тяжёлых кораблей.

Так дальше и покатилося: бегство из Дюнкерка, сдача японцам первоклассной крепости Сингапур всего через неделю после первого обстрела, причём атакующие крепость имели личного состава втрое меньше, чем обороняющиеся за бетонными фортами.

Это вам не Порт-Артур, где британские *клиенты* — японцы почти год штурмовали глинобитный городишко в чистом, практически, поле. Ничего подобного укрепления Сингапура там не было. После этого за минувшие тридцать пять лет самураи кое-чему научились. Своих покровителей и друзей раздолбали в пух и прах. А уж что с пленными делали — смотрите английский пропагандистский фильм «Мост через реку Квай». Очень, наверное, пожалели гордые британцы, что таких друзей выпестовали. Зато встретив под Халхин-Голом русскую пехоту и танковые бригады, те же японцы быстро ощутили, «что вам здесь не тут». И навсегда оставили идею ещё раз повоевать с этим грубым народом. Хотя советские политруки так и не смогли научить своих бойцов и командиров публично вырывать у пленников печень и съедать её на глазах восхищённых подчинённых, что считалось доблестью у самураев.

Отсталая, конечно, нация — русские, по сравнению

с умельцами, делающими «Тойоты» и магнитофоны. Просто интересно, отчего ни один подобный факт в вину нынешним японцам не ставится, хотя, при их продолжительности жизни, каждый второй благовидный пенсионер в чём-то, вроде «шанхайской резни», наверняка участвовал. И вкус горячий, живой печени помнит.

Однако до сих пор во всех исторических трудах (включая и советско-российские) Японская и Крымская войны Россией *позорно проиграны*, а двукратная сдача французами Парижа, все кампании 1939—1941 гг. — включая Дюнкерк — вершина национального боевого духа.

Да и в новейшие времена афганскую эпопею СССР принято считать позорным поражением, а французские Вьетнам и Алжир, где отважные галлы бежали с собственных территорий, Вьетнам и Корея, проигранные американцами вкупе со всеми союзниками по НАТО, СЕНТО и СЕАТО, — к разряду унижительных исторических эпизодов относить не принято.

Но оставим лирическое отступление, которые так любил в своих романах Виктор Гюго.

То, о чём сейчас говорил Арчибальд, то есть окончательное выведение России за скобки мировой истории, выглядело крайне привлекательно, но присутствующим по-прежнему хотелось, чтобы этим занялся кто-то другой. Нет вопросов, «Хантер-клуб» почти двести лет поставлял в правительство премьер-министров, министров финансов и иностранных дел, вся разведка и контрразведка тоже была «своя». Джентльмены, не склонные к просиживанию штанов в парламентах и иных кабинетах, находили возможность захаживать, под видом «частных лиц», на заседания всяких там «бильдербергских», «заксенхаузеновских», «миннесотских» и прочих конгрессов, якобы определявших векторы текущей политики, сегодня и в далёкой перспективе, внимательно слушать прения, моментами от-

пуская замечания, как правило — принимаемые к исполнению.

Большинство усилий достойных джентльменов, то «прямых», то весьма опосредствованных, последние три века направлялись на причинение максимального вреда России, лишь изредка отвлекаясь на почти семейные разборки с немцами и французами. То, что антироссийская политика всех без исключения британских кабинетов нередко противоречила реальным интересам Империи, во внимание не принималось. В этом случае традиционный прагматизм «мировых лавочников» уступал место романтической ненависти. Можно бы назвать это своеобразным инстинктом, архетипом, не поддающейся рационализации уверенностью, что две эти страны одновременно сосуществовать на одной планете не могут. Неважно, почему. Евреям тоже нельзя в субботу поднимать с земли оброненные деньги.

Арчибальд указал рукой на выложенный готическими золочёными буквами девиз, почти незаметный в окружении других щитов, эмблем и флагов, на стене позади председательского стола.

Все посмотрели.

«Как трудно жить на свете, когда с Россией никто не воюет!» Подпись — лорд Пальмерстон¹.

— Это сказано полтора века назад, — поднял палец Арчибальд. — И эти мудрые слова не потеряли своей актуальности. Правда, после Севастополя и Петropавловска прямых вооружённых столкновений не было, оказалось, что воевать с русскими на их территории

¹ Пальмерстон, Генри Джон Темпл (1784—1865), ви-
конт, премьер-министр Великобритании, знаменитый подавле-
нием восстаний в Китае (Тайпинского) и Индии (Сипайского),
отмеченных несравнимой с «Кавказскими войнами» России
жестокостью. Организатор и вдохновитель так называемой «Крым-
ской войны» 1853—1856 гг.

Британии не по силам. Более того, в одной мировой войне здесь и в двух — в другой реальности нам пришлось оказаться союзниками, но это ничего не изменило. Напротив, опасность стала ещё очевиднее. И вот, наконец, пришло время нанести решительный удар. «Карфаген должен быть разрушен!»

— Каким же это, интересно, образом? — осведомился один из джентльменов, имеющий отношение к «Форин офис», т.е. министерству иностранных дел. — Россия — член ТАОС, весьма авторитетный, и я, например, не вижу даже гипотетической возможности как-то изменить ситуацию. Нам никогда не удастся расколоть Союз и создать жизнеспособную антирусскую коалицию. Сегодня не тысяча восемьсот пятьдесят третий год.

— Об этом не идёт и речи. Конечно, ни у кого нет сил, а главное — желания начинать новую мировую войну в то время, как «свободный мир» и без того напоминает осаждённую крепость. Но есть куда более простой и надёжный путь. Силы, направившие меня сюда, вернее, позволившие вернуться в этот мир, по которому я, признаться, немного соскучился, заинтересованы в том же самом. Им очень не нравится существование России в её нынешнем качестве, а главное — последствия, могущие наступить по её инициативе очень скоро. Если в одном из параллельных миров, как я уже говорил, она практически выведена из числа главных мировых игроков и тщетно пытается сохранить жалкие остатки прежней мощи и влияния, то в двух других, включая и этот, всё обстоит противоположным образом. Югороссия, существующая в двадцать пятом году, стремительно развивается, по своим военным и экономическим возможностям уступает только Соединённым Штатам. А если (что рано или поздно случится) присоединит к себе остальные территории, ныне управляемые большевиками, или просто

объединится с РСФСР в «Евразийскую конфедерацию» под лозунгом «Одна страна — две системы», для Европы это станет катастрофой. Тамошняя «версальская» Германия, похоже, сделала ставку на идеи Бисмарка, и если оформится прочный русско-германский союз, наша «добрая старая Англия» превратится в ничтожный островок, населённый вырождающимися потомками титанов девятнадцатого века!

— Вы говорите странные и страшные вещи, сэр Арчибальд, — возмутился один из клубных «ультраконсерваторов».

— Да неужели? А разве сейчас, здесь, у вас, Великобритания по-прежнему «владычица морей», «мастерская мира», дирижёр «европейского концерта»? Вне рамок ТАОС мы что-нибудь можем предпринять в отношении своих бывших колоний и доминионов? Способны противостоять «Чёрному интернационалу», если он сочтёт нас очередной целью?

Оппонент промолчал. Молча ждали продолжения и остальные.

— В том и дело, джентльмены, что единственная реальность, где мы что-то можем и что-то значим, зажата между двумя другими, с совершенно проигрышным для нас раскладом. И я прислан сюда, чтобы проигрыш превратить в победу. Прошу вас усвоить: все параллельные миры сплетены воедино, взаимопроницаемы, населены во многом одними и теми же людьми, используют зачастую общую инфраструктуру. В этом самом кабинете в другом мире сейчас сидят почти те же самые люди и, возможно, говорят о том же самом, но с другой точки зрения. В случае необходимости мы можем рассчитывать на их помощь, так же как они — на нашу. Ведь это так естественно, так соответствует нашему национальному характеру: «Помоги себе сам, тогда и Бог тебе поможет».

Именно поэтому силами, способными в равной мере

контролировать все известные реальности, сочтено необходимым осуществить массированное воздействие на стыке пространств и времён. Вычислено — именно сейчас *эта* реальность зависла в состоянии неустойчивого равновесия. Если Олегу Романову удастся его план узурпации власти и возрождения российского самодержавия в его, так сказать, «идеальной форме», начавшийся XXI век станет веком русской гегемонии. И Россия будет определять, как должен быть устроен мир, кого взять себе в союзники и *клиенты*, а кого — предоставить собственной участи. Я не хочу жить в таком мире. Вы, разумеется, тоже, поэтому должны полностью положиться на меня, вернее, на те силы, которые меня направляют.

В ответ на вопрос, что именно представляют собой означенные «силы» и каковы основания считать их дружественными и стремящимися к тем же, что и «Хантер-клуб», целям, Арчибалд сказал, что сущность их столь же непостижима, как и «божественное провидение». Достаточно того, что они обладают возможностью управлять законами природы и, пожалуй, определять мироустройство в пределах этой, конкретно взятой Вселенной.

Скептически настроенный мистер Пейн, до сих пор отчего-то не удостоенный даже рыцарского звания, притом что «сэром» не так давно стал даже популярный в кругах богемы певец-гомосексуалист (навверняка Оскар Уайльд от зависти и негодования перевернулся в гробу), своим вопросом попал в точку.

— Ни в коей мере не подвергая сомнению слова достопочтенного докладчика, я просто следую урокам известного большинству присутствующих Сократа. То есть ищу в словах собеседника логические неувязки, в которых не могу разобраться самостоятельно, и немедленно прошу меня просветить. Итак — имеются некие «силы», настолько могущественные, что в состоянии

воскрешать мёртвых, творить миры и забавляться законами природы, как ребёнок кубиками. Так отчего бы им самим не отменить Россию как исторический парадокс, расселить нас на её территории, как не столь давно было сделано на американском континенте, и предоставить остальное естественному процессу эволюции? Для чего привлекать к столь грандиозной задаче совсем небольшую группу людей, весьма достойных, конечно, но далеко не всесильных!

Пейн произнёс эту тираду и сел с победительным видом.

— Я вас понимаю, — проникновенно ответил Арчибальд. — Но в том ведь и дело, что Господь Бог не установил на Земле даже после пришествия Спасителя тех порядков, которые вытекали бы из дарованных им Заповедей, постулатов Нагорной проповеди... Он, в неизречённой милости своей, предоставил людям право самим решать свои судьбы, лишь иногда тем или иным образом *направляя и подсказывая*...

— И карая, — с места добавил Пейн.

— Да, и карая. Причём последние две тысячи лет предпочитает делать это не собственноручно. Что касается «всесилия»... Человек, настолько *всесильный*, что в состоянии одним нажатием кнопки семикратно уничтожить планету со всем её населением (впрочем, это не из нашей истории, здесь, слава богу, до такого ещё не додумались), подчас затрачивает массу усилий, ухищрений и смекалки, чтобы вырастить в своём садике розу диковинного голубого оттенка. С прагматической точки зрения ему это совершенно не нужно, однако он посвящает своему увлечению всё свободное от руководства судьбами нации или целого мира время. Рыхлит землю, вносит удобрения, уничтожает тлей, отбраковывает неудачные образцы. Думаете, Господу нашему нечем больше заняться, кроме как определять меру наказания ничтожнейшему из грешников? Одна-

ко он это делает. По крайней мере — мы уверены, что он это делает. Вот сейчас он неожиданно пропустил в наш мир эти «силы», для которых у меня нет определения. Очевидно, это очередное проявление Божественного Провидения. Вы удовлетворены, мистер Пейн?

— Удовлетворён. Переходите к сути.

Суть оказалась достаточно простой по сравнению с очень затянувшимся предисловием. Здешнему составу «хантеров», с привлечением всех имеющихся возможностей, соратников и сотрудников в Англии, за её рубежами и в самой России, необходимо спланировать и провести операцию по физическому устранению Великого князя Олега. Одновременно с ней из одной или двух параллельных реальностей в эту будет переправлено достаточно специалистов, технических средств и боевых групп «добровольцев», чтобы организовать в Москве, Петрограде и любых других местах (если потребуется) масштабные беспорядки по типу февраля 1917 года. Власть возьмут «нужные люди» из Главной Исторической Последовательности (ему пришлось попутно объяснять метафизический смысл этого термина), знающие, как следует действовать для достижения безукоризненно просчитанного результата.

Россия немедленно будет дезинтегрирована на минимум пятьдесят безусловно независимых государственных образований с массой территориальных и политических претензий друг к другу. В идеале это обеспечит немедленное начало одной всеобщей гражданской и десятка межконфессиональных и этнических войн. И весь наступающий век именно британцам (как единственно понимающим смысл происходящего и держащим в руках рычаги силового и психологического управления) будет предоставлена возможность пользоваться плодами этой внезапной «геополитической катастрофы».

Идея как таковая вызвала горячее одобрение и энту-

зиазм собравшихся. Собственно, она ни в чем не расходилась с той, что со времён Ивана Грозного и королевы Елизаветы составляла суть и стержень британской политики, просто впервые после завершения Мировой войны была сформулирована с беспощадной определённой. Полное уничтожение геополитического противника, и никаких политкорректных нюансов. Раньше приходилось жить, стиснув свои чувства в кулак, как на светском рауте в доме бесконечно ненавистного человека.

— Вы уверены, достопочтенный сэръ, что предлагаемая вами операция пройдёт достаточно гладко и не потребует прямой силовой акции, нашей и наших союзников? Всё же у России четырёхмиллионная, весьма боеспособная армия и мобилизационный потенциал под сорок миллионов.

— У царской России было под ружьём двенадцать миллионов к моменту революции, и это никак не помешало свержению Николая и развалу Империи, — с чувством превосходства ответил Арчибальд.

— Вы говорите о какой-то другой истории, — с места довольно запальчиво выкрикнул молодой (по клубным меркам) человек. — В нашей — несколько царских генералов смогли выделить из двенадцатимиллионной серой массы боеспособное ядро в несколько сот тысяч офицеров и солдат. Этого хватило, чтобы разгромить большевиков и восстановить ту же Империю, пусть и без царя, не только в границах девятьсот сорок пятидесятого года, но и с солидным приращением. А теперь речь идёт уже и об официальной реставрации монархии. Это безусловный вызов самой идее прогресса и демократии, но неизвестно, устоит ли «демократия» перед таким вызовом? — очевидно, Айвори Гамильтон-Рэй был достойным сыном своего отца и к истории относился прагматически, без идеологических шор.

— В той реальности действительно была допущена

ошибка, — согласился Арчибальд. — Правительство Ллойд-Джорджа слишком долго колебалось, не зная, кого поддержать — монархистов, кадетов, беспартийных генералов или большевиков. Когда разобрались, было уже поздно.

— Но, насколько я понял ваш предыдущий рассказ, точно те же ошибки совершены и в других реальностях. И там и там хоть монархисты, хоть большевики (но всё равно русские!) преодолели «смуту» и вышли из неё достаточно сильными, чтобы остаться государством, в той же мере превосходящим Британию, что и раньше.

— Россия никогда не превосходила Британию! — с возмущением провозгласил герцог Честерский.

— Тогда отчего всё-таки мы в трудные моменты нашей истории искали союза с Россией и никогда — наоборот? — Поняв, что его слова раздражают «высокое собрание», молодой Гамильтон-Рэй пояснил, оправдываясь: — Я полностью разделяю наши общие идеи, но как любой охотник предпочитаю составить полное представление о звере, против которого выхожу. И хочу правильно выбрать снаряжение, вне зависимости от чьих-либо предрассудков. Неосторожно внушать себе, что бекасиная дробь годится и против тигра, как, впрочем, не стоит стрелять по зайцу экспансивной пулей...

— Молодой человек прав, — примирительно сказал Арчибальд, которому сейчас умный оппонент-скептик был полезнее восторженного дурака-догматика. Работать ведь придётся с первыми, вторые, не понимая этого, годятся лишь на роль буйволов, тянущих фургон в нужную сторону.

— Все наши беды — от недооценки противника. И самое неприятное: после стольких конфликтов, войн и революций мы не научились понимать — когда же и в чём мы ошибаемся! У нас ни в министерствах, ни в

штабах, ни в самом клубе столько лет (даже веков!) не было людей, способных мыслить *на той же волне*, что и неприятель. Вот русские цари, при всей разнице положения и образования настроения и характер своего народа, возможности рядовых, неграмотных солдат понимали и умели использовать... Зато теперь мы учли абсолютно все ранее допущенные ошибки, в том числе невозможность и ненужность личного участия европейцев в открытых столкновениях с русскими. Мы, наконец, поняли психику нынешнего, живущего в вашей реальности русского человека.

При слове «русского» лицо Арчибальда исказила странная усмешка.

— Мы не только знаем теперь, как именно «оставить за кадром» столь много неприятностей доставлявшие нам черты его «национального характера», мы на примере «Главной реальности» провели *натурный эксперимент*. В принципе он удался. Если в точно рассчитанный момент ликвидировать «князя Олега» и несколько человек его ближайших соратников, оставшая «Россия» и не почешется. Зато назначенная нами «колониальная администрация» сразу даст «народу» то, что является его естественной и вековой мечтой, постоянно подавляемой авторитарной властью. Мы дадим людям «волю»...

— Поясните, что это слово значит, — попросил неугомонный Айвори. А ведь он, судя по его взгляду и интонации, знал русский язык. Тем интереснее будет поработать с этим человеком.

— Вообще, у русских, в их наиболее полном словаре Даля, трактовка этого термина занимает три страницы мелкого шрифта. Я имею в виду то, что нужно нам: «данный человеку полный произвол действия, отсутствие любого принуждения». Это совсем не то, что европейская «свобода». Винтовка в руке и никаких сдерживающих принципов. Вот вам и русская «воля».

— Спасибо, сэр, — кивнул Айвори, опускаясь в кресло. — Только отчего вы думаете, что *четыреста миллионов* таким образом настроенных людей захотят слушать вас и *наших* ставленников? Если хотя бы десять процентов из них сохраняют винтовки, а также автоматы, пулемёты и танки? Притом что никакая власть, тем более иностранная, не сможет контролировать эту «волю» на таких территориях. Сколько дивизий мы сможем выделить для оккупации, и насколько далеко они смогут продвинуться от морских портов и аэродромов?

— Им и не потребуется куда-то «продвигаться». Русские всё за нас сделают сами. Подконтрольная нам власть будет поддерживать подобие порядка там, где это необходимо. На остальной территории пусть делают что хотят.

— Очень вероятно, что скоро очередному генералу Корнилову захочется установить *свою* власть, навести *свой* порядок, и в очередной раз повторится то, что неоднократно случалось — мы получим ещё более агрессивного, озлобленного против нас и всего свободного мира противника. Он вдобавок может объединиться с «Чёрным интернационалом», и тогда нас ждут совсем весёлые времена...

— Хорошо, что вы умеете так чётко выявлять слабые места в стратегических планах, — с кисловатой улыбкой сказал Арчибальд.

— Это его специальность, — пояснил председательствующий. — Коммодор¹ Гамильтон-Рэй служит старшим аналитиком Адмиралтейства.

— Прекрасно, такие люди нам нужны даже больше, чем простые организаторы и исполнители. У вас будет много интересной работы, но я бы хотел, чтобы вы зна-

¹ В британском флоте чин, примерно соответствующий российскому капитану 1-го ранга.

ли — сначала нужно разгромить врага и лишь потом решать вопросы послевоенного устройства. Иначе не стоит и начинать.

— Иногда такое решение бывает единственно правильным, — почти дерзко ответил коммодор.

Клубмены не ожидали, что сравнительно молодой человек, обязанный своим членством исключительно авторитету и влиянию отца, вдруг вступит с гостем в столь длительный, на грани приличия, спор. Почти всех остальных, в силу их возраста, настолько увлекла возможность обрести бессмертие и возможность свободно перемещаться между мирами, что они не желали задумываться о прозаических вещах. Тем более никому из них всё равно не придётся делать что-либо своими руками. Всего лишь — давать указания тем, кто станет принимать решения и проводить их в жизнь.

Отзвуки даже мировых войн редко достигают слуха «настоящих джентльменов» сквозь стены клубов и ограды родовых замков.

...За следующие полтора года произошло много интересного. Сэр Арчибальд и те, кто его поддерживали, сделали правильный выбор, определив «Хантер-клуб» мозговым и оперативным центром операции «Кроссворд». Самим достопочтенным джентльменам, действительно, думать почти не приходилось. Из самозванных вершителей судеб полумира они превратились в простых «направленцев», как называют в высоких штабах офицеров, ответственных за контроль над конкретным участком театра военных действий, сами этого не осознавая.

Арчибальд, присвоив себе должность, аналогичную как минимум начальнику Генштаба, свой «тщательно разработанный план» держал в голове (по крайней мере, написанным его никто никогда не видел), и целиком план был известен только ему. Все прочие клубме-

ны получали от него лишь приказы, тщательно замаскированные под деликатные инструкции или просто советы. Но зато они, используя огромный опыт, колоссальные связи и неограниченные финансовые возможности подконтрольных структур, включая транснациональные корпорации, умело эти разработки реализовывали, не стараясь вникать в подробности.

Сложность современной системы международных политических, экономических, военных отношений была такова, что ни отдельный человек, ни даже спецслужба целого государства не в состоянии были составить представление о какой-либо взаимосвязи, а уж тем более — однонаправленности множества ежедневно происходящих в мире событий. Где-то активизировались сепаратисты, где-то обанкротилась целая отрасль промышленности, пошла вверх или, наоборот, резко упала цена на золото, ушло в отставку правительство вполне благополучного государства, возникла новая политическая партия — такие вещи случаются постоянно на протяжении веков. И до тех пор пока не образовалась где-то, как-то, почему-то критическая масса обстоятельств, чреватая взрывом, как, например, летом тысяча девятьсот четырнадцатого года в Европе, даже самые проницательные политологи и аналитики не способны предугадать абсолютно ничего.

Единственное, на что можно рассчитывать в подобной ситуации целенаправленного *изменения вектора*, так только на «гениальное озарение», но люди, увы, никогда в них не верили и не верят. Им подавай «неопровержимые доказательства», получить которые невозможно по определению.

Зато у Арчибалда имелось *доказательство* необходимости и правильности своих действий. Одно-единственное, но совершенно неопровержимое. Для каждого из *руководителей* «Кроссворда» он организовал обставленное по высшему классу посещение обеих ре-

альностей, в программу которых входил и двух-трёх-дневный визит в некий неимоверно древний, но оборудованный по последнему слову науки, техники и искусств «Замок». Где именно он находился, Арчибальд каждый раз отвечал по-разному или вообще не отвечал, делая перед гостями многозначительное лицо. Кроме экскурсий и развлечений каждый «посвящённый» прошёл курс оздоровительных и омолаживающих процедур, почти не затронувших внешности (зачем почтенным пожилым людям привлекать ненужное внимание множества давних и хороших знакомых?), но полностью избавивших от старческих недугов, хронических болезней, последствий старых ран. И, что самое главное, как обещал Боулнойз, все они минимум на десятилетие были застрахованы даже от обычного насморка, не говоря об инфарктах, инсультах или, упаси бог, онкологических проблемах.

Его соратники, а по сути всё-таки *клиенты*¹, не испытывали отныне никаких сомнений, любая возможность нелояльности исключалась полностью. Почти гарантированное бессмертие на чечевичную похлёбку не меняют, даже из самых возвышенных соображений.

Пожалуй, за всю писаную историю земных цивилизаций не проводилось столь масштабных и скоординированных операций, направленных против одной цели. Даже обе мировые войны, а также и «холодная» уступали «Кроссворду» глубиной замысла и степенью использования психологического и психотронного оружия. Прежде слишком рано и непродуманно начинались боевые действия, нападающая сторона почти

¹ Клиент (послушный, покровительствуемый (лат.) — в Древнем Риме отдельные лица или целые общины, отдавшие под покровительство *патрона*, получая от него земельные наделы, финансовую и другую помощь, несли в его пользу военную и другие повинности.

всегда следовала формуле Наполеона: «Главное — ввязаться в бой, а там посмотрим». Не до конца или совсем не учитывались экономические потенциалы сторон, бездумно выбирались союзники, и уж совсем не принимались во внимание такие нематериальные факторы, как «боевой дух», способность противника к *сверхмобилизации*, да, в конце концов, просто непреодолимая разница в менталитетах своего и вражеского населения.

Сейчас Арчибальд был уверен, что предусмотрел абсолютно всё.

Парламентский строй России-2, естественно возникший совсем в других странах и других исторических условиях, перенесённый на чуждую почву, демонстрирует крайнюю неустойчивость. Он просто неприспособлен для обеспечения жизнедеятельности такого государства, как Россия. Сегодня она существует только потому, что входит в ТАОС и функционирует в его рамках и по его правилам. К самостоятельной жизни она едва ли способна. Настоящей войны, да ещё «по всем азимутам», определённо не выдержит, как это случилось в *первой* реальности после прихода к власти Керенского.

Нынешний премьер Каверзнев немногим лучше. Не вдаваясь в теоретические дебри, любому хоть немного мыслящему человеку самоочевидно, что не может государство площадью в двадцать пять миллионов квадратных километров и населением четыреста пятьдесят миллионов человек ста разных национальностей управляться по тем же принципам, что Швейцария (население 7 млн, площадь 41 тыс. кв. км). В такой стране прения в Думе между представителями десятка антагонистических партий по самому пустяковому вопросу занимают больше времени, чем в названной альпийской республике всенародный референдум. А если придётся принимать диктуемые обстоятельства, но не-

популярные по определению решения о введении всеобщей мобилизации, военного положения, приостановке действия Конституции, гражданских свобод, учреждению военно-полевых судов, заградотрядов и смертной казни по упрощённой процедуре? Передовые части агрессора раньше войдут в Петроград и займут Мариинский дворец, чем «народные избранники» договорятся о повестке дня!

Единственный стержень, там ещё имеющийся, — это *Московия*¹ князя Олега. Как только стержень будет сломан — остальное посыплется само. Сделать это совсем не трудно. Стоит устранить князя и его ближайшее окружение, нейтрализовать (без применения военной силы, чисто по модели ликвидации Павла Первого, которой тоже немало поспособствовали тогдашние английские агенты) немногочисленные части великокняжеской гвардии, и Москва перейдёт в руки «нужных людей». Петроградское правительство прежде всего растеряется. Тем более — тут же вспыхнут мятежи во всех «внутренних колониях» — от Закавказья до Финляндии, с ключевой точкой в Польше, которая всегда являлась любимым «Архимедовым рычагом» британцев. Средняя Азия, благо тамошние эмиры, ханы и беки спят и видят себя полновластными владыками, заполыхает, как сухая июльская степь.

Вольные и невольные пособники Арчибальда в Правительстве и Думе парализуют любые осмысленные действия немногочисленных «государственников». Армия будет деморализована серией бессмысленных и взаимоисключающих приказов, а её боеспособные

¹ «Московия» — просторечное название Москвы и Московского военного округа, находящихся под военным и гражданским управлением Местоблюстителя Престола, Великого князя Олега. Административная единица, фактически экстерриториальная от остальной России, нечто вроде «Александровской слободы» Ивана Грозного.

★

Экспедиционные корпуса, расположенные по границе Периметра, связаны бесчисленными, никакими планами не предусмотренными стычками с легионами «Чёрного интернационала».

Частично их отдельные полки и бригады, предательски оставленные без поддержки «союзников», будут уничтожены, кое-как уцелевшие начнут беспорядочное отступление в глубь страны. А отступать им придётся через очень недружественные, объявившие «независимость» территории. То есть в течение максимум нескольких недель Россия лишится кадровой армии.

Внутри страны согласованно выступят преступные группировки и, несомненно, асоциальные элементы, стремящиеся успеть «отнять и поделить» всё, что плохо, а тем более — хорошо лежит. Нейролингвистическое программирование и идеологическая подготовка «авторитетов» уже ведётся.

Тут и настанет время для интервенции. Устав ТАОС подобный случай прямо предусматривает. Кому из российского правительства придётся подписывать «обращение к союзникам» — определится по обстановке.

Более всего Арчибальд уповал на созданный по его личному проекту и строго засекреченный «Институт глубокого нейропрограммирования». Нашлись и в «первой» и во «второй» России талантливые учёные, за хорошие деньги и обещание «очень красивой жизни» изготовившие достаточное количество установок для нечувствительного превращения тысяч людей в абсолютно адекватных внешне исполнителей чужой воли.

Наконец «была пришита последняя пуговица к мундиру последнего солдата».

— Завтра мы начинаем, джентльмены, — торжественно сообщил Арчибальд на специально посвящённом этому долгожданному дню ужине. Самонадеянность его была так велика, что он совершил недопусти-

мую для умного политика или военачальника ошибку — раскрыл сразу все свои карты и намерения, ничего не оставив на случай «неизбежных случайностей». То есть Клаузевица он если и знал наизусть, то многих постулатов мыслителя просто не понял.

Впервые он обрисовал членам клуба, собравшимся по такому случаю «ин корпоре»¹, картину предстоящего во всей её полноте. В зале отсутствовало лишь несколько человек, ещё в самом начале отказавшихся участвовать в «этой аванюре». Людей настолько самодостаточных, богатых и умных, что их не прельстили никакие посулы, в том числе и «вечной жизни» между мирами. Кто-то посчитал, что она и так обеспечена, доказательством чему был сам факт присутствия здесь Боулнойза (если это всё-таки он), кто-то заподозрил в происходящем происки дьявола. Два джентльмена помоложе просто заявили, что их действительно интересует только охота, для чего они и вступили в клуб, заведомо не собираясь заниматься никакой политикой, а съездить в Сибирь, повидаться с медведями они смогут при любой российской власти. И это было правдой.

Само собой, такое «противопоставление себя коллективу» никаких последствий не имело и иметь не могло. Достаточно было честного слова о «неразглашении», тем более что ни за обеденным столом, ни в курительных комнатах *посторонних* разговоров вести было не принято.

Доклад сэра Арчибальда с демонстрацией карт и нужных таблиц был подкреплён и детализирован сообщениями лиц, ответственных за конкретные направления.

Айвори Гамильтон-Рэй, получивший к этому времени, не без специальной помощи Арчибальда, уже адмиральские шевроны, доложил едва ли не посуточно

¹ В полном составе (лат.).

расписанную диспозицию силовых составляющих операции.

— Что, уважаемый адмирал, вы, похоже, избавились от своего скептицизма? — благодушно спросил герцог Честерский, сопровождая вопрос изрядным глотком хереса.

— Я сообщил, как выглядит военная сторона плана, если смотреть с нашей стороны. Мы сделали всё, что могли. Тактические и оперативные расчёты не вызывают у меня никаких сомнений...

— Но?! — спросил герцог, который и сам имел чин генерал-лейтенанта в отставке. — У вас же наверняка имеется какое-то «но»?

— Безусловно, — ответил адмирал. — Вы же играете в бридж и в шахматы и прекрасно знаете, что все ваши домашние заготовки имеют смысл лишь до первого неожиданного хода противника. Я по-прежнему не могу ручаться, что русские будут так любезны, чтобы на каждом этапе «Кроссворда» делать то, чего мы от них ждём, а не исходя из собственного восприятия обстановки.

Да вот вам наглядный пример, — адмирал взял лазерную указку и вывел на экран карту Закавказья и Восточной Турции. — Это, как видите, без сомнения, ключевой театр военных действий, наряду со Средней Азией — объект непреходящих жизненных интересов Империи, при этом — доступен для полномасштабного вторжения и обеспечен стратегическими коммуникациями. Планируя наступление, мы исходили из того, что командир Четвёртого экспедиционного корпуса оперативного направления «Кавказ» со штабом в Эрзеруме, — он указал пункты дислокации бригад и отдельных батальонов, — будучи атакован с трёх направлений превосходящими силами, тем более зная, что происходит в метрополии, немедленно начнёт планомерное отступление по расходящимся направлени-

ям — на Батум и Эривань. Так, как это сделал Юденич в тысяча девятьсот пятнадцатом году. Другого разумного варианта в этой местности просто нет, несмотря на появление авиации. Пусть с потерями, бросая тяжёлое вооружение, он имеет шанс, прикрываясь заслонами на перевалах, эвакуироваться морем или продолжить отход вдоль побережья на север. Но мы даже не рассматривали абсурдный вариант, при котором генерал Сапегин решится на прямо противоположное и всеми силами начнёт прорываться вперёд, через Сирию, к своей военно-морской базе в Хайфе.

— А почему не рассматривали? — спросил некто с дальнего края стола. — Этот вариант всё же пришёл вам в голову, хотя бы как абсурдный? Вдруг именно он и будет реализован?

— Потому что я — не сумасшедший. В одной русской книге об их гражданской войне я читал такое: «Армия наступала. Командарм Сорокин десятый день питался только спиртом и кокаином. Он метался по фронту и успевал везде...»¹ У меня высшее военное образование, но меня не учили планировать действенные контрмеры против стратегических идей, способных прийти в голову подобной личности. Семисоткилометровый марш по чужой территории, почти без дорог, с открытыми флангами, или стокилометровый по своим тылам к хорошо оборудованному центру, не растягивая, а уплотняя боевые порядки — мне кажется, выбор очевиден.

— Не совсем так, — раздался голос сэра Уилбура Даунтлесса, известного своими нетривиальными историческими исследованиями. — Кстати, адмирал, вы не помните, что там было дальше? Хотелось бы узнать, у того командарма что-нибудь получилось?

¹ Весьма неточная цитата из романа А. Толстого «Восемнадцатый год». В данной реальности это произведение тоже существовало, но под другим названием.

Вопрос Гамильтон-Рэй счёл издевательским, поскольку собеседник не мог не знать общеизвестных фактов последней большой войны в Европе.

Однако положение обязывало, и докладчику отвечать пришлось.

— Как вы несомненно помните, командарм Сорокин выиграл подряд несколько сражений, а потом выбрал подходящий момент и, в блеске воинской славы, перешёл на сторону Белой армии, — со всей принятой на королевском флоте холодностью ответил Гамильтон-Рэй. — Однако я не берусь рекомендовать ни вам, ни кому-либо другому решать стратегические проблемы подобным образом. Ни один профессор фармакологии не способен с приемлемой степенью вероятности предсказать, что начнёте совершать вы, перейдя на методику вышеупомянутого полководца. А ещё существует масса препаратов, растормаживающих подсознание и помогающее творить художникам и музыкантам. Вы готовы, сэр Уилбур, принять командование хотя бы дивизией на таких условиях на русском кавказском фронте?

Даунтлесс усмехнулся со всей возможной язвительностью.

— Что и требовалось доказать. Успех возможен и при таких, абсурдных для вас, но приемлемых стратегом с иными психологическими установками обстоятельствах. И это следовало бы учитывать...

— Прошу прощения, джентльмены, — сказал адмирал, усмехаясь теперь уже *льгисто*. Будто вёл эскадру вдоль мыса Нордкап, в холодную неизвестность. — То, что я сказал, — было только для примера. Примера того, что вариантов можно вообразить сотни, но отнюдь не стоит каждый принимать во внимание. Допустим, генерал Сапегин будет убит в первом же бою, и его сменит неизвестный нам подполковник, которому покажется наиболее правильным марш на Тегеран и к

порту Энзели. Так что, выдвинуть усиленный корпус с артиллерией ещё и на это направление? У беглеца тысяча дорог, говорят на Востоке, у преследующего только одна. Мы исходим из вероятностей и здравого смысла...

— Джентльмены, поздно обсуждать незначительные детали, давайте поговорим о том, что случится через неделю в Москве, Петрограде, Лондоне, Париже и Берлине, — призвал Арчибальд. — Уж там-то всё отработано до мелочей...

...Случилось всё и везде очень плохо. Гораздо хуже, чем представлял себе скептический адмирал и уж тем более — организатор всей этой затеи Арчибальд Боулнойз. Уж лучше бы они действительно, подражая Сорокину¹, пили спирт и нюхали кокаин.

Операция началась по плану. Батальон отлично подготовленных горских боевиков под руководством турецких офицеров нанёс внезапный удар по Пятигорску, намереваясь захватить несколько тысяч заложников и взбунтовать многочисленные кавказские племена от Баталпашинска² и Майкопа до Дербента. После чего, шантажируя безвольные и бессильные власти, начать выдвижение к Ставрополю и Екатеринудару,

¹ Сорокин, Иван Лукич (на ГИП 1884 — 1918), царский поддесаул, Главнокомандующий советскими войсками на Северном Кавказе (июль — сентябрь 1918 г.), в октябре 1918 выступил против Советской власти, не выдержав политики террора и «расказачивания». Обвинён в расстреле Северокавказского ЦИК, арестован, без суда убит в Ставропольской тюрьме. Во «второй реальности» со своей армией перешёл на сторону Врангеля, освободил территорию от Ростова до Тифлиса. Произведён в генерал-лейтенанты. Его именем названа центральная улица Пятигорска. Умер в 1975 году в Ставрополе.

² Баталпашинск — в нашей реальности Черкесск (с 1939 г.).

объявив Северный Кавказ независимым имаматом. Как в первой половине девятнадцатого века¹. Кроме единственного горно-егерского военного училища общей численностью в полторы тысячи штыков, считая первокурсников и преподавательский состав, и разрозненных отрядов станичных ополчений Кубанского и Терского казачьих войск, на всём пространстве от Каспия до Чёрного моря боеспособных армейских частей не было. Ближайшие — во Владикавказе или Ростове. Но им, при планируемом развитии событий, будет не до того.

Всё сорвалось совершенно невероятным образом. Местная полиция и воздушный десант ставропольских юнкеров (как потом докладывали) сумели уничтожить отряд, способный взять даже Лондон. Несколько английских инструкторов были убиты, а руководитель акции, офицер турецкого Генштаба и одновременно связник Арчибальда с лидером «Чёрного интернационала» Катранджи — взят в плен².

Адмирал Гамильтон-Рэй и его сотрудники поставили рядом с одним из пунктов диспозиции жирный крестик, сопровождаемый двумя вопросительными знаками. Им было трудно представить, как при внезапном налёте на спящий, никем не обороняемый курортный город тысяча отлично вооружённых боевиков с многолетним опытом подобных операций была уничтожена, будто команда школьников, захотевших поиграть в пейнтбол с ветеранами нескольких афро-азиатских войн, вооружённых боевым оружием.

Самое же главное, что вывело из равновесия специалистов чином повыше, чем адмирал — России как-то удалось полностью заблокировать передачу информации о событиях в Пятигорске не только на Запад, но и

¹ См. В. А. Потто «Кавказская война».

² См. роман «Билет на ладью Харона».

вообще. Случайно проскочила пара сообщений об уничтожении группы вооружённых бандитов на то поставленными службами — и тишина.

Руководителю Королевского Управления информации и контрпропаганды это показалось плохим знаком.

Дальше — больше. Полным крахом закончилось тщательно спланированное покушение на князя Олега, несмотря на то что в нём участвовало больше сотни человек, специально обработанных нейролингвистическими машинами. Простые конвойные казаки оказались проворнее и стреляли лучше. После этого план затрещал и по всем остальным швам.

Самое же трагическое — необъяснимо провалилась операция «Жало скорпиона», ради которой, собственно, и затевалось всё остальное. «Всё остальное» — только акции прикрытия. Их успех был желателен, но по отношению к главной цели — вторичен. Пока лучшие гвардейские дивизии Великого князя ускоренным маршем выдвигались на запад и юг, великолепно подготовленные, вооружённые, руководимые лучшими инструкторами и специалистами в организации военных переворотов отряды должны были взять Москву и уничтожить претендента на Престол. Специальный научно-исследовательский институт из другой реальности перепрограммировал в столице множество людей, военных и штатских, превратив их в настоящую «пятую колонну» грядущего переворота. Через межвременную границу переправились несколько батальонов злейших врагов русских — боевиков УПА, УНА — УНСО и чеченских сепаратистов, пылающих боевым духом и зоологической ненавистью.

И все они, вместе с инструкторами и двумя десятками невиданных в этом мире танков, настоящих «сухопутных линкоров», при виде которых в панике разбежались бы солдаты любой армии мира (как это случилось с хвалёными немцами, впервые увидевшими

английские танки в 1915 году, в сражении на Сомме), были разгромлены наголову, «в ноль», на улицах Москвы и на подходах к великокняжеской резиденции. Тысяча с лишним беспощадных убийц и головорезов (Гамильтон-Рэй не заблуждался по поводу нравственных качеств наёмников-союзников) были мастерски уничтожены, не дойдя всего пяти километров до Берендевки.

Кроме того, спецназовцы личной разведки князя захватили небывалой ценности специалистов «глубокого нейропрограммирования» вместе с аппаратурой. Это была катастрофа¹.

Однако умного и сильного духом аналитика-адмирала со всем приданным ему штабом подкосило совсем другое явление, безусловно из разряда мистических. Самый изошрённый человеческий ум не в силах был столь утончённо и одновременно грубо унижить претендента на пост Председателя «Хантер-клуба» в глазах его товарищей и будущих избирателей.

Он ведь только для примера упомянул в ходе демонстрации своего стратегического гения планируемую в Восточной Турции и Западной Армении операцию и имя генерала Сапегина, командира Закавказского экспедиционного корпуса. Мог бы назвать любого другого полководца, командующего войсками, растянутыми от Порт-Артура до мыса Нордкап, а пришёл на ум и на язык именно этот, ничем не примечательный.

Адмирал хорошо помнил этот день, пасмурный и дождливый, под стать настроению. В «ситуационной комнате», где сидели над компьютерными планшетами и бумажными картами самые лучшие специалисты его «комиссии», завершался разбор просчётов и ошибок, допущенных непосредственными исполнителями «Жала скорпиона». По умолчанию подразумевалось, что

¹ См. роман «Хлопок одной ладонью».

разработчики операции всё спланировали верно. И тут, будто по задумке талантливого, но злого режиссёра, из-за кулис, то есть из двери шифровальной комнаты, появился лейтенант и положил Гамильтон-Рэю на стол несколько сколотых скрепкой листов специальной, цветом обозначавшей степень срочности и секретности бумаги.

Адмирал взглянул мельком, потом внимательнее, схватил, вчитался. По-русски ругаться он не умел, а английскому не хватало экспрессии. Интересное сообщение — вроде как последний гвоздь в крышку гроба его профессионального самоуважения и клубной репутации. То, что написано на этих торопливо отпечатанных, с массой грамматических ошибок листках, звучало более чем дико, выходило за пределы самых смелых допущений.

В этот день он прочитал только экстренное сообщение, а уже позже разобрался в случившемся детально. Первая горечь и злость прошли, он вернул себе способности оценить красоту игры генерала, смотревшего на Гамильтон-Рэя с не слишком чёткой фотографии, перснятой из какого-то журнала.

Коренастый мужчина лет сорока пяти, типично славянское лицо с короткими усами, хмурый взгляд из-под козырька полевой фуражки, три тусклые звёздочки на широком погоне с чёрным зигзагом.

Против корпуса Сапегина (три мотомеханизированные бригады, три горных арtpолка, два отдельных разведбата, кубанская горно-пластунская бригада и обычные средства усиления), разбросанного на фронте в четырёхста километров, было выделено десять кадровых турецких штурмовых батальонов, переодетых курдами, около двух десятков настоящих, независимых ни от турецкой, ни от персидской власти курдских орд и неуставленного числа интернациональных абреков.

Суммарное количество охваченных «священным восторгом» и неукротимым стремлением к убийствам, насилиям и грабежам «хищников», как называл такие формирования генерал Ермолов, по самым скромным подсчётам, превышало пятьдесят тысяч, на самом же деле — намного больше, штыков и сабель. Как в тысяча восемьсот семьдесят седьмом и тысяча девятьсот четырнадцатом годах они по бесчисленным горным тропам ринулись на север и восток, охваченные почти муравьиным инстинктом — прорваться в густонаселённые, по их меркам — невероятно богатые долины Южной и Западной Армении и, даже если не удастся там закрепиться навсегда, то разграбить и сжечь всё, что возможно, угнать в свои ущелья и оазисы десятки тысяч рабов и будущих наложниц. Специально для этого позади «боевых подразделений» тянулись тысячи и тысячи женщин и подростков — с вьючными лошадьми в поводу, на арбах и даже, где позволяли дороги, на всяком легковом и грузовом автохламе.

Отдельно расположенные и разделённые труднопроходимой местностью русские подразделения могли уничтожаться на выбор, внезапно и без шансов на прорыв и соединение с «главными силами», которых, при такой дислокации, фактически не было, кроме как за Большим Кавказским хребтом.

Десять вариантов действий русского комкора было просчитано в штабах от Лондона до Ангоры и Диарбекира, где засели курды. А одиннадцатый им в головы не пришел. Видимо, надо было всё же, для расширения сознания аналитиков, использовать методику командра Сорокина.

В том месте, что ему показалось особо уязвимым, Сапегин нанёс сокрушительный контрудар силами танкового полка и срочно собранной из чего придётся вокруг батальона штурмгвардейцев десантной группой на броне. Отчаянные до почти полной потери ин-

стинкта самосохранения, святого для каждого хоть европейца, хоть азиата, русские танкисты намотали на гусеницы столько «воинов ислама», что через полтора часа воевать с той стороны было просто некому. А облепленные пылью поверх крови танки и бронетранспортёры с десантом перешли в стремительное наступление на главном оперативном направлении, прямо от Татвана на восточном берегу озера Ван на Диярбекир. Водителям команда была одна — «моторесурса не жалеть», и танки выжимали на крутых горных серпантинах по тридцать — сорок километров в час.

Остальным частям и подразделениям корпуса по радио был передан приказ: «Занять жёсткую оборону в местах расположения и держаться до последнего патрона. Авиации и вертолётам работать по коммуникациям противника на пределе возможностей».

Потом генерал Сапегин, гордившийся тем, что не только внешностью, но и характером походит на «белого генерала» Скобелева, на открытом броневике, в сопровождении только адъютанта, выпускника Петроградского университета, знатока десяти восточных языков, включая древнешумерский, и ещё одного человека в чёрной рясе и клобуке въехал в полевую ставку Модамин-бека.

Самый главный курд, эмир и шейх-уль-ислам, не придававший, впрочем, этому религиозному титулу никакого значения (по крайней мере, грабить и бесчинствовать на захваченной местности он ему не препятствовал), вышел из шатра навстречу гостю. Он очень хорошо разбирался в психологии, в том числе и в русской военной. Оттого не удивился ни дерзости генерала, пробившегося всего с одной ротой через пятьдесят километров густо заполненной вооружёнными людьми «зоны племён», ни тому, что его аскеры (или нукеры?) пропустили генеральскую машину без малейшей попытки уничтожить её или захватить в плен.

★

Беку уже доложили о катастрофическом прорыве, и вся «армия» об этом знала раньше «главкома». Бежавшие с поля боя успели поделиться впечатлениями. Все ожидали вполне законной, торопливой и оттого ещё более беспощадной мести за вероломство, ведь «вторые эшелоны» орды и мародёрский обоз остались в тылу атакующих войск.

Генерал привёз с собой десять известных беку кожаных мешочков, по две тысячи золотых червонцев в каждом. Подарок для завязки разговора.

Комкор и сопровождающие сняли сапоги, сели на краю протекавшего мимо шатра арыка. Бек, скрестив ноги, устроился на шёлковой подушке напротив. О здоровье многочисленных жён, детей и внуков бека генерал осведомляться не стал, что обещало крайне жёсткий тон переговоров.

Мюриды (или как их там) принесли зелёный чай в персидских стаканах «армуды» и засахаренные фрукты. Сапегин скривился и кивнул адъютанту. Тот снял с пояса армейскую фляжку в суконном чехле.

— Простая водка. Будете? Не очень ещё и тёплая.

Курд с достоинством изъявил согласие. Выпили. Пожевали то, что в Средней Азии называется «урюк».

— Я почтительно слушаю вас, генерал, — наконец сказал курд на довольно приличном русском.

— Мы никогда не были врагами вашего народа, — ответил Сапегин, раскуривая папиросу.

— Может быть, приказать принести кальян? — спросил Модамин-бек.

— Как-нибудь потом, — отмахнулся генерал. — У меня в подчинении двадцать тысяч человек с тяжёлой техникой, два полка боевых вертолётов, а бомбардировочной дивизии из Батума лететь сюда полчаса. Они раздолбают тяжёлыми бомбами все мосты на полсотни вёрст окрест, а главное — плотины гидростанций. Единственное, что вы успеете эвакуиро-

вать, так это свой гарем. Один только выстрел в сторону моих солдат, и вы здесь все погибнете. Даже если и нам придётся умереть. Но это наша профессия и долг. Я доходчиво излагаю?

Поручик начал переводить со всеми положенными цветистыми оборотами. Эмир жестом велел ему прекратить.

— Вполне доходчиво. Ваши деньги я взял. Англичане столько не *дарят*, и они далеко. Турок мы совсем не любим, а посмотреть, чем они торгуют в своих лавках, куда интереснее, чем смотреть в дула ваших пушек.

Тут вмешался человек в чёрном:

— И ещё послушай меня, Модамин. Меня зовут Тер-Исаакян, Месроп. Я епископ Ванской епархии. Я хочу сказать вот что. Наши русские братья, собравшись уходить, если им это прикажут, пообещали *погарить* нам пятьдесят тысяч винтовок и автоматов, а также всю военную технику, которую не смогут забрать с собой. Я, смиренный слуга Господа нашего, хочу подтвердить братьям-мусульманам, во имя общих наших пророков Исы, Мусы и Мариам¹, слова высокопревосходительного Артёмия Борисовича — если с вашей стороны прозвучит хоть один выстрел в сторону русских солдат или наших сёл — не обижайтесь. Вы знаете, как умеют воевать армяне. Мы не хотим, чтобы ваш народ исчез с нашей земли. Мы не турки². Но будьте благоразумны.

Курдский эмир изображал размышление, поглаживая бороду.

С русским корпусом и пятьюдесятью тысячами отчаянных армян он ссориться никак не хотел. Но побли-

¹ Имеются в виду почитаемые мусульманами Иисус, Моисей и святая Мария.

² Епископ упоминает о геноциде армян турками в 1915 г. То же «холокост», только без газовых камер. Обходились штыками и саблями.

зости ведь три дивизии турок и английские рейнджеры, очень хорошо умеющие убивать.

— Мы вас не тронем, — наконец сказал он. — А сможете вы защитить нас?

— Уж чего-чего, — с облегчением ответил генерал. — Если вы прикроете наши фланги, мы ваших турок раздавим, как дерьмо сапогом. А вам, почтеннейший Модамин, Государь Император позволил предложить чин генерал-майора Российской армии с возможным причислением к Свите, как эмира Бухарского, хана Хивинского, шамхала Таркинского и других столь же уважаемых правителей. Своих сыновей вы сможете отдать в Пажеский корпус.

— Я готов принять этот чин, — с достоинством ответил эмир. — Но у меня двенадцать сыновей. От шести до пятнадцати лет. Я хотел послать их учиться в Каир. Но Петроград — это интереснее. Возьмёте всех?

— Нет вопросов, младшего — через два года. Старшего — не позднее пятнадцатого августа нынешнего, в следующем уже не подойдёт по возрасту, останется только в Каир, — облегчённо вздохнул генерал. За какие-то полчаса приобрёл для Империи нового, весьма полезного вассала. Предыдущие восемьдесят лет этому мешали Измирские соглашения о сферах влияния на территории бывшей Блистательной Порты.

Мигнул, и без дела скучавший поручик тут же налил генералу, эмиру и епископу ещё по серебряной чарке неплохой эриванской водки.

— Вы, ваше превосходительство, — титуловал он Модамин-бека по его будущему чину, — скоро увидите, какие из ваших сыновей получатся орлы-корнеты¹. И в Петрограде действительно веселее, чем в каком-то Каире. У меня там дача на Островах. Рад буду принять, когда сыновей привезёте.

¹ Корнет — младший офицерский чин в гвардейской кавалерии.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Разумеется, все детали разговора русского генерала с курдским эмиром английской разведке и самому Гамильтон-Рэю остались неизвестны. Но то, что Модамин-бек перешёл в российское подданство и получил генеральские погоны, после чего с истинно восточным азартом принялся ликвидировать британскую и турецкую агентуру на своей территории — абсолютный факт.

Прощаясь, Сапегин, как о вещи совсем несущественной, сказал Модамин-беку, что судьбы турок его не интересуют, но за каждого англичанина (живого) он готов выплатить от десяти до ста червонцев, в зависимости от чина и рода занятий. Очень скоро от Диярбекира и Ангоры до Стамбула и Дамаска живые англичане, имеющие хоть какое-то отношение к вооруженным силам и государственной службе, а заодно и журналисты, представители всяких «неправительственных организаций», стали очень ходовым товаром. Их ловили, продавали, перепродавали и обменивали друг с другом все, у кого имелись силы, возможности и желание заработать. Дошло до того, что британскоподданные, а заодно и другие, чем-то на них похожие, превратились в разновидность местных «ценных бумаг». Ненужные русской контрразведке (все сливки она сняла в первые дни), эти несчастные обращались между племенами, то падая, то повышаясь в цене и давая возможность людям «заработать на разнице».

Те из них, кто по какой-то причине не был выкуплен правительством или родственниками, в конце концов просто обращались в рабство. Восток, что вы хотите...

Но полной катастрофой для Арчибальда и штаба Гамильтон-Рэя обернулось очередное, то ли четвёртое, то ли пятое по счёту за последние два века, польское восстание. Великолепно подготовленное, снабжённое оружием в немыслимых количествах, включая и тяжёлое

(благодаря открытым границам между Россией и якобы дружественными ей сопредельными странами), оно должно было увенчаться полным успехом с далеко идущими последствиями. Вопреки обычной дипломатической практике, европейские державы выразили России протест по поводу использования армии против мирного населения, демократически выражающего свою тягу к независимости. Ни одна из фотографий зверств «польских повстанцев» — повешенные на фонарных столбах офицеры и солдаты, сожжённые жилые дома в военных городках, и тому подобное — в европейской прессе и в передачах дальновидения не публиковалась. Зато все каналы информации были забиты материалами об азиатской жёсткости своего якобы «союзника», развернувшего чуть ли не геноцид в центре Европы. И это при том, что, согласно Уставу, любому члену ТАОС полагалась всеобщая помощь и поддержка в случае посягательств на их территориальную целостность и внутренний порядок. Любому, но только не России, как оказалось.

Впрочем, согласно плану Арчибальда, так и намечалось — за одну-две недели изобразить Россию наследницей Чингисхана, а поляков, финнов и прочих сепаратистов — как жертв до сих пор не цивилизовавшейся феодальной империи. А если кому-то русские по причине белого цвета кожи и сравнительно связной речи кажутся похожими на европейцев, так это естественная ошибка. Есть, мол, такой термин — мимикрия!

И ведь европейцы поверили, что, по правде говоря, и было единственным сработавшим пунктом программы. От Лондона до Пиренеев и Альп взвилась волна народного возмущения — демонстрации, протесты, сбор средств для помощи героическим полякам, потом и осторожные (поначалу) дипломатические ноты.

Адмирала всегда, кстати, интересовало, отчего, несмотря на то что разделы Польши в XVIII веке были

произведёны по инициативе Австрии и Пруссии, а Екатерина Великая приняла в них участие довольно неохотно, и России отошла всего одна треть «Речи Посполитой», с преимущественно мало- и белорусским населением, вся ненависть поляков была обращена именно на Россию. Видимо, потому, предполагал Айвори, что «гордая шляхта» подсознательно считала себя ниже германской расы, и её право главенствовать над собой так или иначе признавало. Опять же и разница в вероисповедании имела значение, так что русских поляки ненавидели как «схизматиков» и «быдло», культурно и религиозно примитивных, но непонятным образом отражавших любые вторжения и сумевших выстроить могучую Империю, в то время как поляки проиграли всё и всем.

Эти настроения господствовали среди шляхты и интеллигенции, последний смерд с затерянного в глуби Мазурских болот хутора считал себя выше русского, не говоря о белорусах и украинцах, которые людьми не воспринимались принципиально. Притом что благодаря царскому стремлению не подавить, а «умиротворить» привислянских подданных, население Царства польского пользовалось с времён Николая Первого невиданными для настоящих «великороссов» привилегиями, вплоть до чеканки собственных денег, а польская аристократия имела право занимать в Империи самые высокие государственные и военные должности, чего, кстати, отнюдь не было на отошедших к австро-германцам землях. Там дискриминация и апартеид действовали в полном объёме вплоть до настоящего времени.

Нынешний мятеж тщательно готовился, через западные границы полгода переправлялась масса оружия и сотни военных инструкторов. Радомские военные заводы чуть ли не половину своей продукции переправляли повстанцам или прятали в специальных

схронах на территории, пользуясь сочувствием инженеров-поляков и бестолковостью петроградских контролёров и приёмщиков.

Варшавский «Комитет национального спасения» почти на треть состоял из иностранных советников. За полгода до начала «событий» уже была сформирована «добровольческая повстанческая армия»¹ в несколько десятков тысяч штыков и с достаточным количеством собственных офицеров и зарубежных «волонтёров».

Разгром уже объявившей о суверенитете и сформировавшей своё правительство «Четвёртой Речи Посполитой»² был мгновенным и страшным. После двухсуточного замешательства российское командование сориентировалось в обстановке, ввело в действие Гвардию, авиацию, флот, многочисленные десантно-диверсионные отряды с высочайшим уровнем подготовки. На западных границах Российской Империи впервые за много десятков лет был введён строгий пограничный и паспортный режим. Из страны выпускали только гражданских беженцев, то есть женщин, детей и мужчин старше шестидесяти лет. Въезд в Россию и ввоз каких-либо товаров, кроме как медикаментов по линии Красного Креста и Могендова³, до окончания «беспорядков» был запрещён.

Целые караваны тяжелогрузных машин с оружием и боеприпасами, замаскированными под «гуманитарную помощь» для «страдающего населения», застряли перед погранпереходами со стороны Германии, Авст-

¹Правильно она называлась «НСЗ» — «Народовы силы сбройны» (Народные вооружённые силы).

²«Польской державы». О номере можно поспорить, поскольку инсургенты так и не успели договориться, с какой именно «неподлежности» (независимости) следует вести отсчёт новой государственности.

³«Красный Могендовид» — израильский аналог Красного Креста.

ро-Венгрии и Малопольши. Аналитики из оперативного управления штаба группы войск «Висла» по данным разведки и аэрофотосъёмки посчитали, что задержанных грузов должно было хватить для снабжения «НСЗ» всеми видами довольствия в течение месяца.

Водители и сопровождающие сначала просто загадили все окрестности, а потом у них начались серьёзные конфликты с местным населением. Чехам, словакам, немцам совсем не нужны были перед своими окнами и заборами подобные «гуманитарии», тем более неизвестно откуда возник и прокатился слух, что русские заявили, будто эшелоны с оружием с завтрашнего дня будут бомбить с воздуха или уничтожать на месте диверсионными группами.

Разрозненные и вялые протесты западных держав против «чрезмерного применения силы» Москвой игнорировались или встречали неслыханные по бестактности ответы. Например, Берлин получил по прямому проводу предупреждение, близкое к шантажу.

«Правительство Державы Российской заявляет о неприятии ноты за номером таким-то от такого-то числа сего года, осуждающей «наведение конституционного порядка» на мятежной территории Привислянского края. Данная территория является общепризнанной и неотъемлемой частью нашего государства, согласно таким-то и таким-то международным договорам и соглашениям. Происходящие там события не входят в юрисдикцию какого бы то ни было национального или наднационального органа. Если Германское правительство публично не откажется от своей позиции, правительство Державы Российской объявит о денонсации всех ранее принятых по делиминации границ соглашений, начиная с 1772 года, своём признании восточных земель Германии, включая Поморье и Данциг, исконно польскими территориями, и вместо уничтожения и пленения инсургентов Привислянского

края позволит им беспрепятственное отступление на германскую и иные территории с оружием и знамёнами». А там, мол, сами разбирайтесь, как поступить с несколькими дивизиями обозлённых мятежников. Недобитые, они охотно согласятся «разменять Варшаву на Данциг».

Немцы, конечно, немедленно струсили: получить в своих ухоженных землях полноценную гражданскую войну и направленные теперь уже против «извечного германского империализма» демарши французов и англичан им никак не улыбалось. И «единенный фронт демократии против авторитаризма» рассыпался очень быстро.

Благоразумные прибалты и финны вообще решили не ввязываться в столь ненадёжное и кровопролитное предприятие, как «борьба за самоопределение», так что «пылающего фронта от Кавказа до Ледовитого океана» у британцев во главе с Арчибалдом организовать не получилось.

Напротив, в прямых боестолкновениях и операциях «зачистки театра военных действий» были уничтожены физически или «изъяты» тысячи ценнейших кадров, которые могли бы десятилетиями, оставаясь на своих местах, приносить Британской империи ощутимую политическую и экономическую пользу.

Теперь военным аналитикам всего мира, стратегам и тактикам явных и тайных операций приходилось мучительно думать, отчего всё вышло именно так, а не иначе. Профессиональных ошибок не было допущено нигде, адмирал Гамильтон-Рэй готов был за это поручиться, потому что большая часть его личного участия в «Кроссворде» как раз и заключалась в их выявлении и заблаговременном предупреждении. А оказалось, что прав он был один-единственный раз, заявив о принципиальной невозможности что-либо предвидеть,

имея дело с русскими из первой, второй или третьей реальности.

Ошибок допущено не было, но отчего-то провалились абсолютно все расчёты, вплоть до самых элементарных. Рота английских королевских гвардейцев в медвежьих шапках непременно разбежалась бы под ударом двух батальонов отборных головорезов, подержанных танками. А охрана Великого князя, имеющая только штатное стрелковое вооружение, выстояла и победила. Как, почему — неизвестно. Свидетелей боя под Берендеевкой, способных дать достоверные показания, не осталось¹. Хотя в составе кавказских батальонов присутствовало до десятка представителей организации «Репортёры без границ», назад не вернулся ни один.

Гамильтон-Рэй просматривал и откидывал в сторону доставленные ему фотографии сгоревших на улицах Москвы и в лесу на подступах к великокняжеской резиденции танков. Даже в столь жалком виде они внушали уважение, если не обычный страх. При виде подобных монстров из другого мира любой нормальный (т.е. цивилизованный) солдат побежал бы, бросив оружие, или просто поднял руки. А здесь... Неизвестно кем и как сделанный высококачественный снимок — два бойца в незнакомой форме буквально с двадцати шагов стреляют по танку из длинной, положенной на плечо трубы. Позади первого танка виднеется второй, уже горящий. На лицах солдат не предсмертное отчаяние, не тупость накачанных наркотиками смертников — только весёлый яростный азарт. Как у настоящих «хантеров», встретивших в саванне долгожданного носорога или бешеного слона.

Айвори взял большую лупу, присмотрелся. Да, военная форма незнакомая, но на погончиках-хлястиках отчётливо видны традиционные для российской армии

¹ См. роман «Хлопок одной ладонью».

нашивки и звёздочки. А вон там, в глубине кадра, ещё один боец в подобной форме стреляет с колена из ручного пулемёта неизвестной системы. И тоже выглядит совершенно спокойно, «по-деловому», можно сказать, как в тире, ничуть не встревоженный тем, что позади него только что разорвался танковый снаряд, скоростной объектив запечатлел даже летящие куски кирпича в оранжево-чёрном дымном конусе. Непосвящённый и не поверит, что это репортажная фотография, а не искусный монтаж.

Адмирала передёрнуло. Как нормально воевать с такими людьми?

Наверное, этим вопросом задавались (когда наступал момент) Наполеон, лорд Раглан, Канробер, маршал Сент-Арно¹, Гинденбург, Людендорф, Макензен. Однажды, в Гражданскую, им довелось на равных повоевать друг с другом. Очевидцы пишут, что ничего страшнее они не видели, куда там войнам Алой и Белой Розы или Севера против Юга.

Адмирал, по незнанию, не мог добавить в этот ряд Гитлера, Паулюса, Саакашвили. Вот Роммелю — тому повезло. Вошёл в историю, гоняя по Северной Африке своими двумя дивизиями английские армии, как стая борзых несчастного волка. А на русском фронте ему повоевать не довелось, к сожалению. Пожевать мёрзлой конины в подвале сталинградского универмага, погреться у коптилки из снарядной гильзы и выйти наверх с поднятыми на уровень фельдмаршальских погон руками под прицелом стволов ППШ. И отсидеть потом ровно десять лет в Красногорском лагере для пленных генералов Вермахта².

¹ Англо-французские полководцы времён Крымской войны.

² Ф. Паулюс и ряд других генералов, невзирая на их сотрудничество с комитетом «Свободная Германия», были отпущены из лагеря только в 1954 г. Хотя отбывали срок в великолепных условиях дачного посёлка под Красногорском. Власов в Берлине жил хуже.

«Как воевать?» — мысль возникала у многих, порождая, подчас, вполне бредовые фантазии. А вот «зачем?» — похоже, только у Бисмарка. Наполеон в своих воспоминаниях от этой темы уклонился, Гитлер перед концом начал задаваться столь простым вопросом, но литературно оформить «плоды размышлений» не успел. Русские, по извечной злокозненности своей натуры, довели последнего на текущий момент «объединителя Европы» до самоубийства.

Стоило ли вообще начинать? Видит бог, Гамильтон-Рэю этого не хотелось, внутренне. Вспомнилось завещание Бисмарка своим ученикам и последователям: «Никогда не воюйте с Россией». Они его не послушались и в течение XX века дважды (об этом он слышал от Боулнойза) были разгромлены жесточайшим образом.

Но душа и тело адмирала не могли смириться с подобной телеологией¹. Это что же — раз и навсегда признать, что есть на Земле сила, необоримая никакой другой силой? Следующий шаг — согласиться, что все цивилизованные нации и державы могут существовать только до тех пор, пока не перейдут некие, не ими определённые рамки? И ещё дальше — склонив голову, как император Генрих в Каноссе, забыв о гордости и славе, «возделывать свой садик», то и дело с опаской поглядывая на восток: а вдруг непредсказуемому соседу не понравится планировка его огорода или методы агротехники?

С таким чувством невозможно жить понимающим себе цену представителям цивилизации, на тысячу лет раньше русских придумавшей парламент (о Новгороде и Пскове адмирал не вспомнил), устроившей университеты, на пятьсот лет раньше обошедшей вокруг све-

¹ Телеология — идеалистическое философское учение, приписывающее явлениям природы и общественной жизни способность к целеполаганию, их предопределенность и, соответственно, безальтернативность.

★

та и открывшей новые континенты. Учредившей сотни колоний (считай — очагов цивилизации). Англичане в Новой Зеландии, на Фолклендах, в Бомбее и Калькутте носят те же одежды, пьют «пятчасовой чай», говорят на том же языке. С Северной Америкой не совсем то вышло, мельком подумал Гамильтон-Рэй. Если бы в 1775 году английские солдаты защищали бы право и власть британской короны так, как вот эти русские, — он опять посмотрел на фотографию уличного боя, — не было бы никаких «Соединённых Штатов», только «Большая», *очень большая* Великобритания, «Соединённое королевство Англии, Азии и обеих Америк»!

Он и сам не заметил, как его разочарование в собственных военно-политических способностях превратилось в чувство оскорблённой чести (польские шляхтичи называют это более точно — «гонор») сначала личной, а потом и национальной. Несколько дней унижительных поражений (тем более унижительных, что внутри России информированные люди случившееся восприняли как незначительный эпизод — подумаешь, обнаглевшего комара на щеке прихлопнули) уверенно превратили его из здравомыслящего аналитика в оголтелого империалиста и русофоба пальмерстоновского разлива.

Вот и прекрасное объяснение всей английской многовековой русофобии, бессильной перед целесообразностью, логикой, даже «её величеством Выгодой». Уж сколько выгоды можно было извлечь из равноправного, а главное — честного союза с Россией! Но нет! Довод: «Мы хотели поступить с вами, как американцы с индейцами. Вы не согласились и крепко набили нам морду. После этого какие же вы «цивилизованные люди», какое вообще имеете право на существование?» — перевешивал любой другой.

Его гордая душа жаждала реванша, рвалась к подвигам, сравнимым с подвигами античных героев. Вот только путей к реваншу он не видел никаких.

Адмирал подошёл к окну, за которым шумела аристократическая Пелл-Мелл, заполнявшим её людям не было никакого дела до только что случившейся очередной геополитической катастрофы. Хоть одно хорошо — никто в Британии не знает о полученной оглушительной пощёчине. Остаётся только удивляться сдержанности российской прессы и полной индифферентности Петроградской (теперь уже Кремлёвской) дипломатии.

Очередное оскорбление или тонкий намёк: «Сидите тихо, и мы промолчим, если впредь не станете вмешиваться в уже наши дела на всё той же пресловутой «мировой шахматной доске».

На самом деле оскорбительно, позорно и противно. Плюнуть, что ли, на всё и попроситься, пусть с понижением, на должность начальника Гибралтарской эскадры крейсеров? Лучше с пиратами воевать, чем кружить по кабинетам, как потерявший нюх пёс.

«Но делать это придётся совместно с русским флотом, и каждый раз, глядя на вызывающе-гордый Андреевский флаг, снова испытывать угнетающее чувство бессильной ненависти», — трезво подумал адмирал.

В кабинет бодрым шагом вошёл сэр Арчибальд. Ему бы сейчас прятаться от взоров соратников или вообще сбежать в другие времена, а он подтянут, весел, искрится оптимизмом.

Мельком взглянул на карты, на разбросанные по столам документы и фотографии. Взял ту, что внимательно изучал адмирал. Взглянул, даже не покривившись, бросил в общую грудку. Вежливым, но исключаящим неповиновение жестом велел удалиться сидевшим за дальними столами референтам.

— Расстроены, разочарованы, потрясены, угнетены, — безошибочно назвал он спектр обуревавших Айвори чувств.

Возражений не последовало. Адмиралу стало инте-

ресно, какие причины нашёл Боулнойз для оптимистического, едва ли не игривого настроения, после того как сам всё это затеял.

— У вас есть виски? — спросил Арчибальд.

Адмирал, пряча глаза, кивнул.

— Тогда давайте. Есть повод выпить как следует.

— Не совсем понимаю. С горя, говорят, пьют только русские.

— Где же вы увидели горе? И в чём? — Гость уселся в кресле, сгрёб в сторону бумаги, освобождая место для графина и стаканов. — На мой взгляд, дела идут более чем нормально. — Он налил себе и Айвори на три пальца, подмигнул и выпил двумя длинными глотками.

— Не отставайте, и я объясню. Кое-что вышло не совсем так, как намечалось? Не беда. Никто ведь *из нас* не понёс никакого ущерба. Интересы Королевства не пострадали тем более. Что нам с вами за дело до тех, кто погиб от собственной глупости и недостатка мужества? У поляков прибавилось оснований по-прежнему ненавидеть русских. Наёмники из-за Периметра не сумели сохранить свои головы и воспользоваться полученным авансом? Зато нет необходимости платить им впятеро больше. Думаете, я циник? Совсем нет — я жёсткий прагматик. Считайте — мы провели с вами «глубокую рекогносцировку». Она не перешла в решительное наступление — бывает. Зато теперь мы имеем полную картину реальных возможностей противника, увидели, какова у него тактика и стратегия в подобного рода войне. А самое главное — мы наяву увидели собственные слабости и ошибки и больше их не повторим. Игра только начинается, мой дорогой Айвори, завершился только дебют. Мы ведь играем белыми, вы поняли?

Он не стал говорить адмиралу, что главной его целью было выяснить, как при подобной «вводной» поведут себя его оппоненты из «Андреевского братства». Интересы Великобритании и вообще чьи угодно интересы Арчибальда не занимали совершенно. Нужно было

убедиться, способен ли он *самостоятельно*, используя всё доступные ему средства, выиграть у партнёра, не нарушая заведомо установленных правил «Большой игры». Попросту говоря, победа, достигнутая с помощью удара доской по голове, не засчитывается.

Оказалось — ещё не способен. Арчибальд считал, что ему не составило бы особого труда ликвидировать или надёжно изолировать всего лишь нескольких главных фигурантов, самонадеянно посчитавших себя равными Держателям. После этого операция «Кроссворд» (по крайней мере — её первый этап) безусловно прошла бы без заминки и запинки. А вот оставаясь живыми и на свободе (как оказалось, добраться до них у него пока не хватает «квалификации» или чего-то большего), эти люди, даже не зная, что на самом деле происходит, не подозревая о замысле и вообще участии в этом деле его, Арчибальда, несколькими точными ходами поставили *очевидных* противников на грань поражения. Ещё не чистый мат, но благоразумный игрок, чтобы зря не тратить силы и время, останавливает часы.

Что явно собрался сделать весьма способный адмирал, на которого Арчибальд возлагал далеко идущие надежды в предстоящем «миттельшпиле». Явная слабость духа. До «эндшпиля» далеко, и разыгрывать его «мистер Боулнойз» в одиночку не собирался.

— Стараюсь понять, — честно ответил Гамильтон-Рэй, снова потянувшись к графину. — Были, конечно, полководцы, умевшие наносить уже празднующему победу противнику смертельный удар с помощью тщательно сбережённого резерва. Но я себя к таким не отношу, и резервов у нас просто нет. Знаете, что я вам скажу, сэр? Наш главный промах, поведший к катастрофе, заключается в нашей самонадеянности и верхоглядстве. Следовало все силы бросить на уничтожение князя Олега, хоть Кремль взорвать вместе с ним и его окружением, и только после этого... А мы положились на «Стратегию непрямых действий» мистера Лидел-

Гарта¹, вообразили, что наёмники-иностранцы сделают за нас главное, а мы подберём созревший плод... Да, мне пришла в голову и ещё одна неприятная мысль — если проанализировать подобную стратегию лет за триста, получается неприятный вывод. Полагаясь на наёмников, вроде сипаев, или на полноценных союзников, вроде французов и тех же русских, мы словно признаем, что слабее тех и других...

— Ну-ка, поясните, это интересно...

— Интересного мало. Перекладывая основные усилия на плечи союзников, мы делаем вид, что экономим драгоценные жизни британцев, на самом же деле — просто негласно признаём, что они сделают эту работу лучше нас. Следовательно — и наши враги и наши «друзья» на самом деле сильнее нас. Империю большую часть её истории спасает только хитрость и удача, — в голосе Гамильтон-Рэя при этих словах прозвучало не сожаление и раскаяние, а всего лишь досада. В том смысле, что хоть и неприятно признавать, что у твоей жены ноги кривые, а приходится...

— Видите — вот и очевидная польза от рекогносцировки². Мы, — он подчеркнул это «мы», — непростительным образом недооценили «роль личности в истории». Считали — как может противостоять один человек, пусть и незаурядный, *макроводействию* почти тектонических масштабов? Мы не допускали мысли, что Олег решится на государственный переворот в столь смутной, и без того грозящей почти неизбежным крахом, обстановке. В момент, когда обозначилось

¹ Лидел-Гарт — английский военный теоретик, упомянутый труд был впервые опубликован в 1929 г. под названием «Решающие войны прошлого».

² В ныне принятом смысле «рекогносцировка» — визуальное изучение местности комсоставом перед проведением какой-то операции. В XIX веке и раньше — то же самое, что «разведка боем», иногда с привлечением весьма значительных сил. К примеру, см. В. Пикуль. «Баязет».

предательство и заговор в его ближайшем окружении. А он рискнул, опираясь на несколько сотен лично ему преданных людей, — и сразу выиграл всё. Мы думали — узурпация власти вызовет возмущение общества и брожение в армии, а она инициировала всеобщий восторг и взрыв энтузиазма. Премьер Каверзнев первый принёс уверения в покорности, собственной и своего правительства. Государственная дума девятью пятью процентами голосов признала правомерность применения в данном случае статьи Конституции о принятии «в трудный для Отечества час» всей полноты власти Местоблюстителем Престола. Какие выводы мы с вами должны сделать?

Арчибальд посмотрел на Гамильтон-Рэя мудрым взглядом учителя, ждущего от любимого ученика достойного ответа на судьбоносный вопрос.

— В такой постановке, сэр... Очень может быть, что теперь от физического устранения Олега, ныне Императора, не будет никакой пользы. Время упущено. Ему на смену может прийти ещё более жёсткий и беспринципный правитель. Как вышло у нас в Индии: ликвидировали тихого гуманиста и сторонника «ненасильственных действий» Ганди и получили взамен энергичного, чуждого всяких «либеральных иллюзий» Джавахарлала Неру. Чем это кончилось, вам известно¹.

— Да, пожалуй, намного лучше, чем вам, — загадочно сказал Арчибальд, намекая на знания, полученные в остальных реальностях.

¹ После объявления независимости от Англии в 1947 г. Индия в результате двухлетней кровавой межнациональной и межконфессиональной войны разделилась на мусульманский Пакистан и собственно Индию с преимущественно индуистским вероисповеданием. Число жертв этого «народно-освободительного мероприятия» оценивается в несколько миллионов мирных граждан. Впоследствии произошли три вполне масштабных, по европейским меркам, индо-пакистанских войны. См. также В. Высоцкого: «Это смутно мне напоминает индо-пакистанский инцидент».

— Тогда, пожалуй, нам действительно следует, учитывая опыт поражения, приняться за изучение факторов, сделавших возможными победу Олега сначала над собственным народом, а потом и над нами! Вы поймите, сэр, — Айвори подался вперёд, стакан виски у него в руке дрожал, — при всем к вам почтении я не могу поверить, что, начиная «Кроссворд», вы знали противника хуже меня! Не тот вы человек! И, значит...

— Всякую мысль следует доводить до конца, дорогой адмирал. Значит...

— Вы заранее предвидели, что наше дело может закончиться именно таким образом. Не поддержали меня в моих сомнениях, буквально «толкали в шею» всех остальных. И не «рекогносцировку» вы проводили. Вам нужно было выяснить что-то для себя лично. И, возможно, проверить в деле своих «соратников».

— Браво, адмирал. Вы не только угадали мою цель, вы только что подтвердили собственную пригодность к *по-настоящему* большому делу. Я думаю, когда мы продолжим, вам следует занять пост более достойный ваших талантов. Президентство в клубе я вам пока (но только пока!) не предлагаю. Во-первых, процедура прижизненной смены руководства уставом не предусмотрена, а во-вторых — в нашей игре клуб — структура всё же избыточная, хотя и необходимая. Хорошо сказано, а?

— Очередной парадокс в стиле уайльдовского сэра Генри, — вежливо кивнул Айвори, не уловив в очередной банальности и намёка на отточенность формулировок упомянутого персонажа. — Но я приблизительно понимаю, что вы хотели сказать.

— Очень хорошо. Значит, вы согласны войти в мой личный штаб на правах первого лица? Я буду генератором идей, организатором и вдохновителем, вы — полноправным руководителем исполнительного аппарата. Подберёте себе с десятков помощников, исходя из личной оценки их способностей и надёжности. Больше не

надо, иначе система потеряет управляемость. А «Хантер-клуб» останется в своём нынешнем качестве нашей опорой, инструментом влияния и... прикрытия. Вас такая конструкция устраивает?

Гамильтон-Рэй не имел ничего против, единственное, что его тревожило — полное непонимание истинных целей «сэра Арчибальда». А также его *метафизическая* сущность. Проще говоря — следует ли его считать человеком в обыденном понимании этого термина, пусть и наделённого *особым* знанием и возможностями, выходящими за рамки *позитивной практики*. Или же он — существо сверхъестественное, не бог и не дьявол (в европейской традиции), но всё равно — воплощение *иного*.

В пользу того и другого предположения можно привести достаточно доводов. Однако гипотеза о том, что Арчибальд — человек, перевешивала. Для дьявола, здраво рассуждая, он слишком *недалёк*. На гроссмейстера или фельдмаршала явно не тянет, хоть и пытается выглядеть таковым, всё время оперируя военными и шахматными терминами. Уж слишком много прямо-таки детских промахов допустил, якобы «играя белыми». И дело не только в недооценке князя Олега и его соратников. Он, как бы это поточнее сформулировать, — был просто неумён. Наделён массой способностей и возможностей, а того самого, позволяющего всем этим правильно распорядиться, — недобор. Никто ведь не ждёт, что тренер нынешнего шахматного чемпиона однажды сам выиграет матч и корону.

Зато, если он вообще не человек, то и его стратегия была бы *нечеловеческой*. Основанной на иных логике, морали, целеполагании. Айвори не мог себе представить, чтобы нечеловек занимался обычными земными делами, используя земные методики. Хоть что-нибудь в его поведении насторожило или удивило бы за полтора года совместной работы.

Несколько настораживали лишь частые отлучки сэра Арчибальда. Иногда он исчезал на недели, а то и на месяцы, не объясняя куда и зачем, но всегда оставлял подробные инструкции, что и кому делать в ближайшее время. А вновь появившись, тщательно знакомился с отчётами и, если считал нужным, вносил коррективы в планируемые операции. Возможно, этих отлучек требовал его «воскрешённый организм» для отдыха и регенерации?

Остальное было совершенно обыкновенно, до банальности. Да, каким-то образом этот господин получил возможность перемещаться между параллельными реальностями и омолаживать людей. И это всё. Ни всеведения, ни всемогущества, ни даже, — адмирал внутренне поморщился, — проблеска гениальности. Классический джентльмен поздневикторианской эпохи, как их описывают в книгах. Море апломба и никакого изящества мысли и полёта воображения. Оттого столько сарказма и неприязни вызывали эти персонажи у Оскара Уайльда, Бернарда Шоу, Джером Джерома, Конан Дойля и Честертона...

«Пожалуй, — подумал адмирал, — есть один штрих, выделяющий «мистера Боулнойза» (а это именование к нему подходит гораздо лучше, чем «сэр») из ему подобных джентльменов «старого закала», — великолепная способность убеждать окружающих в собственной правоте. Почти гипнотической силы. Он и сам не раз и не два чувствовал, что соглашаться не следует, что Арчибальд говорит ерунду, с ним нужно спорить или просто делать по-своему. Но в итоге подчинялся. И сейчас я на грани полной моральной капитуляции».

Но если это ему теперь стало понятно, то нет никаких оснований выходить из игры. Напротив, нужно, оставаясь в образе, который сложился о нём у Арчибальда, постараться повнимательнее разобраться в сути его личности и подлинных замыслах, совершенно

ничем не рискуя. Ни с какой стороны. А выигрыш может быть огромным, куда больше того, что сейчас можно вообразить.

— Я согласен, — кивнул адмирал, стараясь держаться именно так, как должно в понимании Боулнойза, и они снова выпили по этому поводу. — Мне только непонятно, что же мы всё-таки будем делать теперь?

— Ничего принципиально нового. Цель остаётся прежней, и все занятые в «Кроссворде» люди будут продолжать начатое. С учётом допущенных ошибок и изменения политической конфигурации. А вот мы с вами попробуем подойти к проблеме с другого конца. Я вас посвящу в некоторые тайны, ставшие мне известными в последнее время, и с их помощью... Образно выражаясь, в то время, как все играют в шахматы, мы попробуем сыграть в покер. Краплёной колодой. Но сначала нам ещё придётся её изготовить и научиться правильно ею пользоваться. Я тут приложил некоторые усилия в нужном направлении, в уверенности, что вы непременно примете моё предложение. И раз вы его приняли, рад сообщить, что уже завтра или послезавтра будет подписано распоряжение о создании нового ведомства при Адмиралтействе и о назначении вас его начальником. Должность, к слову сказать, вице-адмиральская, и производство не заставит себя ждать.

— Что за ведомство? — слегка опешил Гамильтон-Рэй.

— Звучит заурядно — «Комитет планирования нестандартных операций». Это — секретное название. Для общего употребления «Подразделение 12-бис».

— То есть — «тринадцать», — усмехнулся адмирал. — Звучит несколько вызывающе.

— По отношению к кому?

— К судьбе. Она не очень любит такие шутки. Я не только кресла в кабинетах просиживал, я и на мостиках стоял. Могу рассказать вам много историй на тему,

как нехорошо заканчивались проявления «свободо-мыслия» в отношении вековых традиций. Вот, помню, когда крейсер «Корнуолл» вышел из ремонта на мерную милю...

— Спасибо, — прервал адмирала, с загоревшимися глазами пожелавшего изложить очередную флотскую историю, Арчибалд. — У нас, надеюсь, будет время и на этот, и на другие интересные рассказы. А пока принимайте действительность такой, какая она есть. Ваш комитет мы укомплектуем вместе, людьми, которых сочтём подходящими. Финансирование будет на самом высоком уровне. Разместитесь в неприметном особняке под ничего не значащей, но имеющей сакральный смысл вывеской. Отчитываться будете всего два раза в год непосредственно перед Первым лордом Адмиралтейства. Отчёты ваши он читать наверняка не будет. Но на всякий случай я вам подготовлю несколько проектов безусловно *нестандартных* операций, абсолютно никому не понятных. Потому и не подлежащих никакой критике. При этом вы сможете заниматься другими проектами. Свободными, как полёт кондора над Кордильерами. Да, собственно, только ими вы и будете заниматься. Лучшей синекуры и придумать невозможно — за казённый счёт делать что в голову взбрёт. Разумеется, на благо конечной цели.

Гамильтон-Рэй покачал стаканом с очередной порцией янтарного напитка.

— Одна идея мне в голову уже взбрела. Для её тщательного рассмотрения потребуется длительная командировка на Гавайи, в Порт-Артур и Североморск. Допустимо?

— Не только допустимо, но наверняка необходимо. Пока мы с русскими продолжаем оставаться в союзнических отношениях. Вы хорошо отдохнёте, а в результате появится отчёт, а лучше сразу монография с наудачным, но весьма далеко уведящим от сути ва-

ших истинных интересов названием. Нечто вроде: «Влияние гидрографии прилегающих к прибрежным крепостям акваторий на стратегическое мышление возможного противника».

— Как вы догадались? — поразился Айвори. — Я вообще-то пошутил, но...

— Ничего удивительного. Вы умный человек, моряк, историк, разведчик. Я тоже умею сопоставлять и анализировать. Поэтому дарю вам эту тему: Нет, очень интересно: Порт-Артур — понятно, неудачное сочетание глубин рейдов и динамика приливов плохо повлияла на исход войны. О Пёрл-Харборе вы *здесь* ничего не знаете, но от меня могли слышать. Североморск — следующий объект в развитии прежних тенденций. Название темы я придумал только что, исключительно чтобы замотивировать необходимость поездок во все концы мира, интерес к архивам, невозможность определить вашу *сверхзадачу*, как говорил русский театральный режиссёр с тройной фамилией¹...

— Да, сэр Арчибальд, несмотря на наши неудачи, естественные, я бы сказал (слишком долго мы реально ни с кем не воевали), я готов играть на вашей стороне. Пусть и краплёными картами. Джентльмену обмануть противника (если он не член твоего клуба) для пользы дела вполне допустимо.

— Слово сказано, мой дорогой адмирал. Теперь я должен вас предупредить — обратной дороги нет!

— В каком, простите, смысле?

— В самом прямом. До тех пор пока мы не завершим нашу миссию, вы не сможете ни от чего отказаться, уйти в отставку и уж тем более — *сменить флаг*!

Ни о чём подобном Гамильтон-Рэй до этого момента

¹ Арчибальд отчего-то вообразил, что Станиславский и Немирович-Данченко — одно лицо. Вроде как убийца Распутина князь Феликс Юсупов граф Сумароков-Эльстон.

не помышлял, совсем наоборот, но эти слова ему очень не понравились.

— Кажется, кровью я нигде не расписывался. На ваше достаточно интересное и даже лестное предложение я ответил согласием. Но ведь и не более!

— Джентльмен — хозяин своего слова? Хочет — даёт, хочет — берёт обратно? — в голосе Арчибальда, несмотря на полушутливый дружеский тон, прозвучали вибрирующие металлические нотки. — Нет, у нас так не бывает. В той стране, с которой мы решили воевать не на жизнь, а на смерть, у не самой законопослушной, но славящейся твёрдыми внутренними устоями части общества имеется ряд принципов, не кодифицированных, но превосходящих государственные законы силой прямого действия, обязательностью исполнения и весьма жёсткими санкциями. Вы, Айвори, по-моему, знаете русский язык гораздо лучше, чем стараетесь это показать. Поэтому поймёте. Если нет — я помогу с адекватностью перевода. Принципы, относящиеся к нашему случаю, такие: «За вход рубль, за выход два». И — «За базар ответишь». Что-нибудь непонятно?

— Второе, — сглотив невзначай сигарный дым и сильно закашлявшись, ответил кандидат в вице-адмиралы. — Не могу состыковать. «Базар» — азиатское место торговли. Кто-то за него, наверное, отвечает. Менеджер или «базар-баши», допустим. Но при чём здесь я?

— Поясняю. В непостижимом даже для тех, кто окончил Итон и Сандхёрст, русском языке ежедневно возникают новые слова и фразеологизмы, бессмысленные для иностранцев. Как писал наверняка известный вам Салтыков-Щедрин: «Нечего тут объяснять. Мы — русские; мы эти вещи сразу должны понимать».

— Но вы ведь — не русский? — начинающим заплетаться языком удивлённо спросил Гамильтон-Рэй.

— Я — гражданин мира! — гордо провозгласил Арчибальд, тоже выглядящий не вполне трезвым. — Я знаю всякий язык, как родной. Так мы о чём? О база-

ре? В российском преступном мире «базаром» называется разговор, несущий смысловую нагрузку и подразумевающий некие обязательства. Если вы, даже сгоряча, не подумав, или из иных соображений, заявили нечто такое, из чего вытекают некие пусть и не предусмотренные вами последствия, вам придётся или неопровержимо подтвердить свои слова действием, или понести назначенное *авторитетом* (в исключительном случае *сходняком*) наказание. С чем-то принятым в *цивилизованном* мире с его дурацкой юриспруденцией не коррелируемое.

Слова Арчибальда прозвучали для Гамильтон-Рэя крайне неприятно. Будучи адмиралом, ни разу в жизни не участвовавшим в морских сражениях, он, естественно, понятия не имел о кое-каких жёстких способах поддержания дисциплины в экстремальных условиях. Что такое «расстрел перед строем», его аристократические мозги представить не могли. Даже заключение матроса (свободного человека) за безалаберность или, нечто худшее, «в изолированное помещение с приставлением часового» Гамильтон-Рэй считал чем-то средним между канибализмом и «русским тоталитаризмом».

— И каким оно может быть в нашем случае? Мы ведь ещё не члены «российского преступного сообщества»? — адмирал пытался удержать в уме логическую нить (или нить логических?) рассуждений, а также и собственную гордость. Что у него одновременно сильно затряслись поджилки, достоверно утверждать нельзя.

— Я этого не говорил. Мы с вами благородные люди, «хантеры». Что касается наказания, оно не будет зависеть от моей или чьей-то ещё осознанной воли. Чтобы Я! *Вдруг!* Причинил вред товарищу по оружию, сыну моего ученика, двоюродному внуку моего учителя и так далее, — Арчибальд вдруг изобразил дешёвую патетику. — Кисмет¹. Вы знаете, что это такое?

¹ Кисмет — судьба (араб.).

— Ещё бы!

— Так кismet! Кismet алсаа¹ — если будет угодно судьбе! У вас могут оторваться колёса на скорости двести километров в час, может дать осечку верный карабин, трёхфунтовый метеорит попадёт в крышу вашей виллы, жена, застав с любовницей, разmozжит вам голову шкатулкой с фамильными драгоценностями. Или вас застрелит муж вашей любовницы в самый волнующий момент. И никто никогда не узнает, закономерность это или случайность. Прав Энгельс, писавший, что случайность — это непознанная закономерность, или Кротон из Милета, утверждавший три тысячи лет назад прямо противоположное.

Арчибальд встал, отчётливо покачиваясь.

— На самом деле, дорогой адмирал, размышлять на подобные темы перед сном крайне бесполезно для психики. Забирайте графин с собой, он вам до рассвета наверняка пригодится, и пойдёте, забудем пророческим сном. Каждый в своей каюте...

...Двумя неделями позже описанной встречи Арчибальд последний раз появился перед коллегами. Как раз в тот момент, когда влиятельнейшие из джентльменов, равные из равных: Одли, Пейн, Левер, герцог Честерский, Гамильтон-Рэй старший и оба младших (без внуков) и ещё почти пятнадцать человек, не называемых по причине их многочисленности (но отнюдь не умаляя важности и влиятельности каждого), обсуждали финал пьесы. Не «Ревизора», конечно, до «Ревизора» свободные англосаксы и через полтора года лет не додумались: у них насчёт обычной — что царской, что советской — «самокритики» слабовато было.

«Теневые правители мира» (слава богу, не всего ещё) до предела едко критиковали столь недавно ува-

¹ Кismet алса — если будет угодно судьбе.

жаемого ими сэра Арчибальда. За что критиковали? За то, что не сумел, введя их в заблуждение, единолично сокрушить ненавистную Россию. Вот все предыдущие правители Великобритании за четыреста лет, клубмены со своими председателями за двести, неизвестное число «сионских мудрецов» с сотворения мира того же самого добиться не сумели, но к ним — никаких претензий! Очень, получается, мистер Боулнойз почтенных джентльменов обнадёжил. А такое не прощается. Как не прощается засидевшейся старой девой неисполненное обещание жениться.

— Мне крайне лестно было вас послушать, — сказал Арчибальд, выходя из тени портьер, — особенно когда мистер Пейн отказался признать меня самым дьяволом или хотя бы его инкарнацией.

Его внезапное появление ввергло почтенных охотников в смущение. Всё же не принято, даже за глаза, говорить о коллеге, тем более — намного старшем, не весьма корректные слова.

Он прошёл к председательскому столу, презрительно взглянул на бутылки с очень плохой минеральной водой и на чашки чая, разливаемого лакеем в белой куртке (не в ливрее почему-то).

— К сожалению, я и вправду не дьявол. Обычный человек, способный ошибаться, как все, и проигрывать противнику, оказавшемуся сильнее меня. Но что сказать о вас, джентльмены? Россия ещё не рухнула, не превратилась в «чёрную дыру» на карте мира? Неужели в этом виноват только я? Отчего же никто из присутствующих не вспоминает об очень интересном моменте...

Он сделал очень длинную паузу, достал из нагрудного кармана бледно-зелёную сигару в целлофановой обёртке, распаковал, прикурил от чужой, лежавшей на столе зажигалки.

— Насколько мне известно, за последний год каждый из вас заработал на операциях, связанных с проек-

том, никак не меньше трёх миллионов полноценных фунтов. И без всяких налогов. Вот вы, герцог, — Арчибальд сделал жест в стиле римского сенатора эпохи Республики. — Назвать? Сколько и на чём именно?

Герцог Честерский спрятал глаза. Остальные славные охотники тоже зашевелились. На такие вопросы джентльменам отвечать не хотелось. Даже в своём узком кругу. Арчибальд был уж слишком прав. Деньги получили все, деньги были не так чтобы уж очень чистые, и налогов с них не заплатил никто.

— Считаю тему закрытой? — усмехнулся Арчибальд. Он привык к тому, что подобного типа людей следует угощать алкогольными напитками до предела их биохимических возможностей. Потому налил себе и взглядом приказал другим не отставать. Строго приказал.

— Вот и хорошо. Как в одной песне пелось: «Козырей в колоде каждому хватило». Поэтому я должен на некоторое время вас покинуть. Возможно, на неделю, возможно, на месяц. Неотложные дела, джентльмены. Продолжайте жить, как жили. Я это специально подчёркиваю. Все начатые программы продолжайте, реагируйте на изменения обстановки строго в соответствии с нашими разработками. И ничего сверх этого.

— Вы нам опять что-то хотите навязать? — прищурившись, приподнялся с кресла господин Пейн, самый аполитичный человек в совете клуба, объехавший три континента, истративший несколько сотен патронов с дробью «семёрка», чтобы добыть легендарную «серебряную ржанку»¹, увы — безуспешно. А на «Кроссворде» не заработавший ни единого фартинга.

¹ Р ж а н к а — представительница семейства *ржанковые* (60 видов), отряда *ржанкообразные* (система классификации окончательно не отработана, включает от 11 до 18 семейств). *Ржанка серебряная* — существо гипотетическое, нечто вроде аналога пресловутой *синей птицы*, лично изготовленное чучело якобы приносит охотничье счастье. См. соответствующую литературу.

— Уж вам, сэр, ни в коем случае, — почти раскланялся Арчибальд и протянул навстречу стакан. — Только посоветовал. Вам лично могу предложить сафари в очень интересном месте, там, возможно, вы найдёте то, что искали всю жизнь. Всем остальным джентльменам — аналогично. Хозяин — барин. Хочет — живёт...

После этого сравнительно конструктивного разговора, во время которого Айвори Гамильтон-Рэй ухитрился не произнести ни единого слова, Арчибальд простился со всеми за руку и откланялся, произнеся с порога нечто странное:

— Князя Скорбной Памяти спросили об Алтаре Земли. Цзай Во ответил: «Владыка Ся использовал сосну, у иныца применялся кипарис, а чжоусец избрал каштан, чтобы народ дрожал от страха.

Услышав это, Учитель сказал:
«Свершенного не объясняют,
За то, что сделано, не увещают,
И в том, что было, не винят».

Когда двери за Боулнойзом закрылись, господин Пейн, допив виски, спросил, ни к кому специально не обращаясь:

— И как это прикажете понимать?

Одли, окончивший два университета, ответил, что это наверняка что-то из Конфуция, но вне контекста звучит не слишком ясно.

— Куда же яснее? — не согласился герцог. — Память о случившемся у нас скорбная, какой ещё ей быть, Боулнойза вполне можно считать её Князем, и ничего из «свершённого» он так и не объяснил.

— Осталось выяснить, кто, в таком случае, Учитель, — со всем доступным ему сарказмом сказал Гамильтон-Рэй.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Императору было чем заняться и кроме «Мальтийского креста». Идея, конечно, была намного заманчивее, чем возвращение, например, Константинополя и Проливов, кто же будет спорить. Удвоить территорию Империи, получить полтора ста миллионов новых подданных, технические возможности, невиданные в мире. Совершить, можно сказать, геополитический и технологический скачок на века вперед. Как, например, из эпохи Николая Первого сразу в двадцатый век, причём располагая необходимым для освоения нового уклада жизни контингентом культурно и технически подготовленного населения. Уйдя в такой отрыв, можно не опасаться, что в обозримом будущем какая-нибудь держава Россию догонит!

А всё же не верилось отчего-то. Именно в силу грандиозности плана и прямо-таки пугающей его простоты. Поймать в ограниченной акватории с применением современной снасти Золотую Рыбку, «только и делов». *Отказываться от сказочного шанса* Олег Константинович не собирался и дал своим помощникам карт-бланш. Делайте, мол, что хотите и можете, только предъявите результат. Любой успех будет оценён и одобрен. Но одновременно Император от этого дела решил несколько отстраниться, как Александр Второй от завоевания Средней Азии.

Как оно тогда было? Значилась на картах неосвоенная, никому фактически не принадлежащая территория от Оренбурга до Памира, застрявшая где-то между временами Александра Македонского и Чингисхана. На запад совершали из неё бесконечные набеги орды грабителей и работорговцев, с юга-востока точили зубы на эти земли британские империалисты. Любой шаг вперёд грозил новой войной России, истощённой двумя предыдущими и сотрясаемой внутренней сму-

той. Оставаться на прежних рубежах было невозможно, двигаться вперёд — тем более.

Император-Освободитель решил сделать вид, что никакой так называемой «Средней Азии» и нет, соответственно, у России никаких в этом регионе интересов. Так и велено было держаться дипломатам — кроме как о приграничных стычках с грабителями, иных сведений с южных рубежей не поступает.

Стычки действительно происходили постоянно последние полтора-два десятилетия, и пришло время решить вопрос радикально. Отчаянные, неизвестно как и кем воспитанные генералы Кауфман, Черняев, Скобелев на свой страх и риск, иногда вопреки прямым запрещениям дипломатов и военного министерства, собирали небольшие, из имеющихся под рукой сил, отряды и двигались вперёд. На сонный обывательский взгляд — бессмысленно и безнадёжно — в дикие безводные пески и степи, на которые не было даже карт, а стратегически важная информация заменялась слухами и донесениями редких разведчиков из сочувствующих абorigенов. Наступали в не приспособленной для тех мест одежде и обуви: юфтевых сапогах и суконных мундирах, с обычными строевыми лошадьми вместо драгунских и бактрианских, одной-двумя тысячами рязанских, тверских, ярославских солдат и оренбургских казаков против десятков и сотен тысяч свирепых, английским оружием вооружённых аскеров местных ханов, беков и эмиров. Да вдобавок путь им преграждали мощные крепости: Ташкент, Чимкент, Бухара, Самарканд, Хива, Геок-Тепе, не считая множества более мелких. Так в пустыне любой дувал и мазар — приличный опорный пункт против бредущих барханами пехотных колонн, лишённых тылов. Великолепная иллюстрация к описываемым событиям — картины Верещагина «Туркестанского цикла». Очень там всё наглядно изображено.

И ведь взяли все эти крепости, привели к покорно-

сти средневековых «хищников», как тогда было принято выражаться. А когда встретились с англичанами в предгорьях Гиндукуша и на берегах Пянджа, откуда Индия видна, то как бы и сами удивились: «Ни хрена себе, куда нелёгкая занесла».

Поудивлялись, обменялись нотами, кое-как договорились о разделе сфер влияния, до войны дело не дошло. Как выразился то ли генерал Скобелев, то ли сам канцлер Горчаков: «Броненосцы, слава богу, по пустыням не плавают!»

Потом, раз уж пришли, железные дороги начали строить, цивилизацию насаждать, Ташкент превратили чуть ли не в азиатский Париж. Вот тогда отчаянные генералы были поощрены чинами, наградами, генерал-губернаторскими должностями. Пусть и теперь так будет.

В конце концов — что такое Император сам по себе, будь он трижды новатор и реформатор? Вот когда окружит он себя тысячами человек, каждого из которых можно, не сомневаясь, в любой момент хоть наместником провинции поставить, хоть министром путей сообщения или руководителем такого вот «Мальтийского креста». Чтобы, не вникая в подробности, финансовые и политические, выслушать в нужный момент рапорт и разрезать ленточку. А для этого Олег Константинович задолго до своего воцарения давал простор инициативным людям, подчас так, что они и сами этого не замечали, открывал пути способным капитанам и титулярным советникам к шинелям с красными подкладками¹. Кто-то ведь должен превращать полуразложившуюся «парламентскую республику» в блестящую Империю по матрице нынешней «Московии», никак не ленивые троечники и второгодники эпохи Каверзнева и его предшественников. Но это дело месяцев, если не го-

¹ Красная подкладка на шинели полагалась особам первых четырёх классов военного и гражданских ведомств (генерал-майор, действительный статский советник).

дов, а сейчас у Императора возникли обстоятельства, не терпящие и малейшего промедления.

Вроде бы на мировой арене всё складывалось не так плохо, учитывая удачную договоренность с американским президентом. Но что с той Америки в военно-политическом смысле? Прикрыт тихоокеанский фланг, появились у России открытые для захода и ремонта порты Сан-Франциско и Сан-Диего, свободные, в случае конфликтов с третьими странами, от ограничений по срокам стоянки и необходимости разоружаться. На дипломатическом уровне господин Доджсон, зная свою выгоду, благожелательный к России нейтралитет сохранит. Ну а воевать со своими *старшими братьями*¹ на нашей стороне его никто заставлять не собирается. *Есть поинтереснее проекты.*

Значит, воевать всё равно придётся только нам. Непосредственно с Альбионом, при этом предполагая, что на его сторону в любой момент могут перейти от половины до двух третей крупных и мелких сопредельных государств. Как в Крымскую войну. Непрерывно ожидая «удара ножом в спину»² или глотка яда в дружески поданном некоей условной «милегу Винтер» бо-

¹ В описываемой реальности САСШ в ПМВ не участвовали, «изоляционисты» и «миротворцы», вроде Вудро Вильсона, не позволили. Великобритания сумела занять главенствующее положение в Антанте, сохранив свой флот и приумножив его за счёт всего трофейного германского, а также многократно увеличив золотовалютные резервы за счёт займов союзникам и репараций с побеждённых. Вследствие этого, а также отсутствия в реальности ВМВ САСШ не получили господствующих позиций в Европе и мире. В рамках доктрины Монро они оставались к описываемому времени региональной, хотя экономически успешной державой. Со слаборазвитой культурой и уровнем жизни на уровне Аргентины.

² «Удар ножом в спину» — термин германских националистов («Стальной шлем», Гитлер и т.п.), по поводу решения правительства о капитуляции в Первой мировой войне. Они считали, что армия была накануне победы, но её предали.

кале. От любого, кого теоретики-генштабисты числят в «нейтралах» или «союзниках».

А настоящих союзников у России только два, любил повторять Александр Третий, «её армия и флот». Романовы и Россия всегда должны помнить, как валявшийся в ногах у Николая Первого австрийский Франц Иосиф умолял спасти его от охвативших половину «лоскутной империи» венгерского и польского восстаний. И что? Мятежи русские дивизии легко подавили, империя Габсбургов очередной раз была спасена, царь получил титул «палача и жандарма Европы», а неблагодарный австрийский Франц через семь лет выступил на стороне антирусской коалиции англо-франко-турко-итальянцев. Такое можно простить, имея характер Николая Второго. «Страстотерпец и великомученик», что с него взять? Нынешний самодержец считал даже Николая Первого слишком деликатным человеком, не собирався никому ничего прощать, а уж тем более помогать бесплатно. Неплохо было бы установить в зале для аудиенций геральдический щит с девизом, золотом по лазоревому полю: «Утром деньги, вечером стулья». Эта книга, презентованная Ляховым, очень Императору понравилась.

Международная обстановка выглядела странно, Олег Константинович не постеснялся употребить именно это слово. Нормы и обычаи взаимоотношений цивилизованных стран в течение двух третей двадцатого века стали настолько изощрёнными, предусматривали, кажется, все возможные виды межгосударственных конфликтов и способы их разрешения. То есть август тысяча девятьсот четырнадцатого года не должен был повториться ни в каком варианте. И вдруг оказалось, что все изощрённые дипломатические методики превращаются в труху, стоит только отказаться их применять. И война, хоть локальная, хоть мировая, может вспых-

нуть в любой момент, стоит только достаточно сильно-му игроку на мировой шахматной доске дать понять всем остальным, что их резолюции и санкции он видал очень далеко, а на несколько миротворческих батальонов ООН и ТАОС он плевать хотел, имея отобилизованную массовую армию. Причём таким образом может поступить даже Россия, не имеющая сопоставимо по силе союзника. Что тогда говорить о Великобритании, со всеми основаниями рассчитывающей на вооружённую поддержку своих «исторических союзников» и благожелательный нейтралитет всех остальных.

Олег Константинович собрал в Кремле Главный военный совет, доставшийся ему по наследству от парламентской республики, который он всё никак не удосужился распустить, именно как орган, не приспособленный для выполнения предписанных ему функций. Ему сейчас нужна была не квалифицированная военная и геополитическая оценка складывающейся обстановки, на то хватало собственного разума и помощи «пересветов». Императору гораздо интереснее было понять, с какими людьми ему пришлось бы спасать Отечество, если бы война началась завтра, и как быстро они довели бы державу до катастрофы. Как демократическое правительство Францию в тысяча девятьсот сороковом году соседней реальности. Кое-какие предварительные выводы он сделал по итогам польской кампании, сейчас готовился к окончательным.

Канцлер с военным, морским, иностранных дел и ещё несколькими министрами, главкомы трёх родов войск, начальник Генштаба, командующий Отдельным корпусом жандармов, ещё несколько значительных особ, появление которых в зале у прочих приглашённых радости не вызвало.

Заслушали военного министра Воробьёва (в содокладчиках начальник Генштаба Хлебников), морского министра адмирала Гостева. Председатель клуба «Пе-

ресвет» (по официальной должности — всего лишь командующий ВВС Московского военного округа), генерал-лейтенант Агеев, сидел с краю длинного стола с довольно толстой кожаной папкой перед собой, постукивал иногда по ней остро отточенным красным карандашом, но похоже было — происходящее вокруг не слишком его увлекало.

Без всяких новомодных устройств обстановка докладывалась по обычным бумажным картам, развешанным по стенам, одной Генеральной и полудесятку — отдельных театров. Министр всё время вертел в руках длинную указку, вроде как светский щёголь тросточку, она, похоже, помогала ему сосредотачиваться.

Император сидел отдельно, за небольшим столиком у окна. Перед ним блокнот, пепельница, раскрытая коробка папирос. Прочим на заседании курить не позволялось, только во время перерывов в буфетной, где подавались бутерброды, прохладительные и прочие напитки.

— Таким образом, господа, — с чувством и пониманием ответственности момента докладывал Хлебников, — стратегическое и международное положение Российской Империи таково: мы очевидным образом вошли в предвоенный период, который я исчисляю с момента назначения Первым морским лордом¹ адмирала Фридмана и перевод пяти эскадр линкоров и трёх — авианосцев с режима глубокой консервации в вооружённый резерв. С объявлением мобилизации их штатного приписного состава, если таковое последует, факт войны можно будет считать состоявшимся. Независимо от текущей политики и деклараций членов будущих коалиций. И мы оказываемся в заведомо проигрышной позиции. По полной аналогии с тысяча де-

¹Первый морской лорд — начальник морского генерального штаба Великобритании.

вятьсот четырнадцатым годом. В тот раз миротворческие заявления России и её попытка провести частичную мобилизацию только против Австро-Венгрии немедленно вызвала объявление нам войны Германией, хотя взаимных претензий фактически не имелось...

— Историю вопроса, если потребуется, нам гораздо подробнее сможет изложить генерал Агеев, — негромко бросил Император. — Не отвлекайтесь.

— Так точно, — изобразил указкой нечто вроде фехтовального салюта министр. — В настоящее время единственной державой, очевидно противостоящей нам и готовящейся использовать любой повод для развязывания конфликта, способного перерасти в полномасштабную войну, следует считать Великобританию.

Предшествующие события, наш выход из ТАОС и достаточно демонстративная позиция по проблеме Фарерских островов и Балтийских проливов, очевидным образом склонили её к силовому сценарию. Причины тут не только геостратегические, но и экономические. Об этом говорят многочисленные и разнообразные источники. Её сухопутные вооружённые силы в доминионах и подмандатных территориях уже неделю находятся в состоянии развёртывания по штатам военного времени. Одновременно ведётся откровенно антироссийская пропаганда в печати и иных средствах массовой информации, очевидно — с целью моральной подготовки населения к объявлению войны...

— Прошу прощения, — дождавшись паузы, вставил генерал Агеев. — Слова уважаемого докладчика нуждаются в уточнении, иначе картина может получиться искажённой. Сегодня мы одновременно наблюдаем три разнонаправленных вектора, которые, на наш взгляд, отражают противоречия во взглядах внутри британского истеблишмента: и гражданского, и военного.

Ведущей темой пропаганды для гражданского населения является именно выход России из ТАОС, что трактуется как её недвусмысленное намерение приступить к очередному «переделу мира». Из чего возникает посылка о неизбежной борьбе на морях и «континентальной блокаде». Детали используемых доводов несущественны, но на «простой народ» они действуют. Среди высших государственных (особенно — аристократических) кругов распространяется идея не полномасштабной войны, как таковой, а некоего «воспитательного момента на грани». Проще говоря — молниеносной военной акции, направленной на наиболее уязвимые точки российских «центров влияния» и блокады флота в местах его постоянного базирования, а также вытеснения наших эскадр с океанских просторов во внутренние моря. После чего их военные аналитики считают неизбежным прекращение конфликта и начало переговоров о «новом мироустройстве».

И в то же время генштабы армии и флота Метрополии ориентируются на тотальную войну с «решительными результатами». Там сейчас собрались «суперястребы», планирующие операции без учёта людских и материальных потерь. Вернее — с учётом того, что степень «неприемлемости ущерба» мы ощутим раньше, чем они... Имеют какие-то не совсем нам ясные основания. Ещё раз прошу прощения, что перебил докладчика. Но это самая последняя информация, возможно, до военного министерства ещё не дошедшая.

— Благодарю вас, — кивнул Олег, — только непонятно, почему не начальник разведки с этим «дополнением» выступил.

— Я ждал, когда мне будет предоставлено отдельное время для доклада, — генерал Рейценштейн, словно в доказательство, показал бювар, лежавший у него на коленях. — И я не совсем согласен с Алексеем Михайловичем.

Император кивнул, показывая, что других вопросов пока не имеет.

— Перейдём к статистике, — невозмутимо продолжил Воробьёв, — соотношение боевых возможностей нас и вероятного противника, без учёта сил союзников с обеих сторон, таково. По сухопутным силам с нашей стороны перевес подавляющий: вполне боеготовых дивизий — 40, кадрированных, требующих от пяти до десяти суток для принятия приписного состава и вооружения с баз хранения — 45. Ещё сто пятьдесят мотострелковых и кавалерийских дивизий могут быть сформированы на базе управлений территориальных соединений в течение тридцати суток после объявления всеобщей мобилизации.

По артиллерии — кроме штатных двадцати тысяч стволов в полках и дивизионах стрелковых частей и соединений, мы располагаем более чем десятью тысячами стволов отдельных дивизий и бригад армейского и фронтового подчинения калибрами 57—152 миллиметра. Артиллерия резерва главного командования — десять тысяч стволов калибрами от 152 до 305 мм. Боеготовые подразделения располагают в среднем тремя боекомплектами, не требующими специального подвоза к местам расквартирования. Мобилизационные запасы — до пяти боекомплектов.

По танкам: пять тысяч единиц непосредственной поддержки пехоты, двенадцать отдельных танковых и механизированных дивизий и бригад в приграничных округах. На базах хранения имеется до десяти тысяч машин разных типов, включая самые раритетные, условно боеготовых, обеспеченных тремя заправками горючего и тремя боекомплектами. Экипажи, за исключением офицеров и сверхсрочнослужащих учебных подразделений, подлежат мобилизации из запаса первой очереди. Авиация — три тысячи бомбардировщиков и истребителей первой линии, столько же в со-

★ ставе учебных подразделений и в резерве. Для них требуется мобилизация лётного и технического состава с доучиванием и боевым сколачиванием подразделений.

Сухопутные силы Великобритании штатно составляют шесть территориальных дивизий, после всеобщей мобилизации в течение двух недель не превысят двадцати, и это при полном отсутствии возможности доставить их к нашим границам, кроме как морскими десантами на Севере и Дальнем Востоке. Исходя из этого, в расчёт они могут не приниматься.

Британская сухопутная авиация Метрополии численностью до двух тысяч самолётов всех типов способна, при поддержке достаточно мощной ПВО, осуществлять эффективное прикрытие собственной территории неограниченное время, учитывая возможности промышленности и переброску самолётов из Канады...

— Итак, из вашего доклада следует, что планируется нечто вроде поединка между слоном и китом. На суше нам противник никакого серьёзного вреда причинить не может, а мы, в свою очередь, не в состоянии даже подавить воздушное прикрытие Островов, не говоря о десанте и их полноценной оккупации.

Следовательно, все наблюдаемые нами приготовления либо авантюра, либо дезинформация, — опять прервал Олег военного министра. Это тоже входило в число его привычек, идущих от Петра Первого. «Господам сенаторам в Сенате говорить не по-написанному, а токмо своими словами, дабы дурь каждого всем видна была». Пусть и Воробьёв оторвётся от текста, написанного или заученного — неважно. — И нам нет необходимости тратить время на выслушивание известных всем присутствующим истин. Насколько я помню, примерно то же самое я читал в «Соображениях к мобилизационному плану на тысяча девятьсот такой-то год». Как раз к экзаменам за дополнительный курс Николаевской академии готовился.

При этих словах генерал Агеев почти незаметно для окружающих улыбнулся, уловив ход мысли Императора.

— Ваше Величество, — вскинул подбородок военный министр, — позвольте закончить информативную часть. С названного вами года некоторые цифры значительно изменились. Затем я доложу резолютивную и ответу на ваши вопросы!

«Молодец, — подумал Олег Константинович, — выдержки не теряет». И снова благосклонно кивнул, извлекая из коробки следующую папиросу.

— По морской части со всеми подробностями доложит адмирал Гостев. Но в пределах своей компетенции (чувствовалось, что военный министр всё же слегка обижен) сообщаю: если британцы мобилизуют весь свой резервный флот, в Метрополии и на заморских базах, перевес у них по всем статьям подавляющий. В любом эскадренном бою они окажутся намного сильнее нас. За исключением доблести.

Генерал сделал лёгкий поклон в сторону адмиралов с чёрными орлами на погонах.

— По численности и качественному составу основных типов кораблей (суммарно) даже действующий корабельный состав «ХМН» превосходит «РИФ»¹ на сорок процентов. Имеющая ныне быть дислокация, а также возможность блокады балтийских проливов Германией, а черноморских — Турцией ещё более усложняет наше положение. Этим я хочу сказать, что морскую войну против Великобритании мы выиграть не можем. В лучшем случае — пат! А если вспомнить уроки русско-японской войны...

По отдельным ТВД при необходимости будет представлена соответствующая справка. По уровню боевой подготовки «Ройял нэви» и «РИФ» примерно равны. Анализ результатов нескольких ролевых игр,

¹ «ХМН» — «Хиз мэджестик нэви» — Флот его Величества (англ.). «РИФ» — Российский Императорский флот.

проведённых по разным методикам, показывает, что в скоротечных военных операциях возможная война не может быть выиграна ни одной из сторон...

— С окончательным результатом, — бросил с места Агеев.

Воробьёв предпочёл его не слышать.

— В случае тотальной войны «на истощение» Великобритания в состоянии оказывать нам эффективное сопротивление в течение года. Если же САСШ и Канада, сохраняя нейтралитет, одновременно не позволят нам организовать тесную блокаду островов авиацией и подводными лодками, наладят систему «нейтральных» конвоев, начнут оказывать англичанам помощь поставками продовольствия и военной техники, это может затянуться до бесконечности.

Ситуация меняется, если война перейдёт в коалиционную. При определённых условиях Великобритания почти безусловно может рассчитывать на поддержку Австралийского Союза, Южно-Африканского Союза, Канады, Северного Индостана (расчетные военные потенциалы прилагаются). Возможным также является возобновление до настоящего времени не денонсированного, но и не пролонгированного военного союза Англии с Японией. В таком случае потенциал неприятеля значительно увеличивается (см. «Приложение 2»), и возникает опасность морской войны на трёх удалённых театрах в сочетании с сухопутной войной на Дальнем Востоке (Япония и сателлиты) и в Средней Азии (Великобритания, страны Ближнего периметра).

В случае развития ситуации по этому варианту, исходя из позиции, занятой Центральными Державами во время событий в Привислянском крае¹, не исключается вступление в войну на стороне ВВ Германии, Австрии, Малопольши, Турции.

Мы получаем полномасштабные фронты по всей

¹ См. роман «Дальше фронта».

«Дуге нестабильности» «от Балтики до Охотского моря». В этом случае наше положение выглядит как проигрышное. Я не ручаюсь даже за то, что Империя сможет удержаться на своих *исторических* границах...

Все необходимые расчёты и варианты действий вооружённых сил России в указанных ситуациях прилагаются, — министр указал на приставной столик, где под охраной капитана с адъютантскими аксельбантами лежали три довольно толстые папки.

— Сто двадцать листов документов и пятьдесят две карты...

Император взмахом руки с папиросой велел Воробьёву замолчать и поднял с места «трёхорлового» адмирала Гостева, большую половину жизни не сходившего с мостиков боевых кораблей. Его пост был восстановлен уже после коронации Олега, до этого последние сорок лет флот не имел самостоятельного командования, и Наморси Республики числился одним из трёх первых товарищей военного министра¹, а Генмор² — всего лишь управлением при едином Генеральном штабе. Три поколения премьер-министров коалиционных правительств России отчего-то традиционно не любили флот. Очевидно, его структура казалась им слишком сложной, а функции — непонятными для адвокатского разумения. Кроме того, чрезмерно раздражали независимость капитанов первого ранга и адмиралов и несовместимая с «демократическими принципами» вызывающая «кастовость».

Зато теперь Император был кумиром флотского братства.

— Позиция военного министерства и Генштаба мне ясна. С деталями я ознакомлюсь. А вы что скажете?

Двухметрового роста адмирал, любивший «для раз-

¹ Наморси — начальник морских сил. «Товарищ» — заместитель.

² Генмор — морской генеральный штаб.

минки» показывать молодым комендорам, что при орудиях совсем не нужна никакая «автоматика» и нормальный мужик вполне способен вручную перекидать на приёмный лоток восьмидюймовой пушки пару тонн снарядов и полузарядов, не вспотев лбом под околышем фуражки, встал со своего кресла и подошёл к картам.

— Ваше Величество! Генерал Воробьёв теоретически абсолютно прав. С его высокопрофессиональной, но всё же сухопутной точки зрения обстановка выглядит именно так. «Ди эрсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт...»¹

У нас на сорок процентов меньше линкоров и тяжёлых крейсеров. Это безусловный факт, хотя наши — новее постройкой и значительно превосходят вражеские по скорости. У англичан двенадцать «больших» авианосцев, у нас пять. Тоже факт. Зато по лёгким крейсерам уже паритет, а по большим эсминцам мы их серьёзно превосходим. Но дальше у нас начинаются *разночтения*. Военное министерство и Генштаб не учли, что военно-морская мысль давным-давно отказалась от идеи «генеральных сражений» и теории «овладения морем». Уже Ютланд² доказал, что

¹ Цитата из Л. Толстого, отсылающая к стилю работы германских генералов. «Первая колонна наступает так, вторая так...» Подразумевается, что войска безукоризненно, без постоянной корректировки исполняют предначертанные диспозиции с запланированным результатом. Мольтке-старший, равно как и Младший вкупе с прочими гинденбургам, в отличие от Бисмарка, не знали русского языка и тем более поговорки российских офицеров: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

² Ютландское сражение (31 мая — 1 июня 1916 г.) между главными силами германского и британского флотов, в котором обе стороны имели целью уничтожение противника и завоевание господства на море. Несмотря на значительные потери с обеих сторон, закончилось фактически безрезультатно. Последнее в истории эскадренное сражение крупных артиллерийских кораблей, доказавшее их стратегическую бесполезность.

они потеряли всякий смысл и не способны обеспечить достижение предполагаемых целей. Мы давно делаем ставку на скоротечные операции ограниченными силами и ту самую тотальную крейсерскую войну, которой так боятся англичане. Благодаря нашему превосходству в береговой авиации исключается высадка крупных десантов и какие бы то ни было операции вражеских сил в прибрежных водах. Вновь полученные базы на датской территории позволяют нам держать под постоянным воздействием даже лёгких сил главные военно-морские базы в Шотландии и Северной Ирландии. Превосходство в скорости наших новых крейсеров позволяет избегать встречи с превосходящим противником и атаковать там, где он в данный момент наиболее слаб. Авианосцев для прикрытия всех морских путей у них не хватит, — адмирал позволил себе многозначительно улыбнуться и сделать паузу, чтобы сделать глоток воды. Этим он давал возможность оппонентам возразить, если появится желание. Зал молчал, ожидая завершения доклада.

— Я уже не говорю о том, что с береговых баз и наших авианосцев мы способны обеспечить постоянные терроризирующие и обезоруживающие воздушные налёты непосредственно на Метрополию. В то время как наши военно-морские базы и крепости расположены таким образом, что атака их ни с моря, ни с суши невозможна даже теоретически. Кроме того, за счёт нашего преимущества в авиастроительных мощностях и численном превосходстве подготовленных пилотов мы в состоянии навязать противнику форсированную войну на истощение. Даже при соотношении потерь два к одному (что невозможно в принципе) у англичан лётчики кончатся ещё быстрее, чем самолёты. Вследствие всего вышесказанного я расцениваю предположения генерала Хлебникова как чрезмерно... пессимистические.

Видно было по его лицу, что адмирал собирался употребить более выразительное слово, но сдержался.

Слово взял ожидавший своего момента генерал Агеев.

— Я буду сейчас говорить не как полководец, а как геополитик и военный футуролог, — при этих высоко-мудрых словах многие члены Совета поморщились, начали шептаться и пересмеиваться в кулак. — Мы смоделировали текущую ситуацию и пришли к выводу, что Коалиционная война против нас бывших союзников по ТАОС невозможна. Слишком разные у них интересы, военные и экономические возможности, да и с боевым духом... не очень. Я не могу себе представить причин, ради которых простые немцы или французы согласятся вести регулярную полевую войну против России. Ведь она будет означать многотысячные потери среди личного состава войск и мирного населения. Кто-нибудь из присутствующих, — председатель «Пересвета» посмотрел на заслуженных армейских генералов, как на группу призванных на сборы прапорщиков запаса, — может себе представить безвозвратные потери австрийской, скажем, армии, пожелавшей занять Галицию с последующей аннексией? Или японской, решившей наступать до Байкала хотя бы?

А без конкретных целей, сулящих экономическую выгоду и значимые территориальные приобретения, разве окажется сейчас кто-то способен повторить подвиги «героев» Соммы и Вердена¹?

— В Мировую войну очень даже оказались, — возразил начальник Генштаба, — а тоже очень любили жизнь и рассчитывали вернуться домой живыми и здоровыми «до осеннего листопада». И целей, по большому счёту, никаких не было, особенно у рядовых солдат.

¹ Места сражений Первой мировой войны, в которых погибли сотни тысяч солдат Антанты и Германии. К примеру, Верденская «мясорубка» продолжалась 10 месяцев, потери сторон составили около миллиона человек (115 дивизий — 65 у французов, 50 у немцев), максимальное продвижение наступающих (с последующим отходом на прежние позиции) — 10 км (!). Для сравнения — под Сталинградом немцы потеряли 22 дивизии.

Книги Ремарка перечитайте относительно мотиваций в той войне...

— С тех пор прошло почти сто лет, — ответил Агеев, — и европейцы научились ценить свою жизнь намного выше геополитических абстракций. Вы же, уважаемые, по давней традиции продолжаете готовиться к прошедшей войне. Я понимаю — многие хотели бы стяжать славу в новых грандиозных битвах, но увы. Скорее всего, исход весьма возможной, но пока ещё не неизбежной войны действительно решат авиация и флот, сухопутчикам придётся довольствоваться «боями местного значения» в ближнем приграничье. Возможны тактические воздушные десанты, едва ли выше полкового уровня. Зато диверсионно-партизанских операций будет много, очень много на всех наших проблемных территориях. Для врага это единственно возможная стратегия.

Разумеется, я согласен рассмотреть и вариант полномасштабного нападения на нас коалиции европейских держав всеми наличными силами, длительного приграничного сражения в двухсотвёрстном, как минимум, предполье, а затем и ответного контрнаступления с выходом к берегу Атлантики от Португалии до Норвегии...

Широкими взмахами указки Агеев изобразил эти давным-давно нарисованные на других картах стрелы и котлы окружений, но настолько быстро, что тот, кто не следил внимательно, мог ничего и не понять.

— Но тогда Генштабу следует представить план немедленного формирования не ста, а минимум пятисот дивизий и снабжения их всем штатным вооружением, что потребует немедленного, прямо с сегодняшнего дня, перевода всей промышленности на военные рельсы. Мои коллеги в ходе научных семинаров для тренировки посчитали, что наступательная операция Западного и Юго-Западного фронтов с занятием Парижа и выходом к Ла-Маншу потребует боеприпасов в три с

половиной раза больше, чем их имеется сейчас в войсках и на всех базах хранения.

Названная мною операция достаточно сложна, но проработана нами вплоть до дивизионного уровня. Потребуется — уточним до батальонного. Однако столь же серьёзного подхода к проблеме, ради которой только и существуют армия и Генеральный штаб, мы здесь не слышали. Надо бы вначале определиться, собираемся мы капитулировать сразу, проигрывать войну на заранее оговоренных с противником условиях или всё же всерьёз воевать, до безоговорочной капитуляции противника на всех фронтах, а уже потом приступить к скрупулёзному планированию ведущих к той и другой цели мероприятий.

В голосе генерала звучала откровенная ирония.

Поднялся шум. Сухопутные генералы сочли себя за детьми. Мало того, что Агеев лётчик, совсем недавно получивший генерал-лейтенанта (то есть младше всех по производству), так ещё и руководитель «научного общества» каких-то там «ревнителей военной истории», слишком много о себе воображающий, всего лишь из-за того, что к нему благоволит Император. Большинство из присутствующих принадлежало к выдвиженцам ещё петроградской, «демократической» власти и очевидным образом не улавливало «новых веяний» и вытекающих из них последствий.

Император движением руки с папирсой привёл Совет к молчанию.

— Советую прислушаться к словам Алексея Михайловича. Во время польского мятежа, пока вы все пребывали в полной растерянности, аналитики «Пересвета» проявили и редкостную сообразительность, и великолепный уровень профессиональной подготовки. Слишком долго многие из господ генералов никак сообразить не могли — воевать ли вообще, а если и да, то на чьей стороне...

Эта полная яда фраза не касалась адмирала Гостева, его

морские пехотинцы и боевые катера Балтфлота проявили себя на Висле и в Поморье самым лучшим образом.

Со стороны поведение Императора могло показаться весьма недалёковидным: в преддверии большой войны стравливать между собой и восстанавливать против себя лично значительную часть высшего состава Империи... Николаю Второму разногласия с командующими фронтами и армиями обошлись в своё время очень дорого.

Правда, Олег — не Николай, да и генералы уже не те.

Поэтому ответом Императору было общее сумрачное молчание.

— Благодарю всех за проделанную работу, — Олег Константинович встал. — Подвожу итоги: новой Мировой войны в обозримом будущем я не вижу. Следовательно, ни о какой «мобилизации» и речи быть не может. Кадрированные соединения «второй очереди» должны быть приведены просто в *нормальную* боеготовность. Вы понимаете, что означают мои слова? — обратился Император ко всем сразу. Ответа не ждал. — Нормальная боеготовность — это способность подразделения выполнять любую поставленную перед ним задачу до полного исчерпания наличного состава сил и средств. Как некий капитан Уваров легковооружённой ротой не так давно за полк полного штата управился.

Этот намёк генералы тоже проглотили.

— Разве что необходимых офицеров-специалистов (число не ограничиваю) разрешаю призвать на двухмесячные, скажем, сборы, с присвоением очередных чинов. Отчего бы не порадовать заскучавших «на гражданке» людей? Им развлечение, службе польза. Но тренировать их как следует, от рассвета до заката, исходя из требований военного времени.

Помолчал, прошёлся вдоль стены.

— Но вот к чему извольте приготовиться, господа, — чтобы в момент объявления «реально угрожаемого периода» войска были готовы в течение суток занять ру-

★ бежи обороны или атаки в пределах своих зон ответственности. Безусловно снабжённые всем необходимым, от патронов до сухарей и портянок, с развернутыми медпунктами, полевыми складами ГСМ и боепитания, безукоризненно работающей связью. Вот это и есть, и будет, пока я жив, главная обязанность военного министерства и Генерального штаба.

Знаете... — словно бы на лирику потянуло Государя, или просто он решил резкость своих слов шуткой смягчить. — Когда я ещё поручиком первый год служил, был у меня ротный фельдфебель, Величко Алексей Иванович, как сейчас помню. Добрейшей души человек и юморист, каких мало. Но у него на любое возражение, хоть нижних чинов, хоть младших офицеров, о сложности или невыполнимости задания всегда имелся один ответ: «Чтоб было!» Отворачивался и более ни в какие разговоры по означенной теме не вступал.

Собрание натянуто посмеялось. Намёк был ясен всем.

— Флоту приказываю — с сего числа ввести общую «готовность номер один». Главкому ВВС все оперативные вопросы, касающиеся совместных действий на морях, решать непосредственно с адмиралом Гостевым. Ответственность будете нести солидарную, я в тонкости характеров каждого вникать не собираюсь. Ко мне любому из присутствующих разрешаю обращаться напрямую и в любое время. Только прошу помнить формулу — «Государево слово и дело»¹.

Спасибо, господа Совет², все свободны.

¹ Во времена царя Алексея Михайловича любой житель России, объявивший «Слово и дело», немедленно получал доступ к ближайшему высшему представителю центральной государственной власти, минуя местную, и ни один администратор не мог, рискуя головой, это обращение «замять» или «положить под сукно». Заявления рассматривались немедленно. Однако следует отметить, что злоупотребление данной формулой влекло наказание, вплоть до применявшихся тогда «высших мер».

² Тоже выражение из лексикона Петра Первого.

Избыточно популярной фразы: «А вас, такой-то и такой-то, я попрошу остаться», Император не произнёс. И без неё в царский рабочий кабинет через короткое время, покрутившись в буфетной, где генералы и адмиралы по традиции снимали напряжение после общения с Государем, без доклада вошли два генерала: Агеев и Чекменёв. Ближайшие доверенные лица, оба без соответствующего авторитету официального статуса, постоянно испытывающие друг к другу ревнивую настороженность, но последний десяток лет работающие в одной упряжке и на общую цель. Олег Константинович всё знал и понимал, его такое положение устраивало. Требовалось одно — опять, как в пятнадцатом-шестнадцатом веках, возрождая в освободившейся от ордынского влияния державе византийские порядки, чётко соблюдать «местничество» и «баланс интересов». И чины, и ордена оба генерала получали одновременно, границы власти каждого то расширялись, то сужались (по обстановке), но тоже соразмерно.

— Ну и как вам? — спросил Император, вытянувшись наконец в кресле, сняв ремень и португепю, растегнув целых три верхние пуговицы кителя.

Чекменёв, что входило в его обязанности, извлёк из секретера походный погребец, поставил на стол полуштоф и чарки, разлил. Закуска тоже имелась чисто царская — чёрные сухари и солёные в бочке огурцы.

— Будет кому и над чем голову поломать, — сказал Агеев. — Война на носу, у Генштаба даже мобилизационного плана нет, а Верховный главнокомандующий всех со всеми старательно ссорит. Вот что по этому поводу тому же Уоллесу думать прикажете, со всеми его генералами?

— Только ты, Игорь, прямо сегодня толковую «утечку» организуй. Стенограмму — не надо, а так, «выбранные места из переписки с друзьями». Англичанам — одно, американцам — другое, «нейтралам» — третье.

★

Не мне тебя учить. Пусть те, по ком петля плачет, напоследок перед хозяевами отличатся и свой кусок получают.

Император аппетитно хрустел сухарём. Вот надо же — бывали времена, когда в походах Олег по нескольку дней питался единственно сухарями и чаем из закопчённого на кострах котелка. И не приелись, наоборот.

— Уже распорядился, — ответил Чекменёв. — Всем интересно будет.

— Я не стал при всех говорить, — обратился Олег Константинович к Агееву, который со своими «пересветами» и разрабатывал «настоящий» план грядущей войны. — Но вы там включите в *подлежащие разглашению* документы: ихнее, мол, величество так и выразилось: «Немедленно, активно, от всей души поддаваться на любые возможные провокации. И посмотрим, у кого кишка крепче!» Пусть гадают, что за туз у меня в рукаве, раз я прямо-таки демонстративно *нарываюсь*.

— Изящно, — сказал генерал.

— Я бы сказал — «зверски тонко», — поддержал Чекменёв. — В близкой к нам реальности тогдашний диктатор требовал от своих войск прямо противоположного.

— Так я ведь не Сталин, — сообщил Император, — и цели у нас совсем другие. Вы мне давайте плесните быстренько по второй и расскажите, что у нас с *настоящим* «Мальтийским крестом» и с господином Катранджи делается.

Вот в этом и заключался стратегический замысел Императора Всероссийского, царя Польского, Велико-го князя Финляндского и прочая, и прочая, и прочая... Своим сухопутным генералам, за исключением гвардейских, лично отобранных и выпестованных, он не верил ни на грош. И правильно, в общем, делал.

Зато верил флоту и авиации. Отчего тайно поручил

Ляхову любой ценой установить транспортную связь с «другой Россией», внешне имитируя весьма слабую заинтересованность в этой программе, даже среди ближайшего окружения. Да, такие эксперименты ведутся, но сами же видите, господа, — на уровне обычного флигель-адъютанта. На Запад если такая информация и просочится, то и интерес вызовет на соответствующем уровне.

Личная позиция Президента РФ его волновала не слишком. Всё равно в нужный момент тому придётся пойти на союз. Слишком велики его проблемы, личные и государственные. В нужный момент Олег их решит почти без всяких усилий. Но в преддверии грядущей войны, к которой он относился куда серьезнее, чем демонстрировал на сегодняшнем Совете, и не только, ему требовались технические возможности Российской Федерации.

Олег Константинович умел изображать из себя когда простака, когда бурбона, когда Казанову, но на самом деле он был, пожалуй, единственным в конце XX и начале этого века настоящим великим политиком. Как минимум не уступавшим прочим знаменитостям, от Александра Третьего до Корнилова и Рузвельта. В соседней реальности можно было приравнять к нему Черчилля, моментами — Сталина. Он тщательно и с очевидной пользой проштудировал историю параллельного двадцатого века: барон Ферзен представил ему весьма грамотно составленную сводку как политико-экономического состояния, так и военного потенциала будущей «братской державы», а Ляхов доставил несколько солидных, лишённых политической конъюнктуры монографий по истории 1917—2000 годов.

Читая эти книги и документы, Император испытал много тоски, сожаления и обиды. Да за что же это России всё?! Слегка одумавшись, помолвившись в собственной часовне, успокоился. «Коемуждо по делам

его...» Ничто не потеряно и ничего не решено, пока он твёрдо держит власть в своих руках и помнит обо всех критических точках несбывшейся истории.

Зато он отдыхал душой за просмотром у себя в Берендеевке кинофильмов, подобранных для него Секондом, а точнее — Фёстом. Вадим сумел отобрать десяток-другой художественных и документальных картин, чтобы они произвели на Императора нужное впечатление, укрепили веру в то, что *на той* стороне живут настоящие русские люди, и, в случае чего, на них можно положиться, как на своих, а в критических ситуациях — и больше. Фильмы Фёст подбирал, разумеется, в достаточной степени пропагандистские, всякий арт-хаус, вроде «Летят журавли» или «Иваново детство», Императору смотреть совершенно незачем. Или — не сейчас. А вот «Живые и мёртвые», «Освобождение», «Битва за Москву», «Горячий снег», «На пути к Берлину», «Фронт без флангов» очень годились. Олег Константинович увидел, что такое — неизвестная в его мире «Великая Отечественная» и проникся как масштабом тогдашних сражений, так и тем, что совершенно неважно, за какую именно власть самоотверженно сражаются русские люди, если «переступил священные рубежи». Так вольно или невольно у создателей и актёров фильмов получилось. В любом месте можно было подставить вместо «За Родину, За Сталина» — «За Бога, царя и Отечество», и ничего бы, по сути, не изменилось.

Вообразить, что с *этими* солдатами способны воевать нынешние англичане или арабы, если уж тогдашние немцы не справились, — просто смешно.

Самое же главное — у *той* России даже сейчас есть оружие, позволяющее ей и в состоянии разброда и шатаний оставаться второй военной державой мира. А если исходить из теории «гарантированного взаимного уничтожения», то — одной из двух первых. Разумеет-

ся, о термоядерных бомбах, способных превращать в радиоактивную пыль миллионные города, Олег не хотел и думать. А вот другие, безвредные для мирного населения штучки ему очень нравились. Особенно в рассуждении конфликта с гордыми британцами. Противокорабельные ракеты! Их можно запускать и с самолётов, и с крейсеров, и с самых незначительных катеров. С подводных лодок — тоже. Забавно будет посмотреть на реакцию британского Адмиралтейства, да и всего остального мира, когда линкоры и авианосцы «Гранд Флита» накроют тучи даже самых примитивных и старых (для *той* реальности) «Аметистов» и «Термитов», не говоря о полумразумных и гиперзвуковых «Москитах», «Гранитах», «Базальтах» и прочих, а за подводными лодками начнут охотиться самонаводящиеся торпеды.

Против самолётов и вертолётов на сухопутье у *братьев-славян* имеются, кроме авиационных УРСов и НУРСов, ручные «Иглы» и «Стрелы», мобильные зенитные «С-300» и даже «С-400», «Тунгуски» опять же. То есть войну, любую войну на *этой* Земле можно начать и закончить (на условиях даже и безоговорочной капитуляции), когда сочтёшь нужным.

При условии, конечно, что коллега-Президент поделится матчастью и специалистами.

— С «Крестом» нормально, — ответил Чекменёв. — Тоннель пробили, разведка на сопредельную территорию сходила. Осталось положить километр рельсов, шоссе на *ту сторону* вывести, ну а дальше — чистая дипломатия.

— Крепко надеюсь, что с их Президентом всё же сумеете договориться *без осложнений*.

— Да какие осложнения, Олег? — едва ли не рассмеялся Чекменёв. — Это он поначалу в «суверенитет» и «принципиальность» немного поиграл. А так очень неглупый мужик, в *собственном интересе* скоро раз-

берётся. Мы тоже кое-что делаем. Его ближнее окружение, считай, уже *наше*. Поучат, подскажут. Собственной тайной полиции, как у Сталина, у него нет. К счастью или к сожалению, как смотреть. Завтра-послезавтра всё решим, не бери в голову. Ты санкционируешь, если в критический момент переговоров я предложу ему за согласие на поставки оружия, скажем... половину нашего золотого запаса? У них сейчас серьёзные финансовые проблемы, мировой кризис, говорят, надвигается, похуже, чем у нас в двадцать пять лет тому.

— Предлагай, — небрежно махнул рукой Император. — У нас долгов нет, так неважно, в каких подвалах слитки некоторое время полежат. Деваться им из России всё равно некуда.

— Что касается Катранджи, — вступил в разговор Агеев, — здесь, похоже, тоже всё *штатно*, как в авиации говорят. Если *ваши* друзья обеспечат его оружием в потребных количествах, мы с коллегами имеем десяток вариантов использования этих ребят так, что европейцам мало не покажется. Что там Пятигорск с Варшавой. Детский крик на лужайке.

Самое смешное, что все расчёты «супостата» строятся как раз на том, что Ибрагим и «Интернационал» станут действовать на *их* стороне. Оттого они и форсируют всемерно подготовку к войне. Иначе... У них штабисты не глупее наших, уж военные-то потенциалы сторон сопоставить могут. Разве что на какой-то совершенно непостижимый для нас фактор закладываются. Вроде как мы — на чужое оружие.

А пока наши люди, числящиеся за дипломатическим ведомством Ибрагима, ведут с англичанами переговоры о совместных операциях. Оружия его боевикам британцы обещали подкинуть, транспортом помочь, идеологическое обеспечение раскрутить.

«В едином порыве угнетённые народы Юга и Востока, понявшие, кто их главный враг, поднимаются на священную борьбу против кровавого российского империализма. В этой справедливой борьбе на их стороне большая часть демократического человечества!..» — с должным пафосом произнёс Агеев.

— Молодец! — восхитился Император. — Сам придумал?

— Есть кому и без меня. Наше дело эту туфту запустить, где надо, исключая Америку, и скоординировать с несколькими демонстративными выступлениями «интернационалистов». Главное, с моментом не ошибиться. Уловить, когда «сегодня рано, а завтра будет поздно».

— Работайте, — благосклонно кивнул Олег Константинович. — А я, пожалуй, на днях сам в Екатеринбург слетаю. Очень мне интересно посмотреть, как тоннель действовать начнёт. Скоро?

— По графику регулярное движение можем открыть через неделю. Экстренно — хоть послезавтра. Лишь бы договориться, чтобы наш *литерный поезд* в расписание включили, — доложил Чекменёв.

— Твоя проблема. Лошадей гнать не надо, нас и неделя устроит, лишь бы без сбоев. А не договоритесь — и тебе, и Ляхову отставка без мундира и пенсии.

Олег открыл ящик стола, достал листок бумаги.

— Я тут старые журналы от нечего делать листал, подходящие заметочки попались. Посмотри, может, для чего пригодится. — Он протянул Чекменёву собственной рукой переписанные цитаты.

Об английской политике

«Англия держава очень умная и великолепно знает, что она себе может позволить по отношению к каждому народу и каждой дипломатии, и она никогда не

★ *позволяет себе перейти известные границы, хотя, конечно, всемерно старается отодвинуть эту пограничную черту как можно дальше».*

Журнал «Русский вестник», №9 — 10, 1885 г.

«Мы имеем дело с величайшими нахалами (англичанами). Главное — не теряться и не трусить. А министерство иностранных дел струсило».

Резолюция Александра Третьего на письме министра Н.К. Гирса по поводу русско-английского конфликта на афганской границе 18.03.1885 г.

«Во всех тех случаях, когда иностранные правительства будут действовать под влиянием чужеземного давления, Англия не обязана соблюдать ранее заключённые договора и вправе во всякое время их расторгнуть, не связывая себя условиями общеевропейского характера».

*Из доклада лорда Солсбери в палате лордов 5.05.1880 г.
по итогам Берлинского конгресса 1878 г.*

*В применении к англо-русским противоречиям
по афганскому и турецкому вопросам.*

— Благодарю, Ваше Величество. Принято к руководству и исполнению. — Генерал сложил бумагу и спрятал её в карман кителя.

Британский кабинет министров и лично премьер Уоллес ощущали себя крайне некомфортно. После доверительной беседы с Императором Олегом и его согласия не придавать значения скандалу с причастностью Британии к морскому пиратству, премьер решил каких-либо новых политических обострений избегать.

Тем более ему было обещано пребывание на своём посту как минимум два срока. Уоллес знал, такие возможности у Олега были и политические, и финансовые.

Другое дело, что, соглашаясь на откровенный и грубый шантаж, Британия как бы теряла статус великой державы. Так кто же об этом узнает, если всё решено с глазу на глаз? А как нейтрализовать выпады прессы и инсинуации оппозиции — опытного парламентского волка учить не нужно. И насчёт визитов «Теневого министра обороны» к проституткам имеется материал, и про нетрадиционные пристрастия жены самого лидера оппозиции есть кому поделиться впечатлениями. Зато готовность России вложить десятки миллиардов в хиреющую судостроительную промышленность — это реальные деньги и реальные рабочие места. Всегда можно обосновать те или иные свои действия именно что заботой о процветании и престиже государства, прямые финансовые подачки назвать «инвестициями» и так далее.

В общем, после Фарерского инцидента всё складывалось не так уж и плохо.

А «государственные интересы» — понятие настолько расплывчатое, что даже всерьёз говорить об этом бессмысленно. Сумеет сегодняшний «власть предержащий» собственные увлечения и пристрастия до населения убедительно донести — вот вам и государственный интерес, и национальная идея на текущий отрезок времени.

Другое дело, если ты, хоть премьер, хоть президент, под чужую дудку плясать обязан, и нет у тебя сил и характера, чтобы дудочку — растоптать, а дудочника — на дыбу. Кто к такой решительности с детства расположен был, так и поступали, а Уоллеса — «не умудрил господь». И приходилось ему играть по правилам «парламентской демократии». Демократии же, до предела

★

деградировавшие в условиях «вечного мира», спинным мозгом осознали своё вырождение, кадровое и идеологическое, поняли, что вплотную приблизившийся апоплексический удар можно предотвратить только хорошим кровопусканием. И не только к Великобритании и к правящим политикам это относилось. Мир вошёл в очередную «пассионарную фазу».

За девяносто лет накопилось слишком много горючего материала, бывшие трагедии забылись, а свойственная приматам агрессивность и стремление к доминированию никуда не делись. Они лишь копились, трансформировались под влиянием культурологических процессов. И никакой ТАОС с его идеей вечного мира ничего не изменил. Скорее, напротив, создал ощущение глухого цивилизационного тупика. Та часть человечества, которую в другой реальности завистливо и не совсем верно называли «золотым миллиардом», вдруг осознала (и не вчера), что с новым миропорядком потерял смысл жизни. Да, мир, процветание, братство народов, нерушимые границы и торжество права над произволом — всё это прекрасно! Разве не за это боролись сорок поколений гуманистов?

Можно сказать — достигли! Но разве не того же самого, как если бы кого-то привезли в тюрьму, более комфортабельную, чем любой отель, с бассейнами, спортивными залами, комнатами для настольных игр, борделями на любой вкус и сказали: «Вот тут и будешь теперь жить, отныне и до века. Правила внутреннего распорядка в каждой камере на стене. Шаг вправо, шаг влево считается побегом, охрана стреляет без предупреждения»? Зато в меню тюремной столовой пятьдесят первых и столько же вторых блюд. Напитки — «а-ля карт».

Удивительнее всего, что идея всеобщего «крестового похода» Севера против Юга не прельщала никого. Мировые противоречия должны разрешиться на террито-

рии «цивилизованного мира», а уже потом победитель станет решать, куда направить высвободившиеся силы. Например — по собственному усмотрению планеты на новые колониальные владения делить. А то из «всеобщей свободы и независимости» ничего хорошего так толком и не получилось, ни для «колонизаторов», ни для «освободившихся от гнёта».

Кроме «хантеров» с их идеей фикс имелось достаточно классов, групп и страт, которые генерировали импульсы войны почти инстинктивно, и это тоже очень напоминало ситуацию четырнадцатого года, когда «войны никто не хотел, но все делали всё, чтобы она наконец началась».

А то, что в качестве капсюля-детонатора некими тайными силами была избрана Британия, — случайность, не более. Прошлый раз была Германия, позапрошлый — Турция, до неё — Наполеоновская Франция¹. Интересно отметить, что в качестве «поджигателя войны» никогда не рассматривалась Россия, зато она всегда становилась объектом агрессии, независимо от причин и поводов конфликтов.

Итак, планы были составлены, карты разрисованы стрелами и условными значками, не хватало одного — «Выстрела Принципа»². Премьер Уоллес, кабинет министров, королевский двор, военные и морские круги подвергались постоянному и непреодолимому давлению.

¹ Имеются в виду войны: 1-я мировая, Крымская, все наполеоновские. Непонятно, почему историки считают «мировыми» войнами только так называемые 1-ю и 2-ю. По количеству стран-участников и ТВД, на которых они разворачивались, войны 1799—1815 и 1853—1856 вполне тянут на мировые.

² Принцип, Гаврило (1894—1918) — сараевский гимназист, член националистической организации «Млада Босна», 28.06.14 убил австрийского престолонаследника Франца Фердинанда (кстати, противника войны и сторонника сближения с Россией), что послужило поводом для начала 1-й мировой войны. Умер в тюрьме.

нию со всех азимутов. И не только изнутри страны, снаружи тоже.

Не совсем понятную, но лидирующую роль среди лоббистов «военной партии» играл господин Арчибалд Боулнойз, раньше державшийся в тени руководителей «Хантер-клуба», а после поражения польского восстания и неудачи с пиратской затеей вдруг начавший вести себя так, словно он и есть глава «теневого кабинета», готового хоть завтра прийти на смену нынешнему. Причём глава — с диктаторскими полномочиями. Уоллес не раз уже слышал намёки, исходящие от самого подножия королевского трона. Главное — в них были свои резоны. Если ныне правящая Виндзорская династия морально не готова к объявлению самодержавия по российскому образцу, то отчего бы сначала не назначить послушного и на всё готового диктатора и, в случае чего, свалить на него все грехи, как не раз уже практиковалось в прошлом?

Боулнойз взял манеру навещать Уоллеса на Даунинг-стрит почти ежедневно, вёл себя в кабинете запросто, рисовал радужные перспективы, всё чаще и чаще намекая, что с «тайными силами» всё решено и нужно только начать, после чего Россия будет поставлена на колени буквально в несколько дней. Не потребуется и сухопутного вторжения.

— Это те силы, что обещали вам устранить князя Олега ещё до его воцарения? — как-то осведомился премьер, не во всех деталях, но достаточно подробно знакомый с подоплекой «московских событий».

— Те самые, — охотно ответил Арчибалд, раскуривая сигару.

— Особым успехом ваш проект, кажется, не увенчался? — с чисто английской деликатностью спросил Уоллес.

— Вот здесь вы ошибаетесь, мы добились всего, на что рассчитывали, — и повторил то, что говорил Га-

мильтон-Рэю. — Теперь ошибок не будет. Так что продолжайте вести себя по-прежнему. И дома, и с иностранными главами государств. Остальное мы берём на себя.

Каждый раз после встреч с Арчибальдом у премьеры отчего-то начинала болеть голова и настроение сильно ухудшалось — только партия в гольф снимала скверные ощущения. А после нескольких порций виски в компании привычных партнёров под тентом на лужайке наступал прилив сил и чисто античное желание начать рубить все «гордые узлы» мечом¹, не задумываясь о последствиях.

Да и в самом деле — британский флот могуч, острова неуязвимы, Арчибальд с его «силами» наготове. Катранджи, с которым была проведена кропотливая работа, жаждущий реванша за срыв своих кавказско-польских планов, поверивший, что оказался жертвой российско-израильского заговора, заверил, что в состоянии бросить на Россию со всех направлений чуть ли не десять миллионов своих разбойников. Дикари, конечно, понятия не имеющие о регулярной войне, и почти без тяжелого вооружения, но само число впечатляло. В подобных толпах завязнут и растворятся какие угодно профессиональные дивизии. Тут самые авантюрные генералы, вроде Сапегина, ничего не сделают. От нашествия саранчи метлой не отобьёшься.

После тяжёлого разговора с наследным принцем, числившимся Первым лордом Адмиралтейства, и вездесущим Арчибальдом Премьер сжал волю в кулак, решился и приказал, наконец, начать мобилизацию флота и территориальной армии Соединённого королевства. Он был всё же настоящим британцем, вроде своего

¹ То есть решать сложные проблемы самым грубым и примитивным образом. Согласно легенде, развязавший очень хитрый узел, придуманный царём Гордием, получит власть над миром. А. Македонский, не справившись, разрубил узел мечом. Последствия известны.

★ короля Эдуарда, о котором немецкий канцлер недавно метко выразился: «Как всякий англичанин, король ненавидит иностранцев, против чего я не возражаю, если, конечно, он не будет ненавидеть немцев больше, чем русских».

Очень своевременно военно-морская и общая разведки получили информацию из источников высшей степени конфиденциальности в окружении Олега о том, что сам Император в войну не верит, считая личные договоренности с Уоллесом и американским президентом достаточной гарантией сохранения мира. Что на заседании Военного Совета при Высочайшей особе возник конфликт между руководством армии и флота, в котором Самодержец встал на сторону флота, считая его достаточной гарантией от любых непредвиденных вариантов. Более того, имелись сведения, будто прежняя «демократическая» армия крайне раздражена предпочтением, отдаваемым Олегом своим бывшим «московским» гвардейцам, преуспевающим в чинах и назначениях на ключевые должности.

Вполне возможна если не попытка очередного военного переворота, то подобие «фронды» — или «смуты», по-русски выражаясь, — в условиях которых ведение успешной войны проблематично.

Уоллес, достаточно обработанный Арчибальдовым «нейролингвистическим программированием», решил, что вот и обещанное влияние «сил». Ему стало легко и даже приятно. Как кайзеру Вильгельму, отрицавшему сомнения и велевшему взять Париж и Москву до «начала осеннего листопада»¹. «И пусть крайний справа солдат коснётся плечом Чёрного моря, а крайний слева — Белого» — так он определил своим полководцам цель Восточной кампании тысяча девятьсот четырнадцатого года.

¹ См. Б. Такман «Августовские пушки».

Теперь требовался повод. Хоть какой-нибудь повод для инициации конфликта. Дальше всё покатится само собой, однако для учебников и исторических трудов обязательно своё «Сараево», «Глейвиц», взрыв американского крейсера «Мэн» на Кубе или нечто другое, убедительное для публики.

Арчибальд заверил Уоллеса, что повод обязательно будет. Вернее сказать — уже есть, только кое-какие детали подшлифовать надо. Такой, что лучше не придумаешь, нынешним журналистам и будущим историкам затрудняться не придётся. Для завершения подготовки ему нужно приблизительно две недели и Гамильтон-Рэй с его конторой в полное и бесконтрольное распоряжение. Кстати, этого срока как раз должно хватить, чтобы «ХМН» и «РАФ»¹ окончательно изготовились и в час «М» сработали с точностью швейцарского будильника.

Готовясь начать войну, в которой число жертв должно было исчисляться сотнями тысяч, причастные к рычагам управления историей персоны оказались в той же психологической ловушке, что и множество их предшественников. Приняв роковое решение, политики будто отключали у себя какой-то предохранитель, полностью отдаваясь на волю того, кто успел первым объявить: «Я смогу это сделать!»

Самое смешное — воевать хотели не генералы. Как раз они яснее других видели перспективу и, как могли, сопротивлялись политикам. Вернее, воевать генералы хотели всегда, но не завтра и не с этим противником. А так, в принципе, в перспективе. Достаточно почитать многочисленные генеральские и маршальские мемуары. А вот выскочка, фигляр, авантюрист всегда почти

¹ «ХМН» — «Флот его величества», «РАФ» — королевские военно-воздушные силы.

имел успех у «сильных мира сего», которым полагалось быть умными априорно. Так, принято считать, что Гитлер был избран «мировой закулисой» (особенно забавно это звучит, учитывая национальный состав пресловутой «закулисы»), или, согласно марксистско-ленинской теории, — наиболее реакционными кругами международного капитала — для «уничтожения первого в мире государства рабочих и крестьян».

В нашей истории «наиболее реакционные круги» пошли на поводу у неизвестно откуда возникшего (вроде Хлестакова или Калиостро) человека, пообещавшего стереть с глобуса страну под названием Россия.

И там и тут окончательное решение принимали люди, назвать которых идиотами не повернётся язык. «Мировая закулиса», как известно, успешно руководит всеми мировыми экономическими и политическими процессами с времён разрушения «второго храма» (или третьего?), более реальный «мировой империализм» известен тем, что деньги считать умеет, то есть знает, как минимум, арифметику в объёме неполной средней школы. Но стоит появиться кому-то, вроде Гитлера или Арчибальда Боулнойза, «тёмные силы» не только арифметику забывают, но и с глазами у них что-то делается. Ни один Ротшильд, Морган или «Соломон энд Бразерс» ни за что не поверит, что рубль медными пятаками больше червонца одной монетой, а, глядя на глобус, охотно соглашается, что страна, которую удобнее всего разглядывать сквозь сильную лупу, способна послать своих солдат в направлении Берингова пролива, и они браво туда домаршируют, не испачкав ботинок, укрепят свой гордый флаг на сопках Порт-Артура или торосах Анадыря.

Никому из тех, с кем мистер Боулнойз почти ежедневно общался, не пришло в голову, что этот импозантный джентльмен испытывает серьёзные трудности.

Собственно, трудности Арчибальда с самого начала сводились к самой что ни на есть общечеловеческой проблеме, хотя «человеком» он был в куда меньшей степени, чем хозяин, учитель и образец для подражания Антон. Физически (а также и философски) Арчибальд, второй год выступающий под маской мистера Боулнойза, был эффектором самого себя, то есть человекообразным биороботом, созданным одной из ячеек Мировой Сети (в просторечии называемой Замком), для реализации в трёхмерном континууме некоторых порождений своих эманаций¹. Сама по себе псевдоличность была создана неплохо. Замок использовал образцы и *матрицы* самых высших кондиций, своё творение подключил к такому количеству процессоров и собственных интеллектуальных мощностей, что «вочеловеченный» Арчибальд мог бы изображать «машину Тьюринга»² практически бесконечно с любым количеством собеседников.

Однако сам Замок, якобы всемогущий в масштабах доверенного его попечению рукава Галактики, в отсутствие *одушевлявшего* его «биологического объекта» Антона, отключенный от *несущей частоты* руководящих ячейками Сети систем «Союза ста миров», вполне мог быть представлен самым обыкновенным *големом*. Гolem же, по одной из философских точек зрения, является высокоорганизованной структурой, не мысля-

¹ Э м а н а ц и я — центральное понятие неоплатонизма, означающее переход от высшей онтологической ступени *универсума* к низшим, менее совершенным. Эманация как *убывание бытия* противоположна восходящему развитию, совершенствованию.

² Т ю р и н г — английский математик. В 30-е годы XX века вывел «универсальный алгоритм» т.н. «мыслящей машины». Краткая суть — «машина Тьюринга» должна в сколь угодно продолжительном диалоге с человеком не вызвать подозрения в своей «машинной» сущности. К примеру, выигравший у Каспарова шахматный компьютер поговорить о рыбалке и о девушках не способен, т.е. «машиной Тьюринга» не является.

щей, но способной в определённых условиях стремиться к некоей якобы разумной цели, подчас высочайшей степени сложности.

Он знал очень много и умел почти всё, но после того, как «высшие» устранили Антона с занимаемой должности Тайного посла, ничего толком сделать не мог, кроме как бесконечно и бессмысленно перетасовывать триллиарды терабайт информации. Ожидая самой простой, но осмысленной команды. Типа — «Отделение, встать, бегом!». Проще говоря, он был полностью лишён способности к творчеству.

В процессе этого коловращения искусственного интеллекта и образовался Арчибальд, как попытка, словами Энгельса выражаясь, «познать самого себя». Кое-что получилось: внутри Замка этот «голем» выглядел неплохо, питаясь аурой попадавших туда людей и вовремя подключая нужные зоны «Большого разума», «Селесту» и «КРИ»¹. Он мог, комбинируя уже известные схемы, модели и образцы, выстраивать весьма сложно и на первый взгляд разумно выглядящие конструкции, рассчитанные на длительную перспективу. Как, например, затея с помощью «Хантер-клуба» (о котором, как и о любых других подобного рода организациях, Замку была известна вся существующая в фиксированном виде информация) сначала вывести из игры Россию, способную после воцарения Олега и с помощью «Братства» занять лидирующую и абсолютно независимую позицию на мировой арене. Затем дестабилизировать теперь уже Великобританию и то, что останется от ТАОС, используя «Чёрный интернационал» и его вождя Ибрагима Катранджи. И, в завершение, ещё один «изящный пируэт» с ликвидацией теперь уже самого «Интернационала».

¹ «Селеста» — Селектор стабильной информации, «КРИ» — коллектор рассеянной информации (см. Абрамовы, Стругацкие).

Таким образом на Земле оставался лишь один всемогущий игрок — сам Замок. Добившись этого, он собирався поднести плоды своей победы Антону и «Братству», согласившись в обмен на их признание и восхищение вернуться к исполнению своих обязанностей, ни на какие самостоятельные роли больше не претендуя.

Сам по себе сюжет выглядел непротиворечиво, где-то даже изящно, с неплохими шансами на воплощение. Конечно, если отвлечься от его реальной цены: планеты, опрокинутой в хаос бесконечной войны всех против всех по всему вееру доступных реальностей.

Но ведь исторические примеры как раз и свидетельствовали о том, что великие идеи воплощаются именно через войны, революции, гражданские войны. Не сказал ли один признанный безусловно великим человек: «Насилие — повивальная бабка истории»?

Но вот на практике все тщательно разработанные построения, перенесённые во «внешний» мир, сразу же начинали давать сбои. И это ещё мягко сказано. Что-то сразу не заладилось с «обратной связью». Выхода в любую из физически существующих реальностей и отрываясь от «ноосферы» Замка, Арчибальд становился обыкновенным биороботом, запрограммированным на конкретную задачу, пусть и чрезвычайно многоходовую. Причём, как уже говорилось, запрограммированным самим собой. Энтропия внутри обозначенного «поля задач» нарастала стремительно. Проще говоря, допущенные ошибки суммировались и накапливались в геометрической прогрессии, а исправлять их и даже просто распознавать он не умел.

Достаточно долго предоставленный самому себе Арчибальд, как всякий ограниченный, но исполненный убеждённости в собственных выдающихся способностях человек, решил, что он «самоусовершенствовался» настолько, что по всем параметрам превзошёл людей, некогда бывших объектами его преклонения. При

этом он не желал каждому из них зла. Ему только хотелось доказать, будто он в состоянии самостоятельно разрабатывать и реализовывать самые масштабные проекты. «Переформатирование» реальности, установление над ней собственного контроля — что не удалось ни форзейлям, ни агграм при всех их возможностях — казалось ему достойной целью.

Он думал, что понимает людей, а он их не понимал, так же, как и в первый день своего появления в «открытом», по сравнению с очерченными стенами Замка, мире. Используя сделанные в Замке (или Замком для него) заготовки, он довольно долго морочил головы «хантерам», ухитрялся выглядеть адекватным и облечённым полномочиями человеком в Вашингтоне, Париже, Берлине, даже Касабланке¹. Чем более традиционным и замкнутым на себя обществом было то, где он «функционировал», тем дольше Арчибальду удавались его имитации. Самый яркий пример — пресловутый «Хантер-клуб». Но даже там он в итоге проиграл, хотя никто из джентльменов не успел этого заметить по причине чрезмерной погружённости в собственные заботы. О его российских «эскападах» и говорить не стоит, настолько позорно всё вышло.

Но к самообучению Арчибальд был не способен по определению. Не зря ведь сказано: «Если кто дурак, то это надолго!»

Если подойти к проблеме Арчибальда непредвзято, хотя бы с точки зрения академика Виктора Скуратова, то он, как таковой, был вполне удачным «конструк-

¹ Касабланка в описываемое время единственный в Африке город-сэттльмент (не считая независимого, европеизированного Южно-Африканского Союза с подконтрольными ему территориями), где осуществлялись бесконфликтные контакты между «Севером» и «Югом», «Интернационалом» и представителями держав ТАОС. Примерно как Швейцария в годы Второй мировой.

том». При одном условии — если бы «пульт управления» находился не в его собственных руках. А так — ситуация Мюнхгаузена, вытаскивающего самого себя из болота за волосы, в чистом виде.

Главные противники (нет, противниками этих людей он не считал, просто — оппоненты) Арчибалда сгруппировались в трёх Россиях и вредили его замыслам просто фактом своего существования. Не слишком давно ему удалось большую их часть собрать в Замке и убедить отправиться на поиски приключений за пределы реальностей, представлявших для него интерес. Этот замысел удался. Шульгин, Новиков, их друзья, да и сам Антон ему больше не мешали. По расчётам выходило, что раньше чем через календарный год внутри специально сконструированного «временного изолята» никто из них не появится. А с теми, кто продолжает оказывать воздействие на реальности, он надеялся справиться без особого труда.

Причём, по законам восточных единоборств, силы противника он рассчитывал использовать против них же.

Русский император и необъяснимым образом не оставшаяся в зоне специально сконструированной «англо-бурской войны», а внезапно вернувшаяся на ГИП агтрианка Сильвия с несколькими мелкими подручными не казались ему серьёзными противниками. Арчибалд тщательно просчитал, к каким действиям их следует подтолкнуть, чтобы они сработали на его план.

После одесских событий все решили, что Катранджи со всем его «Чёрным интернационалом» перешёл на их сторону? Великолепно. Турку обещаны неограниченные поставки оружия для войны против «Севера»? Ещё лучше. Пусть эти миллионные толпы остервенелых фанатиков получают тяжёлую технику и даже авиацию. Среди них найдётся достаточно специалистов, чтобы укомплектовать десяток вполне боеспособных

дивизий «братьев мусульман», «тигров Тамил-Илама», «беркутов Синцзяна» и прочих «Ихэцюаней»¹. Квалифицированных инструкторов они тоже получают.

А завтра окажется, что Катранджи совсем не тот, кем его считали нынешние партнёры. С ним просто нужно немного поработать, и Арчибальд уже знал как.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Валерий Уваров последнее время немного заскучал, занимаясь своими достаточно рутинными служебными обязанностями. Необходимыми, но не веселящими душу боевого офицера. И вдруг его пригласил к себе сам легендарный полковник Тарханов, иногда то ли с целью маскировки, то ли в виде дани традиции именуемый Неверовым. Кроме своих личных, чисто солдатских подвигов, отмеченных весьма высокими наградами, Тарханов был знаменит ещё и тем, что всего за два года сумел сделать карьеру от рядового «печенег» (правда, всё же инкогнито пребывая в полковничьем чине) до начальника управления спецопераций. А теперь вдруг прошёл слух, документально не подтверждённый правда, будто Император поручил Сергею Васильевичу вдобавок исполнять обязанности самого генерала Чекменёва в качестве начальника аж всего Главного разведывательного управления Российской Императорской Гвардии.

Такое мало кому удавалось, думал Уваров, даже примеривая на его собственный, уваровский аршин. Граф тоже неожиданно быстро дослужился из «засидевшегося в девках» поручика до подполковника. Но служба у них была разная. С первого дня прибытия в часть по-

¹ Ихэцюань — «Кулак во имя справедливости и согласия» (кит.), самоназвание иррегулярных формирований китайских фундаменталистов, ведущих почти столетнюю войну за возрождение «Великой Срединной империи».

сле училища до сегодняшнего (ну, пусть до вчерашнего) дня Валерий только воевал. В пустынях Мерва и Кушки, на афганских перевалах, в Варшаве и под Берендеевкой. Да ещё эти, не к ночи будь помянуты, «боковые» времена. Везде выполнял приказы, не задумываясь об их выполнимости, только о способе сделать положенное наилучшим способом.

И с начальством, следует отметить, Уварову везло. За исключением комбрига Гальцева, наверняка мечтавшего и в отставку отправить графа не выше чем штабс-капитаном, остальные в признании личных заслуг не отказывали, чинов не «зажимали». Лично-неприязненные отношения с генералом Чекменёвым — это совсем другое дело. Из иной оперы.

Правда, Тарханов оказался из той редкой породы командиров (в отличие от полковника Ляхова, которого Валерий, почти догнав в чине и не слишком отличаясь по возрасту, откровенно обожал), не допускавших с подчинёнными малейшего панибратства, умеющих в любых обстоятельствах выглядеть «застёгнутым на все пуговицы». Даже и в голову не приходило, что с ним можно, расслабившись, забыть о разнице в положении, сказать что-то попросту, да и выпить при случае предложить. О том, что в ответ нагрубит или накажет, или, хуже того, злобу затаит, и мысли не было. Просто — не хотелось встретиться с Сергеем Васильевичем взглядом, если хоть малейшее за собой *несоответствие* чувствуешь.

Бывают же такие люди! А с другой стороны — каких сантиментов и поглаживания по плечу следует ждать от человека, в одиночку, в ближнем бою, почти что голыми руками перебившего полторы сотни боевиков в Пятигорске и столько же моджахедов — вдвоём с Ляховым на сирийских перевалах?

Сам Уваров в боях уничтожил врагов едва ли меньше, но великолепно понимал — одно дело сражаться на

★ фронте, выполняя приказ, в составе регулярной воинской части, снабжённой средствами усиления, и совсем другое — ввязаться в драку в одиночку, по собственной инициативе, не слишком рассчитывая на то, что твоё *самоуправство* вообще станет кому-то известно.

И всё равно — Вадим Петрович Ляхов остался сельчаком и добродушным циником, а Сергей Васильевич затвердел характером до непроницаемости. Но и это понять можно.

Полковник после одесских событий довольно долго Уварова не тревожил. Валерий относил это на счёт не то чтобы интриг, но неизбывной неприязни к нему генерала Чекменёва. Ляхов Уварову проговорился, вроде бы между делом, а скорее всего — с умыслом, будто Император велел (а не «повелел», в чём есть существенная разница) наградить его Георгием третьей степени или хотя бы Владимиром второй с мечами и бантом, но Чекменёв упёрся. Вплоть до того, что «или он, или я!». Его Величество (по словам опять же Ляхова) затевать ненужный спор с «ближним боярином» не захотел, но нашёл способ намекнуть, что своими милостями верного бойца не оставит.

И вот теперь полковник Тарханов, заняв, наконец, господствующую высоту, Уварова якобы «вспомнил». По нынешней должности он в своих кадровых предпочтениях никому отчёта давать не обязан.

Идти от штаба «печенегов» до Кремля всего ничего, но за графом была выслана машина. Кто его знает, зачем. Из уважения или каких-то других соображений? Как будто он на своей не мог доехать.

Перед тем как спуститься на улицу, Валерий подумал, не позвонить ли, на всякий случай, Ляхову? У них была личная договоренность — по ряду вопросов общаться напрямую, минуя непосредственное руководство в лице Тарханова, Стрельникова и ещё нескольких старших командиров. С одной стороны, Уварова

такая схема вполне устраивала, в личном смысле, а с другой — офицерская и дворянская честь негромко, но протестовала. Как-то неправильно получалось. «И вашим, и нашим», «Ласковое теляти двух маток сосёт» и тому подобные афоризмы российской житейской мудрости несли в себе некоторый негативный оттенок. Впрочем, здесь граф начинал вдаваться в слишком уж глубокие дебри военной и общегражданской этики.

Махнул рукой на неуместные мысли. Если позволить им резвиться в голове, чёрт знает до чего можно додуматься. Станешь незаметно таким же бессовестным интриганом, как их превосходительство Чекменёв Игорь Викторович.

Принял его полковник сразу, не заставил томиться в приёмной, как некоторые начальники любят: чтобы подчинённый помаялся, припоминая все свои истинные и мнимые прегрешения и недоработки, и явился «на ковёр» в нужном состоянии духа. Впрочем, с Уваровым такие штучки никогда не проходили, слишком подполковник был уверен в собственном «полном служебном соответствии» и считал, что если в его заведывании что-то идёт не так, то прежде всего виноваты отцы-командиры, ставящие неверные задачи или не умеющие правильно оценить реальные результаты их исполнения.

Само собой очевидно, что с таким характером в мирное время служить трудно, так «люди войны» и воспринимают мир лишь как досадную паузу между боями.

Вот и сейчас Валерий надеялся, что полковник придумал для него что-нибудь интересное, а то заниматься бумажными делами было уже невмоготу. Не для того, в конце концов, разворачивали малозаметный некогда отдел «Глаголь» в усиленную бригаду. В штатном смысле, конечно, если считать каждый отряд «Печенег» за роту. А по фактическим возможностям это формиро-

вание равнялось не меньше чем армейскому корпусу, да ещё и несколькими окружным охранным управлениям в придачу. И вот эта сила пропадала втуне, инерционно занимаясь по утверждённым планам боевой и технической подготовки, лишь изредка выделяя спецгруппы для выполнения пусть и важных, но весьма частных мероприятий.

Тарханов, по летнему времени, хотя в кабинете с трёхметровой толщины стенами и глубокими нишами окон было сумрачно и прохладно, был одет в белую рубашку без погон, а форменный китель висел на плечиках за полуоткрытой дверцей шкафа. В этом кабинете Валерию всегда нравилось бывать, наверное, по ассоциации с очень похожими помещениями штаба Туркестанского ВО в Ташкенте, куда так приятно было заходить с прокалённых солнцем и продуваемых горячим, с песочком, ветром улиц.

— Заскучал? — без предисловий спросил полковник, выслушав доклад о прибытии и указав на столик в углу с только что закипевшим чайником, двумя чашками и прочим положенным прибором. — Чай, кофе?

— Чай, зелёный, если имеется.

— Для хороших людей у нас всё имеется, — с редкой у него весёлостью в голосе ответил Тарханов. — Не стесняйся, будь как дома. Мне не надо, я кофе глотну. У тебя азиатские привычки, у меня арабские. Так я не услышал — заскучал, нет?

«Всё ясно, — подумал Валерий, заваривая будто специально для него припасённый высшего разбора чай. — Что-то интересное затевается. Ну и слава богу».

— Вы ж позвольте без дежурных фраз, Сергей Васильевич? — сейчас Уваров обратился к полковнику по его то ли настоящему, то ли «внутреннему» имени. Для посторонней публики и младшего состава он числился как «Арсений Николаевич». В смысл таких

разночтений ни Валерий, ни другие «знающие» не вдавались. «Так положено», и всё на этом.

— Я от тебя другого и не жду...

— Заскучал, как сами понимаете. Ну не по мне всё это. Не поверите, сегодня с утра две папки бумажек подписал, а чем остальное время занимаюсь — и не спрашивайте. И деваться некуда, и перепоручить некому...

— А ты на мой стол посмотри.

Валерий посмотрел. Слева и справа разноцветные папки громоздились высокими, готовыми вот-вот потерять устойчивость стопками.

— Думаешь, я прямо счастлив всем этим заниматься? Но, как ты правильно заметил, «деваться некуда и перепоручить некому». Я, конечно, могу прямо вот сейчас подписать твой рапорт и перевести тебя в «вольные стрелки». Подполковника — на должность поручика. Зато от приказа до приказа сам себе голова, и так далее...

Уварову вдруг показалось, что это было бы самым лучшим выходом. Уйти «офицером для особых поручений», и всё. Правда, как Настя к такому шагу отнесётся? К свадьбе они неторопливо, но приближаются, даже обсуждали, что неплохо бы ей выйти в отставку. Миллионерше с отличной квартирой в Москве, с титулованным мужем при должности и перспективой на генеральство — что ещё нужно? Живи, дом ведай, детей рожай и воспитывай. И вдруг — всё насмарку? Конечно, вышеназванное при ней останется, за исключением мужа, готового в любой момент исчезнуть на неопределённое время, без телефонного номера и почтового адреса. И не потому, что иначе никак нельзя, а исключительно ради собственного удовольствия.

Так, может, в этом всё и дело — сбежать ему хочется не от «тягот и лишений военной службы», а просто «из под венца»?

— Могу подписать, — повторил Тарханов. — Очень тебя понимаю. Сам никогда себя лучше не чувствовал,

чем в Пятигорске. Одно условие — прямо, честно, как офицер офицеру, предложи на своё место человека, способного справиться с твоими обязанностями лучше тебя. Если просто — «не хуже», нечего и огород городить. Даю четыре минуты. Время пошло.

Тарханов отошёл к окну, закурил. У него папироса, если не торопиться, как раз четыре минуты и горела.

Уваров прервал паузу на третьей.

— Ваша взяла, Сергей Васильевич. Нет у меня на примете такого человека. Столько я в отряде про будущее напланировал и под себя настроил, что представил, как другой на моё место придёт, по-своему ломать начнёт — аж зубы заныли...

— Вот и слава богу! Не ошиблись мы. Ротных командиров в России хватает, с полковыми — проблемы, сам знаешь. А уж на твою нынешнюю должность — искать и искать. Не загордись только, заодно и Чекменёва пойми. Он ведь не к тебе лично плохо относится, он за дело своей жизни болеет душой, а ты в его картину мира плохо вписываешься. Прав он или не прав — обсуждать не будем. Но вот уволил бы я тебя сейчас, а на твоё место — капитана Грефенберга. Выслуга и деловые качества позволяют.

Знал Тарханов, кого назвать. Уваров поморщился, как от внезапного приступа зубной боли.

— И я о том же. А ведь конкретные претензии к Оскару Ивановичу и ты предъявить затруднишься.

Снова Валерию пришлось признать — и здесь полковник прав, не только за непревзойдённые боевые заслуги его поставили Управлением руководить. И они с Тархановым, при всех внешних различиях, — тоже люди «одной серии», если классификацией Ляхова воспользоваться. Серий таких много, между *комплментарными*, как в химии, свои связи и цепочки образуются, в итоге получаются *сети*, благодаря которым система функционирует, невзирая на *энтропию* и *якобы непреодолимые объективные факторы*.

«Интересно бы посерьёзнее эту тему проработать, глядишь, целая диссертация получится», — подумал Валерий и тут же решил, что как раз Настя в «философских рассуждениях» ему окажется лучшей помощницей. Куда лучшей, чем в роли командира взвода своего «первого женского отряда».

— Значит, данный вопрос пока снят, — с удовлетворением сказал Тарханов. — Переходим ко второму. По удивительным законам диалектики он вытекает из предыдущего. Насовсем ты должность оставить не готов, в чём я с тобой согласился. А на ближайшую пару недель? Кого за себя оставишь, особенно в предвидении серьёзных событий?

— На пару недель? — Уваров опять взял паузу. Значит, командир всё же приготовил ему индивидуальное задание «по основной специальности». Не в санаторий, скорее всего, отправить собирается.

— А никого. Моя должность, если «предвидение» превратится в реальность, самостоятельного значения как бы и не имеет. Командиры отрядов все соответствуют, для общего руководства имеется штатный начальник отдела полковник Стрельников, зама себе *по конкретной работе* он в любом случае найдёт. Да и вы без внимания не оставите...

Уваров наконец приступил к чаепитию, от которого Тарханов всё время его отвлекал.

— Опять правильно. Даже неинтересно с тобой разговаривать становится. Тогда слушай сюда, как говорят в той самой Одессе... Есть для тебя очередная работенка, как водится — снова с понижением в ранге. Считай, до командира взвода. По военной линии. Зато по дипломатической никак не меньше, чем до Поверенного в делах¹ возвысишься. С главным фигурантом

¹ «Поверенный в делах» — дипломатический классный чин, предшествующий Чрезвычайному и Полномочному Посланнику, соответствует действительному статскому советнику или генерал-майору.

по делу ты знаком, и всякие межвременные штучки тебе не в новинку...

Уваров подумал, что насчёт «межвременных штучек» начальник даст ему сто очков вперёд, но после него и Ляхова он, пожалуй, самый информированный в Управлении человек. Не пойдёт ли речь об очередном рейде через боковое время? Но тогда при чём тут дипломатия и генеральский классный чин?

— С вами не сравниться, — сказал он без всякой задней мысли, просто чтобы уточнить позицию.

— Меня сейчас не касаемся, — поморщился полковник. Он не любил, когда его перебивали, даже в подобных «разговорах по душам». — У каждого своя стезя. А проницательность до более подходящего случая прибереги. Вполне может пригодиться. Сейчас сюда войдёт хорошо знакомый тебе человек. Ты его непременно узнаешь, но виду не подавай. Смотри, как он себя поведёт. Потом я изложу твоё задание, совместно обсудим, как его лучше выполнить. Держись в рамках субординации, сильно умного из себя не изображай. Если он к тебе будет обращаться — отвечай, предварительно спросив у меня разрешения. Служака ты, одним словом, честен, отважен, но недалёк...

— На всё время задания прикажете таковым выглядеть?

— Сам сориентируешься. Но чем дольше, тем лучше, в этой игре сильно умные нам не надобны. Впрочем, сейчас всё поймёшь.

Советом Ляхова — завести себе серебряный колокольчик для вызова адъютанта — Сергей так и не воспользовался, по старинке нажал кнопку селектора, коротко бросил в микрофон: «Пригласи».

Вошедшего представительного мужчину Уваров узнал с первого взгляда, хотя внешность тот изменил весьма изобретательно. Можно сказать — в противопо-

ложную сторону от той, что ему сделали «валькирии» в Одессе. Черты лица у господина Катранджи, «чистокровного османа», то есть человека, в котором по женской линии была за последние шестьсот лет намешана масса кровей, преимущественно европейских, «универсальные».

После того как он покрасил волосы в тёмно-русый цвет, отпустил аккуратную интеллигентскую бородку, вставил в глаза контактные линзы с серо-голубой радужкой да вдобавок украсил переносицу элегантными золотыми очками, нужно было иметь специальную подготовку, чтобы уловить сходство между оригиналом и этим господином. По крайней мере — встретив его на улице в толпе прохожих или даже увидев на фотографии, мало кто узнал бы некоронованного властителя по меньшей мере половины «нецивилизованного мира».

На появление преобразившегося Ибрагима Уваров не отреагировал. Подполковнику в форме, пьющему чай в кабинете своего командира, нет никаких причин замечать какого-то штатского. Пришёл — значит, нужен здесь, но не ему.

Только после того как Тарханов проводил гостя к столу, за которым сидел Валерий, и представил его: «А это, прошу любить и жаловать, мой ближайший помощник подполковник Уваров. Это, Валерий Павлович, господин Иван Романович Катанов», — он встал и вполне равнодушно пожал протянутую руку.

— Что-то у вас тут атмосфера тоскливая, господа, — без всякого намёка на какой-либо акцент приподнятым тоном заявил Катранджи, лёгким движением извлекая из портфеля тёмную бутылку с прилепленной сбоку рукописной этикеткой. — Мне тут по случаю из Эривани друзья передали, выдержанный коньяк из монастырских погребов. Думаю, стоит продегустировать.

Уваров заметил, что Ибрагим несколько раз бросил на него мгновенные взгляды искоса, но остался по-прежнему безразличен. Разве что изобразил лёгкую заинтересованность угощением и одновременно сомнение, позволит ли начальник попробовать. В служебное время.

Тарханов позволил, приказав поручику-адъютанту подать пресловутый лимончик, а также развесной, наломанный неровными кусочками шоколад.

— Ну за знакомство, — на правах угощающего предложил Катранджи, — нам ещё вместе работать и работать, — это, судя по взгляду, в адрес лично Уварова.

Выпили. Коньяк без всяких оговорок был исключительно хорош.

— Вы меня действительно не узнаете, полковник? — поставив на стол рюмку, спросил Ибрагим.

Валерий, как и приказано, поднял глаза на Тарханова. Тот слегка кивнул.

— С господином Катановым никогда не приходилось встречаться. Хоть под присягой утверждать готов. А так... Помнится, в Мерве¹ у одного бухарского еврея выпивать пришлось. Был там один, на вас слегка похожий.

Катранджи рассмеялся от всей души, не стесняясь, по-восточному, чем слегка выбился из образа. На что ему опять же Уваров деликатно указал, в духе известного анекдота: «Вы, Добрыня Исаакович, или трусы наденьте, или крест снимите». Мол, при случае — чеховские интеллигенты не поймут вашей тональности, а бухарские евреи — наряда.

Отсмеявшись, Ибрагим обратился к Тарханову:

— Ну, Арсений Николаевич, ваши офицеры действительно великолепные люди. Мало что бойцы отличные, так и с чувством юмора тоже порядок. Разрешите уж Валерию Павловичу меня узнать...

¹ В советское время — г. Мары, Туркменская ССР.

Тарханов снова коротко кивнул. Складывалось такое впечатление, что он совершенно не в восторге от этого общения и держится тоже в рамках полученного сверху приказа.

— Вы меня, правда, сразу расшифровали или только по манерам? — спросил Катранджи у Уварова.

— Сразу, Ибрагим Рифатович, или вам удобнее — дядя Изя? В тех обстоятельствах, что мы познакомились, каждая ваша чёрточка и интонация так запомнились, что я бы вас и в гриме пожилой негритянки узнал. Но маскировка хорошая. Для обычной жизни — вполне. Однако я бы посоветовал, если под русского дальше собираетесь работать, — психологическую коррекцию провести. По внешности всё нормально, но кем вы себя при этом считаете? Профессором по кафедре патологической анатомии — нужно добавить самоуважения в манерах и снисходительного цинизма в разговоре с пока ещё живыми согражданами. Купцом первой гильдии — тогда позволительна развязность в нерабочей обстановке и скрупулёзная, до отвращения, въедливость в деловых вопросах. А вообще я бы посоветовал вам лучше *взять образ* обрусевшего армянина или того же «дяди Изи» в облагороженном варианте. Впрочем, это не моё дело. А лично — рад повидаться. Мои сотрудницы вам благодарны — теперь все обеспечены приданым...

Катранджи выслушал Валерия с величайшим вниманием. Советы молодого, даже слишком молодого подполковника, выручившего попавшего в смертельную ловушку миллиардера, всю жизнь расставлявшего ловушки другим, он воспринимал почти так же уважительно, как в своё время наставления отца. В чём и преимущество умного человека — в нужное время гонор прячется в карман, и приказания в данный момент лучше всех знающего, что нужно делать, выполняются беспрекословно. Пусть ты — генерал, магараджа или

★
владелец транснациональной корпорации, а он — сержант, погонщик слона или обычный бухгалтер.

— Я не ошибся, Арсений, и вы не ошиблись, по-моему. Лучшего сопровождающего, чем господин Уваров, мне не нужно. Что же касается совета Валерия Павловича — увы, не пойдёт. Чтобы изображать русского сколь угодно долго, у меня навыков хватит, всё же пять лет в Петрограде прожил, да и русские люди настолько разные и столь мало обращают внимания на собственную «русскость», что никакие случайные *промахи* мне не повредят. Всегда найдётся, чем оправдаться или объяснить. Зато при общении с армянином или евреем я *проколюсь* в момент. Слишком малые народы с обострённым стремлением к *самоидентификации*. Вдруг окажется, что я никогда не слышал про всем известного «шурина дедушки Вартана»? Или с *кашрутом*¹ *ошибусь*? Они, *хоть верующие, хоть неверующие, а в этих вопросах подсознательно натасканы* куда лучше меня. Был у меня давным-давно в Питере знакомый еврей. Выкрест, естественно, поскольку в военноморском училище подводного плавания учился. Так я, вроде как явный мусульманин, водку салом с солёным огурцом легко закусывал, а он дичь, добытую на охоте, — не ел. Так, мол, дедушка заповедовал: «Нельзя есть животное, убитое с причинением страданий». Гуманисты... Торпедой по пассажирскому лайнеру засадить — доблесть и геройство, а утку дробью влёт — варварство и жестокость.

— Согласен с вами, — скупой улыбнулся Тарханов, сам однажды грубо проколовшийся при попытке всего несколько вечеров изображать перед русской, заметь-

¹ *Кашрут* — в иудаизме свод правил и законов о правильном приготовлении и употреблении пищи. Законы о «кошерной» пище, как и многие другие, данные Всевышним, не доступны пониманию человеческого разума. Например: «Не вари козлёнка в молоке его матери».

те, девушкой еврея, причём, имея хорошо сделанный паспорт на имя Узиеля Гала¹. — Тот факт, что вы есть, кто есть, и мы с графом тоже (титул Уварова он, по непонятной Валерию причине, счёл нужным подчеркнуть), позволяет нам самим решать, в каком качестве реализовывать свои желания и способности в этом мире.

«Во загнул господин полковник, — восхитился Уваров. — Наверняка Вадим Петрович ему какую-нибудь очередную заумь для прочтения подсунул!» Если бы эти или подобные слова прозвучали из уст Ляхова, Валерий не удивился бы, наоборот, постарался бы запомнить и развить при случае.

Тарханов замолчал, убедился, что Катранджи не собирается возражать, и, не спрашивая разрешения хозяина бутылки, сам разлил по тридцатиграммовым рюмочкам драгоценный коньяк. Он уже прочёл надпись на этикетке и представлял его «рыночную стоимость». Вернее — *цену*. Постоянно следивший за повышением его общеобразовательного уровня Ляхов неоднократно, моментами раздражаясь, подчёркивал разницу между этими понятиями — «цена» и «стоимость». Хотя, казалось бы, разница почти та же, что между «весом» и «массой».

— Знаете, Ибрагим-эфенди, — повертел он перед глазами рюмкой, — для того чтобы у нас всё в дальнейшем сложилось к всеобщему удовольствию и пользе, я скажу сейчас вещь, которая может вам показаться... Ну, не знаю. Неприятной, обидной, а может, и пророческой. Но таким странным узлом всё завязано...

Уваров смотрел на своего нестигаемого командира и удивлялся.словно не прославленный в боях и на административном поприще офицер, едва переваливший тридцатилетний возрастной рубеж, сидел напротив, а... Да бог его знает кто! Чуть ли не монашествующий

¹ См. роман «Дырка для ордена».

философ, удручённый странностями и непостижимостью окружающего мира. Какой-нибудь Адсон из Мелька в старости¹.

— Не представляю, что такого вы можете мне сказать после того, что мы с вами прошли и пережили, — спокойно ответил Катранджи, но заметным для Валерия образом поднапрягся.

— И не можете представить, — спокойно сказал Тарханов, впервые с момента прихода Уварова закуривая. — Поскольку и я этого не представляю. Но раз мы теперь союзники и партнёры — слушайте. Прямо какая-то древнегреческая трагедия в стиле «Эдипа» получается.

«Ого, полковник уже и до Древней Греции в своём культурном развитии дошёл», — с подсознательным снобизмом подумал Валерий, считавший, что Тарханов, при всех его достоинствах, человек не слишком образованный. Ставропольское горно-егерское училище в смысле боевой подготовки — очень хорошо. Но до этого — ни классической гимназии, ни пяти поколений предков с высшим образованием и генеральскими чинами, ни просто «подходящего общества».

— На вашем месте я бы тоже удивился, — ровным тоном продолжал Тарханов. — Слишком уж нарочито всё выглядит. Сначала я немножко пострелял на перевале и уничтожил *ваш*, — он прямо пальцем указал на Катранджи, — «Гнев Аллаха». Потом арестовал *вашего* изобретателя, по оперативной кличке *Кулибин*, то есть профессора Маштакова. На следующий день взял в плен *вашего* приятеля и порученца Фарид-бека, — полковник продолжал говорить, не обращая внимания на мимику и протестующие жесты Катранджи.

— Самое смешное — мы его перевербовали, и он начал работать на нас, а вот этот господин, тогда ещё по-

¹ См. У. Эко «Имя розы».

ручик, к разведке отношения не имеющий, просто по-солдатски лично убил в Варшаве Фариду и ещё одного вашего агента, чем очень осложнил нашу дальнейшую работу. Затем, как вы помните, господин Уваров, уже подполковник, минимум два раза в один день спас вас от неминуемой смерти или чего-то худшего. И вот теперь мы все сидим за одним столом, выпиваем *ваш* коньяк и собираемся обсудить дальнейшие, теперь уже совместные планы. Как вам такие grimасы действительности?

В полной мере поражённый услышанным, Ибрагим опустил голову и прошептал:

— Кисмет...

— Вот из кисмета и будем исходить, — завершил свою речь Тарханов. — Я — специалист по Ближнему Востоку, Валерий — по Средней Азии. Свои, одним словом, люди. Недоразумений больше возникнуть не должно. Вы как-то сказали Чекменёву, что в определённых случаях предпочли бы быть русским. Вот и попробуйте, хотя бы на период намеченной операции. Вам это не так сложно, и нам не придётся всё время делать поправку на вашу «непредсказуемую турецкую душу». Договорились?

— По крайней мере, я постараюсь. Значит, Валерий Павлович опять будет обеспечивать мою безопасность? Очень хорошо. След мой потерялся довольно надёжно, на ближайшее время я буду существовать только для своих ближайших помощников, да и то в виде голоса из телефонной трубки или текстов шифрованных телеграмм. Этого достаточно, чтобы *обо мне не забывали*. Но дело, которое мы с вами начинаем, столь важно, что без надёжной охраны не обойтись. Это и в моих, и в ваших интересах.

Тарханов и Уваров молча кивнули. Валерий предполагал, что у полковника с Ибрагимом давно всё оговорено, оказалось — нет. Для чего-то Сергею Васильеви-

чу (впрочем, теперь снова следует называть его Арсением Николаевичем?) потребовалась эта *вводная*. Только кому она адресована, ему или турку? Будем считать, что ему, а Катранджи пусть воспринимает сказанное в меру своего разума.

— Если возможно, я попросил бы, — Ибрагим перевёл взгляд с одного офицера на другого, не зная, кому адресовать свою просьбу, — чтобы в операции прикрытия снова участвовали те же девушки, что в Одессе... Я убедился в их высочайших боевых и... артистических способностях. Да и они меня... достаточно хорошо узнали.

Прозвучало, на взгляд Уварова, несколько двусмысленно. Если подразумевать выплаченный Ибрагимом гонорар. Хочет сказать, что и на этот раз *не обигум?* Отчего бы и нет, если деньги девать некуда.

— Другой охраны мне не нужно. Одна из них пусть изображает мою эскорт-леди или просто секретаршу. Как использовать остальных — вам, наверное, виднее, Валерий Павлович. Я думаю, так всем будет удобно, как вы считаете?

— Не смею возражать, — ответил Тарханов. — Но последнее слово за подполковником. Вся ответственность на нём, ему и решать, какие силы привлечь к работе.

— Прежде чем решать, хотелось бы знать, в чём вообще суть операции. Где она будет проводиться, сроки, ближайшая и последующая задачи, данные о возможном противнике, — теперь Уваров снова был в своей стихии. — Исходя из этого и начнём думать о численности и составе группы.

Он ничего не имел против того, чтобы использовать своих «валькирий», но, понятное дело, не в прямых боестолкновениях с кем-то вроде кавказских боевиков из-под Берендеевки. Или с теми же некробионтами,

если уж в словах Тарханова промелькнул намёк на «иные времена».

— По предварительной схеме всё выглядит достаточно просто. Намечаются крайне важные деловые переговоры. Вместе с Иваном Романовичем и оперативной группой вы прибываете в *назначенное место*. Там уже предупреждены и ждут. Сколько продлятся переговоры — сказать не могу. По моим предположениям — не меньше недели. А скорее всего — дольше, там придётся решать не только дипломатические, но и технические, и финансовые, и правовые вопросы. Вы — восточный человек, Иван Романович, знаете, как идут дела на восточном базаре. — Тарханов улыбнулся вполне простодушно, давая понять, что предстоящее будет почти целиком зависеть от личных способностей Катранджи.

Теперь полковник обращался непосредственно к Уварову:

— Все вопросы обеспечения вашей миссии берёт на себя «принимающая сторона». Вы, подполковник, отвечаете *только* за «целость и сохранность» господина Катанова. Никакие другие вопросы вас не касаются. Соответственно, в период операции ничьим распоряжением *в своей сфере ответственности* вы не подчиняетесь. Иван Романович может вам высказывать только *пожелания*. То же касается и должностных лиц, с которыми вам придётся взаимодействовать. Но с ними, я отчего-то уверен, у вас конфликтных ситуаций не возникнет.

При этих словах Тарханов хитровато улыбнулся. Значит, заготовил какой-то сюрприз.

— По завершении переговоров возвращаетесь домой. Вот этот момент определит сам Иван Романович. Как скажет — так и будет. Транспортный вопрос — тоже не ваша забота. Ваше задание будет считаться оконченным после того, как сопроводите господина Ката-

нова в этот кабинет и доложите об исполнении. Вопросы есть?

— Так точно. Вы не сообщили время начала «мероприятия», место проведения и способ транспортировки охраняемого лица и личного состава. Без этого я не могу приступить к подготовке, произвести расчёт сил и средств, даже определить численность и специализацию потребных мне бойцов, — как и велено было Тархановым, Уваров произнёс это стоя, твёрдым тоном, глядя на начальника «открыто, смело, но без дерзости», как предписано уставом.

— Начало — послезавтра утром. Сбор группы в моей приёмной в восемь ноль-ноль. Все остальные указания — в письменном приказе, получите у адъютанта. За дополнительными разъяснениями, если потребуется, разрешаю обращаться в любое время. Выполняйте.

После этих слов говорить было больше не о чем. Подполковник щёлкнул каблуками, кивнул Ибрагиму, повернулся «кругом», вышел из кабинета почти строевым шагом.

— Жестковато вы с ним, — сказал Катранджи, когда высокая дверь закрылась за Уваровым. — Начиналось всё вполне по-дружески. Я думал, мы вместе детали разберём, согласуем, что нужно...

— Мне виднее, как с кем разговаривать. А для дружеского общения с подполковником и его подчинёнными у вас будет достаточно времени, я надеюсь. Сегодня у Уварова такого времени нет, и завтра не будет: подполковнику с группой предстоит реальная боевая операция, а не пикник у тёплого моря. Для успеха дела требуется абсолютная секретность. Даже руководитель (а уж тем более — рядовые бойцы) не должен знать ничего, кроме того, что абсолютно необходимо в текущий момент. Вы знаете, — доверительно положил ладонь на колено Ибрагиму Тарханов, — даже в Москве я не могу дать стопроцентных гарантий,

что с Валерием за предстоящие двое суток ничего не случится. Если только я не запру его вот в этот сейф. — Он показал на приоткрытую стальную дверь почти метровой толщины в дальнем углу кабинета. Это действительно был сейф размером с приличную комнату, устроенный здесь ещё в середине позапрошлого века, о чём сообщала фирменная эмблема завода на внутренней стороне двери. Раньше, наверное, здесь хранились особо ценные экспонаты «Алмазного фонда», а сейчас — личная картотека начальника ГРУ.

— Да уж, — Катранджи зябко передёрнул плечами. — Врагов вокруг больше, чем людей. В своё окружение я подбирал сотрудников лично и поштучно. Они ведь знали, что их ждёт за измену... — Ибрагим нервно хрустнул пальцами. — Утешает только одно — действительность оказалась ярче самых жутких ожиданий предателей. Видеозаписи экзекуции я распорядился направить во все подразделения моих служб безопасности и ознакомить руководителей под роспись.

— Я предпочитаю принимать жёсткие меры «до», а не «после», — ответил Тарханов, вновь закуривая. — Излишняя секретность тоже, бывает, вредит. Если бы наш Уваров был в своё время поставлен в известность кое о каких фактах и Фарид со Станиславом были бы живы, история, думаю, несколько изменила своё русло. Но мы умеем делать выводы из своих ошибок.

— Тут вы совершенно правы. Не перестаю завидовать вашей организованности и чёткости в подобных делах. Нам на востоке это никогда не удавалось, да и не удастся, наверное. Генетика, менталитет, тяжкое наследие кочевого прошлого. У нас всё на эмоциях, а земледельцу, живущему в окружении одних и тех же соседей сотни лет, нельзя быть несдержанным...

— Ну, мы, русские, тоже в определённом смысле кочевники, — поддержал затронутую тему Тарханов, ему

★ стало интересно, к чему турок ведёт. — Иначе за двести лет не дошли бы от Подмосковья до Тихого океана.

— Вот-вот, в этом всё и дело. Я как-то упоминал, что одно время был ярым германофилом. Потом это прошло. Надоел их всепроникающий «орднунг». Никакой психологической гибкости. А вы научились и с ними, и с нами вести себя так, что легко обманете и тех и других, а мы всё будем думать, где очередной раз просчитались.

— У каждого свои недостатки, — вспомнил Сергей недавно увиденный в видеозаписи старый американский фильм. — Но давайте вернёмся к нашим баранам. Их ещё осталось достаточно...

Вернувшись к себе, Уваров распечатал пакет с приказом. В нём не содержалось ничего принципиально нового, следовательно, то, что действительно необходимо, будет сообщено в нужное время в устной форме. А бумага — просто чтобы подшить в соответствующую папку и приступить к организационным мероприятиям. Количественный состав группы командиру предлагалось определить по собственному усмотрению и утвердить приказом начальника отдела полковника Стрельникова. Личный состав на период участия в операции считать выполняющим боевое задание с соответствующим исчислением денежного довольствия и сроков выслуги. Немаловажный пункт, понятный любому военному человеку. Вооружение, снаряжение и спецсредства — без ограничений, тоже по усмотрению командира группы. А вот это уже интереснее — «предполагаемый район действий — за пределами территории России». Но где именно — не указано. Так как же готовиться и к чему? Одно дело — Гренландия или Фарерские острова, другое — Центральная Африка или Сахара.

Да, похоже, одесские события настолько вывели из

себя руководство, что оно решило перестраховываться по полной программе. Оно, пожалуй, и правильно. Если никто ничего не знает, ничего и не скажет, случайно или под пыткой. Центральный субъект акции — тот же самый, но прошлый раз противнику было известно всё — место встречи, дислокация и численность охраны, совершенно секретные инструкции, поступившие в одесское жандармское управление из Москвы. Если бы не «домашняя заготовка» по использованию «валькирий», в живых бы не остались ни Ибрагим, ни Чекменёв, ни сам Уваров, скорее всего.

Значит, пока будем заниматься вещами безусловными, не зависящими ни от каких «привходящих обстоятельств».

С оружием и экипировкой ясно. На него возлагается только непосредственная охрана клиента. Остальное — дело «принимающей стороны». В словах Тарханова прозвучал интересный намёк. Даже легкая улыбка на губах мелькнула. Сюрприз приготовил полковник, причём явно приятный. Хорошо, постараемся сообразить. Насчёт нарядов и прочего Уваров решил полностью положиться на девушек. Им работать, им и наряды себе подбирать. Как всегда, по паре пистолетов скрытого ношения, переговорники. На этот раз он добьется, чтобы их выдали всем, невзирая на инструкцию. Опять же сославшись на одесский опыт. Автоматы, по три боекомплекта патронов и гранат, приборы ночного видения, штатные сухпайки и спецназовские аптечки — в багаж. Кто там его знает, может быть, и придётся не эскорт-леди изображать, а повоевать всерьёз. «Непредвиденные обстоятельства» имеют мерзкое свойство случаться в самые неподходящие моменты.

Нет, ну действительно, не за Периметром же, не в Магрибе или дельте Амазонки «переговоры» затева-

ются. Иначе совсем бы другой разговор был, а то «возьми своих девушек, сколько считаешь нужным». Будто прямо в Берендеевке банкет-фуршет намечается, и все тархановские разговоры — исключительно чтобы Ибрагима ублажить. Или — голову ему заморозить. Может, отсюда и слова: «с вооружёнными силами принимающей стороны у вас конфликтов не возникнет». Что же это за «силы» такие, кроме императорской Гвардии? Где у нас союзники имеются, на которых полностью положиться можно? Американцы, что ли, или датчане в духе нового «договора о дружбе и сотрудничестве»? Чушь полная.

Валерий решил не ломать голову, а прямо сейчас позвонить Ляхову. Пусть объяснит, если что знает, или — вместе подумаем. За пределы субординации он этим звонком не выходит, пожалуй.

Телефон, по которому Уваров разыскал Вадима Петровича, теоретически от любой прослушки был защищён, но Валерий уже привык не доверять никаким техническим ухищрениям, зная, что «на каждый газ есть противогаз», причём верна и обратная теорема. Ляхов давно предупредил, что абсолютно безопасна лишь квартира в Столешниковом переулке. Там они и встретились в обеденный перерыв.

Выслушав младшего товарища, Ляхов совсем не удивился.

— Пуганая корова, то есть ворона, куста боится. Опять же, обжёгшись на молоке, дует водку. Народные мудрости, сам понимаешь, на все времена пригодны. И ты правильно догадался — всё, что Сергей говорил, исключительно для Катранджи предназначалось. Веры ведь ему от силы — пятьдесят на пятьдесят. Может быть, окончательно на нашу сторону перешёл, а может — совсем наоборот. Что мы ему жизнь спасли — совершенно ничего не значит. Поэтому расслабляться

не стоит. И место встречи ему никто открывать не собирается, пока *там* не окажется. На тебя, естественно, «особый режим секретности» не распространяется. Если бы ты не позвонил, я тебя через пару часов сам вызвал.

— Почему вы, а не сам Сергей Васильевич?

— Это у нас с ним «разделение труда». В эту «епархию» он влезать избегает. В Югорию вы поедете, вот и все дела.

— Как? В ту самую?

— А ты ещё какую-нибудь знаешь? Естественно, в ту. В гости к своим старым боевым друзьям. С которыми и повоевали славно, и посидели-побратались от души. Ответный визит, так сказать.

— А я думал, думал, что же полковник в виду имел, — улыбнулся Уваров. Теперь задание казалось чистой формальностью. Уж в девятьсот двадцать пятом году под защитой корниловских и марковских полков опасаться нечего.

Однако Ляхов тут же поумерил его оптимизм:

— Не расслабляйся. Прикроют вас, конечно, надёжно, однако... Имей в виду, как раз там узел всех событий и тайн минувшего и нынешнего веков. Средоточие «химер», и нашей, и более отдалённой. Я тебе дам кое-какие документы почитать, чтобы знал, с чем дело иметь придётся. И если где-то и есть источник *естественной*, если можно так выразиться, агрессии мироздания против попыток изменения его *исконного* (если оно вообще существует) состояния, так он — там. И агрессия *рукотворная* тоже оттуда исходит. Тебе ещё многое предстоит узнать, если нам предстоит вместе работать. Я вот за два года далеко ещё не во всём разобрался...

— Так как же вы согласились сотрудничать с организацией в делах, которые вам до сих пор неясны? — Уваров спросил без осуждения, просто стремясь по-

нять мотивы уважаемого им командира (хотя бы за то, как он помог разобраться в сердечных проблемах с Настей, следовало быть благодарным Вадиму Петровичу по гроб жизни и пригласить его на свадьбу *посажёным отцом*¹).

— Боюсь, что я повторяюсь, но приходится снова цитировать слова генерала Корнилова перед на девяносто процентов безнадёжным штурмом Екатеринодара: «Другого выхода нет!» Наш друг Катранджи — человек с великолепной интуицией, и не только из «любви к прекрасному» попросил, чтобы его охраняли именно наши девушки. А откуда они взялись, ты ведь знаешь?

Уваров кивнул.

— Следовательно, твоя жизнь и твоё семейное счастье в какой-то мере являются производными от моего согласия сотрудничать с друзьями из параллельных миров? А уж по поводу *предыдущего*, я Берендеевку подразумеваю, долго бы ты, вместе с Государем и остатками своей роты, прожил без помощи полковника Басманова?

О чём спорить? Не появивись эти суровые и одновременно крайне раскованные за дружеским столом офицеры, Уваров безусловно не дожил бы до встречи с Анастасией.

Поэтому решил прекратить разговор, в котором у него шансов изложить и тем более доказать хоть сколько-нибудь позитивную идею не имелось.

— Я вас вот о чём прошу, Вадим Петрович — скажите хотя бы, как там себя вести, ведь почти столетие назад. Много мы там наработаем, ничего не понимая?

— Этим не озабочивайся. Люди те же самые. Да тебе с обычным населением общаться и не придётся. Встреча Катранджи с *представителями* назначена на острове

¹ По словарю Даля, «посажённый отец» — уважаемый человек, заменяющий в определённых обрядах роль *родного*.

Мрамор в Мраморном море, на хорошо защищённой базе. Опасности *извне* почти не существует. Как одеться — я покажу и обеспечу...

Ляхов снял трубку старинного телефона, стоявшего на письменном столе. Подобный аппарат можно увидеть только в коллекции Политехнического музея.

— Анастасия Георгиевна, у вас есть возможность, освободившись от служебных обязанностей, прямо сейчас подъехать по известному адресу?

Валерий, через сильную мембрану, тем более что Вадим Петрович держал трубку немного на отлёте от уха, отчётливо услышал ответные слова поручика Вельяминовой, произведённой досрочно в следующий чин за боевые заслуги Высочайшим рескриптом по представлению генерала Чекменёва:

— Если это ваш приказ, господин полковник, сославшись на него, я немедленно прибуду.

— Молодец поручик, — сказал Ляхов, кладя трубку. — Сколько я сил потратил, начиная с первых дней службы, чтобы внушить личному составу простейшую мысль — по приказу военнослужащие «прибывают». А «являются» только святые иконы и зелёные черти при белой горячке, она же — «делириум тременс». Твоя любимая — запомнила с первого раза.

То, что Ляхов опять отдал приказ его подчинённой и невесте *поверх него*, Уварова совсем не задело. Тут не до подобных тонкостей.

Пока Анастасия не прибыла, Вадим успел сообщить Уварову много интересных вещей о стране их командировки. Да заодно и предупредил, что существует реальная опасность растерять там половину своего отделения.

— Я ведь не шучу, — сказал Ляхов. — Девушки получили некоторый опыт общения с офицерами того мира сначала у себя на Таорэре, когда корниловцы помогли им отбить нападение на их лагерь жутких инсектои-

★

дов, а потом на пароходе «Валгалла» состоялся танцевальный вечер с офицерами крейсера «Изумруд»... Мне, признаюсь, вполне понятно будет, если кое-кому понравятся тамошние полковники и штабс-капитаны... Не всем же графы Уваровы и Ляховы-Фёсты достаются.

В голосе полковника прозвучала неприкрытая, странная в его положении грусть. Уваров ещё молод был, чтобы сообразить — тоска о несбывшемся посещает почти любого наделённого воображением человека, независимо от фактически достигнутых успехов.

А тут и дверной звонок прозвенел, возникла на пороге обожаемая поручик, в караульной форме, вся в ремнях, узкой юбке по колено, саморучно (без помощи денщиков, по чину не положенных) надраенных сапогах. Не зря Настя разбогатела: любой знающий человек сразу бы определил, у какого мастера эти строевые сапожки шились и какова их цена.

Вот характерная деталь — не на косметику парижскую девушка деньги потратила, а на предмет обмундирования, из артикула не выбивающийся, но показывающий, что их владелица к службе относится как к основной части своей жизни. Многие, разумеется, не поймут такого посыла, но если человек решил посвятить себя делу, где смерть в бою или «от неизбежной случайности» — естественная, ежедневная, никого не пугающая составляющая реального быта, то появляются в душе совсем иные приоритеты.

Кое-кто из глубоко штатских людей думает — все эти забавы взрослых, битых-перебитых мужиков, с наборными мундштуками и портсигарами из деталей уничтоженной вражеской техники, с зажигалками из отстрелянных «куда надо» патронов, медальонами из не сумевших убить тебя осколков, всякие смешные обычаи и суеверия — признаки их заведомой ненормальности.

А это просто другой мир. Других психологий, других

понятий о смысле войны и мира, жизни и смерти, любви и ненависти. И ещё многого. Сосед и друг по гражданке идёт на работу в нечищенных туфлях и мятых брюках. «Да пошло оно всё!» Солдат или офицер, которого сегодня же могут убить, и нет никакой гарантии, что он вернётся в казарму, в квартиру, где ждут жена и дети, — надраивает сапоги, смотрит на стрелку брюк и проверяет — совпадает ли кокарда с линией переносицы. Это, пожалуй, люди не только другой психологии, но и иной генетики.

Настя приехала очень быстро, наверняка взяла разгонную машину, сославшись на срочный приказ.

Она сначала увидела Ляхова, которому и доложила о прибытии, и только потом — Уварова. Совсем почти незаметный намёк на улыбку, и снова — воплощение службиста, готового получить и тут же приступить к исполнению очередного приказа.

Но как же она была хороша, одновременно подумали и Ляхов, и Уваров, пусть и с разным настроением.

— Присаживайтесь, Анастасия Георгиевна, — предложил Вадим. — Снаряжение, оружие и даже сапоги можете снять. У нас будет достаточно приватный разговор, — и, в подтверждение, расстегнул свой китель, повесил его на спинку ближайшего стула так, чтобы не были видны погоны. — Вы тоже, Валерий Павлович...

Предложение ещё раз поработать телохранительницей у Катранджи Анастасия приняла со всем удовольствием. Это куда лучше, чем повседневная строевая лямка. Вельяминова с подругами, поступая на службу, представляли будущее в более романтическом ключе.

— Вы теперь командир взвода, — сказал Ляхов, — как считаете, вашей семёрки достаточно, или нужно усилить? Мнение подполковника я пока не спрашиваю.

Настя дёрнула бровью. Неизвестно, для кого из внимательно наблюдавших за ней штаб-офицеров.

— В рамках вами сказанного — вполне достаточно, — рассудительно ответила она. — Если же возникнет *нештатная* ситуация, что отделение, что два — невелика разница.

— Это — правильно, — согласился Ляхов. — Осталось только о распределении обязанностей поговорить. Ваши предложения.

Контейнеры с оружием, боеприпасами и прочим снаряжением были сложены в указанном Ляховым помещении неподалёку от приёмной Тарханова. Вадим Петрович лично прибыл проводить группу, и это девушкам польстило, сочтено было за хорошее предзнаменование.

«Валькирии» в достаточно забавных, на их взгляд, костюмах и платьях первой четверти прошлого века, причём чужого, собрались в просторной комнате, скупо обставленной казённой мебелью. Кроме стола адъютанта с несколькими телефонами и стопками всевозможных «дел» и прочих папок и бюваров, только жёсткие деревянные диваны для ожидающих, вешалки для плащей и шинелей в углу, аппарат для изготовления и выдачи газированной воды, несколько пепельниц. Вполне по-спартански. Ну и, конечно, карта Империи и сопредельных территорий во всю стену.

Они до сих пор точно не знали, куда направляются, Вельяминова только сообщила — «в тёплые края», чтобы наряды можно было по климату и по моде подбирать. Они и подобрали, исходя из среднесуточной температуры в двадцать градусов. Будет больше — так раздеваться не одеваться, резерв почти всегда найдётся.

Сейчас толпились возле карты, поскольку другого центра притяжения поблизости не было, не в окна же, выходящие на сплошную стену голубых елей, смот-

реть. Перебрасывались короткими словами, чтобы не создавать галдежа и неположенного шума, загадывали, где конкретно могут оказаться, и обсуждали, куда попасть было бы здорово, а куда — упаси бог!

Адъютант, в свою очередь, сидя в своём углу в ожидании приказа «Пригласи», рассматривал нежданно-негаданно попавший в его заведование «цветник». О существовании женских отрядов в составе Управления он, естественно, знал всё, что и его начальник, если не больше. Но вот так, вплотную, видел всего второй раз. Да не в казарме на построении, где особо и не разберёшь среди замерших по команде «Смирно! Равнение на-средину!» кто есть кто, а на расстоянии вытянутой руки, в штатском, со всеми исходящими от них небоевыми запахами. Впрочем, боевыми тоже — ружейной смазкой чуть-чуть потягивает. Значит, все при оружии, только что вычищенном.

«Хороши чертовки, — думал поручик, сохраняя безмятежно-безразличное выражение лица. — Без сопротивления отдался бы каждой». Это у них с корпуса ещё повелось такое выражение, как знак высшего восхищения: «Девушка, я бы вам отдался!»

Наконец приказ поступил, адъютант встал и распахнул дверь.

— Прошу, мадамы и мадемуазели, приглашают! — Раз они не в форме, отчего не пошутить. Пропуская мимо себя каждую, быстро, но тщательно обшаривал взглядом. Посмотреть есть на что, а пистолетов не видно, хотя у всех имеются. Ошибиться он не мог, с десяти лет запахи ружкомнаты ежедневно обонял. Жаль не поступило команды: «Перед входом в кабинет оружие сдать!» Вот бы он позабавился!

В кабинете Тарханова «валькирии» тоже мгновенно опознали своего «подзащитного». И тоже виду не подали. Построились на свободном пространстве узорного паркета между входной дверью и письменным столом.

Спокойно выслушали всё, что начальник Управления счёл нужным им сказать. Ляхов и Уваров держались на шаг позади, Вадим Петрович уголками губ улыбался всем сразу и каждой в отдельности. Те девушки, что участвовали вместе с Фёстом в бою на генеральской даче, в очередной раз отметили, что «их» полковник, он же для них «старший», хотя и слышали, что «тот» неоднократно называл этого «Секондом», всё ж по-симпатичнее будет, добрее и проще. Одна Вяземская думала противоположным образом.

Уваров же вообще рассматривал рисунки плиток на изразцовой печке в углу.

Когда Тарханов завершил свою речь, среднюю между боевым приказом и советом доброго дядюшки легкомысленным племянницам вести себя на морских курортах внимательно, сдержанно и благоразумно, чтоб вернулись домой с массой приятных впечатлений и в добром здравии, слова попросил Катранджи.

Он тоже заверил своих надёжных и верных подруг в совершеннейшем уважении, безмерной благодарности и братской любви. Выразил надежду, что на этот раз девушкам не придётся применять на практике свои изумительные способности и далее в этом же роде.

Уваров поморщился.

Упёрся, чтобы именно русского человека играть, так и играй, нечего тут Гафиза пополам с Саади и Рудаки изображать. Видели мы таких и в Самарканде, и в Термезе. Вечером за столом сладкие песни поют, по ночам глотки режут...

— Только одно мне непонятно, — подошёл к финишу турок. — Всех своих спасительниц вижу, только милую Кристину не вижу. Она не в отпуске? Или, упаси бог, в отставку подала? — Лицо Ивана Романовича выразило неподдельное горе.

Дело в том, что в Одессе Кристина Вольтинская работала в гриме, изображая красавицу семитского типа,

произвела на Катранджи незабываемое впечатление, и не только внешностью. В самый критический момент он пообещал ей за свою голову десять миллионов, а она со смешком ответила: «Вот и хорошо. Тогда и брошу эту поганую работу!» Своё обещание Ибрагим сдержал, так, может, и она своё? Это его настоящим образом расстроило.

Он, сам удивляясь своей сентиментальности (или это что-то другое?), часто вспоминал эту восхитительную девушку, не раз задумывался, каким образом переманить её к себе на службу. Отнюдь не наложницей, он бы её своим начальником личной охраны сделал, и когда представился момент, попросил Тарх... (то есть, конечно, Неверова, если ему так больше нравится. Настоящую фамилию полковника он знал почти с самого начала¹) назначить ему в сопровождение именно этих девушек. Жаль только, что имя не назвал той, что ему прежде всего и нужна.

Конечно, и правофланговая Анастасия, руководившая тогда девушками в «Потёмкине», произвела на него впечатление, едва ли не большее, чем Кристина, но потом... Это ж так почти всегда бывает, из многих и многих девушек и женщин вдруг выбираешь одну, непонятно даже по каким критериям. И та хороша, и эта, но искорка проскочила — всё на этом...

Длинная пауза. Обмен взглядами, многократно перечеркнувшими комнату, как лучи лазерных целеуказателей.

Девчата молчали и даже не улыбались, как и велено.

Тарханов кивнул, и Кристина вышла вперед на три шага, приставила ногу:

— Разрешите доложить, дядя Изя, подпоручик Кристина Волынская к вашим услугам, — и на секунду изобразила лицом нечто такое, что, несмотря на тепереш-

¹ См. роман «Дырка для ордена».

★
нюю славянскую, слегка даже, соответственно фамилии, со шляхетским оттенком внешность, Катранджи её мгновенно узнал. И снова расхохотался, буквально до слёз. Забыв про недавние слова Уварова.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Теперь, когда обратной дороги не было и никто не мог разгласить «военную тайну», Ляхов предложил всем, по обычаю, присесть на дорожку и провёл окончательный инструктаж. Вкратце рассказал о том, что собой представляет «реальность 25», как она возникла, какие люди её населяют, обрисовал внутреннее и международное положение Югории.

— Впрочем, сообщаю вам это в целях чисто познавательных, — не стал особенно распространяться Вадим. — Агентурной разведкой вы там заниматься не будете, а со всем, что для работы требуется, вас на месте познакомят. Жаль только, что вы с некоторыми тамошними людьми не успели встретиться. Разминулись немного... — Он имел в виду роту рейнджеров капитана Ненадо, славно повоевавшую вместе с девушками Дайяны на перевалах Таорэры. «Валькирии» «погибли» раньше, чем белые офицеры переправились из Южной Африки в агтрианский тренировочный лагерь.

— Скорее всего, ваша командировка пройдёт гладко, и вы вернётесь, обогащённые новыми впечатлениями и опытом. — Ляхов говорил стандартные слова, как тысячи командиров до него, отправлявших бойцов на задание. Просто потому, что так положено: напутствовать людей перед «делом». — Ну а в случае каких-нибудь неожиданностей — действуйте, как учили.

Он вспомнил их с Тархановым полутодовую «прогулку» через «боковое время».

— Главное — задать себе твёрдую установку на воз-

вращение, имеющую силу убедительной мыслеформы, и все вернётесь, рано или поздно...

Тарханов и Уваров поняли, что полковник подразумевает, а Катранджи — нет. И слегка занервничал. Резковатым оказался переход от безмятежного оптимизма к суровой прозе жизни. Он имел некоторое представление о тайнах и парадоксах времени, сам наблюдал первую демонстрацию Маштаковым переходов в иное измерение на Мальте, но сейчас предстояло несколько другое.

Ляхов и сам уловил, что любовь к разглагольствованиям начинает заносить не туда, а в его функции чтение лекций сейчас не входило. Уваров и без него сумеет сориентироваться и мобилизовать подчинённых.

— Итак, считаем, в курс дела я вас ввёл, — сменил Вадим тон. — Желаю попутного ветра и семь футов под килём. Вопросы, претензии, предложения есть?

Вопросов не было.

— Тогда прошу за мной, на посадку.

Ляхов вышел в коридор, за ним Катранджи, Уваров, девушки. Тарханов на короткое время задержался, чтобы отдать какие-то распоряжения адъютанту.

Группа вернулась в комнату, где было сложено снаряжение. Теперь осталось немного подождать, когда Воронцов с «Валгаллы» откроет канал перехода. Привычное дело.

Девушки были безмятежны, каждая закинула за спину походный ранец, стала возле своего тяжеленного контейнера с оружием и снаряжением. Чтобы, если вдруг что-то не так пойдёт, быть готовыми к бою. И ещё Валерий заметил, что они перед тем, как дверь закрылась, особым каким-то образом переглянулись.

Уварову было легче и проще всех. Анастасия была при нём, на глазах, независимо от того, что может случиться, ситуация, как говорится, под контролем.

Гораздо хуже, пожалуй, ощущала себя Людмила.

Только что видела Вадима Петровича, двойника, аналога, «брата» своего «Фёста», слышала голос и многие знакомые обороты речи — но это был одновременно совсем другой, хотя и близкий по «Валгалле» и другим жизненным ситуациям человек. Совсем другой. Пусть она простилась с «Фёстом» всего два часа назад, получив от него кое-какие *личные установки* и очередную порцию крайне сдержанных, но таких нужных ласк, ей его снова не хватало. «Вот что значит настоящая любовь, — подумала она, — ничего общего с «так называемой». Какая тут постель, при чём постель? Сжал в руке мои пальцы, погладил сначала по плечу, а потом и по щеке, улыбнулся *по-своему* — о чём ещё мечтать *бедной девушке?*»

Ляхов машинально посмотрел на часы. До включения СПВ остаётся пять минут плюс-минус две. Вполне нормальная поправка, если учитывать, где сейчас парход и где они.

Дверь открылась рывком. Вошёл Тарханов. Видно, что спешил, боялся не успеть к переходу.

— Отставить, — сказал он чуть напряжённым тоном, обращаясь к Вадиму. — На десять минут перенести отправление можешь?

— Да хоть на час, — безмятежно ответил тот. — Что-нибудь случилось?

— По сути — ничего. Просто возник один нюанс, — полковник, как показалось девушкам, слишком пристальным взглядом осмотрел их строй. Все невольно подтянулись.

— Как считаете, Валерий Павлович, — повернулся он к Уварову, — пяти человек вместо семи вам хватит для выполнения задачи?

Граф прикусил губу. Пять, семь — невелика разница. В свете последних данных там, куда они отправляются, ему хватило бы одной Анастасии. Рота корниловцев с опытом действий в современной Москве и на

Валгалле вполне заменит его героическое отделение целиком. Но суть ведь не в этом. «Снаружи» (так он внезапно подумал о своей реальности) явно что-то случилось, и Тарханову нужны именно его девчонки. Две, всего лишь, но именно они. Иначе взял бы любых других. В трёх отрядах больше сотни девушек, ничуть не хуже подготовленных.

— Так точно, хватит. Но я просил бы пояснить...

— Поясню, не спеши зря глазами сверкать. Только что ко мне обратился с настоящей просьбой всем известный полковник «Фёст». Для выполнения не менее важного задания он просит немедленно откомандировать в его распоряжение...

Тарханов выдержал паузу, или так показалось со стороны, а он просто перевёл дыхание. Но этой секунды хватило на многое. То, что вздрогнула Людмила, — понятно. Они виделись с «другим Ляховым» совсем только что, и он не говорил ни о каком деле, где может потребоваться её помощь. Но отчего-то ей так не хотелось уходить, пусть и в загадочную, манящую Югоросию, оставляя его здесь. Неужели ей удалось впервые сформировать ту самую «мыслеформу», о которой говорил Ляхов-Секонд?

И тут же укол в сердце — другая мысль. Что, если сейчас Тарханов вызовет, но не её? Может ведь быть и такое. Они все офицеры, присягу давали. Клялись «стойко переносить все тяготы и лишения службы». Допустим, новое задание посложнее и поопаснее того ночного налёта на генеральскую дачу? Тогда Фёст её с собой не взял, оставил «расположение» охранять, вместе с Секондом, кстати. И объяснил потом, что не её от опасности прятал, а исходил из личных и боевых свойств и качеств каждого бойца. Что и подтвердилось через два часа всего лишь, когда уже ей пришлось разыгрывать эротическую сцену перед милицией и МГБ.

★ Тут бы уже Вельяминова не справилась. Точно. Не то амплуа, как в театре говорят.

И всё же...

— Подпоручика Вяземскую.

С огромным трудом Людмила сохранила безразличное выражение лица, делая шаг вперёд. Её — значит, её. Да и остальные девушки отреагировали спокойно. Большинство, пожалуй, обрадовались, что предстоящее приключение их не обошло по непредсказуемой воле начальства.

— Подпоручика Витгефт.

На лице Герты мелькнула досада. Старая Россия, прошлый век, красавцы белые офицеры — всё мимо! Но удивиться она не удивилась. Если опять предстоит что-то отчаянное, «по самому по краешку», на кого же Фёсту рассчитывать? Она уже один раз, проявив непредусмотренную инициативу, нарушив прямой приказ, спасла «близнеца» от почти неминуемой (ну, пусть — весьма вероятной) гибели. А с Людкой они хорошо сработаются — нежная блондинка с наивно готовыми восхищаться всем на свете глазами и остзейская холодноватая красавица, умеющая вести себя как дворовая хулиганка.

— Вопросы, возражения есть? — традиционно спросил Тарханов.

— Возражений нет, а вопросов слишком много, — дерзковато ответила Витгефт.

— Главное — возражений нет, а то я уж забеспокоился — а вдруг будут? Слава богу, пронесло, — усмехнулся полковник. — Взять снаряжение — и за мной. А вы продолжайте, — кивнул он Ляхову. — Всем счастливого пути и скорой встречи.

Дальше ничего особенного, по стократно обкатанному, как Николаевская железная дорога, каналу «из точки А в точку Б» — знакомая рамка, свет южного солн-

ца, ударивший в глаза в полумраке кремлёвского каземата, и синева моря до самого горизонта за зубчатым каменным парапетом.

В определённом заранее порядке — сначала Уваров, за ним Анастасия и Мария Варламова, Катранджи с Кристиной в полушаге впереди, следом Инга и Марина перешагнули на столетие назад. Руки у всех на виду, улыбки на лицах, но стрелять готовы начать быстрее, чем опомнится враг, даже если он их и ждёт.

Никакого врага на плоской площадке, вымощенной пресловутым мрамором, давшим название и морю, и острову, они, естественно, не увидели. Единственный человек их встречал, при виде которого Уваров ощутил и радость, и успокоение, и глубоко укоренившееся чувство почтения, уважения, где-то и зависти.

Полковник Михаил Фёдорович Басманов, всего лишь тридцатитрёхлетний, не намного старший возрастом и званием, чем сам Уваров, офицер. Однако, глядя в его глаза, можно было дать и пятьдесят, и больше. Валерий *вплотную* общался с ним часов шесть-семь, из них час — на поле боя, остальное — в царском тереме.

Очень правильно рассудили Ляхов с Воронцовым, решив направить для встречи гостей именно его, и только его одного. Уваров окончательно успокоится за судьбу своей миссии, Катранджи непременно *сообразит*, что если начальник его охраны столь явно обрадован, увидев встречающего, причём одного-единственного, без конвоя и даже парадного караула, тоже *приспустит пружину своей настороженности*, если в стилистике восточных сказок оставаться. Ну и «валькирии» обрадуются, увидев в качестве представителя очередного, нового для них мира — почти что идеального (опять же в понятиях *этого* мира) человека.

Известно, что пятеро девушек не успели поучаствовать в боях с дуггурами на Таорэре и не делили жизнь,

★

смерть и патроны с югоросскими офицерами, не сидели с ними у костров на опушке леса после выигранного сражения, они *погибли* раньше. Но и им этот, первый из увиденных, сразу понравился. Высокий, подтянутый, в белом кителе с золотыми погонами, невзирая на субтропическую погоду — в сапогах при шпорах. Лицо загорелое, мужественное, при этом открытое и блажелательное. Радужное.

Поднёс ладонь к козырьку фуражки, представился всем сразу, с особым чувством сжал руку Уварова — товарищи по оружию, как-никак.

— С прибытием, друзья. Поздравляю подполковником, граф. Прошу чувствовать себя более чем дома — в гостях. Помещения приготовлены, я лично разведу всех по комнатам, а через час — если этого достаточно, у нас по расписанию обед.

— Да нам и пятнадцати минут хватит, — ответил Уваров, не подумав, что за свой контингент отвечать не стоит. Может, им, по каким-то собственным причинам, и часа не хватит. — Багаж разложить — и всё. Мы же не верхаи тридцать вёрст проскакали.

— Как вам будет угодно. Но обед всё равно через час. Когда пушка вон на том бастионе выстрелит...

Прибывшие наконец начали осматриваться. Место было на самом деле красивое и с точки зрения безопасности — вполне подходящее. Стены крепости, или форта, пятнадцатиметровой высоты, опускались прямо в волны прибоя, пенящиеся вокруг зубьев прибрежных рифов. На юге, примерно в полукилометре, видна небольшая бухточка с двумя пирсами и сторожевыми вышками, обнесёнными солидной оградой из колючей проволоки «в три кола». Ведущая к воротам форта бетонка на всём протяжении простреливается с любой точки.

Вельяминова, представленная Басманову как командир «взвода обеспечения» (неполного отделения на са-

мом деле), закончила обход периметра площадки и, слегка робея — больше ста двадцати лет человеку всё-таки — озвучила свое заключение:

— Возможности нападения извне я при всём старании не вижу, — на самом деле, кроме фортификации, на внешнем рейде слегка дымил двумя трубами из трёх броненосный крейсер под Андреевским флагом, и более мелкие военные корабли виднелись поблизости.

Европейский берег Мраморного моря едва-едва различался на горизонте.

— Но о вариантах нападения изнутри я пока ничего не знаю. Если позволите, в *лишние* сорок минут я проверю. Моим офицерам ношение оружия на *этой* территории разрешается? — холодным, чересчур холодным тоном спросила Анастасия.

Басманов толчком большого пальца под основание козырька сдвинул фуражку на затылок, что у него означало неуставную степень весёлости.

— Ради бога, мой поручик¹. Здесь, на этой площадке, и на вашем жилом этаже вы вправе поступать как считаете нужным. Ниже, а также и на территории посёлка ношение, а также использование тяжёлого стрелкового оружия (кроме личного, разумеется) вам придётся согласовывать с дежурным комендантом. Видите ли, на территории этой военной базы российские общегражданские законы не действуют. Уставы Внутренней и Караульной службы имеют приоритеты над Правом и даже Конституцией. Постарайтесь к этому отнестись с пониманием.

— И даже более чем... — с оттенком дерзости ответила Анастасия и посмотрела на Уварова. Теперь, мол, твой выход...

¹ Ирония Басманова здесь проявляется в том, что обращение «мой» (полковник, генерал и т.д.) во многих европейских армиях в начале XX века применялось только при обращении младшего к старшему, никак не наоборот.

Подполковник просто предложил Басманову:

— Дорогу покажите.

Тот кивнул и пошёл к мраморной беседке с резными колонками и пилястрами, на самом деле представлявшей собой тамбур перед трапом, ведущим на обитаемые этажи.

Комнат в длинном коридоре, окнами выходящем во внутренний двор, окружённый шестью ярусами галерей снизу доверху и с буйной зеленью на земной поверхности, среди аллеек и фонтанов, оказалось достаточно для всех. И даже намного больше. Здесь можно было бы разместить *настоящую делегацию*, человек под сотню.

Ибрагиму отвели, согласно его почти что дипломатическому рангу, три большие комнаты. Без всяких изысков, конечно, раз тут всего лишь военная база, но удивительно удобных и уютных. В прихожей ждали горничная и лакей, которого, невзирая на штатский костюм, правильнее было бы назвать вестовым. Катранджи отпустил их со всей любезностью, сказав, что до завтрашнего утра едва ли будет нуждаться в их услугах. И постель сам разберёт, и чай заварит, если чайник исправен. Это он пошутил так, чтобы проверить, действует в *этом* мире его русский юмор или нет.

Уварова с Анастасией поселили рядом, в двухкомнатных номерах, соединённых, как чуть позже выяснилось, незаметной дверью. Настя её первой обнаружила, открыла, безразличным почти тоном поинтересовалась, сам ли он так заказал или опять случай? Валерий поклялся, что именно он и есть, поскольку в этих краях впервые, а с Басмановым с дней Берендеевки не виделся и даже не догадывался, что лично он их здесь встретит.

— Мы с тобой приказ вместе слушали, — как последний довод сообщил Валерий, в глубине души удивлённый, что его суженая вполне нейтральному

элементу чужой архитектуры придаёт такое значение. А если бы им просто одну койку на двоих предложили?

— Значит, ляховские штучки, — согласилась поручик и прикрыла дверь. Щелчка внутреннего замка Уваров не услышал. И совсем не понял, при всей своей образованности, при чём тут Ляхов. Других дел у флигель-адъютанта и начальника спецотдела нет, как о дверях между комнатами своих подчинённых думать? Но все ж таки какой-то предварительный разговор у Ляхова с Басмановым наверняка был. Потому что девушек разместили тоже не как придётся. Имея в виду и специфику подразделения, и варианты не психологического комфорта и реальной боевой практики.

Нашлась на этом этаже, рядом с апартаментами и люксами, длинная десятикомнатная анфилада в стиле дворцов восемнадцатого века или, проще выражаясь, обычного плацкартного вагона. Нет, к дворцам всё же ближе — ковры на полу, гобелены на стенах и всяческие раритетные комоды, торшеры, козетки, банкетки и прочее. В каждой комнате по широкой кровати, выбирай любую. Девушек пять — комнат десять. Выходов из анфилады — два по торцам, один в середине длинного коридора.

Вельяминова, новоиспечённый поручик и по характеру очень предусмотрительная девушка (в каменном веке наверняка стала бы «старшей по пещере»), разместила подруг попарно в ближайших к дверям отсекам, сама заняла койку посередине анфилады, проигнорировав свой люкс, соседний с женихом. Насчёт планирования, пока ещё тактического, она проявляла себя непревзойдённо. Если кто-то смотрит со стороны и отметки ставит — пожалуйста. Всё равно не переиграете, а скорее всего — и не поймёте. Анастасия не знала, да и никто, кроме, может быть, Лихарева, не знал, что она по программе готовилась как дублерша не Сильвии даже, а самой Дайяны. Возможно, оттого и

выжила, независимо от поступков самого Валентина и Левашова тоже. Новиков, наверное, единственный что-то такое уловил и от себя немного нужных черт личности добавил.

— Так, господа офицеры, — заявила Анастасия, когда девушки устроились, осмотрелись, проверили оружие, после чего занялись подкрашиванием и причёсыванием. — Чтобы с этого момента все забыли, что в гостях у очаровательного полковника Басманова. Все в тылу врага, в глубокой разведке. Я так чувствую и так приказываю. К Уварову обращаться не советую. Он вам, в мужской компании расслабившись, что угодно наплетёт и даже позволит. Я — нет. Пояснять надо?

Нет, этой пятерке пояснения не требовались.

— Тогда ещё двадцать минут «личного времени», и пойдём...

Примерно в то же время Басманов, когда они вдвоём, в ожидании «валькирий», закурили у окна, осмотрев большую часть башни и прилегающие этажи, ответил на вопрос Уварова. Как это он сумел так удачно всех разместить, не зная, с кем дело иметь придётся, в смысле личных склонностей и привычек.

— Что же я, Валерий Павлович, не усвоил за десять лет фронтовой службы, в каких обстоятельствах военному человеку отдыхать удобнее? Роту бы с собой привели, и роту разместили...

Уварову осталось только поблагодарить старшего товарища.

— Одним только вы меня удивили, полковник — составом своего отряда. Вадим Петрович намекнул, как бы между прочим, что посылает к нам «особое подразделение», но я, признаться, нечто другое себе вообразил. Вы этих барышень прямо с Валгаллы к нам доставили? А зачем? Мне и Оноли, и Ненадо, и другие участники боёв об этих девушках подробно рассказали и даже видеозаписи показывали. Так вот я не понимаю:

там где пришлось, ваши барышни героически сражались, не хуже, чем вы со своей ротой, так это ведь крайний случай. Сейчас-то в чём необходимость? Солдаты в вашей России кончаются?

— Знаете, господин полковник, — ответил Уваров, соображая, как с ходу и в доступной форме ответить Басманову, — у нас минут пятнадцать точно есть, чтобы с глазу на глаз по-солдатски переговорить...

— Натурально, — согласился Михаил Фёдорович, — прямо вот здесь, за углом. Хорошее заведение. «Распивочно и на вынос».

Оказывается, эта формула сохранилась на протяжении более чем сотни лет в неизменности.

«На вынос» им было не нужно, а выпить по рюмочке для создания *командирского взаимопонимания*, поскольку этого взаимопонимания им всё равно придётся достигать, невзирая на разницу времён, реальностей, возрастов, личного и иного опыта, требовалось обязательно.

Небольшой и уютный бар внутри угловой башенки, обеспечивающей почти круговой обзор по морю и части берега, был наверняка, как подумал Уваров, организован здесь ещё старинными турками, в ином, конечно, виде. Но место уж слишком удобное, пусть даже в виде кофейни для непьющих мусульман. И ошибся. «Автором проекта» был профессор Удолин, известная личность, с которой Уваров был немного знаком, в основном по слухам. Тот скопировал это заведение лично для себя, по памяти, после посещения «исходного Замка».

— Вы, Михаил Фёдорович, — спросил граф, согласившийся, что до общего обеда достаточно ограничиться бокалом хереса, расслабиться чуть-чуть, и разговор легче пойдёт, — отчего так присутствием моих «валькирий» удивились?

— «Валькирий»? — Басманов отпил маленький гло-

★ ток и тут же потянулся за папиросой. — Неплохо. Сам придумал, или старшие подсказали?

Валерий почти и забыл, что Басманов входит в «старшую группу» «Братства». Как в Белой армии «первопоходником» был, так и здесь.

— Какая разница? По месту, и ладно. Главное — термин полностью соответствует их способностям и возможностям. Это — девушки «для боя». Хотя могут быть очень милыми и нежными с теми, кого не считают врагами. Не я их создал. Но они на нашей стороне, и я крайне этому рад... Они, в случае чего, даже там, под Берендеевкой, взводом не меньше, чем я ротой, а вы дивизией, сделать смогли бы.

Уваров почувствовал, что сказал кое-что лишнее и текстуально, и эмоционально.

Но та же система продолжала действовать. Если он уже хоть чуть прикоснулся к тайнам и принципам «Братства», отступить некуда. На что ему очень доходчиво, пусть и не впрямую, объяснил Вадим Петрович.

— Ты, разумеется, совершенно свободен, лично, политически и религиозно. Как любой член *ватаги*¹ или *старательской артели*. Там никто никого не держит. Встал от костра, закинул котомку за плечи и уйдёшь куда, три тысячи сюда. Но — свобода. Заодно и от Насти, если у тебя имеются теоретические возражения. А если с нами — так принципы придётся слегка менять...

— Не удивили, — спокойно ответил Басманов. — Мне капитан Ненадо докладывал, как эти красотки сражаться умеют. Без лишних мозгов, я бы так сказал. Если я чего недопонял, попробуйте ещё раз объяснить, для чего искать себе помощь и поддержку среди тех, кого обязаны защищать мы? Сильвия, конечно, Лари-

¹ Ватага — дружная толпа, шайка, артель, товарищество, для работ, попутья и пр. (см. В. Даль).

са, Ирина — совсем другое дело, — счёл нужным уточнить свою позицию полковник.

— Не совсем понимаю, что именно объяснять требуется, — сказал Уваров. — Я вправе предположить, что по своему положению и здесь, и в «Братстве» вы должны быть намного информированнее меня. Неужели вам ни Ляхов, ни кто-либо другой не сообщили цель и смысл операции? Я знаю намного меньше вашего, как кажется. Из полученного мною приказа следует — воевать здесь никто не собирается. Сил славных вооружённых сил Юга России должно хватить для обеспечения встречи моего «подзащитного» с кем-то из ваших должностных лиц. Мои девушки назначены сопровождать господина Катанова, создавать для окружающих нужное впечатление внешностью его секретарши. Лишь в случае крайней необходимости пресечь внезапное нападение террористов. Как ближайший для вас пример — если бы вместо австрийских жандармов эрцгерцога Фердинанда в Сараеве сопровождал я со своей группой, Гавриила Принципа и его друзей вычислили бы и шлёпнули, едва они из карманов пистолеты потянули. Мировая война не началась, и вы, господин полковник, наверное, до сих пор служили бы где-нибудь в Красном Селе штабс-капитаном. И до коменданта батареи едва ли возвысились...

— Понимаю, что вы хотите сказать. Удивитесь, но мне никаких разъяснений по поводу вашего отряда сделано не было. Говорили мы с Воронцовым относительно *содержательной части* миссии. Да и я как-то не придавал значения его словам, что среди телохранителей будут женщины. Другими мыслями был занят. Учёл, конечно, при подготовке размещения, а зачем, почему — не вникал. А сейчас посмотрел своими глазами и задумался. Похоже, тут не просто так. Очень может быть — с южноафриканскими делами какая-то связь прослеживается. Хотя бы в том смысле, что ни вы лич-

но, ни ваши девушки в столкновениях с дуггурами не засвечены... Тем самым... А, впрочем, всё это ерунда, — махнул рукой Басманов. — Зато я и мои люди засвечены дальше некуда, так что теперь «пить боржом»?

Из сказанного полковником Уваров не слишком понял, при чём тут Южная Африка и дуггуры, но тоже пока решил не углубляться. Будет ещё время, а пока он решил, как и положено, расспросить Михаила Фёдоровича о моментах, непосредственно касающихся обеспечения его миссии.

— Честно сказать, Валерий Павлович, — начал Басманов, — мне эта коллизия с переговорами вашего турка и наших купцов и интендантов если не полной чужью представляется, но где-то около того. Прежде всего не вижу смысла в самой этой *встрече*. Любые вопросы финансирования, технического снабжения, даже стратегического планирования мы с Новиковым и Шульгиным ещё в двадцатом году решали, не имея никакого реального опыта. С Врангелем, с Троцким и с другими фигурами... И сейчас, не выходя из московской квартиры, всё обсудить и согласовать можно. Конечно, если тут какая-нибудь высокая дипломатия... Тебя же, как я понимаю, в «Братство» уже приняли? — вдруг спросил полковник, переходя на «ты».

— Судя по словам Ляхова — пока вольноопределяющимся, даже не кандидатом, — ответил Валерий, — обрядов не проходил, клятв не давал.

— Не играет роли. Ты поймей в виду — здесь ранг и статус не от выслуги зависят, не от степени преданности, а исключительно от устройства мозгов. Обладаешь нужным набором *способностей* — ты и комтур, и магистр, и грессмейстер. Нет — значит, нет. Я вот полноправный член, с самых первых дней, так сам понимаю, что исключительно — почётный. Не умею ни мыслеформ создавать, ни... — Басманов махнул рукой.

— И не обидно? — осторожно спросил Уваров. Он

на себя примерил ту же ситуацию. Впрочем, кто сказал, что как раз у него этих самых *способностей* — нет? Может, побольше, чем у других! Всё ж таки на него обратили внимание...

— Чего обижаться? — легко спросил полковник. — Ты «Ванькой-взводным» после десяти лет учёбы трубил, другой в то же время — на скрипочке в Большом театре пикиал. Он в пыльной оркестровой яме, ты с девушкой при парадном мундире в третьем ряду партера. Потом ты в окопах, и портянки неделю не перематывал, а он — опять же во фраке перед барским столом поигрывает. Кому чего, одним словом...

Басманов налил ещё по бокалу золотого терпкого вина.

— Есть у меня *высшие способности*, нет их — я пока на своём месте. И сейчас очень сильно мне обстановка вокруг не нравится. Нет, сама жизнь весьма и весьма хороша. Если б даже никаких больше «параллельных реальностей» и прочего, а осталась только эта, отвоёванная нами Югороссия — и то великолепно. Было за что воевать, проще говоря. Но психологически, друг мой и *сосед по окопу* на ближайшее время, — очень всё вокруг похоже на то, что творилось под Кейптауном¹. Даже у *очень подготовленных* людей начали там гайки отдаваться от невыносимого психологического давления. Как перед землетрясением, например, бывает. Не у всех, к счастью. Опыт — он тоже кое-что значит. Ты в таких заварушках, как под Берендеевкой, раза два-три бывал, и то много! А я и кое-кто из моих корниловцев и марковцев — может, и по сотне. Начиная с Гумбинена и Сольдау² вплоть до самых последних... Хорошо, если бы последних. Только не верится.

— Наверное, кое-какие способности у нас с вами есть, — рассудительно сказал Уваров. — Если вы де-

¹ См. роман «Скоро полночь», т. 2.

² Места первых больших сражений русской армии в августе 1914 г. в ходе Восточно-Прусской операции.

сять лет воюете и до сих пор живы и здоровы, в «Братство» попали, я пока — пять, и тоже... А многих других и на один бой не хватило.

— Есть смысл, — согласился Басманов. — Значит, им и будем руководствоваться. Я тебе пока ничего больше говорить не стану, а чуть позже — скажу. Мне — обдумать кое-какие моменты надо, тебе — осмотреться. Да вон уже и твои барышни появились.

А Уварову тоже несколько интересных мыслей в голову пришло, и хорошо бы их сначала с Анастасией обсудить, а уже потом — с Басмановым. Поскольку явно эти мысли выходили за пределы поставленной задачи.

Вместе с девушками пришёл и Катранджи. Ему было прямо сказано, что с сего момента и до возвращения в Москву индивидуальные перемещения, кроме как в пределах жилого этажа, ему категорически не рекомендуются.

— В присутствии посторонних с вами постоянно будет находиться Кристина, рядом, на шаг сзади, как и положено личному секретарю. Остальные работают по индивидуальным планам, надоедать вам они не будут, при этом оставаясь в пределах прямой зрительной и голосовой связи. Для себя, не для вас, — инструктировала турка Вельяминова.

Ибрагиму очень хотелось возразить, степень возможной личной опасности представлялась ему отнюдь не такой высокой. А у этой суровой командирши, удивившей его своей решительностью и жёсткостью при первой встрече, получалось так, что он оказывается не уважительно охраняемым, а строго конвоируемым лицом. Да, подумал Ибрагим, уж кто-кто, а Настя в любовницы никак не годится, при всей своей красоте и прелестных формах. Ему — во всяком случае. И вообще — что-то тут не так.

— Здесь ведь не тюрьма? — спросил он в ответ на приглашение Басманова спуститься в обеденный зал. —

Может быть — вы нам устроите экскурсию в Стамбул? Там и пообедаем. Крайне мне интересно, как мой город под русской властью выглядит. У вас, надеюсь, вертолёт найдётся?

— Вертолётов здесь пока нет, — как бы извиняясь, ответил Басманов. — Уровень развития техники не позволяет. Мы прогресс не гоним, наоборот, в меру сил притормаживаем. Вместо этого — гидропланом двадцать минут или глиссером два часа. У меня против такой прогулки возражений нет, это господину Уварову решать, он за вас отвечает.

Катранджи вопросительно посмотрел на Валерия.

Валерий, чисто машинально, — на Анастасию. Та едва заметно улыбнулась и отвела глаза. Мол, мне всё равно, где свои обязанности исполнять, а дипломатия — не по моей части.

«Мне что приказано, — соображал Валерий, — обеспечить безопасность Катранджи во время переговоров. Держать его взаперти команды не было. И какая, к чертям, тут вообще может быть опасность? Армия, флот, полиция и всё такое. Ибрагима здесь ни одна собака не знает и знать не может, разве что его папашу... Стоп, — подумал Валерий, — а это интересный ход мог бы быть. Свести вместе опального бея с сынком из будущего. Зачем, с какой целью — бог его знает, но вариант сам по себе вполне в стиле «Братства». Но если и так, этим другие люди станут заниматься. А в пределах нашей компетенции — чего ж не прокатиться? И Ибрагиму развлечение, и нам — когда ещё доведётся посмотреть, как предки живут?»

— На гидроплане мы, само собой, не полетим, бог его знает, какие у вас моторы. А вот если, допустим, на военном торпедном катере — свободно, — принял он решение. — Два часа, говорите?

— Два, три — это я утверждать не могу, и никто не возьмётся. Но если море будет тихое, с катером ничего

не случится, пираты в пути не встретятся — примерно на такой срок рассчитывать можно, плюс-минус лапоть... — Басманов давно научился не говорить о конкретных сроках в подобных случаях. — Но я бы всё же самолёт предложил. Тут-то фактически — разогнаться, взлететь и сесть. А моторы у нас надёжные, не сомневайтесь. Ничуть не хуже, чем в ваше время.

На том и согласились. Действительно, три часа в море, пусть и таком тихом, как Мраморное, на военном катере... С непривычки может растряссти так, что не только обеда, ужина не захочется. На парусной яхте бы неплохо, не спеша — так весь день на дорогу уйдёт. Вообще, хорошую морскую прогулку, до утра, предусмотреть в программе стоит, но эту уже как обстановка сложится.

Гидроаэроплан «Г-20» «Буревестник» системы Григоровича, постройки Николаевских заводов, представлял собой штабной вариант дальнего морского разведчика, по типу приближаясь к широко известной «Каталине», придуманной американцами десятью годами позже, но с многими конструктивными и технологическими усовершенствованиями. На базе человеческой техники конца XX века, а моментами и нечеловеческой, форзелианской.

В самолёте, который предложил Басманов, имелся удобный, но без особого шика оформленный двенадцатиместный салон и всё необходимое, чтобы обеспечить отдых и работу нескольких высоких командиров при двадцатичасовом полёте радиусом до шести тысяч километров.

Гонять такую машину «до ближнего угла» выглядело не совсем рационально, но чего не сделаешь ради дорогих гостей.

Пока девушки и Катранджи собирались и переодевались с учётом изменившихся обстоятельств, Уваров продолжил беседу с Михаилом Фёдоровичем, теперь —

об особенностях жизни и государственного устройства Югороссии, о которой Валерий имел самые поверхностные представления. В его времени никаких открытых публикаций об этой реальности, естественно, не существовало, да и о самом факте её наличия знало считанное число людей. А заниматься этим вопросом специально Валерию как-то не приходило в голову. Хватало своих забот, а на досуге он предпочитал изучать «первую реальность», странный мир Фёста, существующий в той же системе пространственно-временных координат, но разительно отличающийся от собственного. Прежде всего с военно-исторической точки зрения, поскольку главная угроза исходила именно оттуда, но и с культурной тоже. Имелось там столько книг и особенно фильмов, пользовавшихся бешеной популярностью у весьма узкого круга эстетов и специалистов, «допущенных к тайне».

А Югороссия — ну чем она могла особенно интересоваться? Исключительно своей парадоксальностью. Существует где-то на задворках времени «исторический тупичок» (почему *тупичок*? А как ещё назвать мир, отставший в развитии почти на сто лет и явно неспособный догнать более «цивилизованные»?). Ну, не тупичок, так некий заповедник истории, «изолят», вроде «плато Мепл-Уайта».

Никто пока не говорил Уварову об изначальной искусственности этой «ветки», а сам он и вообразить не мог, как на самом деле это было сделано. Знал, что множественность параллельных миров есть естественное, но пока не объяснённое до конца свойство природы — и достаточно. Как будто теория эволюции жизни на Земле более понятна и более объяснима.

Но сейчас ему здесь работать, а он привык обладать как можно более полной информацией о ТВД, желательно — из заслуживающих доверия источников. География здесь была та же самая, история до девять-

★

сот восемнадцатого практически общая, лишь последние восемь лет развивалась Югороссия «по собственному сценарию». А вот психология обитателей этого в высшей мере необычного государственного образования его интересовала чрезвычайно. Наверняка ведь придётся с этим миром не просто контактировать в течение ближайшей недели. Опыт и предчувствие подсказывали, что судьба его завяжется с Югороссией гораздо туже, чем можно это сейчас представить. А предчувствиям своим он привык доверять. Последние годы ничего с ним не случилось «просто так».

Басманов согласился его просветить, с позиции исследователя-эмпирика, не вдающегося в философствования, но располагающего огромным фактическим материалом. И коллеги-офицера, знающего, что в таких случаях наиболее важно и полезно для службы.

Со слов Михаила Фёдоровича, нынешнее устройство Югороссии подходящих аналогов в европейской истории, пожалуй, не имело. Не демократия, поскольку во главе военный диктатор, а правительство одновременно является его штабом, в котором, применительно к требованиям момента, увеличено, против обычного, число управлений и отделов. В государстве действует крайне мощная и высококвалифицированная контрразведка, выполняющая функции и жандармерии, и других близких по функциям ведомств. Судебная система крайне упрощена, до уровня введённых ещё Столыпиным военно-полевых судов, а пенитенциарная фактически отсутствует. В Уголовном «уложении о наказаниях» таковых всего два: смертная казнь и высылка за пределы государства с конфискацией имущества. Менее тяжкие проступки подпадают под действие Административного кодекса, весьма, кстати, проработанного и детализированного.

Тиранией этот строй тоже не назовёшь, личные права и свободы граждан здесь значительно превосходят

таковые в любой «цивилизованной» державе. С деятельностью *управляющих структур* благонамеренный обыватель фактически и не пересекается. Вроде как было в САСШ девятнадцатого века. Не нарушай некоторое количества законов, плати налоги, а в остальном — делай, что хочешь. Всего за пять послевоенных лет жизненный уровень поднялся несравнимо с истерзанной Мировой войной и занятой вдобавок грандиозной политико-географической перепланировкой Европой. Шутка ли — вместо привычных с времён Вестфальского мира¹ держав внезапно появилось полтора десятка якобы «национальных» государств, вполне волюнтаристски разграниченных и немедленно вступивших в непрерывные территориальные споры, иногда — на грани вооружённых конфликтов.

В Югославии о таком международном положении знали все и очень дорожили своим буквально с неба свалившимся благополучием. Отчего, как выразился Басманов, «контрразведка иногда скучает», поскольку большую часть «асоциальных элементов» за пять лет выловили, а новым, в общем-то, неоткуда браться.

— Что значит — неоткуда? — удивился Уваров. — Они, так сказать, сами плодятся, по законам природы. И воры бывают врожденные, и маньяки, и убийцы. Полиция и другие структуры могут поддерживать уголовную преступность на терпимом уровне, как у нас, например, но чтобы совсем?

— Я и не говорю, что «совсем». Вот, к примеру, в средневековом Новгороде сколь-нибудь значимая преступность была? Я что-то и не помню. Эксцессы всякие, мордобои по пьянке, а так? Вот и у нас в этом роде.

¹ Вестфальский мир (1648 г.) — два мирных договора, завершивших Тридцатилетнюю войну. Впервые была признана нерушимость сложившихся на тот момент границ и право каждого государя на полный, религиозный и правовой суверенитет в пределах собственной территории.

★

Году в двадцать первом — двадцать втором — тогда да, весело у нас было. Как в любой «нормальной» стране после Мировой и Гражданской войны. А тут вдобавок своя специфика — мало что и Одесса-мама и Ростов-папа нам достались, так за все годы войны в «тёплые края» шпана со всей России стекалась. Дезертиры всякие, махновцы, «зелёные» и «жёлто-блакитные». Не приведи бог, одним словом. Почти всю армию к наведению порядка привлекли, операции дивизионного и корпусного масштаба проводили. Военно-полевые суды сотнями в день уголовников расстреливали, целыми «малинами», семьями... На пограничные пункты высылаемых колоннами подгоняли, как военнопленных...

— И что? — внезапно заинтересовался Уваров. — Красные соседи подобный контингент принимали? С распростёртыми объятиями? Или вы их в Персию и Румынию переправляли?

Басманов посмотрел на него с интересом.

— Уловил суть? Братьев по классу, «узников кровавых застенков» — коммунисты принимали. Поначалу. Пока не сообразили, что бандиты наловчились под «политических» косить. А у нас поначалу с Троцким был договор о беспрепятственном обмене... Потом «совдеповцы» разобрались, вздумали прикрыть лавочку. Мы этап пригоняем, а они его к себе не пускают. Вот и коллизия — мы ж, в отличие от красных, гуманисты, нам невыносимо смотреть, как люди, какие б там ни были, на нейтральной полосе с голоду помирают...

— Ну и? — Интересная сторона жизни приоткрылась Валерию. Вроде бы нормальная мера — «высылка за границу», так её же всегда трактовали как способ избавления от политических противников, к уголовникам применять никому в голову не приходило. А здесь — пришло.

— Не поверишь, нашли выход. Тогда остроумием

полковник Кирсанов особенно отличился. Собирает несколько месяцев где-нибудь в отдалённом лагере осуждённых, работу с ними проводит по собственной методике. — В голосе Басманова Валерию послышалось восхищение, смешанное с какой-то другой эмоцией. — Находит подходящий участок границы, плохо охраняемый, подходящий момент — и организует прорыв. На нашей стороне — пулемёты, обратно не повернёшь, ну и бегут. А предводители, особо подготовленные, материально простимулированные, вооружённые, если нужно, ведут толпу, как те козлы — баранов. Кого-то пограничники пристрелят, конечно, не без того, кого-то поймают, а тысячи затеряются на бескрайних просторах «страны социализма». Сначала дипломаты такие скандалы друг другу устраивали, чуть не до разрыва дипотношений. Ну, у нас позиции всегда выигрышнее были. А потом само собой на нет сошло. Осознал народ, что лучше честно жить и трудиться, чем у стенки помирать...

У нас-то и тюрем нет, только ДОПРы¹. Пересидеть недельку-другую от ареста до приговора.

— А как же... Ну, расстрел, высылка — это мне теперь понятно. Но есть же масса преступлений, так сказать, промежуточного характера. Кражи, пусть только kleптоманами, насилия, убийства по неосторожности, по халатности, телесные повреждения... Да мало ли! В Уголовном кодексе статей много.

— В теории много, на практике и десятка не наберётся, по общепределяющим признакам. И большинство санкций не карательные, а воспитательные. Несовершеннолетних в кадетские корпуса и ремесленные училища направляем. Ещё одно остроумное изобретение — в казачьи станицы на перевоспитание. Сначала в качестве батраков, под присмотр и ответст-

¹ ДОПР — дом предварительного заключения.

венность «общества». А там не забалуешь. Решит «крут», что исправился такой-то, — в самостоятельные хозяйства перечислят. Живи, работай, службу на границах неси, как все...

— А неисправимые всё же попадаются?

— Как везде, — пожал плечами Басманов, но развивать тему не стал. Информации о постоянно действующих по-столыпински военно-полевых судах было достаточно.

Рассказ Басманова Валерию понравился — как нравились ему вообще всякие остроумные и нестандартные решения неразрешимых вопросов. Хотелось продолжения.

— Так, с преступностью, допустим, вы покончили. Но про «жизненный уровень» мне пока не ясно. Завоеванная вами территория, безусловно, потенциально богаче любой другой в РСФСР, не считая Сибири, но ведь всё равно! Последствия войны, не слишком дружественное международное окружение...

— Верно мыслишь. А о том Израиле, что у вас существует, да и том, что в параллели, — знаешь?

Станный вопрос. Впрочем, Уваров быстро сообразил, что собеседник имеет в виду. Государства, умеющие воевать, с образованным и трудоспособным населением, зарабатывающие экспортом сложных, в том числе и военных технологий, но в то же время весь срок своего существования получающие дотации, превышающие их ВВП.

— Там совсем другие условия...

— Не продолжай. Я тоже знаю. Так вот у нас условия намного лучше. Территория, природные ресурсы, численность населения. А образовательный уровень ничуть не ниже — в Югории, по известным причинам, собралось семьдесят процентов людей с высшим и средним образованием (среднее образование в царской России ненамного высшему уступало, что в гим-

назиях, что в реальных училищах). Плюс — наиболее мотивированное и способное к труду крестьянство, казачество, рабочий класс. Те, кто ещё до двадцатого года сюда перебрался. Многие — после, узнав, что здесь, а не где-то ещё, «истинная свобода труда и капитала». «Пролетариат», — он интонацией выразил пренебрежение к этому термину, — тот у большевиков остался. Вот у них до сих пор и карточная система, и продналог с продразвёрсткой...

Валерию было чрезвычайно интересно узнать и об этом. Невероятным казалось, что могут существовать рядом две страны с одним и тем же разделённым народом и столь противоположным общественным устройством, но он понимал, что лекция и так недопустимо затягивается. А главного он так и не выяснил.

— Самое же главное, — Басманов тоже решил закругляться, — благодаря постоянной помощи «Братства» Югославия располагает техническими разработками и производственной базой, на целую историческую эпоху опережающей Запад. Пусть пока в нескольких отраслях, но этого достаточно. У нас есть чем торговать, причём на условиях абсолютной монополии. И имеется достаточно золота, чтобы рубль, даже бумажный, в любой точке мира признавался самой надёжной и устойчивой валютой. Каждый трудящийся может на своё жалованье провести отпуск хоть в Ницце, хоть в Аргентине, если ему этого захочется. В Аргентине, между прочим, самый высокий курс русского рубля, если интересно.

— Рай земной, да и только, — с долей иронии сказал Уваров. — Один вопрос — надолго ли такое процветание? До первой войны? С Совдепией, с Антантой. Думаете, мало и там, и там желающих «всё отнять и поделить»?

— На наш век хватит, — чересчур, кажется, небрежно ответил Басманов. — Швейцария, вон, триста лет

★

золото в подвалах банков копит, и никто её не трогает, невзирая на отсутствие приличной армии. А с нашей никто не захочет связываться.

— Так то Швейцария, — без всякого пиетета к Альпийской республике скривился Валерий. — Одним словом, спасибо за информацию. Одно осталось узнать — как нам себя здесь следует вести? Как свою работу исполнять — мы знаем. Но вот общий фон... Кое-что прояснили — учтём. Преступного мира у вас, считаем, нет, а как насчёт иностранной агентуры? Окружение у вас очень недружественное, значит, шпионов должно быть в избытке, по военной линии, по экономической, легальных и нелегальных. И о поголовной лояльности граждан зря вы мне так убедительно разъясняли. Потому что я вам не поверил. Не можете вы — в таком вопросе наивность проявлять. Тогда зачем меня в заблуждение вводить? Идейные враги у вас внутри страны есть, не может не быть, любая власть обязательно кого-то не устраивает. Те же тайные коммунисты вам изо всех сил вредить будут, просто чтобы не допустить столь наглядного подтверждения краха своих идей, то ли вычитанных из книжек, то ли жизнью выстраданных. И идеальный ваш гражданин, на жалование имеющий возможность в Ницце отпуск проводить, едва ли найдёт в себе силы отказаться от приличной суммы сверх своего роскошного жалованья. Да что я вам азы своей нынешней профессии излагаю? Купить и завербовать почти любого можно. У вас — тоже.

Похоже, Уваров, как всякий строевой офицер, жандармской службой если не брезговал, то хоть немного, но зазорной её считал. Потому счёл нужным добавить «нынешней». А так я, мол, такой же, как вы, фронтовик.

— У нас тоже жизнь вполне благополучная, — продолжил Валерий, — но врагов всяческого сорта более чем достаточно. Самое же главное и одновременно пе-

чальное — врагом легко может стать тот, кого вчера ещё считал... Ну, не другом, в друзьях ошибиться трудно, а вполне надёжным *соратником*. Вы же сами видели.

— Это — правильно, — не стал спорить Басманов. — Предают всегда свои. И я рад, что ты пришёл к правильному выводу. С общепринятой и у нас, и европах точки зрения жизнь в Югории великолепна. Это мнение разделяет гораздо более двух третей населения.

Я не зря тебе про *ваши* Израили напомнил. Особенно про тот, который в твоей реальности — идишский, ашкеназский. Здесь у большинства дееспособного населения примерно такая же психология. Люди или успели лиха хлебнуть за три года жизни в «стране советов», друзей, родственников, детей потеряли, от голода, от тифа, испанки, *чрезвычайек и комбегов*. Великого писателя Бунина почитай, «Окаянные дни». На ГИП он через десяток лет нобелевским лауреатом станет, здесь пока — просто великий русский поэт и прозаик. На мой вкус — как поэт даже лучше...

Уваров не то чтобы удивился культурному уровню полковника. Особо удивляться было нечему — всё ж таки человек *нашего круга*, царский ещё гвардеец, в Серебряном веке выросший (лучшие театры с билетами в партер «не дальше седьмого ряда», а такой билет — четверть жалованья мелкого чиновника или армейского подпоручика), книги читавший даже на войне.

Совсем другое его удивило — как сумел всего за пять лет бывший белогвардейский капитан, случайно (а случайно ли?) встреченный на стамбульском бульваре Новиковым и Шульгиным, так великолепно вписаться в логику и психологию совершенно чуждых ему почти по всем параметрам реальностей и человеческих общностей.

Сам он, второй год *контактируя* с этой организацией, своим себя там пока не почувствовал. А Михаил

Фёдорович с ним сейчас так легко, свободно, раскованно беседует. Одновременно как старший товарищ и почти ровесник, фронтовой офицер всеми забытой войны и далеко не последний деятель в контролирующей несколько совершенно разных миров организации. Сумел бы сам Валерий подобным образом, сочувственно, понимающе, одновременно и поучительно, говорить со своим правнуком?

— Остальная, не большая, а, так скажем, — *влиятельная* часть полноправных югоросских граждан — солдаты, бойцы, — продолжал объяснять Басманов. — Не устранившиеся многократного превосходства врага и не поддавшиеся на *идейные и материальные* посулы. Почувствуй разницу. Некий бывший поручик Тухачевский (в голосе Михаила Фёдоровича прозвучало откровенное презрение) или полковник Генштаба Егоров пошли на службу к большевикам. Как же — из неудачливого ротного сразу в командармы! В благодарность — золото мешками, кокаин ведрами, мраморные дворцы в центре Москвы, личные бронепоезда с царскими салон-вагонами. А у нас — полковники рядовыми в стрелковой цепи или кавалерийском эскадроне головы клали бесплатно! И победили. За счёт этого самого *идейного бескорыстия!* Такие люди сейчас и составляют элиту здешнего общества. Воевавший вахмистр или подпоручик безусловно выше по авторитету, не говоря уж про «первопоходников», нежели не нюхавший порошу богатей...

— Вроде как в Спарте? — спросил Уваров.

— Кое-чем похоже. Но любая аналогия вредна и опасна, если на её базе делать выводы о текущем моменте. Спарта — уж очень далеко. Израиль, третий раз повторяю, гораздо ближе. Все, кто собрался в Югороссии, кто за неё воевал, кто её сейчас строит — братья, друзья, единомышленники, однополчане. Остальные, а также и весь окружающий мир — враги. Принципи-

альные или, точнее сказать, инстинктивные. Со скорпионом ведь у нас нет «принципиальных» разногласий, но кусает, бывает и насмерть, при любом подходящем для него случае.

— Спасибо, утешили. Значит, в вашей «тихой заводи» опасаться нужно всех?

— Станный вывод, — стряхивая пепел с папиросы за откос стены, удивился Басманов. — Совсем наоборот. Ты, особенно если будешь в военной форме, и твои девушки — на подсознательном уровне будете восприниматься большинством окружающих как свои. Ну, а меньшинством — естественно, наоборот. Но это всё я о коренной России говорил. Здесь, в Царьграде, немножко по-другому. И население до крайности пёстрое, и психология, что ни говори, — восточная. Правда, турок здесь не так много осталось, русских тысяч сто сюда уже перебралось, греков много, армян, евреи из бывшей черты осёдлости массами хлынули. От ножа в спину в закоулках Галаты я тебе гарантий не дам. Тут уж — каждый за себя. Но в целом жить можно, не хуже, чем в Ташкенте вскоре после присоединения...

— От ножа как-нибудь уберегусь, — ответил Валерий, — если вообще по тем закоулкам ходить придётся. Мы тут не для этого. Мне Тарханов сказал — на друзей там, где окажешься, можешь положиться...

— Конечно, можешь. Во всех отношениях. Однако... — в голосе полковника Валерий услышал знакомые нотки училищных наставников. — Мы с тобой всегда, от присяги до могилы — на переднем крае. Кому доверять спину и голову — нам решать. Откуда враг может ударить — тоже нам. Сколько сможем отличать первых от вторых, столько и жить будем.

Ценное замечание и хорошо сформулированное.

— Вы, Михаил Фёдорович, быстро эту науку постигли?

— Раньше, чем в землю лёг. Ты в каком возрасте на первую войну попал?

— В двадцать два, сразу после училища, — ответил Уваров.

— Я в двадцать один. Так у тебя какая война была? За первые полгода службы в твоём полку, бригаде, что там было — сколько убитых?

Уваров задумался, начал прикидывать.

— Ну, насколько помню — человек тридцать, в бригаде. Правда, там в одном оазисе сразу кавалерийский взвод в спину перестреляли. Как раз предательство.

— Бывает, — потянул из портсигара очередную папиросу Басманов. — А под Берендеевкой сколько потерял? — словно прокурор на допросе, чуть поднажал он голосом.

— Под Берендеевкой — из роты почти сорок... Так мы ж сами видели, что там творилось.

— Да что ты оправдываешься, что ты оправдываешься, — вспыхнул полковник. — А вот на том *пятачке*, где я свои первые бои принял, за неделю шесть тысяч убитых, пятьдесят тысяч раненых. В начале Мировой войны в основном шрапнелями стреляли, и на предельных дистанциях на одного убитого два десятка легко раненых приходилось. Меня три раза шрапнельной пулей по голове и поганам задевало — и ничего, как видишь. Зато потом статистика своё взяла, — он скривил губы и сквозь зубы втянул воздух. — И убило вокруг меня, по самой грубой прикидке, только на дистанции прямого выстрела¹ тысяч сто человек, за те *девяносто четыре года*, что я на службе числюсь.

От услышанного Уварову стало настоящим образом не по себе. Очень трудно было себе представить, даже при его боевом опыте — *девяносто четыре года* войн,

¹ «Прямой выстрел» — артиллерийский или винтовочный — расстояние, когда зрительно наблюдается цель и верхняя точка траектории не превышает её высоты.

начиная с тёплого и солнечного лета девятьсот четырнадцатого и по сей день!

— Но я тут не один такой, — успокаивающим тоном продолжил Басманов. — Есть у нас капитан Ненадо, ты с ним наверняка в Берендеевке вместе выпивал, а потом он ещё и на Валгалле девушкам вашим помогал, так у него фронтовой стаж побольше моего. На сём заканчиваем, я голоса слышу, команда твоя идёт. В другой обстановке я с ними предпочёл бы встретиться, но, как один поэт не из твоей истории написал: «Времена не выбирают, в них живут и умирают».

Последние слова полковника прозвучали, как показалось Валерию, несколько двусмысленно.

— У нас, вообще-то, всё под контролем, — попытался успокоить его Басманов. — За исключением непредвиденных случаев, или, ещё точнее — предвидимых теоретически, но по месту и времени непредсказуемых. Вроде появления прямо здесь и сейчас над нашими головами дугтурской «медузы»...

Гидроплан приводнился на внешнем рейде и, подрабатывая двигателями, подошёл к причалу военно-морской базы, где, кроме нескольких эсминцев, возвышался у стенки недавно прошедший полную модернизацию «Гебен», свежеекрашенный в оливково-серые тона. Решением адмирала Колчака ему было оставлено исходное название (в турецком флоте он именовался «Явуз Султан Селим»), как бы в назидание потомкам и врагам. Примерно так, как город Баталпашинск¹ был назван «в честь» разгромленного в этом месте, никому по иному поводу не известного Батала-паши.

Уваров, хорошо знавший историю, с большим интересом и вниманием рассматривал линейный крейсер, сыгравший столь большую роль в истории всех трёх

¹ Ныне — г. Черкесск, столица КЧР.

★ (что очень интересно само по себе!) известных ему параллельных миров.

Приходилось слышать мнение, что если бы англичане не пропустили «Гебен» с «Бреслау» в турецкие проливы в августе четырнадцатого года, не случилось бы вообще ничего последующего. Ни завершившейся несколькими революциями четырёхлетней Мировой войны, ни катастрофы распада четырёх Великих Империй¹. Естественно, и возникновения сразу трёх «исторических развилок».

Скорее всего, вышло бы так, как планировали абсолютно все тогдашние стратеги и политики. Короткая европейская война до «осеннего листопада». А вот английские адмиралы осуществили свой план, не тронув немцев своими линейными крейсерами, и получили то, что получили, причём, что самое несправедливое, не они лично, а миллионов тридцать невинно пострадавших солдат и мирных жителей².

На набережной их уже ждали три роскошных ландокабриолета «Чайка», для покупки которых иностранные монархи, главы государств и просто очень богатые эстеты записывались за год и более. Слишком хороша была машина — стосорокасильный многотопливный двигатель, хоть сырой нефтью, хоть керосином и любым бензином заправляй, приёмистый и удобный в обслуживании, коробка скоростей с синхронизаторами, простые и надёжные тормоза, гарантия безремонтного пробега в сто тысяч километров!

Уваров, Катранджи, Басманов и Кристина разместились в средней «Чайке», девушки по двое, плюс по два офицера в качестве гидов и охранников (что «валькирий» слегка развеселило), в первой и третьей. В сопро-

¹ Российской, Германской, Австро-Венгерской, Турецкой.

² См. Б. Лавренёв «Стратегическая ошибка».

вождении ещё двух не бросающихся в глаза броневиков охраны делегация тронулась в путь.

Вначале кортеж часа полтора покругил по городу, и гости непосредственно, с расстояния вытянутой руки, увидели, во что превратился Царьград-Константинополь, бывший Второй Рим, после пятисот лет турецкого владычества вновь возвращённый в лоно православной цивилизации. Сравнивать то, что было ещё в двадцатом году, с тем, что получилось сейчас, никто, кроме Басманова, само собой, не мог. Да и Катранджи, хорошо знавший этот город полувеком позже, ничего не узнавал, кроме общей топографии и наиболее приметных из уцелевших архитектурных памятников. Ибрагим испытывал сейчас сложные чувства.

То, что город стремительно русифицировался, судя по вывескам, рекламам, преобладающему на улицах языку и общей атмосфере, разумеется, раздражало и ущемляло его «гонор». Но при этом он был человеком широких взглядов и «гражданином мира», потому и размышлял «без гнева и пристрастия». Для умного, непредвзятого человека такой «Царьград» ничуть не хуже вестернизированного в другой реальности Стамбула. Скорее всего — лучше. Русское присутствие не так бьёт по глазам и чувствам, как американское.

Гости, свободные от воспоминаний и ассоциаций, просто смотрели, постепенно убеждаясь, что прошлое существует не только в качестве картинок в книгах и на плёнках старых кинохроник, но и наяву. Здесь и сейчас. Всё вокруг абсолютно подлинно, люди на тротуарах и бульварах живые и настоящие. Попробуй Настя, Марина, Маша, глядя через борт открытой машины, представить, что на самом деле их нет, а то и вообще никогда не было! Вот этих молодых мужчин разных национальностей, распивающих кофе, пиво, вино и арак за столиками под полосатыми зонтами на бульваре, где всего пять лет назад Новиков с Шульгиным

★

встретили капитана Басманова, лишённого надежд, проигравшего все свои войны, голодного, потерявшего Родину и пресловутый «смысл жизни». Вся разница, что *тот* капитан Басманов оставался человеком, не готовым продать греку даже сапоги «за чечевичную похлёбку», будучи голодным никак не меньше, чем Исава. Не говоря об офицерской совести. Потому и не пришлось ему на Елисейских полях ботинки всякой сволочи чистить!

«Всего пять лет! Только-то!» — невольно подумал полковник, краем глаза увидев знакомую, историческую для него скамейку под кроной гигантского платана. Теми же словами подумал, что тогда — о времени, прошедшем после «царского»¹ выпуска из училища и до крушения всего привычного мира и его собственно-го превращения в жалкого, никому не нужного эвакуанта². Проще говоря — беженца.

Завершив экскурсию, кортеж без остановок отправился к историческому, по-своему, месту. На обрывистом берегу моря, вдали от городских строений располагался ресторан, без затей названный «Византия».

По словам Басманова, именно здесь всё «Братство» тогдашнего состава отмечало Победу, казавшуюся окончательной. Да, собственно, для Югороссии такой и ставшей. Место Уварову, его девушкам и даже Катранджи показалось весьма подходящим. С большим вкусом выбранное и оформленное. Этакое сочетание глубокой древности с нынешним модерном. Руины мощных средневековых стен, крытая дубовая веранда, вознесённая над древним фундаментом, оплетённая очень старыми, но густыми виноградными лозами и

¹ «Царский выпуск» — в июле 1914 г. в предвидении неминуемой войны юнкера и пажи старших рот были произведены в подпоручики без выпускных экзаменов, специальным именным указом. Из столичных училищ — большинство в Гвардию.

² См. роман «Бульдоги под ковром».

какими-то местными буйноцветущими лианами. Внизу, насколько видит глаз — бирюзовая, вся в солнечных бликах гладь Мраморного моря. На рейдах и в гавани — множество торговых и пассажирских пароходов, среди которых весьма солидно и убедительно расположились боевые корабли разных классов.

Между опорными столбами веранды и древними мраморными колоннами, раскачивая занавески, глянцевою, словно бы лакированную листву и цветы экзотических растений, шелестит совсем лёгкий бриз.

Приятно, красиво, умиротворяюще, особенно для людей, неизвестно чьей волей оказавшихся в глубоком прошлом.

Ресторан был совершенно пуст. Сюда и так заезжали компании в основном по предварительной договоренности, а сейчас, стараниями Басманова, не оказалось вообще никого. Официанты, предварительно накрыв длинный общий стол, ждали последующих распоряжений во внутренних помещениях.

Только в правом углу, за двухместным столиком у самого парапета, ограждающего крутой обрыв к морю, сидел, сучая в одиночестве, господин лет пятидесяти, профессорского облика, в чесучовом костюме. Перед ним графин красного вина и тарелка местного сыра. Он курил, неторопливо и задумчиво, и только услышав весёлые женские голоса, повернулся. Наверняка странная по этому месту и времени компания — пять слишком красивых девушек, три мужчины, из них два в военной форме, — его заинтересовала. Вопреки приличиям господин начал рассматривать каждую из эффектных особ чересчур откровенным взглядом. Даже Анастасия, при её характере, почувствовала себя неудобно, словно случайно вышла на люди, забыв надеть юбку. Такое, конечно, бывает только во сне, но и после пробуждения оставляет в душе трудно стираемую тревогу.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Утром, перед отправкой группы Уварова с Катранджи в Югороссию, Секонд появился на Столешниковом без предупреждения и раньше, чем можно было ожидать. Фёст вообще думал, что ближайшие два-три дня никто его не побеспокоит и он спокойно сможет заняться собственными делами с местными журналистами и подходящими для участия в «Мальтийском кресте» офицерами из «Чёрной метки». К тому же были у него кое-какие интересные соображения насчёт работы с президентскими друзьями.

Сильвия, считая большую часть миссии, ради которой её пригласили, успешно выполненной, собиралась на какое-то время отлучиться в Лондон. Она выскочила оттуда «по тревоге», не зная даже зачем, и Берестин продолжает свою партию в бридж, не подозревая, что его подруга не сплетничает в салоне с баронессами и герцогинями, а опять ввязалась в мировую политику.

Но в том и суть жизни фронтового офицера, что и на час вперёд не может он знать свою судьбу. Хотя на отдых отвели, и до передовой очень-очень далеко, а зазвонил телефон, или ординарец с пакетом на пороге застучал сапогами — и по новой: «Запрягайте, хлопцы, коней». Было дело, отпраздновали Новый год однажды¹...

Секонд выглядел не то чтобы расстроенным, но и не слишком весёлым. Как бы между прочим сообщил, что после встречи с Президентом Император выразил ему «высочайшее недоумение» по поводу явно неподготовленной встречи, поэтому генеральские погоны в ближайшее время приобретать не стоит. А у них была с аналогом такая полушутливая договоренность — чины получаемые одним, становились как бы общими. В Москве оба воевали полковниками, и теперь, получи Се-

¹ См. роман «Дырка для ордена».

конд генерал-адъютанта, и Фёсту в подходящей обстановке носить бы беспросветные погоны со свитскими аксельбантами.

— Олег сказал, что бессмысленной трепотни насчёт демократии и так называемых «свобод» он за годы своего «местоблюстительства» от всяких каверзневых достаточно наслушался. Если мы считаем работу по «Мальтийскому кресту» перспективной, то можем продолжать, не в ущерб прочим служебным обязанностям, а он препятствовать не будет. Но в следующий раз будет смотреть только *окончательные* документы. А пока у него и других забот достаточно.

— Представляю, — сочувственно кивнул Фёст. — Это он ещё крайне мягко выразился. Другой бы мог под горячую руку вообще вернуть тебя «в первобытное состояние»¹.

— В том и дело. Теперь желает вновь с Сильвией Артуровной повидаться. С одной стороны, поостыл немного, с другой — опять, похоже, «на приключения» потянуло. Боюсь, в зависимости от итогов очередного свидания он и решит, что с нами со всеми делать. Я, признаться, теперь и не знаю, как к ней с этим делом обратиться. Глупо всё это. Прямо тебе «Сказка о золотой рыбке».

Он не стал говорить, что во всей истории виноват персонально брат-аналог, затеявший очередное «спасение России». Раз сам не возразил, когда нужно было, значит — оба хороши.

— Чего это ты вдруг не знаешь? — спросила ясным голосом и благодушным тоном Сильвия, выходя из полуоткрытой двери своей половины квартиры. В утренней тишине через высокие гулкие коридоры слова Секонда были слышны в соседних комнатах. — Думаешь,

¹ Принятое в XIX веке выражение, соответствующее нынешнему «в исходное», т.е. в тот чин, с которого начиналась карьера Ляхова.

★

я вас в беде брошу? Ну уж нет! Ваш государь сам «Крестом» увлёкся, как юнкер — гимназисткой. Это я ему и объясню. И за себя не опасайтесь, и за общее дело — тоже. Как офицеры в Белом Крыму пели:

Мы на смерть ходили
С голыми руками.
Только вера да удача
Выручали нас...

А мы далеко не с голыми. Все теперь вполне вооружены, так что же горевать? Он меня когда видеть желает?

— Да как подъехать успеем, так и ждёт...

— Ну, полчаса на сборы ты мне дашь? А вы пока завтрак сообразите, с учётом моих вкусов.

— Овсянку, что ли? — с наивным лицом спросил Фёст.

— Мы, мой милый, сейчас совсем не в Англии и даже не в Шотландии. Прояви русскую смекалку, — улыбнулась она. И тут же притворно вздохнула: — Вот всегда так. Собралась к мужу вернуться, а тут снова... Что ж, придётся Алексею ещё немного подождать. Надеюсь, в прах не проиграется.

Она скрылась за дверью, оставив Ляховых, с некоторой растерянностью глядящих друг на друга, словно в зеркало. Они всё-таки ещё плохо знали леди Спенсер, не успели привыкнуть к полной (на обычный взгляд) непредсказуемости этой «старшей сестры».

— Таким, значит, образом, — с явным облегчением сказал Секонд. — Одна проблема разрешилась к взаимному удовольствию.

Он на самом деле чувствовал себя крайне неудобно, готовясь выполнить поручение Государя. Пусть для обычного адъютанта задание — пригласить даму на свидание с Императором — было вполне в рамках служебных обязанностей, так полковник Ляхов себя

«обычным» всё же не считал. И Сильвия никак не могла им восприниматься как «просто дама».

— Олег твой всерьёз, что ли, на неё запал? Тогда как бы из неё вторая Екатерина Первая не получилась... — со смешком скаламбурил Фёст, до предела понизив голос. — Оно, может, и к лучшему.

— Не совсем так. *Первую стадию* Государь уже проскочил. Теперь леди Си интересуется его в основном как самая умная из окружающих женщин. Советница ему требуется и верная союзница...

— Особенно если советы будут в постели подаваться, — цинично скривил губы Фёст. — Ночная кукушка всегда дневную перекукует — не нами придумано.

— Не наше дело, — прекратил тему Секонд. — Не по чину. Есть второй вопрос, поближе. Тарханов распорядился для обеспечения крайне важной дипломатической миссии, связанной с окончательной перевербовкой Катранджи, отправить в Югороссию Уварова и отделение наших кавалерист-девиц в полном составе. На неделю примерно. Независимого времени. Я уже распорядился, они скоро сюда подъедут. Не из казармы же их забирать.

Они уже привыкли оперировать такими категориями — «зависимое время», «независимое», «боковое» и в этом роде. Пусть до конца и не понимали, в каких случаях возможно возвращаться из *командировок* практически в момент отправления, а когда — наоборот: и несколько часовая отлучка в иные миры растягивается на месяцы, если не больше. Кое у кого больше четверти века получилось. Вся, считай, жизнь Фёста уложилась в отрезок между началом *прогулки* Новикова, Шульгина и прочих «братьев и сестёр» по планете Валгалла и их возвращением на ГИП.

— В Югороссию? Для чего, интересно?

— Да это уже чекменёвские игры. Я тебе просто раньше сказать не успел. Решил он после Одессы Кат-

★

ранджи всерьёз заняться, тем более что отношения у нас с ТАОС стремительно портятся, а иметь ещё и весь «Интернационал» врагами — трудновато выйдет. Цена вопроса обычная. Ибрагим, чтобы ни от кого не зависеть, у нас оружия просит. Взамен обещает всемирную (а также и всемерную) поддержку по всем азимутам.

— Нормальное дело, — ничуть не удивился Фёст. — Это и у нас так было. Сначала Союз любому туземному царьку, что обещал у себя социализм строить, оружие гнал немерено и даром. Потом заводы и плотины возводили, под беспроцентные и бессрочные кредиты. В подходящий момент этот царёк «советских братьев» посылал на хрен и перебежал на противоположный берег. Мудрецы из Политбюро утирали сопли и начинали искать нового вождя, «идущего по некапиталистическому пути». Так эта волынка сорок лет продолжалась, пока самим жрать нечего стало и накрылась вся грандиозная идея... Сам знаешь чем.

— У нас не накроется, — успокаивающе сказал Секонд. Когда брат-аналог начинал вспоминать о реалиях своего мира, он очень быстро выходил из себя. — Во-первых, оружие Ибрагим будет получать исключительно за наличный расчёт, а во-вторых — таких образцов, что ни запчастей, ни боеприпасов к ним нигде не найти, хоть все наши военные заводы перешерсти, всех интендантов скопом купи. Советские автоматы, пулемёты, пушки и танки даже шестидесятых годов на порядок эффективнее всего, здесь существующего. И совершенно ни на что не похожи. То есть никакая ООН или международная инспекция нашей России претензий предъявить не сможет в нарушении эмбарго или в чём похуже... Пусть у пленных боевиков спрашивают, откуда у них такие игрушки.

Фёст засмеялся:

— В принципе толково. Только откуда возьмёте? Здесь на базах хранения такого добра — завались. Да-

же трёхлинеек и ППШ миллионы, пушки образца 1902/27 сам видел. Так ведь *наш* Президент не даст: «по той же самой причине», как Павел Первый выразиться изволил.

— А у него никто просить и не собирается, — теперь уже Секонд усмехнулся. — В Югории места достаточно, чтобы дубликаторы запустить. Нам отсюда всего по штуке каждой системы потребуется. Найдём.

О существовании «дубликатора Воронцова-Левашова» Фёст слышал, но лично видеть не приходилось. И осталось за пределами воображения, что один-единственный автомат или танк в считанные часы можно растажирировать в промышленных количествах, без затрат каких-либо материалов, кроме электроэнергии. Да и той не так много нужно, не больше, чем для повседневных нужд небольшого города.

Когда-то, лет, может, в десять, Фёст прочитал в старой отцовской подшивке журнала «Знание — сила» ещё пятидесятых годов статью, где говорилось о возможности путём рекомбинации атомов получать из вакуума, или так называемого «океана Дирака», любые материалы, в том числе и пищевые продукты. Далее делался вывод — когда наука станет «непосредственной производительной силой», тут и наступит настоящий, полный коммунизм. Поэтому Коммунистическая партия и Советское правительство считают своей первоочередной задачей...

Юный Вадим показал статью отцу (а уже начиналась *перестройка*) и спросил, почему же так до сих пор наука не решила эту задачу? Вот бы сейчас жили!

Отец, как сейчас вспомнил Фёст, улыбнулся с ностальгической грустью в глазах и ответил что-то вроде: «Идеология всё преодолевает, прежде всего — рассудок». Вадим тогда, конечно, истинного смысла его слов не понял, но общий настрой уловил.

Циничная, как всегда, ирония судьбы заключалась в

том, что именно в восемьдесят четвёртом, последнем безмятежном, году «развитого социализма» Левашов с Воронцовым придумали свой дубликатор, то есть воплотили в жизнь идею автора статьи (Гуревич, кажется?). И не захотели в очередной критический момент истории довести своё открытие до всеобщего сведения.

А если бы? На какие-то секунды Фёст вдруг почувствовал острую неприязнь ко всем «братьям» сразу. Устроили себе, значит, персональный рай (или пресловутый коммунизм), интеллектуальный и материальный, а страна, народ — пропадай? Да если б запустить на полный ход по всей стране эти дубликаторы в те скудные, почти голодные годы! Как бы все были счастливы! И СССР бы не развалился, и Западу *настоящий укорот* бы дали!

— Что ты, братец, глазками засверкал? О чём подумал? — спросил Секонд, до сих пор, несмотря на всё ширящееся расхождение между их личностями, умевший *поймать* мысль аналога. — Наверняка о недостроенном по вине Шульгина с Новиковым коммунизме загрустил? А ведь лет на двадцать раньше меня Стругачих наизусть заучивал. «Хищных вещей» тебе мало?

Сам он прочёл эти книги в зрелом уже возрасте, и с точки зрения человека не того мира, для которого они писались. Но основное было понятно. Велика ли разница — всего лишь восемьдесят лет раздельного развития. А так — одно и то же. Психология человека с времён Древнего Египта и Шумера не изменилась, о чём и глиняные таблички с доносами свидетельствуют, и вершины тогдашней поэзии.

Ну, правда, психология людей будущего, особенно обрисованная в «Попытке к бегству», ему не понравилась! Мы, значит, в XX и уже в XXI веках совершенно адекватно воспринимали и воспринимаем факты и поведение людей хоть второго века до нашей, хоть восемнадцатого нашей эры (ладно, пусть не совершенно аде-

кватно), но даже о Пунических войнах, не говоря о Крестовых походах и Бородинском сражении, понятие имеем. Нравы и обычаи, характер исторической формации, движущие силы, причины и следствия — обо всём и в школе учили, и в развлекательных книжках читали. Попав туда, как-нибудь адаптировались бы. А вот в безмятежном (якобы) коммунизме, где уровень образования (по другим книгам авторов судя) не в пример выше нашего, «коммунарам» за полтора года настолько *промыли мозги*, что они даже поверить не могут, что феодализм вообще бывает, и при нём (и других формациях тоже) людей можно голыми на снег выгонять и копьями насмерть колоть! И для самообороны, а также восстановления социальной справедливости стрелять не только можно, но и нужно. Но у тех в принципе симпатичных ребят, с высшим, естественно, образованием, и, хотя бы против тахоргов, карабины применять умеющих — при одной мысли, что цель, бывает, оправдывает средства — нервная трясучка началась.

И что ж там у них за отделы пропаганды такие гениальные, что до такой степени интеллектуальной деградации лучших людей (космолётчиков) довести сумела, какая и в сталинские времена не снилась?

В словесном выражении мысль Секонда заняла полстраницы, а на самом деле — секунду или две. И аналог ему ответил тут же.

— Да, об «идеальном» коммунизме подумал, — не стал возражать Фёст. — Что «реального» касается — ты такого не видел, а я громадные гастрономы, где на километрах полки ничего, кроме морской капусты, — ох, как помню. Сутки-другие — и их бы не хуже, чем сейчас здесь, заполнить можно было...

— **Бы!** — веско сказал Секонд и даже ладонью по столу для убедительности пристукнул.

— Да я и сам уже одумался. В этом «бы» всё и дело.

Кому в те времена дубликатор отдашь? Что самородок-изобретатель отец Кабани со слезами говорил? *«Не для того я колючую проволоку изобрёл, и «мясокрутку» не для того»*. «Назад верните» — просил! Ан уж поздно...

Фёст снова резко сменил настроение. Чего грустить о давно пролетевшем, да и безвариантном, на самом деле?

— Ну, суть понятна. «Эскаэсов», «калашей» всех видов вы им пару миллионов наשלёпаете. У нас здесь, на свободном рынке, хороший «АКМ» российского разлива стоит в четыре раза дороже китайского, «ТТ» послевоенный — в десять. В вашей гуманной реальности, я так прикидываю, исходя из имеющихся проблем, качественные стволы европейского производства вообще купить сложно, следовательно, цена будет, какую запросите. Особенно если на следующий уровень подняться. Тяжёлая техника. То, что можно из советских изделий предложить, — почти по Шекли, «абсолютное оружие». Против любых танков, включая и нынешние российские — «САУ-сотка» или «Т-34-85» — как бульдозер против «Запорожца». Но тут же возникает очередной вопрос, как всегда. Ну, сдержёте вы с Ибрагима и его «Интернационала» миллиарды и миллиарды натуральных «Халифатских реалов»¹, так кто мешает, минуя «долгий и утомительный процесс», сдублировать столько же этой «мелочи», ничем не утруждаясь?

— Эх, братец, — сказал Секонд, загрустив от взаимного недопонимания и оттого, не сдержавшись, разлил в рюмки понемногу коньяка, приготовленного для завтрака с Сильвией. — Тебе бы со мной местами не только в бою меняться, тебе бы через раз вместо меня на

¹ Халифатский реал — золотая монета, чеканящаяся в столице «Халифата Магриба и Северной Африки» Сиди-бель-Абессе. Содержание золота 96-й пробы — 25 грамм (в Российской червонце — около 8 гр.).

лекции в Академию ходить. Сообразил бы, что золото золотом (причём его появление ещё замотивировать надо), а где ты несколько миллионов бойцов найдёшь, готовых за нас (или там где нам надо) воевать? Мы ведь всю вообще мировую конфигурацию изменить собрались, да ещё и с явной прибылью, а не в убыток. Нет, правда, давай попробуем: ты — в аудиторию, а я — по девкам... Давно тебе пора своё образование систематизировать.

— Это по каким, интересно? — с тонким дрожанием в голосе стальной струны спросила так же внезапно, как недавно Сильвия, появившаяся Людмила. Она же — подпоручик Вяземская.

Фёст досадливо хлопнул себя ладонью по колену. Сказал же брат-аналог, что «валькирии» скоро должны появиться. Вот и появились. Консьерж их пропустил без вопросов, входную дверь с помощью блок-универсала открыть ничего не стоит. И тут же услышали то, что для них совсем не предназначалось.

Слух ли у каждой женщины такой нечеловеческий, или *гендерный инстинкт* направляет туда, где два мужика попросту сидят себе на кухне, ничем, кроме привычного словоблудия, не злоупотребляя? И ведь надо же — недели не прошло, как поняла Люда, что Фёст — *готов*, и уже не хватает терпения перемолчать, как пристойно подпоручику в присутствии двух боевых полковников.

Сейчас она ощущала себя будущей Ляховой-первой (а Майя, к которой она с дня первого знакомства испытывала нечто вроде женской ревности, само собой, станет «второй», что Людмилу чрезвычайно радовало). Одета она была вполне «по-боевому», но так, чтобы не выделяться на улицах хоть одной, хоть другой Москвы. Достаточно свободные джинсы, скрывающие пистолет, пристроенный на бедре в прорези левого кармана (урок Фёста даром не прошёл), водолазка цвета хаки,

«хвостом» собранные волосы. Никакого макияжа. Даже пронзительный взгляд своих сиреневых глаз она научилась маскировать длинными ресницами.

Дело в том, что Людмила, подогреваемая непривычным ей пока чувством, перепутала голоса. Пройдя из прихожей в коридор между квартирами, она услышала обрывок разговора, и ей показалось, что насчёт «девок» сказал именно он.

— Да к таким, как ты, — ответил Секонд. — Чтобы, наконец, научить вас, что грешно издеваться над человеком, желающим вам только добра. Это я имею в виду поручика Полусаблина.

Означенного поручика, командира «женской роты», девяносто подчинённых ему девиц (семь «валькирий» погоды не делали) из природной вредности доводили до грани тихого помешательства, демонстративно, «согласно устава», являвшиеся на утреннюю зарядку топ-лес.

«А там, господин поручик, статья семнадцатая, ясно сказано — «в трусах и лёгкой обуви. В грязь и дождь разрешаются сапоги».

Другой бы, на месте Полусаблина, радовался ежедневному бесплатному стриптизу (да какому!) или придумал для нахалок нечто остроумно-неприятное. Начав, например, тоже «согласно устава», комментировать несовпадение имеющейся анатомии с «высочайше утверждённой». А ещё лучше — приказать в дождик, с лужами на штурмполозе: «Рота, по-пластунски, до первого рубежа и обратно!» — и тщательно следить, чтобы упражнение выполнялось по всем правилам. Раз такие знатоки и ценительницы уставов — так извольте. Но — не каждому дано, особенно если на медицинском факультете не учился.

— Ах, извините, господин полковник, не поняла. — Людмила изобразила нечто вроде книксена. Знает, зараза, что не в том настроении и «жених», и начальник,

чтобы осадить её, как чины позволяют. — Просто не выношу я, когда *свои* мужчины о *других девках* рассуждать начинают.

— Вот, камрад, до чего доброе отношение к личному составу доводит, — развёл руками Секонд. И, уже к Людмиле обращаясь: — И чем же тебе, подпоручик, другие девки так не нравятся, если вы знаете, что вы — всё равно лучше? А где же *гендерная солидарность*? — Секонд откровенно развлекался, пользуясь возможностью не думать о серьёзных вещах хоть несколько минут. — И имей в виду, раз и навсегда, я тебе, пока погоны не снимешь, никакой не *свой*. Даже когда невесткой мне станешь, деверем и по имени сможешь называть только при совместном проведении отпуска. Доходчиво?

В шутку или не в шутку, он сейчас сказал то, что Фёст и Людмила вслух пока не обсуждали. И сразу всем стало просто и легко. Не нужно больше никаких «политесов», недоговоренных фраз, попыток «на людях» демонстрировать безразличие друг к другу. Хоть сейчас Секонд сумел показать «близнецу», кто из них старший. А старший брат, как известно, второй отец.

— Что ж, ребята, раз на мои слова ни от кого возражений не последовало, считаем вопрос решённым. По глотку шампанского в ознаменование момента, после чего, поручик Вяземская, передайте Вельяминовой мой приказ построить отделение.

Людмила ещё не до конца пережила случившееся и не сообразила — в каком отношении ей теперь предстоит находиться с Анастасией. Так-то комвзвода, а если по иному счёту? Она, считай, обручённая невеста одного полковника Ляхова и, соответственно, родная невестка второго, а та — всего лишь подполковника Уварова. Интересно складывается. Не зря старые уставы и законы ещё с времён Петра препятствовали соз-

★ данию подобных конфликтов служебных и родственных интересов.

Ляхов объявил построившимся в коридоре девушкам, что *исполнительная* команда получена и они немедленно отбывают в пункт сбора. Вадиму показалось — его слова особого энтузиазма не вызвали. «Валькирий» уже увлекла сравнительно вольная жизнь в *другой* Москве и возвращение к казарменной не радовало. Да и вместе с Фёстом им воевать понравилось. Настоящий командир, и без штаб-офицерских замашек. Но ничего не поделаешь, служба есть служба.

Фёст всего на минуту-другую уединился с Людой, несколько раз торопливо поцеловал, шепнул обычные при прощании слова. Она крепко обняла его за шею, прижалась всем телом, кажется, даже всхлипнула едва слышно. И тут же, отстранившись, превратилась в идущую на задание девушку-бойца.

Проводив Секонда с девушками до двери, выводящей в нужное место и время, Фёст громко, чтобы Сильвия через закрытую дверь услышала, предложил:

— Может, мы, пока Вадим девчат проводит и вернётся, в городе позавтракаем? А то что я вам приготовлю? Яичницу разве? Часа полтора-два у нас есть. Я подходящее место здесь неподалёку знаю. Или на той стороне что-нибудь найдём.

— Как скажешь, — ответила Сильвия, появляясь из своей комнаты, уже полностью готовая, чтобы предстать перед Высочайшей особой. На этот раз она придала себе облик, подобающий рангу посла с особыми полномочиями. С учётом стилей и нынешней Императорской России, и Югороссии тоже. Сделала элегантную, но строгую причёску, нанесла едва заметный дневной макияж. Надела фисташкового цвета костюм английского покроя, не слишком изменившегося за девяносто лет, разве что узкая обтягивающая юбка была покороче, чуть за колени, с разрезами до середины

бедро по бокам. Туфли змеиной кожи на шпильках такой высоты, чтобы ноги выглядели наиболее выигрышным образом. Серьги, кулон, два перстня. Неброские, но сразу видно — антиквариат немислимой ценности.

Фёст подумал, что леди Спенсер наверняка отлучалась за пределы квартиры, в тот же Лондон, где у неё и богатый гардероб имеется, и собственный куафер-стилист. Невозможно при помощи подручных средств за полчаса так преобразиться. Молча выразил положенное восхищение.

— Только ты и сам переоденься, а то слишком у нас в дресс-кодах большой диссонанс получается. Пойдём в гардеробную, что-нибудь подберём.

В квартире имелся ассортимент одежды почти на все случаи жизни.

Сильвия занялась поисками костюма и прочих аксессуаров, гармонирующих с её теперешним обликом.

В это время в кабинете зазвонил городской телефон.

Фёст снял трубку и услышал голос президентского друга Контрразведчика.

— Надо бы встретиться, Вадим Петрович, — без предисловий сказал тот. — Прямо сегодня, часика через два устроит?

Эта линия, подключенная к городской телефонной сети, была абсолютно непрослушиваемой никакими техническими средствами этой реальности, но Ляхов иллюзий не питал. В кабинете собеседника и в его аппарате могло поселиться любое количество «жучков», запущенных коллегами и сотрудниками.

— Устроит. Место?

Контрразведчик назвал точку randevu в достаточно завуалированной форме, но просто «соблюдая правила игры». Если кто-то, хорошо знающий Москву, их сейчас слышит — в момент вычислит, да и специалистов по наружному наблюдению в любой заинтересованной службе и организации достаточно.

— Договорились.

Фёст повесил трубку и тут же набрал номер кабинета Тарханова. В ту реальность выход тоже имелся, жаль, что сотовая связь там не действовала.

Ситуация начала меняться неожиданно быстро, и он остро пожалел, что остался без поддержки. Сильвия, конечно, прикроет, если потребуется, так её саму Император ждёт.

Только бы успеть!

Он облегчённо вздохнул, услышав голос Сергея. Изложил свою просьбу предельно убедительным тоном.

— Сделаем, — ответил Тарханов, — если уже не улетели...

Несколько минут Фёст сильно нервничал, пока не услышал, что полковник успел и через десять минут Ляхов с названными особами выезжает.

— Что там такое? — спросила Сильвия. — Костюм я выбрала. Посмотри.

Услышав о предложении Контрразведчика, рассмеялась:

— Всё идёт по плану. Этот оказался самым сообразительным.

— Или — наоборот. Нет человека — нет проблемы.

— Едва ли, едва ли. Не рискнут. Однако бдительно-сти не теряй: в стиле их организации — сначала козырей накопить, а потом партию разыгрывать.

Фёст сообщил, что в последний момент успел «снять с поезда» Людмилу с Гертой.

— Молодец. Тогда вообще опасаться нечего, а вот эффектно сюжет завернуть — шансов прибавилось.

Пока Фёст одевался, вернулся Ляхов с девушками. Обсудили обстановку и примерный план действий.

— Не люблю я цейтнотов, — сказал Секонд. — Денёк бы на подготовку не помешал. Экспромты не всегда хорошо получаются.

— Так это ж клиент считает, что меня в цейтнот загнал. Действительно — за два часа толком не подготовишься. Только он не учёл, что его партия для нас уж больно банальная, и двух проходных пешек на предпоследней горизонтали не видит. «Туман войны» в шахматах — на такое партнёр уж никак не рассчитывает...

— Жаль, Вадим, наш с тобой «деловой завтрак» срывается, — очень убедительно вздохнула Сильвия. Людмила будто только что обратила внимание на парадно-выходной облик жениха и аггрианки. До этого преобладали положительные эмоции от внезапного воссоединения. Полоснула Фёста взглядом. Типа: «Я, значит, только за дверь, а ты уже...»

Но тут же и опомнилась. Он же сам, не прошло и получаса, её обратно вызвал. Так собравшиеся «развлечься на стороне» мужчины себя не ведут. Скорее всего, на случай, если не удастся их с Гертой вернуть, он и решил идти на встречу вместе с леди Спенсер. И вообще хватит себе голову глупостями забивать. Если человек тридцать лет сам по себе прожил и вдруг её нашёл, не станет он прямо в день объяснения шашни со столетней тёткой заводить. Хотел бы — давным-давно успел.

— Да не беда, завтраком нас, надеюсь, с царской кухни накормят, — махнула рукой Сильвия. — Как думаешь, Вадим?

— И не только завтраком, — согласился Секонд. — Вы с нами по блок-универсалам связь постоянно поддерживайте, — это уже Фёсту. — Выдернем, если что.

— Бог не выдаст, свинья не съест. Девочки в случае чего меня и сами *выдернут*.

Людмила и Герта дружно кивнули.

— Заодно, под настроение, намекните Государю, что за свои подвиги эти доблестные офицеры ещё не получили заслуженных наград, — сказал Фёст.

— Не беспокойся. Мы всё равно о дальнейшем со-

★ трудничестве с Катранджи говорить будем, так очень к слову придётся, что если бы не они и подполковник Уваров... Раскрутим Константиныча по полной, — подмигнула ему Сильвия. В мире Секонда такой жаргонизм не употреблялся. — Все в наградном списке будете, не расстраивайтесь.

— Смотрите, Сильвия Артуровна, — с явной иронией сказала Вяземская, — не продешевите там. «География» мы вряд ли заслужили, но уж меньше чем на «Владимира с мечами» не соглашайтесь.

Все засмеялись.

Сильвия оценивающе посмотрела на её обтянутую тонкой водолазкой грудь.

— Пожалуй. Его Величество, думаю, с удовольствием лично увенчает тебя заслуженной наградой.

Людмила опустила глаза.

— Ну, счастливо оставаться. Смотри, Вадим, поаккуратнее здесь. Не зарывайся. В одиночку против Системы воевать не так просто, как тебе в азарте может показаться. В любом случае, думаю, расстанемся мы ненадолго.

Считая, что всё нужное сказано, она направилась к переходу в соседнюю квартиру.

Сильвия с Секондом отбыли, из окна было видно, как они разместились в большом, как раз на этот случай взятом казённом лимузине и тронулись в сторону Тверской «другой» Москвы, а Фёст с двумя помощниками остались в «этой», куда более тревожной и непредсказуемой. Но погода и там, и там по странному совпадению сегодня была одинаковой: тепло, пасмурно, с намёком на возможный летний дождь, хотя календарные даты в этот раз не совпадали больше, чем на месяц.

— Теперь, значит, подружки, придётся нам втроём судьбами мира заниматься. Довожу диспозицию, —

сказал он, адресуясь к Герте. — Как изначально определились, Людмила продолжает числиться консультантом всемирной «Комиссии по изучению и рационализации паранормальных явлений». Приехала сюда вместе с моим братом Петром (то есть вашим Ляховым) из Америки, как бы меня инспектировать. Я его здесь уже кое-кому представил, информация по нужным людям гуляет. В здешних обстоятельствах крыша очень надёжная. Особенно в силу того, что ни одна серьёзная служба такой ерундой, как полусумасшедшие уфологи и телепаты, интересоваться не станет. Вот если б какие-нибудь «врачи без границ» или «журналисты против тоталитаризма» — тут бы коллеги забегали.

— Почему «коллеги»? — спросила Гертта. Она слушала Ляхова, теперь «единственного», и параллельно думала о своём, женском. Странно как-то получается. Совсем недавно она, чисто инстинктивно, при взрыве накрыла его своим телом, а то, что оба не пострадали — это уж солдатское счастье. Чем не повод для начала личных отношений? Вроде правильнее было бы, если б со своей спасительницей он затеял имитацию «любви-игры», когда милиция с контрразведкой нагрянула. Тесная ведь близость судебных наметилась, куда теснее? А вот нет, не её, Людку выбрал. Сыграли они хорошо, спору нет, а потом? Остановиться с разгону не смог, что ли? Неужели для такой внезапной «любви с первого взгляда» достаточно вблизи полуголую грудь и ножки снизу доверху увидеть?

Тут же она признала, что всё правильно сделал Вадим Петрович. Не их же, разгорячённых боем, готовностью убивать и самим поймать шальную или прицельную пулю, посылать полупьяную дурочку-блондинку изображать перед знающими своё дело профессионалами? Любая взглядом себя выдала бы. Невозможно только что в прицел обречённую на смерть живую

★ цель ловить и теми же глазами беспросветную наивность изображать.

Но Герта ещё и о другом размышляла. Глядя, как Людка откровенно начала демонстрировать, что свой выбор сделала *по-настоящему*, сама она ни зависти, ни ревности не испытала. То есть мужчину, которым можно увлечься, она в Ляхове-первом не увидела. И это очень хорошо. Значит, ей нужен кто-то другой. Об этом Наталья Андреевна им на пароходе очень доходчиво объясняла. В том числе и на собственном примере. Той до тридцати лет дожить пришлось, пока не сообразила, кто для неё единственный.

— А как же, если не «коллеги»? — ответил Вадим вопросом на её вопрос. — Все сотрудники определённых служб — коллеги, независимо, на чьей стороне и за какую идею работают. И для вас, «императорских печенегов», здешние эмгэбэшники, кроме тех, кто совсем скурвился, душевно ближе, чем прочие господа, с кем нам тоже скоро встречаться придётся. Так я продолжу, если позволите. Пётр Петрович, как его здесь уже многие знают, отбыл по своим делам в иные палестины, а Людмилу оставил для аудита и оказания практической помощи...

— Не слишком она молодо выглядит для консультанта такому человеку, как вы? — снова спросила Герта.

— Дорогая, мы чем здесь занимаемся? — вкрадчиво спросил Вадим.

— Паранормальными явлениями...

— Оч-чень правылно, — Ляхов небрежно скопировал сталинский акцент. — Так чем они паранормальнее... Здесь все культурные люди видели фильм «Секрет её молодости». Там трёхсотлетняя старушка очень лихо девушку лёгкого поведения изображала. Да и дама, только что нас покинувшая, ненамного её моложе. В нужные моменты Люда может намекать, что на са-

мом деле ей... Столько, сколько обстановка потребует. Доходчиво?

Герта перемолчала.

— А ты, в свою очередь, будешь изображать её подругу. За компанию увязалась, якобы на «стажировку», на самом же деле мужа себе в России поискать. По происхождению ты тоже русская. От американцев и прочих европейцев с их жлобством и политкорректностью тебя тошнит. Чем не легенда? — попутно погордился быстротой своего мышления Ляхов. — Имена вам оставляем прежние, паспорта будут американские. Ты — правнучка героя русско-японской войны адмирала фон Витгефта, сама — тоже «фон», — продолжал он уточнять детали, действительно прямо сейчас приходящие в голову. — Замужем не была, отчего дедовскую фамилию сохранила. С тысяча девятьсот двадцатого года семейство проживает в Сан-Франциско. Вдруг кто спросит — почему не репатриировались, отвечай в достаточно резкой форме — «не ваше дело». В тех кругах, где нам придётся вращаться, — самый подходящий ответ. Заодно сможешь допускать любой акцент, любые фонетические, стилистические ошибки. Нацеленность на поиски мужа позволяют вольности поведения в довольно широком спектре. А в случае, если поведение мужчин, с кем придётся общаться, тебе не понравится, по любой причине, сразу кричи: «Я американская гражданка! Харасмент!»

— А что это такое? — вместо Герты спросила Людмила. Им такой термин был, в силу специфики подготовки, незнаком.

— О, это великолепное американское изобретение. Слава богу, ни в вашей России, ни в нашей, куда более подверженной «чуждым влияниям», не прижилось. Дословно — «сексуальные домогательства». То есть, если тебе мужчина подал пальто в гардеробе, открыл перед тобой дверь или вдруг за ручку без «явно выра-

★

женного разрешения и согласия» взял, ты его свободно можешь с помощью адвокатов раскрутить на любую, даже математикой и здравым смыслом неограниченную сумму, а то и посадить на вполне реальный срок. В России за неотягчённое убийство меньше дают.

Людмила удивлённо округлила глаза, как блондинке, тем более — натуральной платиновой, полагается, а Герта засмеялась.

— В обратную сторону закон не действует?

— Увы, — вздохнул Вадим.

— Хорошо. А то бы сколько мне лет за того Иосифа намотали? Я ведь его тоже — «без явно выраженного разрешения». И не за ручку...

— Всё, барышни, хватит. Вы меня утомили. Ваша «старшая сестра» — тем более. Теперь мы остались втроём, что меня очень радует. Из наличных пятнадцати комнат каждая может выбрать любую. Отвыкайте от казарменной жизни. Имейте в виду — я намерен задержать вас при себе всерьёз и надолго. До окончания «Мальтийского креста» — однозначно. И больше, если захочется. Одним словом, как во дворце «Синей бороды» (он же граф Жиль де Рец, близкий друг Жанны д'Арк), лично моей территорией остаётся вон тот кабинет, — он указал пальцем в направлении длинного коридора «основной» квартиры. — Там хороший диван, много книг, бар и вид из окна в «страну моего детства». Ничего другого утомлённому несуразностями жизни самураю не надо. В остальном — веселись, братва! Начнёте пристально исследовать каждое помещение — такое сможете обнаружить...

Ляхов сделал страшные глаза для усиления эффекта, но в основном был прав. Девушки с базовой агтрианской подготовкой наверняка смогут найти много интересных вещей, ускользнувших от внимания и понимания простых землян.

— Только вот... — Вадим сменил тему. — Завтраком

так никто и не озаботился. У Эрскина Колдуэлла или у Хемингуэя, точно не помню, есть великолепная метафора: «В комнату вошёл парень, длинный, как день без завтрака». Мне что, кухонные наряды среди вас расписать? Или вы надеетесь, что я совсем уже либерал-демократ и двум подпоручицам позволю беспечно порхать и веселиться, а сам к разделочному столу и плите стану? Не дождётесь...

Наслаждался реакцией двадцатилетних девчонок, кроме казармы ничего, по-настоящему, и не видевших, что на своей Таорэре, что в «печенеггах». Так, обрывки и эпизоды «коловращения жизни». Они действительно смутились, вскочили из-за громадного дубового стола, не слишком, впрочем, понимая, что и как следует делать. О наличии пищевых припасов в доме «валькирии» понятия не имели, и кроме неременной яичницы или консервов, мясных или рыбных, ничего в их милые офицерские головки не приходило. При всей своей «универсальности» до пресловутых «щей из топора» их фантазия не простиралась.

— Отставить, — скомандовал Фёст. — Ставлю не-зачёт. Заболтавшись со старшим начальником, то ли расслабившимся, то ли вас специально провоцирующим, вы опять забыли о службе...

При этом он словно бы мельком глянул на Людмилу, и она невольно покраснела, вспомнив эпизод с пистолетом.

— Не пойдёт так, девицы, не пойдёт, — чуть-чуть Фёст добавил жёсткости в голос. — Неужто забыли, что нам предстоит встреча с человеком, априори предполагаемым в качестве противника? Встреча намечается в ресторане. Следовательно, продовольственный вопрос следовало заведомо исключить. Совсем о другом начать думать.

Теперь и Герта смутилась. Действительно, что стоило вовремя вспомнить и ответить этак небрежно: «Се-

годня нас другие повара накормят, а впредь просим предварительную заявку в письменном виде подавать».

Но Фёст не любил, на генетическом уровне, смотреть на людей, оказавшихся в неловком положении. Даже от провинившихся солдат, после необходимых по службе назиданий, отворачивался, бросив сквозь зубы что-нибудь матерное, но в принципе «отпускающее на покаяние».

— Успокоились, девицы, — сказал он. — Не комплексуйте. Уж сколько я *промухивал* в ваши годы, и не перескажешь. Сейчас мы пойдём туда, где нас ждёт клиент и, возможно, масса впечатлений. Там я вас буду кормить, а вы — украшать место своим присутствием и по мере необходимости исполнять мои маленькие прихоти. Согласны?

— Так точно, господин полковник! — Это у них получилось гораздо веселее и отчётливее.

— Только это... — Он внимательно осмотрел своих сотрудниц от глаз до щиколоток и обратно. — Переодеться — по моде и погоде. За окно посмотрите. Желаю ощущать себя олигархом-двоежёнцем на отдыхе. Оружия не брать. Блок-универсалов на любой случай хватит. Во второй квартире — женская гардеробная. Почему-то уверен — в ней на ваши размерчики много чего подходящего.

— Так точно, господин полковник! Десять минут. — Это опять Герта.

— Не дурите мне голову, барышня, — с одесскими интонациями ответил на её слова Ляхов. — Я вас не по боевой тревоге поднимаю. Полчаса — это в самом-самом отдалённом приближении, по полкам и ящикам порыться. Столько же — перемерить десяток предметов и мнениями обменяться. Короче — час. Как в эстонской армии. Мне нужны *по-настоящему* хорошо одетые спутницы. Не обольщайтесь, я не только в ваших боевых способностях разбираюсь.

— При чём здесь эстонская армия? — спросила любящая докапываться до сути вещей Герта, в нынешней реальности и термина такого не слышавшая. Есть Ревельская губерния, и ничего более, её уроженцы служат в войсках на общих основаниях.

— Это — из нашей жизни анекдот. Эстонский десантник, ввиду некоторой врожденной замедленности рефлексов и сниженной двигательной активности по нормативам, должен проснуться, одеться и собраться «пока горит свечка».

Девушки искренне посмеялись. С принципом «пока горит спичка» они давно познакомились на практике.

Витгефт направилась в указанном направлении, а Людмила задержалась, положила Вадиму руку на плечо.

— Поясни всё же, как ты мыслишь. Мы должны девушками лёгкого поведения наряжаться, или как?

У Фёста сейчас было действительно отличное настроение. На сутки или более он решил не думать ни о каких мировых проблемах, просто от души отдохнуть и развлечься в компании великолепных девчонок, одна из которых — почти будущая жена, а вторая — лучшая подруга их обоих. А Контрразведчик — пусть попробует под него, именно такого, подстроиться. Ему ведь, как оказалось, что-то от экстрасенса и парапсихолога Ляхова нужно, а тому от кого бы то ни было — совершенно ничего!

Вадим, не в силах удержаться, привлёк к себе девушку, поцеловал в краешек губ.

Она неожиданно отодвинулась.

— Оставь это. Мы на работе? Вот и веди себя как положено. Я спросила.

— Молодец, подпоручик, истинно говорю — молодец. Вы должны, по смыслу ситуации, как я её понимаю, выглядеть крайне элегантными, знающими себе цену девушками, верхнесреднего класса, что нашего, что американского. Никакой здешней тусовочной гла-

★ мурности, у вас приличное образование, причём психологическое и историческое, и серьёзная работа. В то же время допустима раскованность, опять же диктуемая положением, изысканная эротичность, в духе героинь Ефремова. Вы не какие-нибудь пошлые феминистки, вы свободные женщины, лишённые комплексов. Идея ясна? Хотя бы в первом приближении?

— Так точно, ваше высокоблагородие. Ясна. Во втором тоже. Вы — блестящий режиссёр, вам бы сам Станиславский позавидовал в умении боевую задачу ставить. Будет исполнено. Сами только на подходящем уровне окажитесь...

«Все они, «валькирии» «семёрки», в основах личности здорово стандартизированы, — подумал Фёст, — несмотря на якобы яркие индивидуальности. Воспитывать их ещё и воспитывать. Так и слава богу! Что воспитаешь, то и будет. Жаловаться не на кого».

Людмила с Гертой в час уложились. Из собственных покупок, сделанных в здешнем ГУМе несколькими днями раньше, и из гардероба квартиры, настроенного на Ирину и Сильвию, они сумели скомпоновать такие наряды, что Фёст, ко многому привычный, тем не менее восхитился. Не зря их Дайяна с Сильвией учили. Вышло именно то, что он подразумевал.

Пистолеты под юбками или ещё где-нибудь прятать не требовалось, оттого девушки ощущали дополнительную степень свободы. Блок-универсалы, вместе с необходимой мелочовкой, они уложили в легко открывающиеся сумочки, а больше им ничего и не было нужно.

Если обратиться к упомянутым Фёстом трудам Ивана Антоновича Ефремова, «Часу быка» и «Лезвию бритвы» в частности, «валькирии» использовали из его постулатов и заветов очень многое, эмоционально, психологически и тактически.

Осмотрев взглядом военпреда на танковом заводе

всё это великолепие, Ляхов с видом действительно очень пожилого дядюшки вздохнул, но обошёлся без комментариев. Нечего тут комментировать. Описывать детали одежды Людмилы и Герты бессмысленно, сами по себе они, без учёта того, на что именно каждая вещь надета, значения не имеют.

«Гармония, вот что главное», — подумал Фёст, не позволяя себе задохнуться от счастья осознания того, что эта девушка всё же захотела полюбить его, никого другого.

— Ладно, потрудились, — сказал он как мог равнодушнее. — Будем надеяться, сексуальные маньяки всё ж таки невооружёнными стаями по улицам утренней Москвы бродят. А от одиночных отобьёмся. Пойдёмте, снизу такси вызовем. Времени у нас больше часа в запасе. Опоздаем — подождут.

Начальник группы консьержей и вообще охраны дома Борис Иванович, отставной майор морской пехоты, имевший, по его словам, одну большую мечту — уволиться полковником, да вот не сложилось, лёгким движением руки попросил Фёста задержаться у его стойки. Пропустив девушек вперёд, Вадим приостановился. Оба синхронно сунули руки в карманы. Борис Иванович вытащил свой портсигар, подаренный дембелями ещё в бытность его командиром взвода на Дальнем Востоке. Прошлый раз Фёст посетовал, что у него от армейской службы такой памяти не осталось. А сейчас он достал золотой блок-универсал, украшенный монограммой всего лишь из александритов. Форма монограммы, размер и сорт камней у аггров означали не только индивидуальную принадлежность прибора, но и ранг владельца. Они с Секондом не глядя поделили «бесхозные» упаковки с аппаратурой агтрианских агентов, ему — такой достался. Да какая разница, для местных жителей вещь всё равно выглядела эф-

★
фектно, а набор имеющихся функций блок-универсала всё равно был намного больше, чем удалось наскоро освоить.

Морпех попросил посмотреть, уважительно поцокал языком. В глазах читался вопрос: «А откуда это вдруг, если прошлый раз обычной сигаретной пачкой пользовался?» Не нужно быть профессиональным логиком, чтобы продолжить мысль и как-то увязать недавно состоявшийся у них разговор о «Чёрной метке» с появлением такого портсигара. Хочешь — понимай, что человек «гонорар» получил за удачно проведённую операцию. Или — трофей добыл «на поле боя». Можно и ещё вариант проиграть — портсигар должен послужить собеседнику неким намёком. Каким, на что — сам разбейся.

Майор — человек проницательный, наверняка ведь сообразил, что не по обычной оплошности человек «засвечивается».

— Да вот увидел ваш и подумал — чего я мятую пачку в кармане таскаю? Тем более — сорт курю непрестижный, а приходится бывать в обществе солидных людей, у них часы «Картье» или «Омега», у меня — «Командирские».

— У меня, кстати, тоже. — Майор поддёрнул обшлаг, продемонстрировал циферблат с флотской символикой. — Привык, и из принципа тоже...

— Вот-вот. Я, когда в Африке служил, ребята золотишко прикупали, оно там почти нипочём. Ну и я за компанию. У мастера на заказ сделал, как раз по размеру кармана кителя. Нагрудного...

— Заместо бронежилета? — усмехнулся консьерж.

— Вроде того. Дантеса от пули Пушкина пуговица спасла...

— А проба хоть толковая? Знаю я то золото. На Руси раньше самоварным, или цыганским, называли.

— Нет, тут всё верняком. У известного человека за-

казывал, из южноафриканского самородного. По нашему — девяносто шестая, монетная. Всю премию за операцию в Чаде вбухал.

— Стоит того. — Майор подкинул на ладони портсигар, будто проверяя соотношение размеров и веса. — Плюс камешки.

«Понимающий человек, — подумал Ляхов. — Едва ли только в бухте Ольги пацанов десантироваться учил».

— Камешки это так, бонус. — И спрятал портсигар в карман.

Тема была закрыта. Закурили. После первой затяжки Борис Иванович сказал, понизив голос:

— Вами тут интересовались.

— Неужели? И кому это я вдруг понадобился?

— Если б ко мне обратились, я бы вам точно обрисовал и внешность, и род занятий. А это мне сменщик передал. Молодой парень, Иван. Ну, вы знаете.

Фёст, разумеется, знал каждого из консьержей-охранников подъезда. С каждым словом-другим перебрасывался, на чай давал, особенно если поздно домой возвращался. Собирался попросить ребят из «Чёрной метки» составить на каждого подробное досье: на кого полностью положиться можно, а от кого поскорее избавиться. Теперь-то, располагая полноценными «шарами», он и сам разберётся.

— Он со смены домой шёл. Двое догнали, какую-то ксиву показали, пацан и прочитать ничего не успел. Что взять, — Борис Иванович пренебрежительно махнул рукой, — всей службы — сержант-срочник ВДВ. Чечни немного — вот и всё образование. Стали спрашивать. Не столько о вас, как о «племянниках» ваших. Так вопросы загибая — не бордель ли здесь подпольный.

— Забавно. А участковый у нас для чего жалованье получает?

— И я о том же. Любая контора всё, что нужно, по своим каналам, не вставая со стула, выяснит. Да и хозяин, друг ваш — человек авторитетный. Не уверен, сам начальник горуправления рискнул бы связываться?

— Ваше мнение? Блатные, что ли? А им чего? Не вижу резонов. Как-то, помню, с одним из *смотрящих* разговор был. Отчего, мол, *мимо него* квартиры взяли, дорогу кому-то перешли, с общаком не поделились...

— На чём сошлись? — проявил искреннюю заинтересованность Борис Иванович. То ли вправду о той истории ничего не слышал, то ли решил *версии сверить*.

«Интересно интрига закручивается, — внутренне усмехнулся Ляхов. — Правильно Александр Иванович говорил, иронически цитируя кого-то: «Что бы вы ни делали, вы делаете мою биографию». В смысле — «самим фактом причастности к «Братству» вы обречены на участие в заранее предопределённых событиях. Шаг вправо, шаг влево — никакой разницы. Конвой всё равно стреляет без предупреждения».

— Да пустяки, майор, оно тебе надо? — перешёл Фёст на «ты». — Кому положено — за базар ответил, общак похудел на сумму «морального ущерба»...

Тут он не врал, и врать не следовало. Всё, кто «в теме», знают, сколько с общака по *правильным понятиям* сняли.

Во взгляде консьержа он пытался уловить что-нибудь *демаскирующее*. Нет, ничего. Чисто. Если только сам он не последний лох, а майор — гений артистизма. Ничего, кроме некоторого напряжения, вполне естественного при *внезапном серьёзном разговоре*. Похожем на внезапный встречный бой вражеских разведбатов.

— Хорошо, майор, — полуотвернулся Борис Иванович. — Что показалось важным — я сказал. На самом деле — расспрашивали его *только* о девушках. О тебе — даже Иван понял — для отмазки. Предупредили об ответственности за неразглашение, и то без нажи-

ма. Вербовать в агенты не пытались. Это пока всё. Дальше сам смотри. Если что — можешь на меня рассчитывать. Остохренело всё. Уж лучше снова автомат на плечо — и в сопки.

— От Москвы до сопки далековато, хотя я и там бывал. Давай в пределах Бульварного кольца сориентируемся.

Подал человеку надежду, не сказав фактически ничего, кроме намёков, подлежащих и двоякому, и троякому толкованию.

Как уже было заведено, в знак завершения разговора положил на стойку, вне поля зрения должным образом подрегулированной телекамеры, пятитысячную бумажку. Так у них сложилось, что этот момент ни одного, ни другого не унижал. Словно два офицера сигаретой поделились.

— Да вот, кстати, — уже с порога обернулся Фёст, — ты, наверное, чай в каптёрке пил, прозевал — съехали Людкины подружки. Конкурса в институт испугались. Теперь их двое со мной — Люда и Герта. Эти — не испугались!

И опять короткий обмен взглядами.

— Съехали так съехали, — равнодушно ответил Борис Иванович. — Если что — я и чемоданы помог с этажа снести. Вчера?

— Сегодня. Около восьми утра.

— Нормально. К Кисловодскому поезду с Курского вокзала.

— Именно. Так я с оставшимися племянницами погулять пошёл. К вечеру, пожалуй, вернёмся...

— Гуляйте, чего ж, дело молодое. Сотовый твой у меня есть.

— Возьми ещё один. — Фёст положил перед консьержем свою «паранормальную» визитку, где подчеркнул нижний из четырёх номеров, всего четырёхзнач-

★
ный. Выводящий с любого телефона прямо на блок-универсал, помимо ГТС и любых провайдеров.

— Ого! Это что ж за... — не сдержал удивления майор.

— Наука — она что? Она находится в постоянном прогрессе, — назидательно сказал Ляхов. — Придёт время — может, все по двузначным звонить будем, — он постарался, чтобы прозвучало и это достаточно двусмысленно.

Можно считать, что пищи для размышлений он бывшему майору предоставил достаточно. Как он её использует — его дело, но Фёсту казалось, что тот сделает правильный выбор. Наш человек, по манерам и по духу.

На прощание Вадим бросил, негромко и почти в сторону, ещё одну фразу:

— Смотри, майор, глядишь, и мечта твоя исполнится. Быстрее, чем думаешь. Какие наши годы?

Девушки за время его задержки заскучать не успели. Стоя в самом центре Столешникова в платьях, и без помощи ветра (а довольно свежий ветерок вдоль переулка тянул) показывающих, какими должны быть настоящие женские ноги от переплетённых ремешками босоножек щиколоток до почти крайних пределов, можно услышать много лестного. Пусть слова эти сказаны не прямо им, а друг другу проходящими мимо мужчинами.

Особенно лестно прозвучала фраза сорокалетнего интеллигентного мужчины, адресованная спутнице, жене не жене — неважно.

— Видишь, вот тебе! А нам орут — «генофонд русский порушен, антропологическая катастрофа»! В подтверждение на подиумах моделей с ногами типа картофельной ботвы показывают. А это — настоящие русские девушки — смотри.

Что ответила дама, «валькирии» не слышали, но и у неё всё с ногами и прочим было в порядке.

Со словами мужчины-патриота нельзя было не согласиться. Они смотрели здешние телепрограммы, даже одну специальную (как положено разведчикам для изучения обстановки), где круглые сутки ходили по подиумам страховидные девицы на заплетающихся ногах толщиной в предплечье ребёнка.

Ещё двое не таких уже интеллигентных, явно подвыпивших мужиков снова хорошо отозвались о технических и эстетических достоинствах элементов их опорно-двигательного аппарата.

— Тех, на Тверской, соплей перешибить можно, а эти, спорим, мячиком штангу сломают, как Бобров когда-то...

Кроме прохожих, к девушкам начал пристально приглядываться милицейский лейтенант, до того словно бы скучавший в салоне «девятки» с надписью «ППС» по борту. Фёст, спустившись с крыльца, это мгновенно отметил. Не свои патрульные, не нашего отделения. В инициативном порядке, что ли, на выигрышный участок вышли? Мимо ехали, вызываяще эффектными девчонками заинтересовались? Едва ли. Тут всё чётко поделено. И уж слишком (любому менту понятно) вид у девушек не *тот*! Не уличный. Вариантов придумать можно много. Допустим, лейтенанта раньше наблюдать за домом поставили, чем *наверху* диспозиция¹ поменялась? Теперь он сидит и думает, что правильнее — позвонить командиру батальона насчёт очередных инструкций или продолжать исполнять предыдущие?

Вадим что-то, из машины не слышное, сказал «валькириям» и с решительным видом направился прямо к

¹ Диспозиция (в данном, милицейском, случае) — утверждённый вышестоящим начальником план распределения постов подчинённых служб (ППС, ДПС и т.п.) на той или иной территории в зависимости от предполагаемой задачи.

★ машине. Лейтенанту показалось, что лучше всего сразу бы скомандовать водителю отъезжать: не с его звёздочками тут рисоваться, но не успел.

Ковбойской походочкой «а-ля Юл Бриннер» Ляхов пересек мостовую, наклонился к лейтенанту:

— Здравия желаю, командир! Полковник Ляхов представляется¹ по случаю неотложной необходимости. Тебе всё равно здесь скучно. Кинь нас до Суворовской площади, быстро и без затей. Даже и без сирены, если выйдет. Две штуки на пиво. И дежурь дальше...

Интересно, как легко и понятно выразился непримиримый боец с коррупцией. Так «коррупция» — это где-то там, наверху, в заоблачных высях. А так — простые «реалии жизни», от веку заведённые. Просишь у человека что-то, прямо в его обязанности не входящее, — будь готов отблагодарить. Чем и как — смотря по обстоятельствам. А уж снизойдёт он к твоей просьбе или нет — дело его совести и твоей удачи. Всегда так было, сколько Фёст себя помнил, и до него тоже, с времён Киевской Руси, как минимум.

Милицейский лейтенант нервно сглотнул. Полковников он опасался и не любил, возражать им хоть в чём-то — себе дороже. Тем более, судя по возрасту и манере разговора, этот полковник — никак не милицейский. А документы спрашивать — незачем, с первого взгляда ясно, не на понт берёт.

— Садитесь, товарищ полковник, довезём, труда не составит.

Втроём устроились на заднем сиденье, и всю дорогу лейтенант не сводил глаз с внутреннего зеркала. Будто никогда девичьих коленок не видел.

Где переулками, где проходными дворами, где по

¹ Согласно уставам «представляется» только младший офицер старшему командиру по случаю прибытия к месту службы, возвращению из отпуска и некоторым другим, заведомо оговорённым случаям.

встречке с сиреной до бывшей площади Коммуны, ныне — Суворовской, долетели за двадцать минут.

— Спасибо, командир, — сказал Ляхов, выпустив на тротуар девушек. — Ты — хороший парень. Держись, господин офицер, всё ещё впереди.

Положил на торпедо машины обещанные деньги.

— Да вы что, товарищ полковник! Да зачем? Мы и так, из уважения... — Лейтенант, похоже, всерьёз попытался возмутиться.

— За уважение — спасибо. От меня взять можешь. Знаю я ваши с сержантом заработки. Только сволочью не становись за эти же копейки. Не окупается, ты мне поверь. Ладно, езжайте, заболтался я...

На самом деле Ляхов говорил очень продуманно, ориентируясь на довольно понятную натуру этого лейтенанта. С кем же дальше жить, работать и воевать, если молодёжь вовремя не воспитывать?

— Езжай. Вдруг чего потребуется — по службе или *просто так* — к старшему консьержу в моём подъезде обращайся.

Они вошли в ворота, ведущие к озеру в глубине парка Дома Российской армии. Людмила обернулась, убедилась, что милицмейская машина потерялась в потоке, сжала локоть Вадима:

— Да, вот такому нам учиться и учиться...

— Не скромничай. На даче ты так лихо импровизировала...

Герта смотрела на них сбоку, до невозможности тонко улыбаясь. Милуются, понятное дело. Но Вадим Петрович партию провёл действительно аккуратно. Хотя в учебники вноси. Одно было Герте непонятно — для чего эта милицмейская машина оказалась напротив подъезда именно в момент их появления? И отчего взгляд сержанта за рулём не соответствовал его роли и должности?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В пасмурный летний день очень приятно идти по аллеям густого двухсотлетнего парка в самом центре Москвы. Даже не верится, что совсем рядом гудят тысячами машин и стоят в пробках Садовое кольцо, Олимпийский проспект, проспект Мира и менее мощные транспортные артерии.словно и нет вокруг гигантского мегаполиса. Липы пахнут, зеленеют газоны и лужайки, словно в каком-то Гайд-парке. В обширном пруду плавают утки и лебеди, бабушки с детьми неспешно прогуливаются. Благоприятное впечатление, одним словом.

Только Фёста, которого, пока он здесь один, снова можно называть просто Вадимом Ляховым, здешнее благолепие, невзирая на наличие двух прелестниц справа и слева, не слишком умиротворяло.

Герта передала ему своё впечатление от сержанта, сидевшего за рулём подвёзшей их машины, он им сообщил то, что услышал от майора Бориса Ивановича, и кое-какие собственные мысли.

Нельзя сказать, что он, как Михаил Берлиоз на Патриарших прудах жарким московским вечером, почувствовал внезапный укол *тупой* иглы, засевшей в сердце. И «необоснованного, столь сильного страха, что ему захотелось тотчас же бежать отсюда без оглядки», Вадим тоже «не испытал»¹. Кое-чем существенным он отличался от председателя МАССОЛИТа, оказавшегося невинной жертвой слишком мощных, чтобы даже просто вступать с ними в дискуссию, сил.

Вадим каким-то не описанным в анатомическом атласе Синельникова органом ощущал тревогу, и это тоже понятно — надвигающаяся гроза на многих людей действует не самым благотворным образом. А если вдобавок к этому учесть факторы уже совершенно ма-

¹ См. М. Булгаков «Мастер и Маргарита».

териалистические... С давних времён известно: «Минуй нас прежде всех печалей и барский гнев, и барская любовь». Связываться со всей «машиной государства российского», даже пребывающей в полуразобранном состоянии, одиночке не слишком разумно. Могушественные «братья» давненько не давали о себе знать, да если бы вдруг и дали... В данный конкретный момент он сам по себе на этой аллее и мало чем отличается от персонажа фильма «Три дня Кондора». За одним исключением — героини-одиночки далеко не всегда выигрывают поединки с такими организациями, как ЦРУ, НКВД, МГБ, РСХА. В кино — почти всегда, но у нас тут, к сожалению, не кино.

Ясное дело, знал, братец, на что шёл, сначала *перчику* в чересчур пресную жизнь захотелось добавить и денег подзаработать, потом втянулся. Но вот последнее время ситуация начала обостряться как-то слишком резко и, более того, малопонятно. Хорошо Секонду, при самом катастрофическом раскладе ему грозит всего лишь опала, но ни орденов, ни дарованных ими «преимуществ по службе» сам Император лишить не может, согласно указам «О вольности дворянства».

А ему, «смерду советского разлива», с четырьмя (и коробки теперешних спичек не стоящими) латунными звёздочками капитана медслужбы запаса, который «никто и звать его никак», в какую сторону думать прикажете? Даже в тайге или джунглях, выйдя на охоту, примерно представляешь, с кем дело иметь придётся — с медведем, уссурийским тигром или гигантской гиеной Гишу, «ужасом толстокожих»¹.

Сейчас обстановка похуже. Интересное сравнение пришло в голову: каково пришлось бы Роммелю с его корпусом, окажись он вдруг в Синайской пустыне пятого июня тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года,

¹ См. И. Ефремов «На краю Ойкумены».

на месте Моше Даяна¹? Без предварительного инструктажа, естественно. Силы-то есть, а с кем воевать, за что и с какими целями — полный туман.

Причём сейчас — в буквальном смысле. Видимость вдруг упала до полусотни метров. Глядишь, вот-вот ливень хлынет. Пора и под крышу. От атмосферных осадков спрятаться, да и «спину прикрыть». Врагом сейчас может быть (или оказаться) каждый, за исключением, естественно, этих двух девчонок. Теперь выходит — втроём против всего мира.

— Первое, господа поручицы, — начал он инструктаж, не закончив «стратегической мысли». — Что бы ни случилось — «тяжёлого оружия» не применять. Нам мясорубка в центре города ни к чему. Если что — рукопашный бой и пресечение попыток неприятеля использовать огнестрельное оружие парализующим излучением. Устанавливаем дальнобойность блоков метров на сто, дальше бессмысленно. Если сейчас по нам пальнут из «снайперки» — и не увидим, и не париреуем. Одна надежда на гомеостаты. Кто сохранит боеспособность, вытаскивает остальных на Столешников. Это ясно?

Его личные «валькирии» выразили полное согласие.

— Теперь второе. Мне так кажется, что сейчас нами интересуются примерно три силы: бандиты, которым Шульгин с Новиковым очень обидно хвост прищемили. Нашу квартиру они давно *пасли*, по самой обычной логике. *Смотрящего*, с его кавказско-закавказской «пехотой», мы не так давно по всем понятиям *опустили*. Причём настолько глубоко...

Фёст даже расцвёл от удовольствия, вспомнив ту историю.

— Дальше — люди Контрразведчика, на встречу с

¹ 05.06.67 началась так называемая «шестидневная война» Израиля против коалиции арабских государств (Египет, Сирия, Иордания, при поддержке Ирака, Саудовской Аравии и др.).

которым мы сейчас идём. Он готов сделать на нас ставку, но остерегается. Они все *остерегаются*, — с проравшимся раздражением сказал Вадим. — Раньше люди, претендующие на *настоящую* власть, плохие они были или хорошие — не наше дело, умели голову на кон поставить. «Аут Цезарь, аут нихиль», а нынешние! На дерьме сметану собрать, на грош пятаков наменять — вся их идеология!

Ну и последнее — то ли оппоненты, то ли просто соперники нашего сегодняшнего партнёра. Прознали что-то про *странные контакты* Президента, сами решили или пресечь, или поучаствовать. Вот и весь расклад, девчата. Доходчиво командир изложил? Грустно не стало?

Следует сделать ещё одно пояснение — Ляхов-этот всего пятнадцать лет назад, невзирая на должности и приличное материальное положение отца, собственную эрудицию и культуру, едва не пошёл по пути своих лиговских приятелей, только начинавших формировать основу пресловутого «бандитского Петербурга». Достаточно было вокруг людей, умевших вербовать в свои бригады именно таких, как он — не тупых люмпенов с окраин, а студентов-юристов, химиков, компьютерщиков, мастеров разных видов спорта, изобретателей-самоучек. С его способностями стрелка — прямая дорога в киллеры высокого разбора. Особых моральных преград, по тогдашнему настроению и стилю отношения к *фраерам*, а уж особенно — ко всем видам власти, существовавшей на рубеже восьмидесятых — девяностых годов прошлого века, Ляхов не испытывал. Другое дело, того же самого природного ума и характера хватило, чтобы сообразить — ларьки курочить или «крышевать», в «бригаду» бритоголового амбала идти — смысла никакого. «Украл, выпил, в тюрьму — романтика!» — не его тезис.

Куда разумнее показалось сдать экзамен в расположенную недалеко от дома Военно-медицинскую академию. Конкурс в двадцать человек на место преодолел легко. Учился тоже без особого напряжения, всякие непостижимые для «обычного» человека науки, вроде нормальной и патологической анатомий, фармакологии, гистологии и тому подобных, превзошёл. В итоге стал военным врачом, с двумя звёздочками на погонах и окладом жалованья меньше, чем у вагоновожатого трамвая.

Зато приобрёл неоценимый жизненный опыт, при этом ничего не забыв из усвоенного в окрестностях *блатного мира*.

Сейчас Вадим предположил, что бандиты, ничего не прощающие, вплоть до фразы, неудачно сказанной на зоне много лет назад, вполне могли бы решить — появилась подходящая возможность расквитаться с людьми, по-серьёзному их напугавшими. Квартиры за ними так и числятся, пусть самих мужиков, чересчур крутыми оказавшихся, давненько не видно. Зато *нарисовалось* в том же месте нечто непонятное: семеро девчонков, почти школьниц, и один странный фраер при них. Вполне можно *карты пересгать*. И за Султана посчитаться, сто тысяч баксов с большим наваром вернуть, и ещё кое-какие неясности прояснить. Давешний милицейский сержант как раз из *интересующихся* мог быть.

Дальше. Если не бандиты, то цепочка вполне может от дачи тянуться. Они с Людой самый первый дозор отвлекли, но вот только на тот самый момент. Потом (наверное) специалисты начали думать безэмоционально. И очень именно мы им стали подозрительны... Да хотя бы и тем, что, не дожидаясь утра, пьянку и веселье не закончив, сразу, до рассвета, с дачи уехали. А надо бы было, как положено нормальным людям, ни в чём не замешанным, после гулянки спать за полдень, потом похмелиться, в речке искупаться и так далее. А они че-

рез час после контакта с правоохранителями — по машинам и нету! Невзирая на якобы (теперь уже — якобы!) нетрезвое состояние. До крайности подозрительно!

Само собой, данные на настоящего хозяина дачи они получили в тот же момент, когда заинтересовались. А заинтересоваться было необходимо, Ляхов это понимал никак не хуже человека, стоявшего за спиной участкового. Если он не совсем дурак. А откровенных дураков в МГБ всё-таки не держат. Хозяин — тот-то и тот-то. Где сейчас пребывает — неизвестно. Дачей и квартирами распоряжается очень странный тип. Его официальная должность звучит смешно для настоящих оперов. «Комиссия паранормальных явлений», с центром в Сан-Франциско. А настоящие в «конторе» наверняка остались. И что дальше?

Девушки (и выращенные только для того, чтобы заниматься оперативно-разведывательной деятельностью) сказанные за десять минут неспешной прогулки господином полковником слова восприняли совершенно правильно. Пожалуй, даже с удовольствием. Как ирландский сеттер, который при одной фразе — «на охоту идём» начинал бешено метаться по двору, размахивая хвостом и высоко подпрыгивая.

«Так для этого и живём, хозяин. Чего ж ты раньше сачковал? Побежали!»

Они подошли к ресторанчику, куда Ляхов и собирался. В ста метрах от назначенного Контрразведчиком места. Подождёт, понервничает, по сотовому звонить начнёт. Или — что-нибудь другое придумает. А мы пока подождём, поглядим, не возникнет ли какая-нибудь *уточняющая* ситуация.

На берегу большого пруда широкая деревянная веранда под пластиковым навесом в виде крыши японской пагоды, полтора десятка столиков, накрытых настоящими льняными скатертями, солидные книжки меню, тихая культурная музыка. Всё это, и официант-

ки, одетые если не от Версаче, то от (или — *пог*) Зайцева, и немногочисленная публика, выше среднего класса, говорило о том, что не в самое простое заведение привёл Ляхов девушек.

На них обратили внимание. Как мужчины, так и женщины. Судя по классу сопровождающих его девушек, вполне ещё молодой, сорока лет не достигший господин, выглядевший наподобие «ковбоя Мальборо» с рекламы, одновременно мог оказаться персонажем «списка Форбса». Пусть и не первого десятка. Но владельцы пары бензоколонок или даже районные прокуроры не выглядят настолько легко, раскованно и одновременно *убедительно*.

Вдруг это новый стиль — водить с собой сразу двух супердевушек? Причём любая — намного эффектнее ассортимента крутейшего из эскорт-агентств.

Ясное дело, вообразить, что не имеющие никакого отношения к миру шоу-бизнеса девочки из провинции вместе с искренне их любящим, независимо от внешности, дядей Вадимом, армейским врачом, просто зашли перекусить, представить не мог никто. Как французские академики — что камни могут падать с неба, а у паука не шесть ног, а восемь.

Пока Люда с Гертой листали меню, Вадим продолжал рассуждать вслух:

— Кто-то людей к консьержу подослал, кто-то лейтенанта нам подставил. Скорее всего — просто для психологического давления. Если нужно, *там* с силовыми воздействиями не стесняются. Простому человеку представить жутко, что с вами и со мной могли бы сделать, будь на то ярко выраженное пожелание. Или — указание.

Людмила и Герта синхронно усмехнулись, вполне недвусмысленно. Как записано у Ильфа: «Это мы ещё посмотрим, кто кого распнёт!»

— Нет, чего я больше всего опасаюсь, — продолжил,

рассеянно листая свою книжку меню, Ляхов, — это, как ни странно, президентского друга — эмгэбэшника. Мы ещё на официальной встрече словами перекинулись, скорее всего — друг другу не понравились. С непомерными амбициями парень, вполне способен непоправимых глупостей наделать просто потому, что и в нас до конца не разобрался, и позиция Президента ему слишком расплывчатой показалась. Вот и решил на свой страх и риск «обострить партию». Чтобы при любом раскладе не прогадать. Впрочем, — отстраняюще махнув рукой, сказал Вадим, — проблемы будем решать по мере их возникновения. Зачем-то ведь он нас позвал...

— Вас, — уточнила Герта.

— Меня, — согласился Ляхов. — Вы просто, вдвоём или по очереди, украшаете мою трудную жизнь международного авантюриста и крупного пароходного шулера. Как-то я в круизе вокруг Европы, когда меня пригласили четвёртым в пульку, спросил, какие у них ставки. И ради шутки сказал, что меньше, чем по евро за вист, и садиться не стоит. Так от меня потом до самого конца рейса те мужики шарахались. Хорошо, в полицию не сдали...

Вадим, наслаждаясь звуками зашуршавшего по крыше дождя, закурил. Посмотрел на девушек, не совсем понимающих, какие его слова воспринимать всерьёз, на уровне команд и приказов, а какие — разнообразно офицерского трёпа. Тут ведь тоже ошибаться не стоит.

— Мы сюда зачем пришли? Сейчас половина двенадцатого. Имеем полное право совместить неполученный по вашей вине завтрак с обедом. А там, глядишь, если ничего *оригинального* не случится, и к ужину плавно перейдём. Впрочем, нет, — одёрнул сам себя Вадим, — ужин я вам устрою в месте, о котором вы

сейчас, при самой богатой фантазии, и вообразить не сможете.

Ляхов знал, о чём говорил. Была у него возможность, минуя всякие сложности, провести девушек в ресторан «Седьмое небо», вращающийся на трёхсотвосьмидесятиметровой отметке Останкинской башни. Если кто не был — очень впечатляет. В другой России столь эффектного сооружения построить не додумались.

— Но сейчас, барышни, сделаем так, — он ещё раз привычно, почти незаметно огляделся по сторонам. Пока вроде чисто. — Ты, Люда, сразу включи блок на готовность к «растянутому времени». По полной. Минут десять выйдет? Вот и хорошо. Ты, Герта, так и оставь «парализатор». Безвредный для здоровья просто-го «хомо сапиенс». Те же сто метров, а раствор луча — градусов девяносто. Хватит, чтобы посторонних не зацепить. А себе я настрою *настоящий* убойный бластер. На случай, если совсем припрёт. Такой, чтоб любой «скафандр высшей защиты», нашими фантастами придуманный, — в лохмотья! Так вот и сделаем, — говоря, он нажимал кнопки под панелью, заполненной обычными сигаретами.

Ляхов вдруг коротко рассмеялся, причём лицо его весёлости не выражало.

Девушки, закончив программирование, спрятали свои блоки. Герта — в сумочку, повешенную на спинку соседнего стула, причём раскрытую, Людмила — в широкий боковой карман платья. Вадим оставил портсигар на столе, рядом с пепельницей. Вполне естественно для часто курящего мужчины.

— Самая же интересная проблема вот в чём, милые мои, — продолжал Ляхов, отпив глоток расставленной по всем столикам минералки, да не абы какой, а запрещённого к официальному импорту «Боржоми». Похоже — настоящего, а не разлитого из-под крана в ближайшем гараже. — Обычные, «земные» силы меня не

так уж волнуют. И с бандитами, и с МГБ и милицией мы всегда сумеем разобраться *по-хорошему*. В конце концов, с самим Президентом разговаривали, и он, при всех его *должностных* недостатках, мужчина вменяемый, грубых движений совершать не станет. Гораздо хуже, если нами заинтересовался кто-то *не отсюда*. О такой возможности старшие товарищи давно предупреждали.

Что мы, мадемуазель-аналитики, для размышлений имеем? Как вы неожиданным образом в соседний, заметьте, мир прилетели, сразу оно и началось. В императорской России массовые беспорядки, внутренней и внешней войной чреватые, у нас здесь с моей, может быть, и дурацкой подачи, насчёт серьёзных реформ разговор пошёл. Что в третьей и четвёртой Россиях происходит — пока не знаю. Вдруг — то же самое? И как же прикажете Держателям этого (или *этих* миров) на подобные безобразия реагировать? Если они без их ведома происходят? Известным способом...

Официантка принесла закуски, графинчик коньяка Вадиму, вино для девушек. Как Людмила устало-капризным голоском потребовала — самое изысканное из наличных «белых полусладких».

— Что вы хотите сказать? — осторожно спросила Герта.

— Совсем ничего не хочу. Просто предполагаю, без всякого желания. Если я вынужден смириться с вашим существованием, отчего исключить наличие поблизости менее приятных существ? — шутил он уже почти через силу. Так, для сохранения имиджа и стиля.

Его юные подружки задумались. Для них слова Фёста шуткой не звучали. Про Держателей мира они имели очень поверхностное представление, только из отдельных фраз во время застольных бесед на «Валгалле». Но про аггров, форзейлей, землян альтернативных

★
реальностей им объясняли на занятиях вполне серьёзно и детально.

— Поэтому, милые мои, если за нас всерьёз возьмутся *иные*, останется уповать на «старших братьев». Так я не уверен, что успеем последний «SOS» передать. Они, исходя из прошлого опыта, чего-нибудь опять придумают. Или как в Бресте...

— А что в Бресте? — спросила Людмила. Историю она знала не хуже любого профессора, однако не уловила конкретную посылку господина полковника.

— А когда на тридцатый день войны штыком на стенке царапашь: «Погибаю, но не сдаюсь. Прощай, Родина...» Впереди при этом остаётся ещё тысяча триста девяносто дней этой же войны. Но уже без тебя.

— Оставьте, Вадим Петрович, — небрежно сказала Герта, — *лессемизмы* ваши.

Баронесса Витгефт с чёткостью радиолокатора отслеживала отведённый ей сектор, заодно обращая внимание на взгляды посторонних мужчин. Она сидела удобнее, чем Людмила, для тех, кого их ножки привлекали сильнее, чем стакан лимонада — окрестных ос. Заметила, как за три столика от них вполне приличный на вид персонаж, прикусив нижнюю губу, удивительным образом сумел искривить оптическую ось своих глаз. Жене (или просто любовнице) казалось, что он мечтательно смотрит на грациозно скользящих лебедей, а на самом деле — под край стола, на её колени и выше.

Подвинув кресло, чтобы дотянуться до портсигара Ляхова, и нужным образом повернувшись при этом, она позволила нежданному поклоннику увидеть и остальное. Не затем, чтобы продемонстрировать взрослому человеку фасон и цвет кружев своих трусиков, а по его мимике понять — это ли, вправду, его интересует, или *настоящий специалист* таким образом маскирует *истинный интерес*.

Нет, ничего подозрительного. Мужика, которому приелась сорокалетняя, заметно увядшая подруга, действительно взволновала двадцатилетняя красотка. Герта легко читала его примитивные мысли, но они ей были неинтересны, раз не несли опасности.

Зато настоящую опасность уловила Людмила. Успела подумать: «Как Вадим всё точно просчитал» — и толкнула его под столом ногой.

Ляхов задержал возле губ недопитую рюмку. Удобная позиция для того, чтоб замаскировать направление взгляда и вообще интерес к чему-либо, кроме текущего процесса.

Три крепеньких мужика свернули с аллеи ко входу в ресторан. Ещё двое, из той же компании, сели, закуривая, на скамейку, с которой хорошо видны все подходы и отходы.

Вадим бросил взгляд на часы. До встречи с Контрразведчиком, причём не здесь, еще целых восемнадцать минут.

Очень похоже, что начинает игратья другой (или параллельный?) сценарий. Явно из служб ребята, каких — неважно, но довольно прилично умеющие *косить* под блатных. Только Ляхова, с пяти лет крутившегося во дворах, где половина мужиков отсидела и даже многие пацаны к совершеннолетию имели по две ходки на *малолетку*, на такую туфту не купишь. Глаза у них не те — вот в чём проблема в подобных играх. У самого крутого уголовника, если он не *крупный авторитет* (причём у себя на «малине» или на зоне), не бывает в глазах и повадках подкоркового ощущения причастности к власти. А у этих было, и не лейтенантское. Лейтенанты в свою власть ещё не верят. А эти — никак не ниже капитана каждый.

Но всё равно интересно — неужели Контрразведчик

так некультурно себя повёл? Или, правда, «будничная работа»¹ себя оказывает?

Оставалась, правда, слабая надежда, что это — не к ним. Просто нормальные, *крышующие* ребята заскочили с рестораника положенное взять. Оттого и сосредоточенность, привычная опаска, вдруг ССБ² прихватит в самый интересный момент?

— Девочки, — почти не двигая губами, прошептал он. — Что бы ни случилось — ведите себя, как *на работе*.

Они поняли, что он имел в виду.

— Без команды не вмешиваться. Только — если меня всерьёз убивать начнут.

Уж этого они точно не позволят.

Парни (да, серьёзные парни) поравнялись со столиком. Ляхов поставил на стол рюмку, спросил у Герты:

— Горячее уже пора, или ещё посидим?

Двое прошли мимо, будто действительно направляясь к внутренним помещениям, а третий вдруг притормозил. Широко раскрыв глаза, уставился на портсигар Вадима.

— Ребята, вы гляньте только!

Герта успела заметить, как мужчина, только что пялившийся на её ноги, резко отвернулся и словно бы даже голову в плечи втянул.

Чутьё, однако!

Двое немедленно остановились и развернулись на каблуках, как танки, осаженные фрикционами враздрай.

— Рыжё-то какое! — Их *заводила* с глуповато-удивлённым лицом выставил вперёд палец. — Полкило, точно. Просто так валяется...

Один из двух, с лицом в принципе правильным, на-

¹ См. одноименный рассказ Э. Ф. Рассела.

² Служба собственной безопасности.

верное, могущим быть и симпатичным, но сейчас крайне неприятным, сказал почти равнодушно:

— Валяется, так и подними...

Третий, внезапно ставший в дурацкой игре первым, протянул руку. И очень удивился, когда ладонь шлёпнулась о пустую столешницу. Никакого портсигара под ней не оказалось. Александр Иванович в своё время старательно обучал своего «крестника» подобным нехитрым приёмам.

Нехитрый, а впечатление на мужиков произвёл ошеломляющее. «Кто в армии служил, тот в цирке не смеётся». А эти, похоже, в цирке с детства не бывали.

— Вы что-то хотели? — равнодушно-скучающе спросил Ляхов. — Закурить? Угощу. Выпить — тоже плесну. А то знаю, случается: в кабак пришёл, а сигареты дома забыл и деньги. Так что не стесняйтесь.

Людмила и Герта смотрели на «персонажей» абсолютно пустыми глазами девочек, которым за участие в не предусмотренных заранее договором мизансценах не платят.

А Вадим, наоборот, изобразил радушнойшую из своих улыбок.

Ох и в трудное положение попали господа «чекисты». Теперь у него сомнений не было. Милицейские опера текущую «феню» знают. А «рыжьё» — это чересчур архаично. Импровизация на тему в детстве читанных книжек.

Тот, кого Ляхов определил как старшего, совершил под черепной крышкой, приукрашенной хорошо сделанной причёской, мучительное мысленное усилие. Аж нейроны с аксонами задымались, только-только запах палёного сцепления из носа и ушей не пошёл.

Из роли, понимаешь ты, решил не выходить.

— Шутки шутить вздумал? — настолько угрожающе, как сумел (будто в следственной камере находился), сказал он, подойдя и нависнув над плечом Герты.

Ох и удобная позиция, чтобы движением локтя в ключья разнести единственную, в отличие от почек, непарную печень. Но — не приказано. Витгефт, как и Людмила, честно играли девочек по вызову, сто раз видевших подобные разборки.

— Пойдём, Люсь, в туалет. У тебя губы размазались, — сказала Герта, резко двинув стул назад. Нахал чуть не потерял равновесие и отступил на два шага.

— Сейчас. — Людмила открыла сумочку, словно ища там зеркальце, чтобы убедиться в словах подруги, и тюбик с помадой.

— Покажи то, что спрятал, — не обращая внимания на девушек, с нажимом сказал «старший». — Я видел — лежал на столе портсигар.

— Лежал не лежал — твоё ли дело? Если по-своему пришёл — вали дальше. Если ко мне что имеешь — предъявляй. И стой, где стоишь. Остальные тоже. Не люблю, когда над ухом сопят.

При этом Ляхов взял со стола и начал вертеть между пальцами массивную мельхиоровую вилку. Страшное, между прочим, оружие, да ещё если в руках человека, обладающего хорошей моторикой. Престижиджитатора или шулера высокого класса.

Если и есть у мужиков в карманах или под мышками «ПМ», неизвестно, помогут ли. Одному верняком помирать, если начнётся. А поскольку неизвестно, кому именно, так каждый вольно или невольно на себя примеряет. Смотрели «Великолепную семёрку» или нет, а знать бы должны, что при прочих равных проигрывает тот, кто первым за револьвер хватается.

Кроме того, у них ведь наверняка был какой-то предварительный план. А портсигар — нежданная зацепка, показавшийся удачным повод для импровизации. В теории действительно просто и красиво — схватить портсигар, хозяин, конечно, отнимать станет. А сколько-то грамм он явно выпил, вот тебе и пьяный дебош в

общественном месте. Свидетелей сколько нужно, столько и будет. После этого сажай в машину и вези куда хочешь, с соблюдением всех признаков законности (на всякий случай).

А вот постановления прокурора или судьи у них точно нет, иначе нечего бы и огород городить. Значит, либо действительно негосударственная структура, либо акция проводится в «инициативном порядке».

— Так что, отваливаете? — с интонацией, подходящей для общения с аборигенами Молдаванки, спросила Вяземская. Вместо зеркальца в руке у нее оказался телефон. — Или мне кого-нибудь пригласить?

Герта в это же время встала и заняла позицию, с которой могла достать любого из трёх «нахалов», при необходимости — с гарантированно летальным исходом.

— Подожди, Люда, успеешь, мы ж ещё не выяснили, кого лучше звать? — Ляхов смотрел на парней с откровенной издёвкой. — Не подскажите? Можно Султана с его ребятами, можно *вашу* службу собственной безопасности, можно наряд СОБРа из ближнего отделения. У меня знакомых много. А если просто так кулаками помахать захотелось — начинайте. Только чтоб потом без обиды и протокола «о сопротивлении сотрудникам». Вы ведь сотрудники? Тогда документик попроси. Звание, должность, причина и цель обращения...

Шульгинская школа позволяет ставить в патовую позицию почти любого противника. Если, конечно, вы не на поле боя и он не намерен вас убить без всяких разговоров.

Людмила уже положила палец на кнопку вызова.

— Так кому звонить? — чуть капризно повторила она. — Давай сразу Султану...

— А что, может интересно получиться, — широко улыбнулся Ляхов. — Через десять минут подъедет пятачок *весёлых ребят*. Им тут недалеко. Вот всё и перетрёте. Смешно будет, если их крыша круче вашей.

У кого-то погоны могут полететь. А я десять минут продержусь. У меня в кармане пистолет зарегистрированный, разрешение при мне, у вас — явная попытка завладения чужим имуществом с применением насилия. Прокуроры любят называть такое деяние разбоем, тем более — в составе организованной группы. Мне в самом крайнем случае — условный срок за «превышение пределов», вам комендант, ежели вы офицеры, по три патрона на салют выделит...

Отвлекая внимание болтовнёй, манипуляциями с вилкой и телефоном Людмилы, Вадим успел вытащить из-под брючного ремня «травматик» — копию «ПММ», пистолета, весьма распространённого в кругах, хоть как-то причастных к властным структурам любого рода. В девяностых и начале нулевых такие механизмы без особого труда получали все: чиновники, депутаты, руководители предприятий и учреждений, бизнесмены, просто друзья милицмейских чинов, не говоря уже о людях в каких угодно погонах. Было бы хоть малейшее желание. Так что его проще и безопаснее было принять за настоящий, чем за «пугач». Но с пяти шагов и пластиковой пулей «пугача» легко можно покалечить, а попав куда надо — убить.

Ляхов отодвинул коленом скатерть и показал пистолет первому, так, чтобы посетители ресторана не увидели. На странную сцену возле их стола смотрели уже многие: и не рискующая до разрешения «конфликта» подойти официантка, и, кажется, охранник из-за портьеры выглянул. Но ему тут пока делать нечего и милицию вызывать рано. Может, просто старые знакомые встретились...

— Всем сесть. — Ляхов указал стволом на соседний столик. — Водички бесплатной попейте, только бутылкой кидаться не надо, на лету разобью. А вам стрелять в общественном месте, «создавая угрозу жизни и безо-

пасности граждан», не положено. Опять прокурору объяснительные писать придётся. Итак?

Он указал глазами на свою рюмку, Герта тут же налила. Вадим положил вилку, подмигнул «чекистам»:

— За удачное знакомство. А вы, девчата, правда, сходите, подкрасьтесь. И не спешите сильно. Со стороны общая картина лучше воспринимается...

Девушки удалились, покачиваясь на высоких каблуках, походкой и спинами демонстрируя своё презрение к «фраерам».

— Итак, — повторил Ляхов. — Поговорим спокойно? Водки не предлагаю, на работе нельзя. Документик показывай. И как я уже спрашивал — что, зачем, почему?

«Ох и хреново сейчас тебе, — думал Ляхов, глядя на их командира. — Так перед молодыми облажаться. До самой пенсии анекдоты рассказывать будут, накручивая живописные подробности».

Он-то знал службу, и знал, как в таких случаях бывают безжалостны сотрудники, особенно если зуб на севшего в лужу имеют. И никто ведь не вспомнит, что «дурку» с портсигаром совсем не он запустил. Уж лучше бы этот «ковбой» пулю в живот на «геройском задержании» схлопотал.

Для полноты торжества Вадим левой рукой вытащил из кармана пиджака злосчастный портсигар, открыл, взял сигарету, прикурил, правой не отводя ствола от цели. Положил посередине стола, кивнул дружески «первому» — вот оно, твоё «рыжьё», бери, если сможешь. Картинка с фантика шоколадной конфеты «Нюка, отними».

Нажми он сейчас нужную кнопчку, свалились бы парни парализованными. А можно вместо этого мускулатуру им расслабить, в том числе и сфинктеры. Правда, вони будет! А он ещё обедать собирается.

Только что не скрипя зубами, вмиг поблекший кра-

савчик извлек из нагрудного кармана книжечку в сафьяновом переплёте с золотым тиснением.

— Сюда перебрось, — пошевелил Вадим пальцами в воздухе. — Я поймаю, не бойся. И обратно верну.

Подкрепил свои слова очередным движением пистолетного ствола.

И что же мы имеем? Точно, МГБ. Ишь ты, не майор, целый подполковник, Санников Владимир Захарович. Управление такое-то, отдел такой-то. Плохо, товарищ подполковник, явно засиделись на кабинетной работе, а у вашего шефа никого надёжного и с нужным опытом не нашлось.

Он перебросил удостоверение обратно, оно аккуратно легло прямо перед хозяином.

— С этого бы и начинали. Так чем могу служить, Владимир Захарович?

У того аж губы сводило от необходимости отвечать.

— Вам просили передать, что встреча состоится в другом месте. И время уже подошло... Кроме того — вас одного приглашали. Прошу к машине.

— Не поеду, — спокойно ответил Ляхов. — Если б с этого начали — подумал бы. Сейчас — точно нет. Вы на меня злые: в кабине по затылку стукнете или какой гадостью в лицо брызнете. А уж внутри конторы или на служебной квартире — тем более. Ему надо — пусть сюда и едет. Я, по вашей милости, даже и не позавтракал, теперь обедать придётся. Так и передайте. За то, что мне с девушками кайф поломали, я отдельно обижен. Короче — не смею задерживать. Возвращайтесь к своей «тыловой заставе» на скамеечке, оттуда веранду хорошо видно. Обещаю до четырнадцати ноль-ноль не исчезать. Да, вот ещё, подполковник, — сказал он, подводя как бы последнюю черту под разговором. — Опять вы соврали, не знаю уж для чего. Слова «проехал» ваш начальник точно не произносил. Сказано было примерно следующее: «Бери пару своих сотрудни-

ков понадежнее, и доставьте мне этого козла мигом, а брыкаться начнёт — действуй, как учили!» Если бы «попросить», так он бы мне сам позвонил, номер знает, и договорились бы полюбовно. А ты и такой ерундовой задачи выполнить не сумел. В моё время я бы такому, как ты, и на старшего лейтенанта представления не подписал, ибо умею в людях разбираться. А ты — нет, и твой начальник — нет. Идите...

Фёст сам себе удивился, произнесся такой длинный и логически безупречный период¹.

О том, что любые попытки Санникова с его командой предпринять ещё какие-то «логически небезупречные», зато «эмоционально окрашенные» действия повлекут за собой полный провал не только до боли примитивно задуманной, но ещё хуже исполненной операции, он говорить не стал.

Вспомнились то ли шестой и седьмой, то ли девятый и десятый постулаты Александра Ивановича. «Если сумел довести противника до белого каления, этим и ограничься. На очень горячую железку плевать не надо». И — «Даже Наполеона проще отпустить из Москвы на старую Смоленскую дорогу, чем навязывать ему уличные бои в городе. Товарищи Сталин и Жуков в случае с Паулусом этого не поняли».

Санников с товарищами отправились по той самой «Смоленской дороге», к скамейке напротив ресторана, где их с интересом ждали бойцы группы прикрытия. Оттуда и стали звонить, сразу по трём телефонам отчего-то. Впрочем, кто-то мог звонить и жене или подружке, сообщить, что намеченный уик-энд отменяется.

Герте с Людмилой, вернувшимся с позиции «засадного полка», биноклей не требовалось, чтобы наблю-

¹ В данном случае «период» — приём риторики: сложное предложение, интонационно и по смыслу распадающееся на несколько частей, но завершающееся общим, логически безупречным выводом.

★

дать за противником, расположившимся в сотне метров, они умели подстраивать остроту зрения по принципу трансфокатора. Но кроме сделанного Санниковым доклада начальству, ничего осмысленного они по губам оперативников не прочитали. Перемежающийся малоинформативными фразами мат — и только. А кто бы на их месте не матерился, медленно, с трудом въезжая в ситуацию, в какую их поставили сначала командиры, а потом и этот... Фраером и козлом Ляхова, правда, никто не назвал. Испытали положенное уважение к достойному противнику.

Вадим вкратце пересказал девушкам суть происшедшего разговора и собственный план на предстоящую встречу.

— А вы не боитесь, что нас всё же попытаются перестрелять вон с той пятнадцатизатжки? — спросила Герта, указав на жилую башню полукилометром севернее. Три её верхних этажа очень удобно возвышались над вершинами столетних лип. И это было единственное подходящее для снайперов место, если не считать окрестных кустов.

— Вот тебе и задача, — сказал Ляхов, — держи объект под контролем, ни на что более не отвлекаясь. Остальное — мы с Людой.

Герта кивнула, сориентировав свой блок-универсал в указанном направлении.

Официантка, опасливо-уважительно посматривая на Вадима, но лишние слов, выходящих за пределы её непосредственных обязанностей, не произнося, подавала «агнешку на шкара», которой славился этот ресторан. Проще говоря — большой чугунный мангал с раскалёнными, но без пламени углями внизу и сковородой, накрытой крышкой, сверху. Под крышкой — тонко нарезанные ленточки ягнятины, болгарского перца, помидоров и масса всяких специй. Вкуснятина! Особенно если запивать терпким красным вином.

Вадим, кстати, с самого первого дня знакомства с

«валькириями» не переставал удивляться их великолепному аппетиту. Девушки никогда не жеманничали, типа «бежала через мосточек, ухватила кленовый листочек». Нет, они, не скрывая склонности к гурманству, с тем же успехом могли питаться из солдатского котелка и с нормальным солдатским азартом. Понятно, что офицерская служба в войсках спецназа требовала массы энергии. Те, в институтских учебниках прописанные нормы калорийности, вроде: «Семь тысяч калорий кощу и кузнецу, три с половиной — работнику умственного труда», совсем не учитывали, что двадцатипятикилометровый марш-бросок с полной выкладкой и штурм-полоса на финише, и стрельба, из чего прикажут, на промежуточных рубежах — побольше усилий требует, чем «коси коса, пока роса».

Сейчас Людмила и Герта, не оставив без внимания закуски, серьёзно обратились к баранине.

Да и гость не заставил себя ждать. Наверняка ведь сидел поблизости с биноклем и, несомненно, матерился, наблюдая за «мастер-классом» своего посланца. Легко, думаете, видеть, как сыплется на свой страх и риск предпринятая акция? Шансы которой и так болтаются, как стрелка сломанного спидометра, от нуля до двухсот километров, пока машина, взрѣывая мотором, так и не трогается с места.

— Появился, — доложила Людмила, смотревшая в сторону входа. Сам Ляхов предпочитал любоваться плавающими по бутылочного цвета воде лебедями. «Человеку, обладающему знанием, приличествует важность» — эту фразу он ввёл в круг своих понятий ещё в школе, прочитав в книжке ныне всеми забытого автора о войне с басмачами.

— Наблюдай. «Я к нему не выйду» — это уже из Стругацких, «Попытка к бегству».

Только когда Контрразведчик образовался прямо напротив, на ступеньках крыльца, с самой любезной

улыбкой, столь же приятной, как за президентским столом, Ляхов *соизволил* его увидеть.

Поднялся навстречу, протянул руку.

— Присаживайся. Рад встрече. Что не пришёл, куда договаривались — извини. Естественная предосторожность. Правда, я думал, ты просто позвонишь, а не «курьеров» пошлешь. Они моим сотрудницам не понравились...

Он представил гостю Люду и Герту, без фамилий, но с залегендированными должностями.

Сделал жест официантке, чтобы подала ещё прибор и всё полагающееся.

И к Контрразведчику по имени обратился. Специально, разумеется. На прошлой встрече Президент и его друзья предпочитали, как в романе Лема «Эдем», называть себя только по профессиям и специальностям, будто это хоть что-то меняло. Разве что просто обычай, как полумаски на маскараде, якобы делающие участников неузнаваемыми. Ну, мы — люди, политесу не обученные.

— Товарищ генерал-майор, ничего, что я вас Леонидом Ефимовичем звать буду?

Генерал хоть немного, но удивился. Неужели считал, что при всех ранее продемонстрированных способностях его будущим партнёрам сложно будет не только имя и звание выяснить, но самые засекреченные личные дела поднять?

— Ничего, конечно. Мы не на службе...

А Ляхов продолжал резвиться:

— Кстати, а почему генерал-майор всего лишь? Это когда я службу только начинал, генералы в живой природе редко встречались. Небожители! А сейчас по четыре генерал-полковника в одном кабинете сидят. На метро «Арбатская» в восемнадцать вечера на эскалаторах больших звёзд больше, чем в Млечном Пути. Мой первый комкор, генерал-лейтенант Попов, единственный в таком чине от Чукотки до Хоккайдо, на персо-

нальном «ЗиЛе» по Южно-Сахалинску любил кататься, и любой военнослужащий, завидев его машину, по дворам и подворотням прятался, от греха. Вот то был «авторитет мундира». Ты бы тоже три звёздочки нацепил. Эстетично смотрится...

Это было сказано, чтобы сразу привести ситуацию «в соответствие». Мол, в тот раз мы с тобой водку в одном качестве пили, а теперь — совсем в другом будем. Если... Если я тебе болтливым дураком покажусь, так ещё и лучше. Но, вот беда, не выйдет.

Правильный (на его взгляд) ход нашёл Леонид Ефимович, разулыбался вроде Манилова¹:

— Вадим, кажется, Петрович? Простили бы вы моих... лейтенантов. Они за отсутствием постоянной практики совсем элегантно думать разучились.

Явное предложение забыть предыдущее и начать с чистого листа. С «табулы разы», по-латынски выражаясь. Оно бы и можно, только не бывшему капитану медслужбы Ляхову такие «контрдансы» предлагать. Уж если он целого начпрода бригады куда нужно носом потыкал, пока не привёл «в соответствие», так что ему совсем по службе посторонний генерал?

— Лейтенантов бы — простил. Так ты целого подполковника прислал, товарища Санникова. Какая тут элегантность мышления? А что самое главное у медиков, да и у чекистов — результат? Результат — отрицательный, и ты сам глупее своих подручных выглядишь. Вам ведь всем недавно сказано было — ребята, не надо дёргаться. Или мы с вами совсем и навсегда расходимся, или — будем искать консенсус, как последний Генсек и первый Президент СССР выражался. Ну а вздумалось в детские игры со взрослыми людьми играть, так и получите адекватный результат.

— Вадим Петрович, давайте прекратим этот разговор. Все, бывает, ошибки совершают. Я свою готов

¹ См. Н. Гоголь «Мёртвые души».

признать... — Мятлев старательно пытался выглядеть честным, но недалёким чиновником. Крайне удобная позиция, когда на руках в покере не хорошие карты, а чистое «джокерное мучение»¹.

Ляхов не собирался с ним спорить или вообще затевать сложные комбинации. Смотрел на его румяное, до того честное и открытое лицо, что аж противно стало, и вспоминал себя, брата-аналога Секонда, Сергея Тарханова с его пятигорскими делами, Уварова заодно. Эти парни своё право не считаться «тварью дрожащей» под пулями доказали. А ты, мордастенский, что собой представляешь, за что погоны получил?

Для разрядки повисшего над столом напряжения Мятлев спросил, во все глаза глядя на девушек, чересчур, на его взгляд, *штучного разбора*. Одной — и то выше головы хватило бы господину Ляхову. Две — явный перебор.

— Неужели вы и вправду исключительно паранормальными явлениями занимаетесь? Такие красавицы — любая Шэрон Стоун нервно курит в сторонке.

— Старуха ваша Стоун, и смотреть у неё было совершенно не на что, — мило ответила Герта, явно намекая на бывший некогда сверхпопулярным фильм.

— А любая стоящая женщина, — тут же добавила Людмила, — ничем, кроме паранормальных дел, никогда и не занимается. Вы разве не в курсе?

— В курсе, и даже очень, — сейчас Мятлев вздохнул без всякого наигрыша, от души. — Может, с вами немного оттаю душой и сердцем, — тут же вскочил, приложился к ручкам, предложил называть его просто Леонидом, на основе взаимности, разумеется, а на брудершафт готов выпить следующий же бокал.

¹ Термин из классического покера. Когда на руках карты очень слабые, но есть «джокер». И не знаешь, что делать: сносить лишние, в надежде взять получше, или играть с тем, что есть.

— Нам ведь предстоит долгое и плодотворное сотрудничество, если я не ошибаюсь.

— Это уж как пойдёт, — не скрыл скепсиса Вадим. — Прошу, дорогой Леонид, принять во внимание, что Людмила Никитична и Герта Карловна не просто мои племянницы, как тебе наверняка доложили, а ещё и офицеры подразделения, с которыми тут, у нас (намёк, естественно), могут сравниться только лучшие «волкодавы» спецназа ГРУ. Лучшие, заметь! Не так давно по Владимиру с мечами заслужили, что в нашей с тобой России примерно аналогично ордену Мужества. Это я к тому, чтобы дальше недоразумений не возникало. Пойди что не так — из твоих парней ни один живым не уйдёт. О присутствующих не говорим...

При этих лестных для них словах девушки смотрели милыми, наивными глазами, всемерно демонстрируя, что совсем к ним характеристики дядюшки не относятся. Чудит, мол, или цену себе набивает.

— Я понимаю, — переходя в режим нормального разговора, ответил Мятлев. Никак он Ляхову дураком теперь не казался. — Ошибочки в процессе — они у всех бывают. Могу вообразить, как ты над моими сотрудниками в душе издевался, такую поддержку имея. А они ведь только один приказ имели — никаких разночтений не предполагающий и составленный ровно по их уму и талантам. Теперь ясно — «чужой» спецназ перед офицерами, с училища до сегодняшнего дня привыкших больше на «корочки», чем на пистолет в кармане полагаться, все преимущества имеет.

— Издевался, Леонид, не скрою. Но совсем по другой причине. Считаем, я, как паранормальный специалист, внушил собеседникам представление о себе как о некоем Терминаторе, связываться с которым — себе дороже.

Мятлев посмотрел на него уважительно, но с сомнением.

— Совершенно то же самое мне подполковник Санников по телефону доложил. Очень точно сформулировал: «Мне против него сейчас — как с пехотным взводом против танкового полка. Прикажете — все трупы на вашей совести».

— Молодец Санников! — от всей души сказал Ляхов. — Решение верное принял, и неважно, под влиянием моего внушения или собственных ощущений. Впрочем, это почти одно и то же. Но тактически мыслить в кризисной ситуации всё равно не умеет. Были варианты куда более изящного выхода из ситуации...

— Да и где бы ему научиться? — едва ли не печально спросил Мятлев. — Мы до кризисов стараемся не доводить...

— Расскажу при случае, — опять вызываясь усмехнулся Ляхов. — А теперь — снова к покеру вернёмся. Я ставку удваиваю — и раскрываемся. Не согласен — весь выигрыш мой, а ты можешь утешаться видами летней Миссисипи¹.

— Ну, пожалуйста, пусть будет по-твоему, — легко согласился Мятлев, переходя на «ты», как он и предлагал — после следующей рюмки. — Раскрываемся. Вся моя операция — никакая не глупость, естественно, а последняя проверка, перед тем как окончательное решение принимать. Санникова с ребятами я «втёмную» послал, на таком, как ты, зубре потренироваться. И что бы ты о них ни думал, даже принимая во внимание твоё «внушение», — в моём понимании они справились. Вовремя сообразили, когда *остановиться* надо, без консультации с начальством. А это не каждому дано, чаще — напролом прут, от азарта или желания выслужиться.

— И что же ты проверял? — поинтересовался Ляхов.

— Стоит с тобой дело иметь или действительно проще наплевать и забыть? Что ты собой как личность и

¹ Намёк на к/ф «Маверик».

боец представляешь, красивые сказки рассказывать многие умеют. Убедиться, каков в деле, один на один с силой, а не под прикрытием потусторонней техники и чужого Императора, если он тоже не «актёр эпизода».

— Убедился?

— В целом да. Выдержка у тебя великолепная, психологию противника на лету ухватываешь, волю свою умеешь навязать, впервые человека увидев, ведёшь себя так, будто ни людей, ни смерти, ни бога не боишься...

— А если так и есть? Боялся когда-то, да вот отбоялся.

— Вот я и говорю. Если бы ты сегодня слабину дал — какой смысл о серьёзных вещах с тобой договариваться? Начал бы из себя Рэмбо изображать — тем более: сильный истерик — кому он нужен?

— Иногда — очень многим.

— Не мой вариант. Мы с глазу на глаз поговорить можем? И не под запись, разумеется, — спросил Мятлев, не глядя на девушек и как бы вообще игнорируя их присутствие. Мол, положенные любезности оказаны, а сейчас мужской разговор начнётся.

Вадим хотел было ответить, что дело у них общее и от своих помощниц у него секретов не бывает, но тут же передумал. Незачем лишнее *трение* создавать.

— Ну, давай за дальний столик пересядем. Его ниоткуда не видно, даже вон с той крыши.

— А что нам та крыша? — спросил Контрразведчик. — А, понимаю. Нет, я там никого не сажал...

— Ты, может, и не сажал... Вы, девчата, поскучайте тут немного. Боюсь, в ближайшее время к вам ни один кавалер не подойдёт одиночество скрасить. Но я думаю, мы ненадолго...

Дальний столик обслуживал официант-мужчина, возрастом ближе к сорока, судя по взгляду и ухваткам опытный не только в этой профессии. Также видевший всё ранее случившееся и сделавший собственные выводы. Да что тут делать-то? Всё как на ладони — парни по недоразумению наехали не на того человека. Он им

сделал серьёзную *предъяву*. Теперь на стрелку прибыл авторитет подходящего уровня.

— Мы, любезнейший, со своего стола не уходим. Нам просто поговорить нужно. Так ты нам сюда графинчик коньяку толкового, лимон не нужно, разве сыру несколько ломтиков и два кофе, настоящего и покрепче, — доброжелательно, с улыбочкой попросил Мятлев. — Сразу и *приговорчик* изволь, чтобы два раза не бегать.

Словно тут же забыв о существовании официанта, обратился к Ляхову:

— Чтобы неясностей не оставалось — ты действительно что-то такое умеешь? — Контрразведчик неопределённо повертел пальцами перед собой и воззрился на Вадима с простодушным интересом.

— Конечно, умею, — без рисовки ответил Ляхов. — Иначе едва ли ты тут сейчас сидел бы.

Ответ был достаточно двусмыслен, но лжи не содержал.

— Ты мне лучше скажи, — без паузы продолжил он, — друзья впечатлениями от «прогулки» в имперскую Москву и добытой там прессой не поделились?

— Как можно? Поделились, непременно. Газеты мы все, включая Президента, захлёб читали. Каждую фразу, буквально, анализу подвергли, на предмет внутренней логики и соответствия общему контексту. Впечатлило, ей-бо. Кое-кто до последнего сомневался, не особо ли хитрой разновидностью наведённой галлюцинации мы дело имеем. Всё же пришлось признать: увы, но всё происходящее — объективная реальность, данная нам в ощущениях. Тут я, похоже, раньше других вспомнил *одинадцатую* заповедь¹. Остальные товарищи пока что *линию поведения* вырабатывают...

¹ Заповедей, полученных Моисеем непосредственно от Бога на горе Синай, как известно, десять. Две следующие в канонические скрижали не вошли, передавались изустно. Одинадцатая — «не зевай», двенадцатая — «не попадайся».

— Молодец. Часть своих слов беру обратно. Значит, газеты почитал, окончательно уверовал, решил ковать железо, не отходя от кассы? Может, и правильно. Я, признаться, тоже разные варианты прокручивал. Оценивал, кто из вас самый сообразительный. Честно сказать — ждал, что мне Анатолий первый позвонит. С тобой, так решил, работать будем, но при его посредничестве.

— В то, что я с Президентом — до конца, и на ваши посулы не куплюсь, не поверил, значит?

— Да куда ж вам деваться? — теперь уже попросту, как равному и всё для себя решившему человеку, ответил Ляхов. — В том числе и Президенту. Он, *по должности*, себя правильно повёл. Какой же глава государства с *разгону*, на слух, так сказать, принимает решения, касающиеся судеб нации. Если он не Наполеон на поле боя, конечно. Недельку-другую ему *пасьянсы пораскладывать* сам бог велел. Потом, конечно, придётся признать, что в тупике он, из которого самостоятельно не выкарабкается. Вариантов ведь — тью-тью!

Вадим взглядом указал на рюмки, одновременно прикуривая.

— С полноценной «демократией» в России не получилось, да и не могло получиться. Для этого в тринадцатом веке нужно было Москву и Киев под Новгород подгибать, князей на место ставить, университеты создавать, собственный «Хабеас корпус»¹ сочинить, а не вышло, значит, не вышло. Уже у Александра Второго не заладилось, сам знаешь. В параллельной реальности, прошу отметить, — то же самое. Как ни вертелись, а пришлось к самодержавию возвращаться, ибо аль-

¹ «Хабеас корпус акт» — в Великобритании один из основных конституционных актов, принят в 1679 г. Гарантирует неприкосновенность личности, устанавливает процессуальные права граждан, правила ареста и привлечения обвиняемого к суду.

тернатива одна — полная потеря управляемости и распад страны на мелкие фрагменты. Это Австро-Венгрии повезло, в том смысле, что на историческую Австрию никто (кроме Гитлера) претензий не предъявил, отчего и существует пока. А у нас такого инвариантного ядра нет, нас до последнего уезда на ломтики крошить будут. В истории часто — «Ван вей тикет»¹. Не хватило нам уроков в школе Керенского, с его «безграничной демократией», в девяносто первом ещё раз попробовать захотелось? То же и получили — один в один. Даже смешно, «как посмотришь с холодным вниманьем вокруг». Иной раз вдумаешься в «дела наши скорбные» — оторопь берёт.

Выход из «керенщины» в тот раз — Ленин, потом Сталин. Нового Сталина на горизонте не просматривается, да и *матерьял* не тот. Кончились *пассионарии*. Что далеко ходить? Я всё же изначально военный человек, ты тоже при погонах. Смотрю, слезами обливаюсь на нашу «военную реформу». Милютин² при Александре Втором из рекрутской, крепостной армии вполне современную соорудил, «как в лучших домах Европы». Переодел, перевооружил, всеобщую воинскую повинность ввёл, срок службы с двадцати пяти до пяти лет снизил. И времени на это, при тех-то порядках и общеобразовательном уровне, ушло всего ничего. Даже ничего не разворовали походя, кажется. Зато тут же и русско-турецкую выиграли, и Среднюю Азию с Кавказом замирили.

При Сталине пресловутом как с сорок первого по со-

¹ «Билет в один конец» — известная американская песня.

² Милютин, Д.А. (1816 — 1912) граф, генерал-фельдмаршал, с 1861 г. — военный министр России, идеолог и руководитель реформы русской армии 1860-х годов. Автор многих научных трудов.

рок пятый подобные вопросы решались? Не только из разгромленной почти в ноль армии очень даже боеспособную воссоздали, так и форму новую успели ввести, двенадцать миллионов человек в неё переодели, суворовские и нахимовские училища организовали. А у нас двадцать лет дёргаются, даже с возрождением сержантского сословия, двести лет составлявшего опору армии, вопрос решить не могут. Только орут, начиная с самого министра обороны: «Дедовщину при нынешних условиях изжить невозможно! Каково общество, таково и армия!» На простейшую мысль, что армия должна быть образцом, идеалом, школой мужества и воспитания для общества, куриных мозгов уже не хватает.

Сталина из нашего Президента никаким образом не выйдет, он даже районного прокурора посадить боится: «А вдруг ещё непосаженные обидятся?» Одним словом, синдром Павла Первого в чистом виде, или — Хрущёва, в более мягком варианте.

До вчерашнего дня у вас вообще никаких перспектив не было. Не «жизненных» — с голода в любом случае не помрёте, государственных — вот в чём беда.

— Согласен, во многом согласен. — Мятлев разлил коньяк не по рюмкам, а по фужерам, сразу грамм по сто, если не больше. — Не помню, как там точно в дневнике Николай Второй писал, но что-то вроде: «Вокруг только ложь, трусость и обман». Вот и я — ни на своего министра, ни на восемь остальных его замов по-настоящему не могу положиться. Отчего я, по-твоему, нашу встречу, как свидание Штирлица с женой, обставил?

— На моих ребят из «Чёрной метки» — можно, — небрежно сказал Ляхов. — Неизвестно, найдутся ли среди них таланты министерского уровня, но, условно говоря, «кремлёвский плацдарм» гарантированно за-

хватают и будут его удерживать, давая вам с Президентом время любые политические вопросы решить относительно спокойно, но радикально. Я, военно-полевой хирург, по личному опыту знаю — раздробленную ногу с признаками гангрены, которую в условиях тылового специализированного госпиталя можно за пару месяцев вылечить, на ПМП с ходу отрезать приходится, чтобы до медсанбата человека довести и у себя ещё пятерым раненым жизненно необходимую помощь успеть оказать. А если полковой врач, чтобы в учебниках прославиться, начнёт проводить двенадцатичасовую операцию по пришиванию оторванного пальца...

Ляхов замолчал, наконец они подняли рюмки, выпили. Вадима, при наличии гомеостата, *забирало* минут на десять-пятнадцать, не больше, а «пациента» нужно *привести в кондицию*, позволить разговориться, тем более что он сам этого страстно хочет.

— Гражданская война то есть снова у тебя вырисовывается, — вздохнул Контрразведчик, озабоченный и обиженный тем, что его-то в эту самую «метку» не пригласили, и ни один из могущих входить в неё людей *его уровня* даже не намекнул о такой возможности. Причины понять можно, но всё равно... Как если за твоей спиной одноклассники о чём-то шепчутся, а при тебе — замолкают.

— Опять стереотипы, — посетовал Ляхов. — Гражданская — это когда сопоставимые по силе народные массы воюют друг с другом за противоположные идеалы. А здесь предполагается лишь некоторая «зачистка» игровой площадки. При полном одобрении «молчаливого большинства».

— Знаем мы, чем это одобрение заканчивается, — сказал Мятлев. — Президент правильно мыслит: начини — не остановишь. Если по закону — придётся сажать всех, от управдома и выше. На каждого статья найдётся. Если «по справедливости» — получится, как

он же однажды сказал: «выборочный террор». А это, в свою очередь, тоже несправедливо. Даже, — залихватски взмахнул рукой начинающий пьянеть Мятлев, — пусть решимся мы прямо завтра на это! А кто арестовывать будет, приговоры выносить, сажать? Военно-полевые «тройки»? Это ж сколько таких троек надо, и кого в них назначать? Или — на городских и районных собраниях открытым голосованием приговоры выносить? И что делать, если *на местах*, особенно — весьма отдалённых, власти, включая силовые структуры, начнут саботировать распоряжения центра? На всех отрядов быстрого реагирования не хватит. А если и хватит... — Мятлев сморщился, как от зубной боли, повертел головой. — Ну, хоть Первую чеченскую вспомни. Кроме того, границы закрыть придётся наглухо и для всех, как без этого? Межбанковские операции с границей запретить, тоже для всех. Даже не учитывая реакции мирового сообщества, через два месяца Северная Корея нам Данией покажется. Жрать станет нечего, как в девяностом году, никто ж работать не станет, все политической и классовой борьбой займутся... Остальные — просто грабить в пределах досягаемости.

— Ты знаешь, после разговоров с Президентом я сам почти к такому выводу пришёл. — Ляхов опять поддался эмоциям, снова нервно раскурил сигарету.

«Чёрт, — мельком подумал, — надо и вправду, как другие нормальные люди, на трубку переходить. Не столько никотин, сколько дым горелой бумаги глотаешь»:

— Хотя по-прежнему считаю, что тотальный террор от «децимации» кое-чем отличается. И в героизм наших воров и олигархов я не верю. В Скандинавии вон бизнесмены по 60% подоходного налога платят и не жужжат. Так и наши, если хоть тридцать ввести, под танки с последней гранатой кидаться не станут.

— Чем больше соберём, тем больше украдут, не те,

так другие, — возразил генерал. — При Алексее Михайловиче за курение ноздри рвали, и что, кто-нибудь бросил? Готов утверждать, что даже члены сталинского типа «троек» быстренько свои расценки на приговоры установят. Кому потребуется — «расстрел немедленно, без права обжалования», а другому — «десять лет условно без права переписки по эсэмэс».

Вадим вздохнул. Посмотрел в сторону столика, где «валькирии», верные долгу, потягивали сухое вино, бдительно отслеживая порученные секторы. Герта — те, откуда могут прилететь снайперские пули, Людмила — их с генералом столик и окрестности.

— Поэтому я и решил, — доверительно сказал он Мятлеву, — при таких настроениях Президента и «лучших людей государства» затеваться с вами — что в стратегический десант исключительно дезертиров посылать. Без политруков, смершевцев, загранотрядов и прочих тоталитарных методов поддержания сознательной дисциплины. Куда как проще на государя императора положиться. Он одним добрым словом...

— Это ты правильно сказал, — перебил его генерал. — У нас добрым словом гораздо меньше сделать можно, чем добрым словом и пистолетом. Пистолет же — штука обоюдная. За товарища Ежова члены ЦК и Политбюро наверняка от всей души голосовали — уж Николай Иванович укрепит революционную законность! А когда расчухали, куда телега покатилась, — ан, уже поздно. Потому мне твой второй вариант куда больше понравился, чем детские игры в «Чёрную метку» и «беспощадную борьбу с коррупцией». Ушёл поезд. Почему я и здесь. Хотелось бы только услышать, как вы себе на практике всё это представляете. Дьявол — он ведь в деталях кроется. А общие разговоры мне за последние сутки до горькой редки надоели.

Мятлев, не дожидаясь Вадима, опрокинул рюмку и тоже закурил.

Ляхов не стал поправлять стилистическую оговорку Контрразведчика. Ему собственные инвективы наскучили не меньше. Пора пришла переходить к конкретике.

Вадим, попробовав кофе, заметил, что он, хоть и готовится на самых современных импортных устройствах, много уступает абхазскому, на примитивных противнях с песком завариваемому. Мятлев согласился, добавив, что весьма неплох и корсиканский, который он пил недавно в городе Сартен, недалеко от Аяччо.

— Правда, там он по два евро за маленькую чашку...

— Нам бы их заботы, — отмахнулся Ляхов.

Девушки, оставшись вдвоём, отнюдь не скучали в отсутствии кавалеров. Им было о чём поговорить, по мере всё более глубокого погружения в реалии нового мира. Хотя бы о нарядах и поведении местной молодёжи, всё в большем количестве появляющейся на окружающих ресторан аллеях. При этом они не забывали, что мир вокруг только похож на другой, ставший им привычным, а по степени опасности и непредсказуемости немногим отличается от джунглей Соломоновых островов.

— Если совсем попросту, — начал объяснять Вадим, — мы вам предлагаем нечто вроде мягкой конвергенции. Сначала чуть-чуть дверцу между Россиями приоткроем и станем совместно работать и смотреть, что получается. Такого, как при объединении Германии, не допустим...

Мятлев кивнул. Действительно, рвались-рвались немцы сорок пять лет к «братству и единству», а когда получилось, вдруг и бесплатно, двадцать лет притереться не могут: «восточники» чем дальше, тем больше по своему бывшему социализму тоскуют.

— Вот у вьетнамцев всё иначе. Я там не был, но люди

говорят — никаких проблем между бывшими Севером и Югом. Наверное, просто менталитет другой. На это и мы рассчитываем — не должно взаимного неприятия возникнуть. Наверняка несколько сотен как минимум стариков и старушек, что «до развилки» родились, и у нас и у них до сих пор ещё живут. А ведь это — одни и те же люди. Ещё, глядишь, смогут друг к другу в гости съездить, общих родителей помянуть.

Мятлев смотрел на Вадима несколько ошарашенно. Пришлось объяснить. Тот, может, и поверил, но эмоционально не усвоил. Как персонаж Хайнлайна не воспринял четырёхмерный дом.

Такое понимание со временем приходит, как у них с Секондом. Притерпелись — и как так и надо. Да и «валькирии», однажды похороненные, а сейчас весело винцо распивающие — сюжет не для слабых духом.

— Тем более, — продолжал Ляхов, — как уже говорилось, императорской России от нашей фактически ничего не надо. Лично Олега мы интересуем, прежде всего, как объект благотворительности. Сто пятьдесят миллионов русских людей, страдающих в клетке того самого, ефремовского исторического «инферно». Он считает своим долгом «Помазанника божьего» нас спасти и «воссоединить».

— А не так и глупо, — почти под нос себе сказал генерал. — Для пропагандистской кампании...

— Кроме того, мы друг для друга — неуязвимый тыл на случай вероятной войны. Вроде как Урал и США в Отечественную.

— С кем войны? — удивился Мятлев.

— А с кем бы ты думал? Уж точно не с марсианами. Земля и там, и там одна и та же, люди те же самые на ней живут, геополитика — наука не менее точная, чем химия, — не понял недоумения собеседника Вадим. — Есть у них свои тонкости, но независимую Россию прочие «великие державы» в покое никогда не оставят,

хоть императорскую, хоть коммунистическую, пусть мы ещё десять параллельных реальностей найдём.

— Понятное дело. «Россия и Европа» Данилевского. Приходилось, читал. И какой же из нас для них «прочный тыл» на случай новой европейской войны? Зачем? Солдат своих не хватает или сырья? Чтобы из Америки, как прошлый раз, «ленд-лиз» не гнать? Или кто там у них объявится в «союзничках»...

— Солдат хватит, там ведь население — четыреста с лишним миллионов. И настоящая «всеобщая воинская» — не то, что у нас. От князей императорской крови до киргизов из глухих аулов — все служат. Кто не служил — «або хворый, або подлюка». В нормальной мужской компании первый вопрос при знакомстве, как у Остапа Бендера: «В каком полку служили?» От этой печки и пляшут. Иначе — ни авторитета, ни мало-мальской карьеры.

Что дальше? Любого сырья у них ровно вдвое больше, чем у нас, за счёт территории «в границах тысяча девятьсот третьего дробь семнадцатого года».

— Это значит, и Порт-Артур у них, и Маньчжурия, и Западная Армения? — проявил знание истории с географией Мятлев.

— Совершенно верно, включая Польшу с Финляндией и Бессарабией. Так что им от нас, в случае чего, только современная военная техника потребуется и военспецы для её обслуживания и применения. Хотя они быстро обучатся, там образованность и культурный уровень на порядок выше нашего — эмиграции не было, коллективизации с террором, Великой Отечественной, опять же. И вот за новую технику и новые знания они поначалу очень хорошо заплатят. Больше, чем мы союзникам за весь «ленд-лиз».

— Поначалу? А потом? Даром брать станут? — опять профессионально насторожился Контрразведчик.

Ляхов засмеялся:

★ — Я тебя, как свой своего, друг Леонид, понимаю. Ты какого года?

На самом деле он знал его год, месяц, число и место рождения. Но так для укрепления неформальных отношений требовалось спросить.

— Шестьдесят восьмого, а что?

— Совсем ничего, кроме как убедиться. Чистое ты, брат, дитя «холодной войны». И двадцать лет «свободы» тебя от стереотипов не избавили.

— Так говоришь, будто сам тогда жил и много меня старше, — не столько с обидой, как с удивлением ответил Мятлев. Подумав при этом, что и на самом деле странно: Ляхову не больше тридцати пяти, а начал он старшему возрастом, вдобавок — генералу, «ты» говорить с первого момента встречи, настолько неприуждённо, что даже внутреннего протеста не вызвало.

Вот что значит — «русский характер». Не по рассказу Алексея Толстого, по глубинной сути. Не втягивает человек голову в плечи, обращаясь к Президенту своей страны, с Императором *соседней* почтителен без раболепства, значит, всем остальным «тыкать» в полном праве. «Ты» — оно в русском языке, а особенно — *менталитете* пресловутом много оттенков имеет. К барскому приказчику крестьяне на «вы», да с именем-отчеством обращались, а к Самодержцу Всероссийскому (и прочая, и прочая, и прочая) — на «ты» дозволялось, хоть в челобитных, хоть лично. Притом что сам Он себя величал на «мы»!

Кроме того, это обращение можно было понять ещё и в том смысле, что мы, мол, теперь друзья и партнёры по общему делу и никакие церемонии между нами неуместны.

В общем, за короткие мгновения генерал-майор Мятлев из-за одного междометия всё для себя понял. И никаких речей и трактатов больше не нужно. Не вскинул голову гордо: «С чего это вдруг, милостивый госу-

дарь, забываясь себе позволяете? Я с вами гусей не пас. Извольте держаться в рамках приличий!» А вскинул бы?

Пока Мятлев сам себе всё это *понятными* словами из смутной мелькнувшей мысли сумел переложить, Ляхов едва успел прикурить и первую глубокую затяжку сделать.

— Я сам в шестидесятые не жил, разумеется, но мои старшие товарищи как раз успели между Двадцатым съездом¹ и «Пражской весной» вырасти, сформироваться, институты закончить. И меня попытались таким же «романтиком» сделать. Информацию их я на сто двадцать процентов усвоил, все книги и газеты, все фильмы тех лет посмотрел. Только вместо романтика законченным циником стал. Знаешь, Леонид, — Ляхов доверительно положил свою ладонь на его. Этот жест в его понимании должен был означать высшую степень доверия и душевной близости. Контрразведчик своей руки не отдернул. — Тебе ведь это ближе, нет? Ах! Пражская весна! «За нашу и вашу свободу!» Срока лагерные получали идеалисты недоделанные, чтоб десять минут на Красной площади плакатиком помахать. А зачем? Вышло бы у чехов, потом поляков, далее везде — ты бы, товарищ генерал, уже в детском садике все преlestи *такой вот* свободы ощутил.

— Я тебя понимаю, Вадим, — мягко ответил Мятлев. — Уж кто-кто, а моя «контора» всегда это понимала. Нас до сих пор обвиняют — «вы людей сажали». Было, кто спорит. Только сразу после пятьдесят третьего совсем другой счёт пошёл. Сталин помер, и, считай,

¹ XX съезд КПСС (1956 г.) — на котором в докладе Хрущёва «разоблачён культ личности», считается «началом оттепели». «Пражская весна» (1968 г.) — попытка чехословацкой интеллигенции организовать нечто вроде горбачёвской «перестройки», перейти к «социализму с человеческим лицом». Две эти даты принято считать границами «золотого века социализма».

на другой день «дело врачей» закрыли, людей из лагерей начали выпускать, реабилитировать. То же самое МГБ этим и занималось. Это, кстати, к нашему теперешнему разговору очень серьёзное отношение имеет. С большинством твоих претензий к Президенту, к нынешнему строю вообще легко могу согласиться...

Генерал сделал паузу, словно не желая именно сейчас продолжать эту тему, спросил у Ляхова, не из другого ли мира у него сигареты? Здесь он, при всём изобилии, подобных не видел.

Вадим сказал, что да, оттуда. В фирменном магазине Асмолова на Петровке куплены.

— Обожди, — вдруг вспомнил Ляхов. — Зачем сигареты? Возьми вот, в знак предстоящего...

У него в кармане лежала приготовленная на случай встречи с Журналистом Анатолием или Писателем коробка «Корниловских».

Экзотика, что ни говори. Изготовлены, судя по дате, восемьдесят лет назад на известной фабрике по заказу офицерского собрания Первого Корниловского полка, что на обороте и обозначено. Свободной продаже не подлежат, цена не указана. А на вкус — словно вчера набиты. Да так оно и есть, не вчера, конечно, но в пределах нескольких месяцев условно текущего в разных мирах года.

На зеленоватой, с золотым напылением крышке слева тиснёный портрет генерала Корнилова в лавровом венке, оплетённом Георгиевской лентой. Остальное поле занимает изображение штыковой атаки полка на Каховский мост. В рост и с винтовками «на руку».

— Ох ты! — восхитился Мятлев.

Настоящий русский человек, понял Ляхов. Либерал-демократ, вроде того же Воловича, встреча с которым на завтра планировалась, непременно бы губы скривил, подсознательно. Не может человек, с юности «на

гранты» живущий, попросту обрадоваться виду геройских российских солдат. Хотя на позапрошлого века войне, хоть на позавчерашней.

— Я закурю? — странным тоном спросил генерал.

— Можешь невесте подарить нераспечатанную, — ответил Вадим. Обменялись любезностями, можно сказать.

Леонид Ефимович, преодолевая опасение (неужто думал, ему туда дури какой подсыпали?), ногтем срезал бандерольную наклейку, взял и закурил толстую, очень крепкую и ароматную папиросу из смеси абхазского и трапезундского табаков. Никакой «виргинии». Перед последним в жизни броском в штыковую «Кент» не успокоит и бодрости не придаст. А эти — как раз то самое.

Сделав пару затяжек, Мятлев вдруг заговорил, с некоторым трудом, продолжая при этом смотреть на папиросную коробку, будто на некий предмет религиозного культа.

— Я, думаешь, отчего сам тебе позвонил? Ты сказал — первый с тонущего корабля побежал. Обидно, конечно, но кое в чём и верно. Случай, буквально вчерашний, очень уж меня достал. Был у меня знакомый, самый молодой в России генерал-лейтенант из «соседнего» ведомства. Честный парень, способный. С уголовным миром сражался беспощадно, одних «воров в законе» штук двадцать пересажал. Перед начальством не заискивал, хотя «мохнатой лапы» нигде не имел. О сотрудниках заботился, всегда помогал, квартиры строил, что вообще на сказку похоже. И что ты хочешь — намекнули ему, «с самого верха», что лучше бы ему рапорт об отставке подать, пока не сняли, со всеми последствиями. Он плюнул, выматерился, рапорт немедленно написал и на стол министерскому куратору швырнул. К всеобщему шумному удовольствию. Такая история. Вот сейчас посмотрел на портрет Корнилова.

Его ведь тоже сначала Керенский призвал «спасать свободу», а потом испугался и «кинул» за ломаный грош. Пришлось Лавру Георгиевичу самостоятельную войну с большевиками начинать. Так чего ждать, так я подумал...

— А ты, прочие друзья президентские, с ним во главе, отчего же парня не поддержали? Того, кто ему совет дал, не выгнали с позором, а то и под суд не отдали?

— Так всё ведь и получается, как ты говорил. Такой расклад обозначился, что и Президент оказался бессилен. К тотальной войне не готов, и проще ему оказалось глаза закрыть, чем новый «тридцать седьмой» затевать. Нет у него аппарата, чтобы за сутки мог две трети правительства, половину губернаторов и пятьсот генералов разом посадить, и заодно прочую обстановку в стране под таким контролем удержать, чтобы вокруг никто и не дёрнулся...

— Хорошо, вот ещё у нас один кандидат в «Чёрную метку» появился. Ты мне его координаты сообщи, поговорим. Скоро, совсем скоро такие люди на вес золота цениться будут. Император Олег сам такой...

И тут же Ляхов перешёл к ключевой для самого генерала теме:

— Тебя, естественно, беспокоит, что *вы* потерять можете и что лично *ты* выиграешь.

Не обратил внимания на слабый протестующий жест.

— Объясняю с предельным цинизмом. Ты остаёшься при своей должности, если она тебя устраивает, и при шансах получить любую другую, исходя из склонностей и способностей. Если согласен трудиться на благо Отечества за установленное жалованье. Для начала могу устроить экскурсию по *той* России за казённый счёт. Срок и расстояния не ограничены. В сопровождении девочки или девочек отряда «Печенег». Любой, кроме Людмилы. Все остальные, гарантирую, не хуже, просто Вяземская — моя невеста. На Герту Витгефт по-

смотри — куда там любим гейшам и гетерам! Стихи всякие наизусть знает, от Аристофана до Бродского. Музыцирует, даже и на скрипке. Танцует, как Айседора Дункан. И при этом выбивает сто из ста по любой мишени, из любого оружия и на любую дистанцию.

Далее — *нашему* Президенту гарантируем полную безопасность и сохранение должности до истечения срока. Если понравится и дурака валять не начнёт — до тех пор, пока самому не надоест. Переизбирать его каждый раз с восторгом будут, как Рузвельта, потому что нынешние экономические и политические проблемы исчезнут раз и навсегда.

Вообрази, какой это для всех нас грандиозный шанс. Чтобы наша страна наконец стала сильнейшей в мире державой. Не для того, чтобы кого угодно бомбить и оккупировать под флагом защиты «прав человека». Плевал я на этого человека, если ему право парад геев устраивать на Тверской дорожке защиты Родины. Извини за патетику, конечно, — кашлянул Ляхов, в горле от произвольного напряжения связок запершило. — Я ведь как, несмотря на все «свинцовые мерзости нашей жизни», роль России вижу: «Придите ко мне, все униженные и оскорбленные, и я утешу вас!» Сообрази — России ни от кого в мире совсем ничего не надо. Только ей одной. Мой товарищ недавно в журнале «Нева» статью написал. Хороший товарищ и умный. На такую же примерно тему. Так вы же в Кремле умных статей и книжек не читаете. Отчего и ваш личный друг, «Писатель», на седьмых ролях прозябает. А мог бы... Но я опять отвлёкся. Этот самый профессор Рыбаков считает, что Россия должна помогать всем и бесплатно, но только по велению сердца и движению души. В чём и будет заключаться её позиция Мирового центра христианской и всех других конфессий, справедливости. Арбитра в спорах, если угодно. Не дурацких «прав человека», за которые крови уже пролито

больше, чем всей инквизицией. Как в священных книгах написано? «Какою мерою меряете, такую и отмерится вам». «Не делай другому того, чего ты не хотел бы, чтобы он сделал тебе». А ведь две тысячи лет люди эти простейшие заповеди при первой возможности игнорируют. Куда проще: «Очень приятно жать там, где не сеяли».

А вот мы с Императором и его советниками, мудрецами и философами, кто в капитанском звании, кто в профессорском, такой бесчеловечный лозунг для своей Родины выдумали: «Хочу — помогу вам, спасу вас, если вы тоже хорошие люди и этого заслуживаете. Исключительно для собственной благодати. А если вы мерзавцы и сволочи, то и за миллионы долларов куска хлеба не подам».

Выговорившись, Вадим почувствовал себя опустошённым. Многовато эмоций с надрывом под запал выбросил. Адреналина тоже много. Пусть и понимал, что не зря говорил — генералу, если начинать его вербовку (сам факт встречи и даже его «намёки» пока ничего не значили), именно вот такой нервный срыв должен убедительным показаться. Остальные *заготовки* — на потом.

Руки у Ляхова настолько заметно дрожали, что Мятлев сам прикурил папиросу и уже горящую сунул в губы Вадима. Тот благодарно кивнул. Наверное, сила его посылы достала и Людмилу, она беспокойно зашевелилась и начала, вместо красивых юношей и девушек на аллеях, чересчур часто посматривать на своего полковника.

Вадим, ещё рюмку коньяка выпив, корниловскую папиросу не торопясь докурив, словно бы успокоился. Эмоции эмоциями, а ему нужно генерала характером и силой логики задавить.

— Ты поверь — я ведь совсем серьёзно говорю — для всех нас ни малейшего иного выхода не просмат-

ривается. Чего б я иначе за эту Россию добровольно под пули лез и голову в петлю совал? Деды наши и прадеды не за рубли это делали. Теперь вот и у нас шанс появился, при этой жизни — последний... — эти слова Вадим произнёс с явной печалью.

— Вот и давай, попробуй меня на уровне бухгалтера убедить, — усмехнулся Мятлев. Ему казалось, что со срывающимся в истерику и неумеренно пьющим себе-седником он сумеет правильную схему отношений выстроить (не замечая, что сам уже гораздо более подшофе, чем Ляхов). Сорокадвухлетний генерал *особой* службы и тридцатилетний, пусть и весьма способный авантюрист, где им тягаться?

— Где у меня дебит, где кредит? Попробую, — многообещающе улыбнулся Вадим.

«Страшные тайны тройной итальянской бухгалтерии», — мельком вспомнил он многократно перечитанный «Ибикус» А. Н. Толстого.

— Люди Императора на вашу дачку самые серьёзные документы и расчёты привезли, откровенные настолько, что не всякому специалисту и у себя дома показывать бы стали, так господин Президент смотреть не захотел, предпочёл морализаторством заняться. Сам себя напугал, а Олега в раздражение ввёл. Сейчас мои друзья пытаются исправить, что можно. И вам придётся тем же заняться. Виды *той* Москвы сильно его из колеи выбили?

— Сам попробуй догадаться, — сделал хитрое лицо Мятлев. — Ты, когда первый раз туда попал, как чужой мир воспринял?

— Я — нехарактерный пример. Я те края увидел, когда, считай, уже убитый был. Факт воскресения сильно на психику влияет, остальные впечатления на этом фоне меркнут.

Вадим не преувеличивал. Что почти погиб — чистая правда — на перевале, когда стрелял из своего винта-

ря, как последний защитник Брестской крепости. И когда «Гнев Аллаха» рванул, мир долго вращался вокруг него, скалы тряслись и рушились. Никогда не страдая нервными болезнями, Ляхов долго колотился в подобии эпилептического припадка, в кровь рассекая себе подборок и щёки об острую щебёнку.

Потом сознание погасло, не слишком быстро, как раз дав время понять, что вот оно, то самое, во что он не верил, и пришло.

И почти тут же очнулся, в полном порядке, только в голове слышалось нечто вроде замирающего звона прекративших праздничный благовест церковных колоколов¹.

Мятлев до конца докурил «корниловскую» папиросу, не спеша, растягивая удовольствие, как солдаты на фронте курят — до последней складки вытрусив кисет и кое-как набрав на *закрутку*, возможно, последнюю в жизни. Ляхов признал в Леониде настоящего курильщика. Сам он баловался этим делом с первого курса *военфака*, но именно что «баловался» — мог курить всё подряд — сигареты, сигары, трубку, в царской России — папиросы. Бывало — помногу, но без пристрастия. В случае чего обходился без табака и сутки, и неделю, выражение — «уши пухнут» к нему не относилось.

А Леонид был в курении такой же гурман, как другие в еде, напитках или женщинах. И загасил догоревшую до начала картонного мундштука папиросу («до фабрики», как в советское время говорили) с явным и отчётливым сожалением.

— Не переживай ты так, генерал, — сочувственно сказал Ляхов, поняв настроение Мятлева. — Закуривай вторую, если хочется. Уж чего-чего — этих папирос и любых других мы тебе организуем неограниченные

¹ См. роман «Дырка для ордена».

поставки. Поедем с тобой в ныне российский Трапезунд, познакомишься с губернатором генерал-лейтенантом Тер-Гукасовым, он ради нового друга прикажет особую табачную смесь изобрести, сопроводит цветистым посвящением и коробку со своими стихами и вашим парадным портретом в обнимку в течение суток выпустит.

— Неужели там у них так дела делаются? — не скрыл удивления, неподобающего званию и должности, Мятлев.

— Да только так и делаются, — опять вполне искренне засмеялся Вадим. — У нас же сейчас вся пресса, что отечественная, что зарубежная, сплошь забита алармистским бредом: «Куда катится европейская цивилизация?», «Минареты над Парижем», «Крах модерна», «Закат Европы» (причём не Шпенглера, сто лет назад это предсказавшего, а новых «философов»). Можешь сам продолжить, если в курсе. А Олег Константинович, неизречённой мудрости человек, двадцать лет в роли «Местоблюстителя» *коловращение мира* наблюдая, за это время несколько географических и геополитических книг написал и две диссертации, — счёл нужным просветить Контрразведчика Ляхов. — И пришёл к выводу, что только немедленное возвращение доверенного ему Отечества к военно-феодалной формации и возрождение Самодержавия даёт шанс на достойный ответ очередному *цивилизационному вызову*.

— Как ты разбрасываешься, — с сожалением сказал Мятлев. — С темы на тему и с мысли на мысль перескакиваешь, будто боишься не успеть. А мы успеем хоть за час, хоть за сутки всё обсудить. Нас, слава богу, никто в шею не гонит. Или ты просто в другом темпе живёшь? Я предпочитаю — в обычном.

Ляхов обратил внимание, что Мятлев, умеющий контролировать ситуацию, крайне неглупый профессионал, то и дело перебрасывал взгляд на «валькирий». На

★

их чуть поддёрнутые юбки, из-под скатерти демонстрирующие то, что в нынешнюю эпоху никого интересовать не должно бы. В маршрутку садись и любуйся на бесконечное количество входящих и выходящих девушек. С каких хочешь ракурсов. Однако же *эти* части тела, или — именно *этих* девушек, как-то по-особенному задевали генерала. Читал, наверняка читал книги Ивана Антоновича Ефремова. Следовательно, сработала «вторая схема» Ляхова-Фёста.

Вадим ведь не только фактической биографией генерала занимался. Шар, будучи очень полезным устройством, в том числе и «коллектором рассеянной информации», и «селектором стабильной», всё равно оставался «железкой», пусть и на многое способной. Суметь задать ему правильный вопрос, а потом понять смысл ответа — вот в чём хитрость!

Ляхов, врач, разведчик и контрразведчик, вовремя сообразил, что наряду с иными моментами невинно поинтересоваться сексуальными свойствами, способностями, склонностями и фобиями господина генерала. Не раз в истории случалось, что у многих весьма почтенных политических деятелей здесь и крылась «ахиллесова пята». Специально Вадим не интересовался корреляцией этих качеств личности «больших людей», но кое-какая тенденция просматривалась даже с дилетантских позиций. Врожденно-повышенный гормональный фон или необходимость компенсации интеллектуальных перегрузок противоположными эмоциями. Хотя бы и нынешнего государя-императора взять.

И Шар тут же его порадовал.

Действительно, женским полом Мятлев интересовался всегда, принадлежа к не слишком распространённой страте бабников-эстетов. Не из тех он был мужиков, что за каждой юбкой гоняются, стремясь соблазнить любую из их носительниц, независимо от

внешности, часто — просто ради спортивного интереса, нагоняя счёт. Леонид Ефимович подходил к процессу особо тщательно, выбирая лучших из лучших, а уже потом избирал подходящую именно для этой персоны тактику: то ли внезапного штурма, то ли планомерной осады. И цели своей обязательно добивался, пусть даже однократно.

Как следует нагулявшись, в положенное время женился, опять же на «красавице, умнице, спортсменке» и так далее. Его «брак по расчёту» оказался счастливым, поскольку расчёт был правильный. Но натуру не переделаешь, только теперь ему приходилось проявлять намного больше изощрённости и осторожности, чем раньше.

Тут помогала профессия, и за много лет «свободной охоты» он ни разу не попался. Ни жене, ни в чужие сети.

Так что молодцы были самые первые агтрианские руководители проекта «Земля», решившие готовить своих агентесс из лучшего генетического материала. Сейчас Ляхов мог сыграть на страстях партнёра с гораздо большим эффектом, чем используя более грубые методики. На возможность внезапного личного обогащения и карьерный взлёт Мятлев реагировал слабо. Он был из тех людей, что, подобно пушкинскому Германну, не желают рисковать необходимым в надежде приобрести излишнее.

Перспектива стать очередным «спасителем Отечества» была слишком неопределённой, туманной и отдалённой. Личная обида на Президента и его окружение — штука преходящая, по любой непредсказуемой причине настроение может перемениться на прямо противоположное.

Зато возможность приобщиться к новому, интересному делу, увидеть иную, весьма привлекательную реальность, проявить себя, да ещё и оказаться «первым среди равных» — это уже конкретно. Здесь и промах-

нуться, теряя в итоге и положение, и голову, практически невозможно, и шанс возвыситься потрясаяще высок. Но гвоздь, фигурально выражаясь, полагается забивать по самую шляпку, чтобы и гвоздодёром не зацепить.

Вот Вадим и забросил блесну, которую такой типаж, как Мятлев, ни за что не мог оставить без внимания. А уж подсечь и вытащить добычу — вопрос квалификации рыбака. Кроме всех возможных благ — бытовых, служебных, интеллектуальных, Ляхов предложил его вниманию немыслимой красоты и изящества девушку, наделённую вдобавок качествами, словно бы несовместимыми с изысканными чертами лица, длиной и точённостью ножек, манерами выпускницы Смольного института. Самое же главное, генералу гарантировалось никогда, даже в условиях многомиллионной Москвы, недостижимое преимущество — его интрижка не станет в *том мире* всеобщим достоянием, хоть по всей Тверской из конца в конец в обнимку с новой пассией разгуливай! По *другой* Тверской, естественно.

Офицер имперского спецназа, непревзойдённый стрелок, гетера, умеющая поддерживать учёные беседы, и гейша, знающая наизусть и на разных языках тысячи стихов! Бывает ли такое, в одной молодой девушке сосредоточенное? За вдесятеро меньшие достоинства умнейшие люди судьбой и жизнью рисковали, душу, говорят, дьяволу продавали.

— Давай мы оставим серьёзные разговоры на завтра, — предложил Мятлев, доказывая, что блесна с крючком-«тройником» проглочена сразу и на всю возможную глубину. — Ты, как мужчина и офицер, гарантируешь, что Герта свободна и я не стану зря, как носорог, глядящий на Луну, тратить цветы своей селезёнки?

Умеет изящно выражаться господин генерал контр-

разведки. Хотя цитата всё из тех же Стругацких, если память не изменяет.

— Что она незамужем и у неё нет сейчас бойфренда — гарантирую стопроцентно. А в её ты вкусе или нет, считает ли она, что в двадцать два года сорокалетний мужик способен представлять какой-то интерес, — ты сам выясняй.

Мятлев прямо напряжился, как гепард, завидевший антилопу. Впрочем, на гепарда он статью не очень походил.

— Договорились. Возвращаемся к девушкам, и ты уже мне больше не мешай.

Сказано это было таким тоном, что, и не читай Ляхов генеральской психокарты, и так бы сообразил, с каким мастером имеет дело.

— С Людой твоей я буду общаться, как светскому человеку положено, любезничать, иногда рискованно, но без всякой задней мысли. Будь спокоен. Она мне потребуется для направления и развития главного удара, — оговорил диспозицию Мятлев.

— Вроде как чужой шар в бильярде? — усмехнулся Вадим.

— Вот именно. Я же с ними и не разговаривал ещё, на ходу придётся ориентироваться. Очень хорошо знакомство затевать, когда *твоя* — с подружкой...

— Можешь не пояснять. — Вадиму эта методика тоже была известна. Тут главное — не заиграться, а то окажешься сам в лузе, и совсем не той, что планировал.

— Все, генерал, мешать не буду. Где смогу — поддерживу. С тебя за это — не вмешиваться в мои контакты с вашей «президентской ратью». У меня и на Писателя, и на Журналиста с Философом — свои виды. Но не через твою голову.

— Слажено. — Мятлев докуривал вторую папиросу, весь уже, как актёр перед выходом, погрузившийся в роль.

— И последнее. Я тебе гарантирую — если у тебя с Гертой что-нибудь получится, хоть двухнедельную, хоть месячную турпоездку я вам организую. По Великой России и пока ещё мирным странам ТАОС. Южнее — не стоит. Там даже такая эскорт-леди, как баронесса Витгефт, тебя долго спасать не сможет.

— Почему? — странно удивился генерал.

— Патроны кончатся, — лаконично ответил Ляхов. Он-то помнил, как это страшно — нащупывать в кармане последнюю обойму.

— Так плохо? — профессионально спросил Мятлев.

— Хуже, чем у нас в Сомали или Афгане. Доживёшь — увидишь.

— Баронесса, — непонятно-мечтательным тоном сказал Леонид. Разговор насчёт патронов, имеющих омерзительное свойство кончатся в самый неподходящий момент, он решил оставить на потом.

«Готов, значит», — подумал Ляхов. При всём его мужском, врачебном и офицерском опыте Вадиму до сих пор странно было наблюдать только что нормальных мужиков, вдруг стремительно уходящих под власть гормонов. А сядет он рядом с Гертой и Людой рядышком, и феромоны¹ в ход пойдут. Тогда уже полный абзац генералу.

— Баронесса, — сочувственно, но с нотками ротного командира повторил Ляхов. — Баронесса Рене де ля Тур.

Мятлев посмотрел на него подозрительно и как бы даже с обидой.

— Молодой человек, в ваши годы и в нынешнем обществе, где вы, похоже, заняли достойное место с вашей дурацкой «паранормальной комиссией», свобод-

¹ Феромоны — вещества, выделяемые экзокриновыми железами живых организмов (чаще — в виде запахов), способные оказывать влияние на поведение и более глубокие функции существ того же вида.

ное цитирование Ремарка едва ли прибавит вам авторитета. Скорее, напротив. Известный журналист Волович не так давно написал в своей колонке, что Ремарка могут считать своим кумиром только совершеннейшие маргиналы, коим недоступен Хемингуэй, а тем более Козльо с Мураками и Павичем. Вместо погружения в тайные глубины личности — потакание архаичным стереотипам.

— Изящно, подлец, выражается. Но я скоро разберусь, какие у него там «глубины». Ещё Марк Твен развил мысль, доходчиво изложенную на долларовой бумажке: «В бога мы веруем, остальное наличными». И, как ни странно, фамилии вполне второстепенной героини «Чёрного обелиска» вполне хватило, чтобы не только вызвать сей назидательный пассаж, но и посетить в вашей же душе «сурового солдата, не знавшего слов любви», именно ту мысль, которую я и намеревался. — Ляхов уже откровенно веселился. — Кстати, а последняя моя цитата откуда?

— Не помню, — буркнул Мятлев, допивая коньяк. — Я не Литературный институт заканчивал.

— Так я тоже — «не». Однако помню, что цитата — из «Записных книжек Ильфа». Да не бери ты в голову, у меня просто память такая, почти абсолютная, а в остальном я вполне средний интеллигент вымирающего подвида «эстетов-хамов». Герта, в отличие от циркачки — настоящая баронесса, и её родовые замки в Австрии уже тысячу лет в предгорьях Альп стоят. Сумеешь на высоте положения оказаться — твои будут.

Суть же моей мысли, Эрихом Марией¹ навеянной: если ты *сам по себе* нашей баронессе не понравишься,

¹Ремарк, Эрих Мария — немецкий писатель (1898—1970). Автор «культовых» в 60-е годы книг, которые почему-то, явно во вред себе, советская власть издавала массовыми тиражами. За исключением тех, где слишком явно поднималась «еврейская тема».

ко мне никаких претензий. Договорились? Помнишь, чего «друг моего детства Костя Остен-Бакен хотел добиться от подруги моего же детства Ольги Зайонц»?

— Любви, — зло бросил генерал, уже доведённый Ляховым до той самой степени «белого каления», что рекомендовал Александр Иванович Шульгин для таких ситуаций. Ничего ведь «такого» не сказал, одни общеизвестные цитаты, а результат?

— Очень правильно. С данной секунды и до указанного тобой момента я буду у тебя «в подтанцовке». Пора бы и отдохнуть, «как встарь, по-настоящему».

— Слушай, за...л ты меня своими цитатами. Эту я ещё помню, «Хищные вещи...». Но лучше пошли, не доводи до греха.

— Пойдём, — с чувством отчётливого облегчения сказал Ляхов. Клиент *отработан* по полной программе. Теперь его несколько часов лучше не трогать, предоставив обстоятельства свободному течению. — Напоследок скажу, как товарищ товарищу. Герта — девушка. В физиологическом смысле. Увы, характер, плюс суровые реалии военной службы. При этом она не только баронесса, но и миллионерша. Намного богаче меня, к примеру. Миллионерша, за девяносто рублей жалованья подпоручика «стойко переносящая все тяготы и лишения». У нас в благословенном Отечестве мало кто такими принципами руководствуется. Вот из такой вводной и исходи, генерал-майор. Но если за *рамки выйдешь*, лечиться будешь за свой счёт. И долго...

Официант с чувством глубокого удовлетворения воспринял уход чересчур серьёзных гостей из-за своего столика. Не поглядев на счёт, абсолютно честный на сей раз, они вложили в папочку ещё и голубенькую тысячу чаевых. Совсем неплохо за три минуты реальной работы.

Вяземская и Витгефт настолько погрузились в собственные разговоры, к службе, кстати, отношения почти не имеющие, что возвращение мужчин восприняли без всякой радости. Охранять их безопасность издалика было даже удобнее, а девичьи слова и пересмешки в чужих ушах не нуждаются.

Но Мятлев сразу взял руководство компанией в свои руки. Не так, как тамада на Кавказе, — куда тоньше.

И без всяких банальностей и пошлостей. Не стал ладошку или плечико девушки трогать. Напротив, сделал лицо, подобающее сорокалетнему генералу, тёртому и битому жизнью, дочек, может, того же возраста имеющему.

Вадим наблюдал с интересом. Разные он школы «охмурителей» видел, чем же этот блеснёт? Самому Ляхову, преодолевая то своё, то чужое сопротивление, удалось «побаловаться» (именно так, поскольку ничего серьёзного заведомо не предполагалось) всего с пятью женщинами. В трёх случаях инициатором был он, в двух — они. Как ни странно и ни грустно — совершенно никакой разницы между партнёршами и никакого «запредельного восторга» он не ощутил ни разу. Поначалу просто интересно, в результате в меру приятно — и только. Ничего такого, чтобы просто личным спокойствием поступиться, не говоря о большем.

Но Мятлев-то — почти вельтмейстер в этом деле. Шар подтвердил наличие у генерала более полусотни чрезвычайно активных любовниц, и это уже после женитьбы. Получить «установочные данные» и фотографии каждой при необходимости труда не составляло.

Забавно Фёсту было наблюдать, дураком прикидываясь и, как бы между делом, демонстративно напиваясь, как настоящие «казановы» к «сестричкам нашим меньшим» *подъезжать* наловчились.

— Извините, Герта, — с лицом суровым, исполнен-

★

ным подозрительности и недоверия, начал Леонид. — Минутой назад наш общий друг Вадим заявил, что вы знаете наизусть всю классическую японскую поэзию...

Чтобы эта фраза не прозвучала слишком жёстко и обязывающее, Мятлев обернулся, махнул рукой официантке, на столе, мол, не хватает...

И опять обратился к Герте:

— Ни в коем случае не сомневаясь в *ваших* способностях и познаниях, я позволил себе выразить недоверие Вадиму. Наш друг склонен к преувеличениям, пусть и из самых лучших чувств. Вам двадцать лет? — будто между прочим спросил генерал и краем глаза заглянул соседке за вырез платья. Ничего там особенно-го увидеть было невозможно: верхняя кружевная кромка бежевой «Анжелики» прикрывала именно то, что скромные девушки считают нужным скрывать.

— Двадцать три! — почти с вызовом ответила Герт. Счастливей она переживала возраст, когда приятнее прибавлять себе годы, чем убавлять.

— Чудесно! — воскликнул Леонид. — «Девушки в цвету», как писал Марсель Пруст. Двадцать два — двадцать пять — восхитительный, ни с каким другим не сравнимый возраст!

«Неплохо сказано, — подумал Фёст. — Давай, механик, крути машину дальше!»

— Прости, Леонид, именно о *доскональном* знании Гертой японской поэзии я не говорил. О европейской — да. А здесь уже твой передёрг. Платить не стану, сразу предупреждаю.

Впрочем, стратегически Ляхов выигрывал в любом случае.

— Нет-нет, девушки, я готов спорить. Он сказал, что вы Басё знаете. Однако не верю я Вадиму. Вы — и японская поэзия?! При *ваших* манерах вкусы должны быть совсем другими. Ну, давайте проверим, к посрам-

лению нашего друга, конечно. Вас не касается. Он наговорил лишнего, он и ответит. Вадим поставил бутылку лучшего здесь коньяка. Я отвечаю двумя.

— И что? — спросила Вяземская, естественно заинтересованная, чтобы её суженый не проиграл будущие семейные деньги.

— Пусть Герта прочтёт мне что-нибудь японское, связанное с нашим неожиданным знакомством... Знаете, есть там у них обычай обмениваться стихами *по случаю*...

Мятлев произнёс эту рассчитанную на безусловное поражение Ляхова и самой Герты фразу с мало скрываемым торжеством. Ничего ведь не придумает, а он уже приготовил в уме пару хокку с соответствующим прозаическим сопровождением, одновременно и примиряющим его с девушкой, и чуть-чуть, но унижающим Вадима. Нужно ведь подравнивать шансы?

Герта, делая вид, что глубоко затягивается длинной и тонкой сигаретой, на самом деле только в рот набрав дыма, медленно выпустила его носом. Исключительно «для понта», как здесь говорится, при этом став изумительно похожей на эпизодическую актрису, точно так же курившую длинную папиросу в белом Севастополе накануне эвакуации, в фильме «Хождение по мукам». Улыбнулась так, что у *простого* человека мороз бы по спине пробежал, а Мятлев возбудился совершенно непристойным для взрослого человека образом.

— Японское? Прочту, — снова усмехнулась она.

И тут же, без малейшей паузы, произнесла с нужными интонациями:

— О, радостный миг! —
Наверно, подумал каждый,
Кто ждал во тьме.
Взошла над зубцами гор
Осенней ночи луна.

Слегка задумалась, уперев взгляд прямо в глаза ошарашенному точным попаданием текста в ситуацию Мятлева, прочитала ещё одну танку:

Гляжу без конца,
Но это не может быть правдой.
Не верю глазам.
Для ночи, для нашего мира
Слишком ярко горит луна.

Не вставая с места и почти не двигаясь, выражением лица и лёгким жестом изобразила, будто ничтожнейшая из гейш в восхищении шепчет своему сегодняшнему господину прославляющие его слова. А «луна» в японской традиции как раз и обозначала нечто прекрасное, одновременно недоступное и восхитительное.

Ляхов победно улыбнулся, словно действительно выиграл дорогой коньяк (а что, сам назвался, пусть и ставит, перед дамами лицо терять не захочет), Вяземская чуть дрогнула уголками губ, довольная, что всё идёт как надо. Герта, перестав быть гейшей, вернула себе абсолютно нейтральное лицо, с каким в строю ожидают команду: «Равняйся! Смирно!»

Мятлев вздрагивающей рукой разлил всем шампанского, не ожидая, когда это сделает официантка.

— Ещё, Герта, прочитайте что-нибудь ещё, но в другой тональности.

Даже Вадим не понял, действительно ли так его потрясли декламаторские способности баронессы или он отыгрывает эту «восхищённый поклонник»?

Герта улыбнулась совершенно очаровательно. Если б это сделала другая девушка и на неё, полуоткрыв рот смотрел бы не этот человек, вполне можно было подумывать, что тайное соприкосновение душ состоялось.

Но хокку, произнесённое ей, как-то не совпало с предыдущим.

Вот причуды знатока.
На цветок без аромата
Сел мотылёк.

«Теперь, господин генерал, как хотите, так и понимайте. Ну Герта, какой ты молодец! Я б тебя инструктировал, и то так не угадал...»

Генерал всё понимал правильно. Хитёр он был от природы и по должности, предлагая девушке посоревноваться именно в японской классике. Её-то Мятлев изучил *напрожог*, ещё в студенческие годы, сначала просто для собственного удовольствия, а потом оказалось — и в личной жизни, и в служебной деятельности очень пригодилось. Прав был Карл Маркс, заявив когда-то: «Не бывает бесполезных знаний».

Он сделал задумчиво-печальные глаза, прищурился, улыбочку изобразил и стал вдруг очень похож на самурая, культурно отдыхающего между походами на веранде своего родового замка из рисовой бумаги.

Перед вишней в цвету
Померкла в облачной дымке
Пристыженная луна.

Раз началось состязание, посторонним вмешиваться не положено, и Людмила только взглядом сообщила Ляхову, что происходящее ей нравится.

Пируют в дни расцвета вишен.
Но мутное вино моё бело.
Но с шелухой рис мой чёрный.

Сделавшись тоже немного похожей на японку умелой гримасой, Герта печально вздохнула.

Вадим с Людмилой снова переглянулись. И оба посмотрели на Мятлева.

— Девушка, — взмахнул он рукой в сторону официантки. — Что там у вас на заветной полке в углу? «Кур-

вуазье»? Принесите два, то есть две бутылки, я хочу сказать. «Пусть проигравший платит, кляня свою судьбу!»

Однако сам он проигравшим и плачущим не выглядел, совсем наоборот. Карта ему явно пошла.

— Ох и напьюсь сегодня на генеральский счёт, — радостно сказал Ляхов, потирая руки. Кто в этой игре выигрывал, так именно он. Только вообразить, как тщательно приготовил и снарядил ловушку Мятлев. Именно на себя.

А тот не успокаивался:

К утренним вьюнкам
Летит с печальным звоном
Слабеющий москит.

Совсем короткая пауза. Что же сейчас придумает сощурившая глаза и сложившая руки перед грудью прибалтийская красавица? Вадим, выучивший когда-то наизусть всего десяток хокку, знал, что умельцы могут состязаться часами, перебрасываясь сжатыми до нейтронной плотности мыслями и эмоциями.

Надо же, нашла. Да ещё с каким подтекстом! Будто телепатически прочитала замысел Фёста.

Молись о лучших днях!
На зимнее дерево сливы
Будь сердцем похож.

Мятлеву пришлось сделать передышку, все выпили по рюмке честно проигранного им коньяку, и тут же его осенило:

Уж осени конец.
Не верит в будущие дни
Зелёный мандарин.

Но Герта была наготове. Будто перед её глазами прокручивался бесконечный свиток каллиграфически вычерченных иероглифов.

Повернись ко мне!
Я тоскую тоже
Осенью глухой.

Леонид Ефимович поднял руки. Не сдаваясь окончательно, но только потому, что счёл «первоначальную задачу» выполненной. После таких слов следует сделать оперативную паузу, привести в порядок войска и амуницию и уже потом переходить к «последующей задаче».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Фёст отбыл из Москвы на Урал вскоре после встречи с Мятлевым в полной уверенности, что отныне может рассчитывать на его поддержку. Ляхову не казалось очень сложным совместными усилиями Контрразведчика и его друзей убедить Президента просто посмотреть на результаты «натурного эксперимента», оставив *судьбоносные решения* на потом. Тем более есть такое понятие — «свершившийся факт» (в данном случае — прошедший сквозь тоннель поезда, хоть пассажирский, хоть товарный, но — *оттуда*), перед которым отступают любые теоретические построения, самые высокоумные и взвешенные.

Совсем недавно Вадим разрабатывал сложные схемы привлечения на свою сторону каждого президентского конфидента по отдельности, придумывал, каким именно образом (в случае успеха) организовать очередную «психическую атаку», способную вынудить главу государства начать, наконец, мыслить *по-государственному*. Идеи приходили в голову самые разные, иногда — на грани исполнимости, и он собирался посадить за их проработку обеих своих помощниц, с использованием недавно обрётённых Шаров.

Сильвия утверждала, что при умелом обращении эти агтрианские устройства могут работать и в качестве

инструмента стратегического планирования, способного переиграть любой Генштаб мира. Вот пусть девочки и потренируются, испытают себя в роли новых Шлиффенов и Брусиловых.

Из чистой деликатности Ляхов не стал спрашивать весьма уважаемую им даму, отчего тогда ни она сама, ни все её сотрудники не сумели справиться с несколькими земными парнями, ничем, кроме собственных мозгов и характеров, не вооружённых?

И вдруг все приготовления Вадима оказались излишними. *Условный противник* в лице генерала Мятлева сам предпочёл атаковать, внезапно, без артподготовки. И тут же, с ходу, угодил в без особой надежды, на всякий случай расставленную ловушку. Причём сам этому очень обрадовался. А окажись Контрразведчик строгим пуристом, или, хуже того — геем, как бы теперь развивались события?

Посидели они на веранде над прудом очень неплохо. Часа два Мятлев старательно обхаживал Герту, и Люду заодно, как они с Вадимом договорились, чтобы дискриминации не вышло. Сам Ляхов больше помалкивал, иногда переглядываясь с любимой, но больше думая о своём. Генерал развеселился. Заказывал оркестру музыку, танцевал с обеими девушками по очереди, ничем не выражая предпочтения Герте. Скорее, Вяземской уделял больше внимания. Схема достаточно избитая, но в общем действенная, вроде староиндийской защиты в шахматах. Какой бы ни была «валькирия» специалисткой, а волей-неволей, видя, что подруга вызывает у мужчины чуть больше сексуального интереса, сама старается не уступить, а лучше — переиграть.

Уже расплачиваясь, Ляхов посоветовал пребывающему в изрядном подпитии Контрразведчику отпустить своих сопровождающих. Мол, программа ещё не закончена, и продолжение их сегодняшних развлече-

ний сотрудникам видеть ни к чему. В высших государственных интересах.

— Надеюсь, похищать вы меня не собираетесь? — со смешком спросил Леонид, когда его «чекисты», довольные, что последствий их сегодняшней промахи иметь, скорее всего, не будет, скрылись за воротами парка.

— Именно это и собираемся, — томным голосом ответила Герта, положив руку на предплечье Мятлева и увлекая его в глубину тёмной липовой аллеи.

Вадим с Людмилой приотстали на несколько шагов, как и положено, чтобы не слышать воркования только начавших сближаться людей. А у них, похоже, нашлось что говорить друг другу. Сочтя место подходящим, Ляхов включил блок-универсал на переход в параллельную Москву. Получилось у него очень удачно, практически в то же место и время суток. Мятлев даже не заметил, когда прошёл рамку, замаскированную нависающими над дорожкой галогеновыми фонарями.

Тем более — отвлечённый действиями Герты, переключившейся с вербально-интеллектуального на физиологический режим *охмурения*. Мадемуазель Витгефт, теперь изображавшая не гейшу, а европейскую, вполне светскую девушку, исключительно интонациями, мимикой, скупыми и отточенными движениями тела, вполне пристойными по отдельности, за несколько минут сумела создать у генерала, не пьяного, но навеселе «в должной пропорции», впечатление, что она увлеклась новым знакомым не на шутку. Только воспитание не позволяет ей это показать.

«Высший пилотаж, — восхитился Ляхов. — Хорошо их учили! Бурная игра гормонов, едва сдерживаемая страсть, дрожь нетерпения, будто у классной египетской танцовщицы — а клиент воспринимает это лишь подкоркой. Глазами разума видит застенчивость, робкое желание понравиться и одновременно страх, что

★

мужчина превратно поймёт её только-только зарождающееся чувство, поведёт себя слишком решительно, чем всё испортит».

Его вдруг неприятно поразила мысль, что и Людмила умеет всё это, и вполне способна манипулировать им, как и любым другим мужчиной. В зависимости от задания. Как, например, безукоризненно играла на даче перед милицейским патрулем.

Но тут же вспомнил слова Натальи Андреевны, потом Сильвии: «Со *своими* они никогда ничего подобного не позволят. Если выберут себе мужчину, то вернее их подруг на всём свете не найти». И успокоился.

Правда, Вадиму не хотелось бы, чтобы Герта всерьёз выбрала себе Мятлева. Вроде бы и ничего мужик, но уж слишком любвеобильный. А у него, получается, комплекс старшего брата взыграл — «я лучше знаю, какой парень моей сестрёнке нужен». Да и вообще ратовато на такие темы задумываться.

Выпитый коньяк и общество Герты и Людмилы полностью избавили Леонида Ефимовича от футурошока при переходе в другую реальность. Стоило им только выйти из парка на вечернюю улицу, он сразу сообразил, где оказался. Да и странно было бы! Он умел по нескольким фотографиям определить почти любую из мировых столиц, где сделаны снимки, по рисунку букв и особенностям текста легко распознавал язык, даже совершенно незнакомый.

Что уж говорить о родном городе, где хотя и поменялось внезапно почти всё — одежда людей, типы и марки автомобилей, общий вид улиц, даже архитектурные стили новостроек, осталось достаточно легко узнаваемых, характерных именно для Москвы зданий. Тем более именно об этой «другой» Москве он последнее время только и думал.

Огляделся по сторонам, словно от растерянности сжал ладонь девушки. Очень естественно получилось.

Он удивился сам себе: стоит сейчас неизвестно где, перенесённый через немыслимые толщи пространства-времени, и не травмирован пресловутым футурошоком, просто радуется приключению, навсегда меняющему его ставшую такой рутинной жизнь.

А ещё больше — ощущению нежной, но крепкой девичьей руки в своей ладони, близости её тугого, высоко открытого бедра, запаху никогда ранее не слышанных духов...

Может быть, в том и смысл, что всё случилось сразу и вместе?

Та жизнь, какая ни была, закончилась окончательно пять минут назад. Если вернётся — то уже будто и не всерьёз. Зато началась новая, где чужой город, чужая страна, чужое время. А между ними связующее звено — именно эта прелестная, невыносимо красивая, столь же умная баронесса Витгефт. Никого подобного ей он прежде не встречал. А сравнивать было с чем.

Вспомнились вдруг слова из песни Визбора:

Но даже дожив до седин,
Мы гоним с усмешкою осень:
«Мадам, мне всего сорок восемь,
А вам уже двадцать один.

Ему-то, слава богу, не сорок восемь, только сорок один через три месяца будет, а Герте, она сама сказала — двадцать три. А то и двадцать четыре, что вероятнее. Так какие наши годы?

Ляхов с Людмилой стояли позади, Вадим тоже произвольно взял официально объявленную невесту за руку. Смотрели на проспект, с изредка скользящими через световые пятна фонарей такси и лимузинами.

— Кажется, выходит лучше, чем ты спланировал, — шепнула Вяземская.

— Не знаю, лучше или хуже, но выходит. Герцог Бэ-

★ — кингэм за куда более страшненькую женщину, королеву Анну, интересы Отечества продал, а у нас всё наоборот. Только ты что думаешь, у них всерьёз может получиться?

— Вот это меня совершенно не волнует, — несколько резковато, на взгляд Вадима, ответила Людмила. — Вы с Секондом ей задание дали — она его исполнит «любой ценой». Цена эта, в её и твоём понимании, — несколько разная. Ты, со своими патриархальными взглядами, до сих пор уверен, что девушке с мужчиной за деньги или «по работе» спать неприлично. Нас же учили, с четырнадцати, наверное, лет, что это просто один из методов нашей работы. Иногда языком цели добиваешься, иногда кулаком, выстрелом, иногда — этим. Я уже говорила — для тех, кем мы были на Таорэре, понятие морали, совести, как внутреннего императива, отсутствовало вообще. Здесь, спасибо Майе, Наталье Андреевне и службе в отряде, всё изменилось.

Я понимаю, ты её сейчас со мной сравниваешь, — проявила Вяземская специфическую проницательность. — Сразу скажу: успокойся. Я теперь таких заданий выполнять не буду. Да и некому их больше отдавать. Если не передумаешь — в отставку подам, только мы вдвоем будем решать, что мне делать, чего не делать. Заметил — при всей своей «подготовке» с тобой я не легла. Хватило урока с пистолетом. Теперь — только когда ты с меня фату и белое платье снимешь. О другом и не думай. По рукам получишь как минимум. А за Герту не беспокойся.

Мятлев обернулся, сияя улыбкой. Очередная цитата вспомнилась Ляхову: «Тихоокеанский закат освещал их лучезарно-пьяные хари»¹. Здесь закат был московский, остальное — очень похоже.

— Спасибо, друзья. Хорошо, что вы меня заранее не

¹ См. «Записные книжки Ильфа».

предупредили, а то бы я, чего доброго или недоброго, сопротивляться начал, в сомнения впадать. А раз уже всё так — давайте пользоваться случаем. Я по оперативной необходимости минимум сутки свободен.

«Что же я с тобой сутки делать буду? — подумал Вадим. — А впрочем, пойдёт. До полуночи по столице прогуляем, с утра, чтобы сохранить видимость служебных занятий, какую-нибудь бумагу составим, о согласии на сотрудничество при полном непротивлении сторон, не имеющую юридической, но с большой моральной силой».

Чтобы сразу ввести гостя в текущие жизненные реалии, а заодно и освежить для будущих впечатлений, он остановил идущее в редком потоке машин (как в Москве тридцать лет назад) длинное такси-кабриолет. Лицензионная копия «Паккарда» девяностого девятого года.

За три часа они объехали город по Садовому кольцу, в отличие от предыдущей реальности сплошь обсаженному вековыми деревьями, всего лишь четырёхполосному, с прогулочной аллеей посередине. Поднялись на Воробьёвы горы, полюбовались панорамой города без «сталинских» и прочих высоток, зато с пресловутыми «сорока сороками» церквей и колоколен, среди которых и «Иван Великий» не так уж выделялся.

Мятлев не переставал восхищаться, адресуясь исключительно к Герте, по его мнению — аборигенке. Она не спорила, но конкретностей на всякий случай избегала.

И она, и Людмила всё время посматривали по сторонам, фиксируя, как к их слишком смелым, для другой реальности приспособленным нарядам относятся окружающие. С интересом относились, безусловно, да и то не поймёшь, сами платья их удивляли или девушки, скорее полураздетые, чем одетые, по здешним меркам. В общем, ажиотажа ничуть не больше вызвали, чем в

советское время какие-нибудь французские актрисы, гости Московского кинофестиваля. Наверняка многие девицы их возраста, да и лет на десять старше, постарались запечатлеть в памяти и покрой платьев, и материал, и высоту «шпилек», чтобы завтра же кинуться к знакомым портнихам и в модные магазины.

Когда, наконец, окончательно стемнело, они отпустили такси на Триумфальной площади. Пешком прошли по нарядной Тверской, хотя в этом мире она главной улицей не считалась. Вся *шикарная* жизнь сосредоточена в секторе между нею, Лубянкой и Красной площадью. А самые дорогие и модные заведения — на Петровке, Кузнецком мосту, Неглинной и в прилегающих переулках.

Мятлев успел как следует проветриться, да и проголодаться, пообедать он прошлый раз толком не успел, увлечённый дискуссией и выпивкой с Ляховым, а более всего — Гертой.

— Где бы нам устроиться? — риторически спросил он Вадима и сам ответил: — А вот можно и здесь, — он указал на открытую веранду ресторана между гостиницей «Метрополь» и стеной Китай-города. — Что удивительно — совсем почти всё как в моей молодости, почти ничего не изменилось. Только намного лучше. Пойдёт? — И вдруг забеспокоился: — Как у нас с деньгами? Я, сами понимаете, — пас.

— Сегодня Люда банкет, — успокоил его Вадим. — У неё здешних денег больше, чем у меня наших.

Под хороший «живой» оркестр, составленный из пяти девушек в белых костюмах и ударника в чёрном смокинге, Мятлев снова то и дело приглашал потанцевать Людмилу и Герту по очереди, чтобы никому из них не обидно было и, наверное, чтобы «почувствовать разницу». Странно, что при почти одинаковых формах и сравнимой красоте лиц Вяземская вызывала у него

чисто эстетические чувства, Витгефт же — возбуждала всё сильнее и сильнее. Почти что уже до неприличия.

Ляхов никогда особенно не увлекался танцами, особенно в общественных местах, поэтому чаще оставался за столиком. Заодно и получал возможность поговорить то с одной, то с другой напарницей без свидетелей.

Когда Мятлев (а уж он-то танцевал высококлассно) повлѣк Вяземскую на очередное танго, Вадим ровным, но отчётливо *командирским* голосом сказал Герте, что она вправе вести себя, как считает нужным, но задание остаётся в силе, и, если что, он вправе её отстранить. А дальше пусть со своим начальством разбирается.

Та не возмутилась его словам и даже не обиделась.

— Вадим Петрович, вы говорите совершенно не о том. Задание я получила, как его наилучшим образом выполнить — моё дело. Ближайшая цель — убедить «объект акции» работать на вас, окончательно забыв о «долге» перед своим Президентом. Будет исполнено. Можете не спрашивать, как я это сделаю, если не потребует «оперативная необходимость». А влюбляться, и уж тем более изменять присяге я не собираюсь. Даже вы гораздо больше в моём вкусе, чем Леонид Ефимович.

— Молодец, подпоручик, — рассмеялся Ляхов, наливая ей шампанского. — «Даже вы» — хорошо звучит. Особенно когда вспомню, как ты меня своим мощным телом от осколков прикрыла.

Натанцевавшись, перешли к анекдотам, рассказывать которые и Вадим, и Мятлев были большие мастера. Девушек, даже не слишком приличные (лишь бы смешные), приводили в истинный восторг. Главное — это был юмор другого мира, куда более остроумный и терпкий, чем им доводилось слышать раньше. Ляхов объяснил, что в значительной мере именно способность острить и смеяться над чем угодно и в любых об-

стоятельствах позволила их народу пережить то, что для любого другого было бы вообще непереживаемо.

Завершать мероприятие собрались уже за полночь. Контрразведчик словно бы не проявлял никакого интереса к тому, что будет дальше. Видимо, решил полностью довериться своим новым друзьям, а заодно и кое-какую дополнительную информацию получить, и фактическую, о нравах и обычаях местной жизни, и психологическую, касающуюся Фёста и девушек.

«Будет тебе информация, — подумал Вадим, сразу разгадавший тактику Мятлева. — Куда мы тебя, на твой взгляд, определить можем? В отель — едва ли. С гостями так не поступают, здесь пусть и другая страна, но не Германия. Значит, рассчитываешь, на квартиру пригласим. Вопрос — на чью? К кому-то из девушек — едва ли. Ты знаешь, что обе они — офицеры в невысоких чинах, апартаментами, позволяющими без проблем разместить у себя постороннего мужчину, наверняка обзавестись не успели. Остаюсь я. Вот ты сразу и узнаешь, как здесь «перебежчиков» благодарят, да и адресок на всякий случай запомнишь...

Будь сейчас другие обстоятельства, правильное всего — перекинуть Мятлева обратно, дружески попрощаться, поблагодарив за приятно проведённое время. Герте — «сделать поклоннику глазки», тонко намекнуть, что не откажется от следующего свидания. И пусть отправляется ночевать домой, в объятия жены, заодно и *дозревает*.

Но сейчас приходится форсировать ситуацию, не выпуская добычу из рук. Кто может знать, что за следующие сутки случится с клиентом и с ним самим? Вплоть до самой нелепой случайности, вроде вылетевшего на красный светофор прикурка в «Лексусе» с «красивыми номерами». Или — более агрессивные коллеги проделают с ним то, что дон Рэба с братом

Абой и отцом Цупиком¹. Всем — хоть прогрессорам, хоть контрпрогрессорам подобных вариантов следует опасаться. Коридоры Лубянки или коридоры «Министерства охраны короны» — не один ли чёрт для тех, кого по ним грубо волокут или даже вежливо ведут?»

— Ну так что, — обратился он к подругам, — ко мне, что ли, пойдём? Время детское, ещё и «тридцаточку» расписать можем. — Мнения Леонида он не спрашивал, раз в гостях — делай, что скажут.

— Неужто, барышни, вы и в преф играете? — недоверчиво восхитился Мятлев.

— Как каждый уважающий себя офицер, — гордо ответила Людмила, а Вадим добавил:

— И тебя, раз ты у нас генерал, на одних девятёрных разденут².

— Так я что, я с удовольствием...

Весёлая компания отправилась, никуда не спеша, через Театральную площадь, по залитой светом фонарей и реклам, заполненной гуляющей публикой Петровке на Столешников. Ляхов ничем не рисковал, в этом мире Контрразведчику совершенно всё равно, где квартирует его будущий «фронткамад»³, а вот как — пусть полюбуется. То, что оттуда можно почти свободно, как через турникет метро, переходить в их общую реальность, он сообщать не собирался.

И сам факт, что клиент должен бы сильно удивиться, поняв, что Ляхов и там, и здесь проживает по тому же самому адресу, его не волновал. Пусть воспримет это как ещё одну загадку «конгруэнтно-параллельных ми-

¹ См. А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом».

² Имеется в виду преферансная присказка. «Кто вистует на девятёрной? Студенты — от бедности, попы — от жадности, генералы — от не хрена делать».

³ «Боевой товарищ» (нем.).

ров», делающую картину мироустройства окончательно непостижимой.

Мятлев жадно впитывал атмосферу ночной Москвы, столицы государства, где почти век не было никаких потрясений и ужасов, где короткая Гражданская война забылась так же, как свой *восемнадцатый год* в Германии. Где гуляющие по улицам, сидящие в бесчисленных ресторанчиках, кафе и пивных люди и вообразить не могут, что возможны в природе «коллективизация», «индустриализация», «большой террор» и уж тем более Великая Отечественная и сопутствующие ей войны, включая «холодную».

Очень хорошо рассчитал Ляхов. Внезапный вброс человека в несопоставимую со всем его жизненным опытом реальность, как условную «ивановскую ткачиху» восьмидесятого года в Западный Берлин, да с пачкой дойчмарок в клеёнчатой сумочке, весьма способствует перемене взглядов. Или хотя бы — настроения. А если рядом с тобой девушка, поразившая не только воображение, но и куда более глубокие структуры личности, и ты великолепно понимаешь (не дурак же — специалист), что рассчитывать на её благосклонность, а то и намного большее можно только в одном-единственном случае — если её мир станет и твоим.

Не он первый, не он последний. В Министерстве наперечёт, поимённо знают и помнят всех, кто изменил долгу и перебежал на сторону врага за последние семьдесят лет. Может, и были такие, кто — из «подлинных убеждений» или обоснованного страха за свою жизнь, но то все в сталинские времена. Прочие же — из-за толстого гамбургера и длинного доллара. Но Мятлев ни присяге изменять не собирается (не предусмотрено Присягой таких коллизий), ни на сторону врага перебежать (иначе с тем же успехом чтение дореволюционных книг можно предательством объявить).

Глядя по сторонам, фиксируя в памяти каждую,

пусть для местных жителей незначительную, давно привычную деталь, Леонид Ефимович думал: «Да куда тут всем Лондонам, Парижам, Нью-Йоркам, вместе взятым? На порядок лучше, красивее, спокойнее, богаче. Самое же главное — это настоящая Держава, где, без всяких коммунистических заморочек, «всё для человека», и тот же человек другому «товарищ и брат». Поскольку давным-давно каждый здесь имеет «своё», и инстинкт «делить чужое» практически утрачен. Ради такой «новой Родины» (а, по-правде говоря — «старой и истинной») стоит и потрудиться и рискнуть головой, если придётся».

Замысел Ляхова был ему абсолютно понятен *технически*. Курс вербовки он не только изучил в своё время, несколько лет сам преподавал в Высшей школе. Равно как и параллельный *контркурс*. И знал, что можно было бы господину Ляхову противопоставить. Только ведь это совсем другой случай. Не к измене его весьма квалифицированный, но никак не вражеский агент склоняет, а совсем наоборот.

Десятикомнатная сдвоенная квартира в самом центре московской светской и богемной жизни (остальные пять как бы *рабочих* помещений Вадим показывать не стал) произвела нужное впечатление. Мятлев обошёл её всю, просто интересуясь, как *здесь* живут *приличные* люди. Очень неплохо, и меблировка изысканная, и всё остальное. Ему предложи такую — многовато бы даже показалось. Жена заморится пыль вытирать и общий порядок поддерживать. У него всего лишь четырёхкомнатная «сталинка» в районе «Сокола», и то многие завидуют. Те, кто особняков во всяких Рублёвках и Жуковках не настроили, а во всяких *новодолах* ютятся.

Особый интерес у генерала вызвала библиотека, составленная частично из советских и постсоветских

★
книг, а в остальном — из дореволюционных и изданных за последние девяносто лет уже в этом мире.

— Сколько у тебя томов? — спросил Леонид.

— Тысяч десять.

— Долго собирал?

— Наши — всю жизнь, здешние — за год. Букинистам только заказ сформулируй. Всё, что угодно, разыщут, привезут, по полкам расставят и каталогом снабдят. Переплётчик — по отдельной таксе.

— Завидую, — вздохнул генерал. — Засел бы здесь, неделю не отрывался, чтобы только кое-что перелистать...

Он жадно посмотрел на полки с подшивками литературных журналов Серебряного века, да и последующих, не прожитых их Россией лет. А чего стоят ненаписанные книги известных авторов! Тех, кто в советской действительности не выжил или эмигрировал, но того, что собирался, не написал. Книги Мятлева привлекали ничуть не меньше, чем женщины, и дилемму эту он решал только благодаря физиологии. С самой невероятной прелестницей можно утолить жажду телесную за час, от силы два, а всё остальное время посвятить вещам духовным. Например — лежать с красавицей в постели и читать ей вслух избранные места из Апулея¹, издания Маркса (не того) 1880 года. Не говоря о том, что поиски подходящей женщины занимали гораздо меньше времени, чем походы сначала по букинистическим магазинам, а потом и по квартирам сотнями начавших вымирать книголюбов, чьи наследники продавали книгу, стоящую половину какой-нибудь «Хонды», по цене бутылки водки.

Обшарив глазами полки, от которых и до завтра

¹ Апулей (125—180 г. н.э.), считается первым в мире автором (или автором первого в мире) авантюрно-порнографического романа «Золотой осёл» («Метаморфозы»). Хорошо читается даже в XXI веке за счёт стиля и оригинального сюжета.

можно было не отходить, генерал задал наконец вопрос, давно его волновавший, но уместный только сейчас, в состоянии подпития, и как бы к слову.

— Сколько же тебе платят, если и жилплощадь такая, и библиотека?

— А сколько угодно, — легко ответил Вадим, указывая Мятлеву на глубокое кожаное кресло девятнадцатого ещё века (кто только в нём не сидел, включая Якова Сауловича Агранова), — бери сигару вон. Хорошие, говорят. Девочки себя немного в порядок приведут, и сыграем, если не передумал.

— Да сыграем, конечно. Я ведь сказал — мне спешить некуда. Только что значит — сколько угодно? Я к конкретности привык...

Снова у Ляхова выскочил на язык афоризм, теперь уже Станислава Леца: «На груди они с гордостью носили таблички с обозначением цены, за которую их нельзя купить!» Но он его оставил при себе. До другого раза.

— Здесь не тот случай. Здесь для таких, как я, натуральный коммунизм. Каждому по потребностям. Я ж двенадцать «Мерседесов» всё равно не захочу и ведро икры в день не съем. Если ты заведомо знаешь, что тебе в любом случае всё доступно, войн и революций на днях не ожидается, станешь мешок соли, два ящика мыла и чувал бриллиантов домой на горбу тащить?

— Не станешь, тут я верю, но зачем тебе, холостяку, десять комнат? Да ещё таких.

Ляхов долго-долго выпускал дым тщательно раскуренной сигары. Подбирал логичный и в то же время играющий на его замысел ответ.

— «Общее собрание, рассмотрев ваш вопрос, пришло к заключению, что вы занимаете чрезмерную площадь. Совершенно чрезмерную. Вы один живёте в семи комнатах!»

— Продолжи, пожалуйста. Всегда приятно хорошую прозу слушать. Да и память у тебя...

— Не жалуюсь, — скромно ответил Вадим, «хотя и не памятью поразить тщился» (это уже слегка искажённая цитата из другого романа других авторов). — «Я один живу и *работаю* в семи комнатах, — ответил Филипп Филиппович, — и желал бы иметь восьмую. Она мне необходима под библиотеку».

— Ладно, с Булгаковым понятно. Но у тебя десять, и ты не оперируешь.

— Интересно, откуда ты знаешь? — слишком пронзительно (иногда и это нужно) посмотрел Ляхов на гостя, неожиданно, даже для самого себя, смешавшегося. Действительно, откуда он вообще хоть что-нибудь достоверное и полезное для службы знает об этом человеке?

Давно уже ясно, что на оперативную информацию, собранную его сотрудниками, полагаться не стоит. Слишком много *лакун*, и все они сосредоточены в последнем отрезке жизни бывшего капитана медицинской службы, действительно, как следует из документов Минобороны, пропавшего без вести во время боя с моджахедами на ливанском перевале. И вдруг вернувшегося с другой стороны мира, кстати, и с профессией, весьма подходящей для «пропавшего». Ну как в нынешних войнах человек может пропасть без вести? Атомного оружия на том перевале не применялось, пятидесятимиллиметровый миномёт даже при прямом попадании оставляет от человека достаточно ошмётков, пригодных для опознания.

А этот сначала пропал, совершив подвиг, достойный геройского звания, а потом вдруг появился. В облике представителя совершенно идиотской (но, никуда не денешься, из класса весьма расплодившихся и одобряемых на самом высоком уровне) фирмы.

Получил в распоряжение по доверенности две квартиры, расположенные (только сейчас до Мятлева дош-

ло) по этому же адресу. Его финансовые активы (доступные контролю экономического отдела МГБ) совершенно ничтожны. Проще говоря, ни на одном из трёх не лежит больше, чем за год легально зарабатывает адвокат или менеджер средней руки. Столько, примерно, он и должен получать от своих работодателей. Более тщательно изучить этот вопрос у генерала не было времени, слишком внезапно попал в его поле зрения господин Ляхов.

Если попросту подойти — рубаха-парень Вадим Петрович, как говорится, о том и информатор из числа консьержей его дома докладывал. А с другой точки зрения взглянули — и оказался человеком очень и очень интересным...

Да вот хотя бы взять: по его собственным словам, таких девушек, как Людмила и Герта, среди его «сотрудников» не меньше сотни. Немыслимо представить, как при этом, не будучи евнухом, оставаться спокойным, несколько даже равнодушным к женским прелестям и уловкам человеком. В этом Леонид Мятлев разбирался, как никто.

Он ещё подумал — а если бы ему сейчас было дано право выбора, с кем бы он предпочёл уединиться? Людмила ведь явно красивее внешне и, главное, сексуальнее. Но отчётливо, анализируя себя до самых глубин, понял, что всё равно выбрал бы Герту. Даже вообразив развод с женой и все прочие неприятности. Слава богу, что так вопрос не стоит. При желании можно сказать, что в *другом* мире и измена изменой не считается. Как сделанное и сказанное во сне.

Выждав две-три секунды, а больше мысли Мятлева не заняли, Вадим снисходительно улыбнулся.

— Опирую — не опирую, дело шестнадцатое. Однако военно-полевым хирургом я был не из последних. И в совершенно нечеловеческих условиях. Это

здесь я немного нервы поправил и точку зрения на обстоятельства жизни изменил. Да оставим, таким, как ты, этого не понять. Посмотрел бы я на тебя, если бы кровь из перебитой артерии вдруг в глаза брызнула...

Ты касаемо квартиры прикинь, как профессор Преображенский, если вдруг придётся и тебе жилплощадь выбирать. Что светскому человеку в *той* России нужно? Большая гостиная, чтобы музицировать и вслух стихи и пьесы читать, как в старое время принято было. Пятьдесят квадратов, почти половину из них стейнвеевский рояль займёт. Дальше — личный рабочий кабинет. Библиотека, желательно — дверь в дверь, чтобы далеко не ходить. Как вот здесь, где сейчас сидим. Не плохо ведь сидим? Это — три раза по двадцать пять. Столовая, чтобы два десятка гостей по-человечески угостить. Ещё пятьдесят, меньше не выйдет. Спальня моя. Спальня будущей жены. Три гостевые спальни. Оружейная, она же мастерская. Стеллажи с оружием, стол для чистки, станочки кой-какие, запчасти, расходный материал. И всё. Если дети пойдут рождаться, так гостей селить и некуда станет. А ты говоришь — десять комнат...

— Да, — вздохнул Мятлев, не придумав, что возразить. Вот и разница в психологии и просто воображении людей разных исторических формаций. Советского воспитания генерал (Генерал!), не имея «безгрешных доходов»¹ на рублёвский особняк или замок, продолжал мыслить в категориях «двушек», «трёшек» и прочих квартир стандартных планировок.

Подымили сигарами, Вадим извлёк из тумбочки бутылку коньяку. Привёл старую шульгинскую шутку: «Хлопнем по одной, пока бабы не видят».

¹ В дореволюционное время так иносказательно называли как бы фактически узаконенные по должности чиновника взятки. Отсюда хрестоматийное — «не по чину берешь».

Мятлев на неё отреагировал стандартно и без воображения:

— А чего? Мы же с ними и так весь день пьём. И никто не препятствует.

Ляхову пришлось объяснить сакральный смысл этого мероприятия. До Леонида дошло.

Хлопнули.

Мятлев долго смотрел на висевшую перед глазами картину, и его очень впечатлявшую с момента, когда вступил в *понимающий* возраст.

Камилл Писарро, «Оперный проезд в Париже». Не мог же хозяин её специально для него здесь повесить. Причём картина эта выглядела подлинником (каким и являлась на самом деле). Значит, если самые тонкие (неалгоритмируемые) вкусы у них совпадают, так и остальное должно бы. Помимо службы. Контрразведчику показалось, что не только «девушку своей мечты» он сегодня встретил, но и друга, может быть — на всю жизнь. Бывает иногда такое.

Ещё раз спросил себя — «стоит ли?» — и задал больше всего волнующий его сейчас вопрос, независимо от должности и обстановки:

— Герта — она тебе кто?

Ляхов снова внутренне усмехнулся (забыл, что ли, генерал — было уже кое-что сказано по поводу девушек. Или настолько гвоздём засела в мозги эта тема, что каждая лишняя рюмка коньяка к ней возвращает?), внешне оставаясь настолько серьёзным, насколько требовали обстоятельства.

Мог, для шутки, ответить в стиле очередного общеизвестного романа — «собрачница». Возможно, это Мятлева ещё более бы возбудило. Хотя куда уж дальше?

Вадим предпочёл, налив по новой, сказать чистую правду (которую умные люди всегда отличают от самой тонкой лжи):

— По легенде — племянница. На самом деле, как я

уже говорил, — действительно не более чем подпоручик отряда «Печенег» Главного разведуправления Императорской Гвардии. Не очень давно поступила в моё распоряжение в качестве личного телохранителя и порученца. Случись что со мной — станет *ронином*. Ты ж у нас знаток японистики. А она не только хокку и танка наизусть читает, она мечами владеет так, что и у меня мороз по коже. Я в детстве отцовской золингеновской бритвой себя по щеке полоснул, так до сих пор возле лица ничего тоньше совковой лопаты видеть не могу.

— Не путай, а? Война будет завтра, а сегодня ещё вечер двадцать первого июня.

Ляхов отметил оригинальность посылки. Серьёзные он на будущее перспективы воображает. Впрочем, он мог и в другом смысле это сказать, не подумал просто.

Мятлев, высказавшись, снова остановил взгляд на бутылке.

— Что, ещё по одной? — и подвинул к середине стола свою рюмку.

«Чёрт его знает, — подумал Вадим. — Гомеостата не имеет, а вторую пол-литру добывает, оставаясь почти в порядке. Небось ложку того адсорбционного порошка глотнул, что Вовка Беляков совсем для других целей изобретал»¹. Это он вспомнил своего одноклассника, окончившего институт тонкой химической технологии и создававшего в своём НИИ всякие хитрые композиции, находящие, в частности, и такое утилитарное применение.

— Ну так скажи мне по-мужски, по-товарищески — у меня с ней что-нибудь может получиться? Помимо твоих оперативных игр? Настоящее?

¹ Порошок на основании платины и иных веществ, способный поглощать (адсорбировать) многократно превосходящие объёмы любых химреактивов. В частности, чайная ложка такого препарата свободно нейтрализует 500 миллилитров чистого этилового спирта.

Похоже, последнее слово Мятлев произнёс искренне, от всей души.

А почему бы и нет? «Выражаясь научно — бывает».

Ляхов опять дважды пыхнул сигарой, чтобы вопреки всем правилам извлечь порцию дыма, которой можно затянуться как следует, а не впитывать никотин слизистой оболочкой рта. Всегда проклятые буржуи бессмысленную ерунду придумывают.

— Что же я могу тебе сказать, господин-товарищ генерал? Я не Иван Грозный, «над своими холопами не волен». Сумеешь девушку заинтересовать, особенно после хорошего преферанса, всё в твоих руках. Я сказал — гостевые спальни имеются. Нет — нет. Я, полковник, подпоручику чужой службы не могу приказать в твою койку ложиться. Нет в уставе такой формулы. Достаточно доходчиво?

Вадим сказал это резко, слегка даже агрессивно. Чтоб не думал *специалист*, что перед ним *приплясывать* станут, лишь бы в свои сети затянуть. Свобода у нас, полная свобода! «Хозяин — барин. Хочет живёт, хочет удавится». Что-то не нравится — прямо сейчас можем на порог собственного жилища высадить. Со всей положенной любезностью. И букет роз для супруги передать.

— Ладно, ладно, оставь, не заводись, — успокаивающе положил Мятлев руку на колено Ляхова.

Девушки в это время переоделись попросту: лёгкие непрозрачные халатики, у каждой под цвет волос, домашние тапочки вместо надоевших шпилек. Макияж смыли, волосы распустили. Правда, под халатиками совсем ничего, сразу любому видно, так нужно ведь и девушкам от «артикулом предусмотренных» предметов туалета отдохнуть. В преферанс играть — ничего лишнего и отвлекающего. Ни самих себя, ни партнёров.

Со стола для игры убрали скатерть (жена и ска-

терть — главные враги преферанса!), поставили рядом сервировочный столик со всем необходимым, чтобы потом не отвлекаться. Герта, готовя на кухне кофе и лёгкие закуски, вдруг спросила Вяземскую, будто раньше не успела:

— Как думаешь, если сильно настаивать будет — согласиться?

— Ни за что, — резко, даже чуть слишком, ответила Людмила. — Успеешь. Сегодня уступишь — вдруг этого ему и хватит? Коллекционеры такие бывают. Поимел дурочку, очередную запись в «донжуанском списке» сделал, и впредь, за следующей. И вся твоя дальнейшая работа — где?

— Верно, — слегка разочарованно согласилась Герта. — А ты с Вадимом — уже?

У них после школы Дайяны и службы в женском взводе никаких запретных тем для разговоров фактически не существовало. А уж всё, касающееся взаимоотношений между полами, обсуждалось постоянно, особенно после отбоя, и, как правило, «своими словами», без эвфемизмов.

— И я — нет. Нам спешить некуда. Сам Ляхов-Секонд обручение произвёл. Могу и полгода терпеть, чтобы всё *по правилам* получилось. Я честной женой собираюсь стать, а не... Чтобы после свадьбы краснеть и объясняться не пришлось.

А Герта тут же припомнила раздел одного из наставлений по «практической эротике», где говорилось, что девушке старше девятнадцати лет для поддержания гормонального баланса и сохранения психики в хорошем эмоциональном тоне необходимо заниматься личной жизнью не меньше трёх раз в неделю.

Вяземская фыркнула:

— Слава богу, что Левашов нас от такой участи избавил. Координаторш из нас не получилось. Представити только — выходишь замуж в двадцать три, допустим, с

за спиной у тебя «опыт» в четырёста с лишним «процедур» с полусотней партнёров. Те инструкции не для людей писались...

Герта точными движениями нарисовала на листе бумаги «пулю», положила рядом нераспечатанную колоду, четыре карандаша.

— Всё правильно говоришь, я и сама так часто думаю. Замуж за единственного и любимого — это, конечно, здорово. Так не всем же, как вам с Настей, везёт. Но я о деле. Если он сегодня *сильно* пристанет? Бить его, что ли? Не по сюжету получится... — с долей сожаления спросила всё ещё девушка Витгефт у такой же девушки Вяземской.

— Если мы на мизерах совсем его не отрубим¹, иди с ним, обязательно, и позволь ему абсолютно всё, что в голову взбредёт, кроме... А на самом пике — осади. «Да как вы можете, я не такая!» Очень ласково, рук ломать и синяков оставлять не надо. В крайнем случае — укажи на дверь, но очень убедительно. Утром он не победителем будет на тебя смотреть, а жалкими собачьими глазами. Потом, если нормально пойдёт, верёвки из него вить сможешь. А сегодня — изобрази, как я сказала.

— Тебе хорошо говорить, — вздохнула Герта. Уроки Дайяны, несмотря на сеансы психотерапии Сильвии, сидели слишком глубоко. Курсанткам, чтобы стать настоящими агентессами-координаторами, просто необходимо было пройти процесс «инициации». Как у мальчиков и девочек первобытных племён, чтобы перейти в категорию «взрослых». Этот императив сидел буквально на уровне подкорки. Из их команды реально «повезло» пока только троим, но теорию все знали на отлично, и европейскую, и индийскую, и древнееги-

¹ По традиции, за каждый сыгранный мизер полагается выпить рюмку. Даже девушки нарушать этот закон избегают, «карта обидится!». Иногда за игру выпадает мизеров десять. А иногда — ни одного.

петскую. А Мятлев на самом деле оказался специалистом с колоссальным опытом и, мастерски используя арсенал своих методик, почти добился своей цели. При отсутствии рядом Вадима и Людмилы он непременно бы «сорвал плод её невинности», как в «Тысяче и одной ночи» выражаются.

— Что б ты понимала? — ответила Людмила. — Я по-настоящему замуж хочу и терплю все Вадимовы ласки и приставания, непрерывно медитируя: «Нет, нет, ни в коем случае. Только до сих пор, и ни шагу дальше». Пока помогает, — усмехнулась она. — А тебе всего дня три потерпеть нужно. Потом самой интереснее будет...

Проснувшись в половине одиннадцатого следующего утра (как хорошо, когда не нужно никуда спешить, а за окнами льёт сквозь туман густой обложной дождь), Ляхов отправился на кухню, по пути посетив туалет и ванную. Вошёл туда бодрым, побрившимся и причёсанным. Поставил на горелку чайник, начал разбираться с содержимым холодильника насчёт закусить.

Буквально минут десять спустя появился не слишком свежо выглядящий Мятлев. Что не удивительно — играли-то до пяти утра, а гомеостата у него не было. Хорошо, мизеров выпало умеренно, причём два не сыгрались. Исходя из ситуации, Вадим выставил на стол, кроме кофе, сыра и иных закусок, бутылку «Ара-рата». Ему лично — без разницы, «что было ночью, будто трин-трава». Никаких последствий.

Генерал, в банном халате на голое тело, бодрился, тем не менее хотел казаться бравым и решительным. Тоже не забыл побриться, растереть щёки одеколоном.

Ляхов, глядя на него, решил помолчать. Пусть человек перенастроится. Глазами указал на папиросную коробку, ими же — на бутылку и чашки.

Первую большую рюмку Леонид махнул сам, закурил, после чего, подождав, пока гематознцефаличе-

ский барьер пропустит нужную для восстановления душевного равновесия дозу, налил по новой себе и Вадиму.

Ляхов продолжал тянуть театральную паузу, которую и сам Станиславский едва ли выдержал (или одобрил) бы.

Ему на самом деле было интересно узнать, помимо всяких оперативных замыслов, что получилось у профессионального Казановы с юной девушкой, попавшей в зону его чар (как муха в паутину опытного «крестовика»), причём в наивыгоднейших для него условиях.

Девушка очень прилично подвыпила, настроена была игриво. За картами Леонид несколько раз то прижился ногой к её ноге, то, совсем осмелев, уронил под стол карандаш и, поднимая его, ухитрился на мгновение коснуться губами Гертиного бедра, приоткрытого полами халатика. Выпрямившись, взглянул ей в глаза и не заметил ни тени неудовольствия. Обстановка для «развития успеха» тоже идеальная — гигантская квартира, несколько спален, расположенных так удачно, что можно не опасаться постороннего внимания, не говоря о вмешательстве.

Стены метровой толщины и дубовые двери абсолют-но звуконепроницаемы. А сколько раз у Мятлева срывались тщательно подготовленные «свидания» только от того, что подружки не могли преодолеть страха перед фанерными стенками в общежитии или между комнатами малогабаритных квартир.

— С тобой можно говорить, как с мужиком? — несколько нервно спросил Мятлев. Излишне нервно, если считать его нормальным мужчиной, принявшим «сотку» для осадки. А тем более — специалистом, намного старшим Вадима возрастом, званием и опытом.

— Ещё не убедился? — чуть дёрнул щекой Ляхов. — Тогда думай дальше.

— Ты военврач, прежде всего, — опять начал захо-

★
дить из-за угла Мятлев. — О других твоих ипостасях сейчас вспоминать и говорить не будем. Правильно?

— Ну и что, если военврач? — сделал наивное лицо Ляхов. — Тебе экстренная помощь требуется? У нас чётко расписано, в войсках, поэтапно: доврачебная, первая врачебная переднего края, потом квалифицированная, в медсанбате, а уже потом специализированная, в профильных госпиталях. Я тебе сейчас в каком качестве требуюсь?

— В психиатрической специализированной, — стараясь не терять лица, сострил Мятлев. — Дело в том, что я, кажется, всерьёз влюбился. Сам не понимаю как и не знаю, что теперь делать. Твои девочки секретом приворотного зелья не владеют?

— Насколько знаю — нет. Да и пили мы всё время одно и то же, она ведь тебе из собственных ручек ничего специально не подносила?

— Да вроде нет...

— Тем более, ты ведь вчера адсорбенты принимал...

— Откуда ты знаешь? — удивился Мятлев.

— Что же, по-твоему, толковый врач не знает, как кого от известной дозы развозит? Подумаешь, бином Ньютона.

— Так ты всё время со мной наравне пил. И тоже очень хорошо держался.

— У меня алкогольдегидрогеназа в аномальных количествах вырабатывается. С молодых лет трезвею быстрее, чем пью.

— Счастливый человек.

— В финансовом смысле — очень разорительно. Давай дальше.

— Ну а что дальше? Влюбился я, ты это понять можешь? Никогда себе такого не позволял, считал, что у меня пожизненный иммунитет. Не стесняюсь признать — со школьных времен сотни две перепробовал, от одноклассниц до зрелых дам, и все — красавицы на

подбор! И я ведь не пацан, могу отличить вспышку желания от настоящей влюбленности, хотя в мои годы несколько смешно такие слова произносить. А куда денешься?

Стыдно сказать, я вчера, когда игру закончили, до комнаты её проводил. Только что на колени перед ней не становился, ручки целовал. Потом... — видно было, что генерал не играет, что ему действительно стыдно и он торопится выговориться перед Ляховым, пока тот не услышал от Герты менее выгодную для него версию случившегося. — Потом не сдержался чуть-чуть, кимоно в запале расстегнул, даже одну пуговицу оторвал... Ничего такого, просто вдруг очень захотел ей грудь поцеловать.

— По морде не получил? — деловито поинтересовался Вадим.

— Чего не было, того не было.

— Тогда нормально. Нынче услуги хороших протезистов дорого стоят. А в остальном... Что, думаешь, я девчонкам в своё время под юбки не лазил? Се ля ви, понимаешь. Физиология пополам с психологией и сексологией. Я поздно научился на жизнь реально смотреть, хоть и в меде учился. Всё мне казалось, что это нас, мужиков, непреодолимо к бабам тянет, а они — не от мира сего, и если когда и уступают, то только из вежливости...

— Да ты мне теории не читай. У меня — любовь, я тебе говорю. Понимаю, что это значит. И я ведь видел — она тоже *плывёт!* И *дышать* начала, и на поцелуи *очень правильно* ответила. Я наяву почувствовал, что мне тоже, как ей, двадцать, ну, двадцать пять, и она ко мне тоже *воспылала*... А тут тебе и кровать трёхспальная, и блюзовая музыка, свечи горят, опять же...

Вадим отчётливо представил обстановку, что сумела создать Герта, её саму в расстёгнутом халате, настроение крупно выигравшего, в меру навеселе генерала на-

едине с девушкой, поразившей его в самое сердце. Тот самый «кризис среднего возраста» настиг его в очень неподходящий момент. Зато расчёт Ляхова оправдался в полной мере.

— Потом вдруг, когда я решил, что уже всё, — продолжал Леонид, — она напряглась, как стальной прут. И так меня *решительно* отстранила, что вправду подумал — сейчас кулаком в морду захватить может или коленкой куда надо.

— Обидно, — сочувственно сказал Ляхов. — Бывает, в таком варианте пожизненными импотентами становятся.

— Обошлось, слава богу, — облегчённо, как после церковной исповеди, ответил Мятлев. — Она меня простила. Сказала, что мужскую психологию понимает и даже сочувствует. Мы с ней потом ещё кофе с коньячком выпили, причём, вот ведь зараза, она халатик на одну только среднюю пуговичку застегнула. Любуйся, мол, если нравлюсь, остальное — *зась*¹!

— Считаю, тебе крупно повезло, братец, — едва ли не с завистью сказал Вадим. — При её натуре можешь считать — она тебе почти всё пообещала. Только торопиться не надо. Офицеры-«печенег» — это тебе не девочки с Тверской.

— Так что теперь мне дальше делать? — с надрывом воскликнул ободрённый, но пока не вышедший из минора (можно представить, как он провёл в своей одинокой постели остаток ночи и утро), Контрразведчик.

— В твоих семейных делах *там*, — Ляхов махнул рукой в сторону окна, — я не советчик. Если Герта тебя не отшила раз и навсегда, шансы у тебя выше, чем на мизере «без хозяйки». Дерзайте, генерал. Аркольский мост перед вами!

¹ Зась — грубое, почти бранное запрещение делать что-либо (старорусск.). Напр.: «Что игумену можно, то братии — зась!»

— Что же мне теперь — сюда эмигрировать?

— Не уверен, что в качестве пожизненного мужа ты баронессу Витгефт устроишь, — намеренно жёстко ответил Вадим. Вербовщик не должен давать объекту, тем более — коллеге, заведомо невыполнимых обещаний. — Но... Не мне судить. У самого похожий вариант. Людмила будто бы согласилась себя обручённой считать, а там мало ли? Мы ведь всё равно для них — люди другого мира. Как для русской княжны-эмигрантки двадцатого года — парижский лавочник.

— Да и чёрт бы с ним! — после следующей рюмки и затяжки «корниловской» папиросой воскликнул Мятлев, для самоутверждения стукнув кулаком по столу. — И вообще, мы ещё посмотрим! Поверь моему слову — если она согласится, женюсь без всяких. И к Императору на службу пойду, если примет.

— И это — правильно, — поддержал его Ляхов. Не стал говорить, что с нравственной точки зрения позиция Мятлева выглядит несколько двусмысленно. Хотя, может быть, наличие законной супруги в одной реальности в другой не может рассматриваться как двоежёнство. — Я сегодня должен на пару дней кое-куда съездить. Людмилу и Герту оставляю здесь. Хоть в этой Москве поживите, хоть в той. На твоё усмотрение. Они тебя прикрывать будут...

— От кого? — удивился Леонид.

— Сие мне неизвестно. Только такая интересная закономерность существует. Как только кто-нибудь начинает в одни с нами игры играть, количество совершенно невероятных, но крайне хреновых прикупов увеличивается в разы. Но и везуха — тоже.

— Неужто?

— Увы, но так. Возьми сегодняшнюю пульку. Играя по нашей российской копейке за вист, ты бы заработал на трамвайный билет и пачку сигарет. Легко и ничем не рискуя. При ставке в здешний гривенник ты выиг-

★

рал двухмесячное полковничье жалованье. А не сыграй в одном месте твой «голый король»? «Тяжёлая расплата», как назывался один немецкий фильм. Часто у тебя вообще такие игры складывались?

— Не очень, — согласился Мятлев.

— Вот и ответ. Великолепная «пруха» до поры, и адекватное наоборот в любой, может быть, даже следующий момент. «Думайте сами, решайте сами, иметь или не иметь!»

— Я и сам до рассвета заснуть не мог, о многом передумал, о том, что ты сейчас сказал, — тоже. Стоило мне с тобой связаться — и тут же рядом с мрачным и подозрительным типом (такое ты на меня впечатление произвёл) возникло «чудное виденье». Просто невыразимо — такая очаровательная, с невероятным числом достоинств, офицер спецназа и при всём этом девушка. Если ты не врешь, конечно!

Ляхов развёл руками. Тот, мол, случай, что врать бессмысленно. Повезёт — сам убедишься.

А Мятлев, что подтверждало истинность его влюблённости, никак не мог остановиться, заговорив о предмете своей страсти.

— Я, как только увидел их с Людой, наблюдая за действиями Санникова и твоим поведением в хороший бинокль, сразу понял — не могут такие девушки «путанами» быть, как одно время было принято *деликатно* выражаться. И даже выполнять неблагоприятные приказы такого типа, каким ты рисовался, не станут. Лица, мимика — всё у них было... ну, совершенно другое. Тут я, пожалуй, в Герту и начал влюбляться. Остальное ты знаешь.

— Спасибо на добром слове. Перечитай японского Кобо Абэ, он в одном романе подробно разъяснил, что только рассматривая в бинокль фотографию человека, можно составить о нём настоящее представление. А, вспомнил, «Чужое лицо» роман называется. Год из-

дания — тысяча девятьсот шестьдесят седьмой. Журнал «Иностранная литература». Решались ведь и в те годы советские цензоры совершенно ни с какого хрена стопроцентно *несоветские* тексты в печать пропускать. Наверное, иногда ленинский постулат включался: «Нельзя стать настоящим коммунистом, не обогатив себя всеми знаниями, что накопило человечество». Вот и нам давали одним глазком посмотреть — что же оно такого там, «за железным занавесом», накопило...

Ладно. Надоело мне с тобой болтать, правда. Не обижайся, при всех своих амбициях. Слюни и сопли твои меня раздражают. Если даже ты таким образом пытаешься парировать результаты моей «вербовки» — всё равно мимо. В любом случае, генерал, я всё равно в выигрыше, а ты — «при пиковом интересе».

— Нет, ну, Вадим, ну чего ты заводишься? Мы же с тобой свояками будем, если у нас с Гертой получится. Какая, на хрен, «вербовка»? Я вижу, ты очень злой парень, да и я таким стал бы, повоюй с твоё. Не думай, что я совсем уж «кабинетный крыс». В «Каскаде»¹ до капитана дослужился. Знаешь? — начал немного нервничать Мятлев.

— Слышал. Уважаю. Но сейчас — не об этом. Случай будет — отдельно за всех таких, про кого Трофим поёт: «Служил я не за звания и не за ордена, не по душе мне звёздочки по благу», выпьем.

Короче — давай по-товарищески. Я уеду и скоро вернусь. Ты можешь провести эти дни здесь, в обществе девочек, ничем не рискуя и «изучая жизнь». Можешь домой возвращаться, но они всё равно при тебе будут, хотя в твою квартиру, конечно, не войдут, чтобы жену не шокировать. Однако в любом случае одну вещь тебе придётся сделать.

¹ «Каскад» — один из спецотрядов МГБ, занимавшийся разведывательно-диверсионными операциями в зафронтовой зоне.

— Ну? — напрягся Контрразведчик.

— Доложить Президенту, что где-то неподалёку скоро может открыться постоянный проход между этой и нашей Россией. Я вернусь — сообщу, получилось или нет. А вы с ним обсудите, что для вас приемлемее — «маленькая железная дверь в стене» и «золотой ключик» для посвящённых или нечто вроде погранперехода на реке Псоу. При «взаимном непротивлении сторон» выгоды самоочевидны. Если не примете разумного решения, проход всё равно заработает, но о нём будут знать только те, кого мы сами сочтём нужным поставить в известность. И использовать мы его будем в «одностороннем порядке». Не во вред вам, но исходя из собственных интересов. Доходчиво?

— Куда уж более. Будет сделано.

В коридоре слышались голоса девушек, проснувшихся и явно желающих завтракать.

«Интересно, — подумал Мятлев, напрягаясь, — домашнему они явятся или «при полном при параде»?» Ему очень хотелось, чтобы — первое. Этим они (Герта, конечно) покажут, что считают обоих мужчин «своими», перед которыми больше *выделываться* не надо. Примут такими, как есть.

Так и получилось. «Валькирии» вошли на кухню совсем обычными девчонками. Даже и кимоно шикарных на них не было, простые, едва ли не ситцевые халатики по колено. Лица такие, как природа дала, выражение — именно домашнее. Мятлев больше всего боялся со стороны баронессы *взглядов*. Именно так, подчёркнуто. Взглядов, нечто особенное выражающих. Презрение за вчерашнее хамское поведение и пьяные разговоры, эмоции, требующие какой-нибудь, но реакции. А тут — ничего. Глаза — прелестная синева горных озёр. Ножки — без всяких чулок и колготок. Вообще ему показалось — просто сестрички пришли,

братьев проводить. Вот если бы существовал в природе аппарат «сексометр», вроде армейского «курвиметра», так он бы сейчас показал полный ноль. И это генералу показалось вершиной блаженства. Устал он «от половодья чувств».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Отправляя группу Уварова — Катранджи в тысяча девятьсот двадцать пятый год, Секонд решил подстраховаться и попросил Воронцова разыскать и послать им в помощь профессора Удолина. Ведь ни девушки, ни Валерий и даже Басманов не обладали сверхчужественными способностями, понятия не имели о способах взаимодействия с астралом и мировым эфиром. А интуиция подсказывала Ляхову — возможность встречи с «тёмными силами», Ловушками и прочим исключать нельзя даже в местах, где они пока не проявлялись.

Удолина Воронцов разыскал не сразу. Тот, как часто бывало, отбыл по «собственной надобности», но обещал появиться немедленно, как только в нём возникнет необходимость. Обнаружился он с помощью специально им же разработанной и Левашовым приспособленной к параметрам стационарного оборудования «Валгаллы» поисковой системы, настроенной на его *рабочее* ментаизлучение. Оговорка не случайная. Если Константин Васильевич переключался на какой-то другой режим, техническими способами *поймать* его (как радиоволну без подходящего приёмника) было невозможно. Разве что путём прямого выхода в астрал, что было доступно только Шульгину и Новикову, да и то без всякого удовольствия с их стороны.

Но и тот, и другой сейчас занимались разработкой дуггурской проблемы, базируясь на Валгалле-Таорэре и в другом временном интервале. Отвлекать их Дмит-

рий не счёл необходимым. Свои возможности посчитал достаточными, тем более Удолин ему потребовался для участия в деле, которое Воронцов с момента спасения «валькирий» считал чисто своим. Давненько он не работал самостоятельно, всё больше *на подхвате*.

Профессор отыскался в местах достаточно отдалённых, чуть ли не в окрестностях Вавилона эпохи то ли Хаммурапи, то ли Ашшурбанипала. Скорее, всё-таки второго, ибо тот вошёл в историю не только завоевателем, но и знатным библиофилом, собирателем глиняных табличек, папирусов и прочих носителей информации в таких количествах, что и через три тысячи лет не забылось его увлечение. При Удолине находились и трое из пяти некромантов, адептов каббалы и ещё более экзотических учений. Двое других, русские по происхождению, Палицын и Иорданский, ассистировали бригаде Шульгина, изучавшей *высочайших* дуггуров со всех направлений доступных им наук. За исключением топографической анатомии, о чём Фёдор Егорович Палицын (год рождения не установлен, точно после Крещения Руси, но, по ряду признаков, до монгольского нашествия), старославянский *ведун*, вивисектор и европейски образованный биолог широкого профиля, не считая прочих менее материалистических специальностей, втайне жалел, но не терял надежды¹.

Удолин появился на палубе парохода в фокусе сиреневой рамки, одетый по-вавилонски (или по-ассирийски), но достаточно богато, а может быть, даже и стильно. Тут Воронцову консультанты не требовались, сразу всё понятно. Любого матроса и офицера он *насквозь* чувял, стоило один раз глянуть, как на нём форма сидит, где ушито, как наглажено, какие каблуки у ботинок и какие пуговицы на кителе и бушлате, «чистящиеся»

¹ См. роман «Скоро полночь», т. 2.

или «напылённые»¹. То же самое можно было сказать и по поводу хитона и сандалий почтенного профессора. С уважением к своему *прикиду* человек относится, значит, и окружающие его *правильно* воспринимают.

Константин Васильевич с удовольствием вдохнул густой океанский воздух, такой вкусный, в сравнении с атмосферой древнего Двуречья, окинул взглядом простирающуюся вокруг невероятную синеву (Индийский океан по густоте окраски занимает первое место в мире, Красное море — второе, а третье досталось ныне высыхающему Аралу). Не совсем обычным образом поклонился Воронцову и неожиданно поздоровался на хеттском. Или — арамейском. Дмитрий непринуждённо ответил на малораспространённом диалекте языка малалаям. Пришлось как-то три недели в Мачилипатнаме² в ожидании погрузки простоять, немного поднахватался у местных биндюжников. Мог бы и на суахили ответить, но, наверное, звучание ассирийского (или вавилонского) подтолкнуло.

— Ох, простите, Дмитрий Сергеевич, чтоб её так, туда и растак...

Воронцова Константин Васильевич из всех «старших рыцарей» «Братства» по-особому выделял. Пусть адмирал и не владел способностями для погружения в астрал и вообще, кажется, не умел быть *по-настоящему*

¹ Кто в «прежние», в т.ч. и советские, времена не служил, наверняка не знает, что «чистящиеся» пуговицы изготавливались обычно из латуни, но умельцы ухитрялись штамповать их даже из бериллиевой бронзы (как и звёздочки на погоны). Такие пуговицы, надраенные асидолом или обычным зубным порошком за 5 копеек, смотрелись не в пример выигрышнее, чем не требующие чистки алюминиевые, покрытые тускло-золотистым покрытием. «Хорошие» пуговицы (как и поясные бляхи, кокарды и пр.) покупали, выменивали, делали сами, и каждому понимающему сразу видно было — служит человек от души или «отбывает номер».

² Порт в Индии на берегу Бенгальского залива.

му серьёзным. Даже в ситуации, когда человек окончательно выведен из себя и готов «рвать и метать, рвать и метать», а уж материть всех и вся в тридцать три света — безусловно, Воронцов ухитрился взять себя в руки и закончить инцидент таким образом, что и виновники, и сочувствующие, и случайные свидетели не знали, что и делать. Смеяться в открытую — неуважительно как-то, но и удержаться от того, чтобы хоть прыснуть в кулак — невозможно.

Но Удолин видел в этой, едва ли не шутовской манере, признак *особой силы*. Другим не отпущенной. Кроме того (некромант всё-таки, и из сильнейших, практиковавших после Рождества Христова), Константин Васильевич ощущал совершенно особые отношения Воронцова с «так называемой *смертью*». Много людей, тем более — военной профессии, соприкасались с ней близко и очень близко. Сами её творили и также становились, в свой черёд, её клиентами. Дмитрий тоже всю жизнь *ходил по краю*. Но как-то по-другому это у него получалось. У минёра всегда *она* в руках. У кого семьдесят грамм (заряд ручной гранаты), у кого — триста или пятьсот килограмм (это уже морские мины, торпеды разных типов). Константин Васильевич *видел* — Воронцов всегда находился в *разной плоскости с этой самой!* А если и встречался лоб в лоб... Был у какого-то американского (или английского) писателя рассказ, где Смерть оказалась не... Ну, понятно, о чём речь — а юной, невыносимо страдающей от своей *должности* девушкой.

Вот, пожалуй, Воронцов именно эту девушку-смерть где-то как-то встретил и, может быть, просто по-мужски, по-офицерски ей посочувствовал. Ну а она, как всем понятно, не может же теперь с полюбившимся ей человеком поступить, как с прочим... *планктоном*.

Некроманту с тысячелетним стажем, знающем о смертях всех рас, наций и народностей почти (но толь-

ко почти!) всё, сам факт существования такой фигуры, как Воронцов, казался несколько странным. Не совсем совместимым с *канонами*. Но одновременно и оптимистически-радостным. Пусть никто не заблуждается: некроманты любят жизнь многократно больше и ярче остальных. Почему и стараются пожить не сотню неполную, а тысячу-другую лет, и «из каждого летящего мгновения» извлекают... У кого на что фантазии хватает, то и извлекают.

Сторонником так называемой «философии» Хайяма профессор не был. Как говорил Остап, «низкий класс, не чистая работа»! Подумаешь: «Жизнь, что идёт навстречу смерти, не лучше ль в сне и пьянстве провести!» Такое любой дурак может. Пьянство пьянством, так сколько же ещё интереснейших занятий в мире есть, непрочитанных книг (и глиняных табличек), непознанных женщин, невыигранных войн, не спасённых цивилизаций и вовремя не пресечённых поползновений чуждых всяким цивилизациям «личностей».

Секундой позже, пропустив через оперативную память своего мозга эти и ещё всякие другие имеющие весьма косвенное отношение к происходящему «здесь и сейчас» мысли, профессор расслабился, позволил своим лицевым мышцам принять не вавилонский, а среднерусский тонус.

— Я вам зачем-то потребовался, Дмитрий Сергеевич?

— Зачем-то — звучит несколько расплывчато, вы не считаете? — Воронцов продолжал играть в те же игры. А зачем искать другие, если ходом «Е-2 — Е-4» гарантированно выигрываешь любую партию с любым партнёром? «Охаянному на лекции брюнету гроссмейстер пожертвовал даже ферзя!»

— Я вас понял. Мне нужно около суток, чтобы грамотно обставить мою оттуда временную отлучку. Я вам нужен один или все вместе?

— Все вместе — лучше, — теперь без всяких неуместных улыбок ответил Воронцов.

— Хорошо. Давайте сверим часы. — Удолин вытащил из-под хитона (а он там что, ещё жилетку с часовым карманом носит, мельком подумал Дмитрий) похожий на полуфунтовую гирику золотой хронометр (можно сказать — «мегахронометр»). — Покажите мне ваш, пожалуйста.

Считая действия профессора камланием, сродни таким же у шаманов или жрецов вуду, Дмитрий протянул снятые с руки свои часы. Тоже очень неплохие.

— У меня здесь... так, это сюда, это сюда... — Удолин, пожёвывая нижнюю губу, сосредоточенно крутил зубчатые головки и нажимал кнопки. — А у вас — сюда...

Профессор удовлетворённо вздохнул.

— Всё, Дмитрий Сергеевич, через десять минут вашего локального времени мы вернёмся на борт. Вот тогда всё подробно и расскажете, а я оценю, стоила ли ваша проблема такого беспокойства и потрясения континуума. Вы только представьте, если мы вдруг основательно *отвлечёмся*, в ближайший год к власти может прийти Ашшурнасирпал, а это, вы знаете...

— Константин Васильевич, если я скажу, что вследствие вашей слегка затянувшейся трепотни кое-где к власти может прийти господин Погосян, вы расстроитесь?

— Простите, Погосян — это из каких Погосянов? — мгновенно зацепился за новую тему Удолин. — Из московских, ереванских или из Измира? Всего я их знал шестнадцать. Тринадцать совершенно не подходят... Да в большинстве и умерли...

— Всё, ваше степенство, — ничего более резкого на язык не подвернулось. — Вольно. Своего «насирпала» разрешаю прямо сегодня шлёпнуть на охоте или угостить клофелином. Раз я всё равно ничего про него не слышал даже на лекциях в училище, история явно ни-

чего не потеряет. А вы — сюда! Через десять минут. Все четверо, и чтоб трезвые, а то нажрётесь на прощание кукурузной самогонки...

— Кукуруза... — попытался объяснить культурологическую и агротехническую ситуацию Удолин.

— Про кукурузу вы следующий раз Колумбу расскажете или Кортесу, у кого больше свободного времени образуется.

Воронцов дождался, пока «окно» свернётся, и только после этого пробормотал то, что не против был бы высказать профессору в лицо. Увы, приходится создавать у окружающих впечатление, что его терпение действительно безгранично.

Беда, одним словом. И пар выпустить не на ком. На жене — не приучен. На матросах и офицерах — бессмысленно, поскольку они всё-таки роботы. Любую реакцию изобразят, а толку? Разве что молодых, вроде обоих Ляховых и примкнувшего к ним Уварова, подрючить? Как его самого на первом курсе училища.

Удолин во главе своего звена некромантов появился, как и обещал, с опозданием всего на тридцать две секунды по хронометру Воронцова. В сравнении с бездной лет, что им пришлось преодолеть, — исчезающе малая величина. Правда, переодеться они не успели или не сочли нужным, или, пожалуй, — просто не во что было. Так и возникли на шканцах «Валгаллы» во всём великолепии ассирийских (или вавилонских) нарядов. Шлёпая сандалиями и выставив на всеобщее обозрение из-под хитонов волосатые, не слишком спортивные ноги.

Но это Воронцову было без разницы, Наталье Андреевне — тем более. И не такое видала. Она, как хозяйка парохода, успела распорядиться, чтобы стюарды накрывали подходящий для очередных гостей стол, а самих проводили куда положено, для санобработки, дезинфекции и переодевания. Бог его знает, какие на-

секомые и простейшие паразитировали на человечестве три тысячи лет назад.

Раньше об этом уже неоднократно говорилось, но отчего бы и не повторить? Среди женщин «Братства» Наталья занимала несколько особое положение, которое никто не оспаривал и на подобное не претендовал. С момента, когда Воронцов нашёл её в Москве и доставил (или пригласил) вместе с Ларисой на празднование завершения постройки форта на Валгалле, она ухитрялась, вроде бы участвуя во всех общих делах, ни в чём, на самом деле, не участвовать. Почти что в полном соответствии с канонами дзен-буддизма. Она, радуясь наконец представившейся возможности не заботиться о «хлебе насущном и дне грядущем», непрерывно и беспорядочно читала самые разные книги из огромной библиотеки парохода, иногда подряд, иногда пролистывая лишь несколько страниц.

Однажды попало вот такое умозаключение: «Великая завершённость «Дзогчен». Реальность — уже совершенна, ничего не нужно преобразовать, ни от чего не отказываться. Лишь распознать истинную природу всего. Основной метод — позволять всему, что возникает в переживании, существовать, как оно есть. Не усложняя с помощью рассудочного ума, не питая ни привязанности, ни неприязни». Эта идея Наталью вполне устроила.

Ей в полной мере хватило опыта, полученного за первые тридцать два года жизни, чтобы, оказавшись сначала на чужой планете, а потом и на пароходе с тем же именем в качестве жены капитана, осознать всю степень обрётённого счастья и более уже ничего не искать, а тем более не хотеть. Оказавшаяся в её распоряжении «Валгалла» могла заменить собой целый мир. Да и остальной мир никуда не делся, его можно было посещать, вот именно — *посещать*, когда заблагорассудится, вроде интересного аттракциона, но не более то-

го. В случае чего — мир сам приходил к ней, на её территорию, как, например, не так давно появились девушки с той же планеты, где так всем было хорошо, пока они не слышали о всяких там агтрах, квангах и, тем более, дугтурах¹. Постоянно на «Валгалле», кроме неё с Дмитрием, из людей никто не жил, и тысячи метров внешних палуб и длинных пустынных коридоров, бесчисленных трапов, отсеков и незаселённых кают её нисколько не пугали, как иных вроде и сильных духом мужчин. Она в них ориентировалась, как Квазимодо в закоулках Собора Парижской богоматери.

Тем более что гости на «Валгалле» появлялись почти непрерывно. Из разных времён, иногда опалённые огнём сражений, не имеющих к ней никакого отношения. Она радовалась всем и принимала всех с щедростью и благорасположением какой-нибудь Гоголем описанной помещицы, и очень многие, да, пожалуй, и все, воспринимали возглавляемый матерью-командиршей пароход как единственную надёжную гавань, где всегда примут, помогут, обогреют и приласкают (если кому потребуется). Так, по крайней мере, вспоминали «Валгаллу» и Наталью суровые воительницы-«валькирии».

К слову сказать, они между собой давно договорились, что когда придёт время, свадьбы справлять непременно на пароходе и, очень может быть, с предварительного благословения капитанши.

Дежурный по палубе младший боцман по фамилии Нетопорчук (тоже робот, естественно) с осуждением осмотрел очередную партию гостей, но ничего не сказал, поскольку «их превосходительство» стоял на площадке трапа палубой выше и жестом велел «не препятствовать».

Боцман изо всех своих мимических способностей

¹ Подробнее — см. роман «Одиссей покидает Итаку».

изобразил на продублённом солнцем, ветрами и морской солью лице радушие, велел вестовому «проводить» и едва-едва сдержал презрительную фразу вслед: «Ходют тут всякие, прости, Господи!»

Вернувшись после помывки и переодевания во флотскую тропическую форму, Удолин представил Воронцову и Наталье Андреевне своих спутников:

— Мсье Анри Жерар дю Руа. Герр Вольфганг фон Панцеркройц. Реб Тов.

Некроманты с достоинством поклонились. На окружающие чудеса техники и шедевры дизайнерского искусства в оформлении салона внимания почти не обратили. В своих многочисленных посещениях разных веков и стран они видели и не такое. Зато — зондировали своими органами чувств ауру этого места. Она их, похоже, устроила.

— Что ж, уважаемые господа, с прибытием. Прошу к столу. Не знаю, как там кухня у ашшурбанипалов и ашшурнасирпалов, но постараемся соответствовать.

— Да уж до коньяков и водок точно не додумались. Вина так себе и просяное пиво, — брезгливо скривился Удолин.

— Но в должных количествах всё равно забирает? — усмехнулся Воронцов.

— Увы — только в неумеренных, — подал голос фон Панцеркройц, и его коллеги дружно кивнули.

— ...Таким вот образом, — говорил Дмитрий часом спустя, когда «специалисты» подзакусили и взбодрились качественными напитками. Ели они на удивление много, проявляя при этом известный, соответствующий исходному национальному происхождению гастрономический вкус. Воронцову это казалось даже слегка странным. Один в своё время повешен «с соблюдением ряда дополнительных процедур», второй гильотинирован, третий попросту сожжён на костре.

Неужели их новые, *внешние* тела так же нуждаются в изысканно оформленных килокалориях, как и прежние? Да и в выпивке тоже. Каждый, не стесняясь, употребил свою «рабочую дозу», исходя из привычек и профессиональной ориентации. Реба Това Воронцов особенно расположил к себе, выставив лично для него бутылку сорокаградусной «кошерной», подписанной поперёк этикетки облечённым соответствующими правами раввином.

— Обстановка продолжает ухудшаться, — сообщил своим визави Дмитрий. — А если кому-то кажется, что всё идёт нормально, значит, он чего-то ещё не уловил. Что там получится у ребят с этими дутгурами — мне пока не слишком интересно. Я — к земле поближе. Пришлось мне последнее время обратить пристальное внимание на дела в наших соседних реальностях. И там, и там — неладно. Вы помните, как в прошлом году сорвалась тщательно спланированная попытка не допустить восстановления монархии «в третьей России». Причём — попытка не просто сохранить неэффективный, якобы «демократический» режим, а втянуть страну в «пояс нестабильности», разорвать на составные части да вдобавок использовать психотронную технику, способную необратимо разрушать человеческую личность.

Маги согласились, что да, помнят и даже сами принимали некоторое участие в пресечении этой *диверсии*, причины которой, а главное — способ осуществления остался неведом даже им. Редкий случай — противник разгромлен, но кто он, каким образом действовал и с какими конечными целями — неизвестно. Некая сила, то ли материальная, то ли магическая, а скорее всего — хитрая комбинация того и другого, сработавшая поверх доступных контролю астральных сфер и узлов Гиперсети.

В заслугу себе «Братство» могло поставить лишь ре-

шительность и интуицию. Ответный удар был нанесён вслепую, но крайне точно. Так случается во время ночного встречного боя. Стреляли неизвестно в кого, однако попали настолько хорошо, что враг бежал, бросая технику и не заботясь об отставших. Беда в том, что техника оказалась неидентифицируемой, а пленные — абсолютно ничего не способные рассказать наёмники одноразового применения. Даже от обслуживавших психотронную аппаратуру специалистов с учёными степенями не удалось добиться никакой значащей информации.

— Так вот, уважаемые, враг, кем бы он ни был, деморализован, разгромлен, но отнюдь не уничтожен. И теперь, как мне представляется, готов к реваншу. С дугами я его никак не связываю, тут у меня есть собственные соображения, о которых пока промолчу, — со всей серьёзностью сказал Воронцов. — Вновь отмечены какие-то *шевеления*, я это пока так называю, причём и в той, и в другой реальности. У меня сейчас там и там свои люди осторожненько присматриваются, чтобы раньше времени неприятеля не встревожить. Но очень похоже, что имеется в виду повторение предыдущего варианта, с учётом полученных уроков. И ещё один фактор присоединился...

Дмитрий вкратце обрисовал ситуацию с переносом на Землю погибших «валькирий».

— То есть у вас всё наоборот получилось, — усмехнулся в бороду Удолин. — Герои выбрали на поле боя павших воительниц и вместо Валгаллы доставили их в собственное расположение. И кто теперь кого ублажает? Неординарный шаг, неординарный... А от нас-то вы сейчас чего хотите? Чем можем быть полезными?

— Да тем самым, Константин Васильевич, в чём вы так искусны. По ряду причин я не считаю пока нужным привлекать к делу наши *главные силы*. Это сейчас и сложно, и не вызывается необходимостью. Обой-

дёмся действием разведгрупп. Никаких выходов в астралы по методике Новикова — Шульгина: приёмчик, во-первых, достаточно *заигранный*, во-вторых — весьма демаскирующий. К услугам Антона и его Замка прибегать тоже пока нежелательно: были не совсем удовлетворительные прецеденты. Постараемся обойтись тем, что имеется. Нашим козырем будет аккуратность, осторожность и использование тактических приёмов, о которых врагу, надеюсь, пока ничего не известно. Наличие поблизости и даже вокруг нас Ловушки Сознания, той же самой, или новой, предполагается. Если она существует — постараемся использовать в своих целях. Принято считать, что Ловушки — аналоги фагоцитов в ментальных сферах, так неплохо бы их переориентировать, натравить на наших врагов. Им ведь всё равно, с кем бороться, лишь бы формальные признаки «целей» совпадали. Вот и желательно, чтобы вы поразмыслили, каким образом внушить ей, Ловушке, что действия неприятеля гораздо опаснее для охраняемых ею мыслеформ, нежели наши...

Удолин посмотрел на Воронцова оценивающе, но с ещё более возросшим уважением. Остальные маги тоже включили свои мыслительные процессы, переходя от эпикурейской созерцательности к режиму психической алертности¹.

— Делаете успехи, Дмитрий Сергеевич, мысля при этом чисто эмпирически. Это очень правильно, континуум не колеблется, специальные мыслеформы не генерируются.

— Да какие там мыслеформы, — мотнул головой Воронцов, — обыкновенный анализ текущей обстановки. Мне известно, что ваши *научные занятия*, пока с нами взаимодействовать не начали, никаких вмеша-

¹ Алертность — состояние, возникающее у живого существа при обнаруженной опасности. Готовность к немедленным действиям, оборонительным или наступательным.

★
тельств *погрзуемаемых* сил в предыдущие века не вызывали. Так?

Дмитрий даже здесь и сейчас не захотел, повинуясь всё той же интуиции, упоминать вслух Держателей, Чёрных и Белых Игроков, прочую *нечисть*. Знал он, что даже во времена его военной службы существовала аппаратура, способная включаться, услышав некие «ключевые слова».

— Нам и своих *оппонентов* хватало, — согласился профессор.

— Вот я на это и рассчитываю. Если вы займётесь своими привычными *упражнениями*, внимания моих «партнёров» это не привлечёт. Если же нам *очень повезёт*, они возьмут ложный след. Прямо сейчас, с поправкой на разницу времён, следует слетать на остров Мармор, вам, Константин Сергеевич, хорошо известный, встретить там нашу делегацию и организовать наблюдение за обстановкой и, в случае необходимости, *магическое* прикрытие. С огневым и политическим мы сами справимся. Хорошо?

— Чего же тут хорошего для нас? — впервые подал голос реб Тов. — Желających свести с нами счёты и без того достаточно.

Удолин строго посмотрел на иудейского мага, выглядевшего несколько легкомысленно в голубых форменных брюках и рубашке с воротом апаш.

— Мы в одной команде, почтеннейший, тем более — долг платежом красен, если вы подзабыли.

Два других мага согласно кивнули, поддерживая *предводителя*.

— Мы сделаем всё, что в наших силах, — сказал Удолин. — Но надо, пожалуй, набросать хотя бы предварительную диспозицию. Только минуточку, мы поставим вокруг *универсальную* защиту.

Универсальная, с точки зрения профессора, защита над пароходом, и так мощно и многослойно защи-

щённом и от межвременных, и от чисто механических воздействий, должна была полностью исключить проникновение сюда всех известных ему ментальных и некробиотических волн и воздействий.

Тот же реб Тов, любимый ученик ребе Бен Бецалеля, принимавший участие даже в формулировании пресловутого «Белого Тезиса»¹, подобно пауку, держащему *сторожевую нить*, не чувствовал ни малейших дрожаний эфира.

Магам потребовался весь вечер, перешедший в южную ночь и захвативший приличную часть утра, чтобы они усвоили и творчески переработали всю полученную от Воронцова информацию. Особенно — касающуюся «валькирий», сохранённую в памяти тех аппаратов корабля, что занимались медицинскими обследованиями девушек.

При этом Воронцов не счёл нужным сообщать Удолину, что «валькирии» вооружены полным комплектом *аттрианского* снаряжения, способного превратить каждую из них в почти неуязвимую общеупотребительным человеческим оружием боевую машину.

Оно, конечно, и хорошо подготовленный лейтенант российской морской пехоты с автоматом «АКМС», десятком магазинов в поясных подсумках и несколькими «Ф-1» и «РГД-5» мог при случае учинить такое, что и роте американских «Морских котиков» не приснится. Только тут другое.

— Спасибо за приём, Дмитрий Сергеевич, — политесно сказал Удолин, который, при необходимости, умел быть вежливым соответственно своему последнему званию «экстраординарного профессора» Императорского Университета. — Мы прямо сейчас и приступаем.

¹ См. А. и Б. Стругацкие «Понедельник начинается в субботу».

...Маги из команды Удолина, которых недостаточно посвящённый (в духе марксистско-ленинского материализма и повести Лагина «Старик Хоттабыч» воспитанный) человек мог при поверхностном знакомстве воспринимать скептически и иронически, были личностями гораздо более заслуживающими уважения. Некоторое воображение требуется, чтобы представить, как некто, хотя бы просто «заживо сожжённый», не говоря о более мучительных способах умерщвления, сохранил после этого желание продолжать свои *интеллектуальные забавы* бескорыстно, «из чистой любви к искусству», зная, что подобная судьба не исключена и впредь.

Обдумав и творчески переосмыслив слова Воронцова, Удолин распределил задания своим коллегам согласно профессиональной специализации.

Панцеркройцу и дю Руа было поручено создать вокруг острова защитную пентаграмму, исключающую проникновение внутрь охраняемой территории мистических сил, выступи они в материальном или исключительно ментальном облике. Или как минимум — способную заблаговременно оповестить о такой попытке.

Реб Тов занялся отслеживанием ментаграмм и аур самих гостей. Басманов и Уваров были слишком ясны и прозрачны, за ними специального наблюдения не требовалось. Девушки казались более интересными той частью своей психики, которая носила следы инопланетного воспитания. После времени, проведённого на Валгалле, маги научились легко дифференцировать человеческие и агтрианские мыслиизлучения, если и не в содержательной части, то в эмоциональной.

Особый интерес представляла сложная, многослойная конструкция личности Катранджи. Удолин обнаружил в главаре «Чёрного интернационала» черты, роднящие его с Аграновым: определённые сверхчувственные способности, что самое интересное — лишён-

ные фиксированной этической ориентации. То есть в зависимости от обстоятельств турок был способен выступать на стороне сил добра или зла, иногда осознанно, иногда подсознательно, и никакой «сшибки» между разными уровнями его «Я» и «сверх Я» у него, как и у Якова Сауловича, не отмечалось. Этот феномен заинтересовал профессора, и он решил им заняться лично. Но в настоящий момент угрозы от Катранджи не исходило, он был настроен на сотрудничество. Страх перед жизнью и своим нынешним окружением, способного зачастую толкнуть человека на безрассудные поступки, тоже не испытывал.

Переместился Удолин с товарищами в крепость на острове без помощи Воронцова и его «механики». Если враг готовится перехватить тебя всеми силами своего, условно говоря, «ПВО-ПРО», а ты тихонечко пойдёшь пешком, болотами, шансы *подставиться* у тебя минимальные. Вот и они воспользовались верными, надёжными заклинаниями как раз с табличек царя Ашшурбанипала, никем не использованными последние две тысячи лет. И оказались как раз там, куда аппаратура СПВ доставила бы их за сопоставимое время, но с грохотом, сотрясающим мировой эфир, как идущая по ночному городу колонна танков, всего через десять минут после отлёта в Стамбул Басманова с гостями.

Не составившим большого труда Константину Васильевичу образом он внушил коменданту, что принадлежит к той же делегации, что недавно расселил здесь, а потом увёз в Стамбул полковник Басманов. Просто они немного задержались в дороге. Получил комнаты для себя и своих коллег, а также и право беспрепятственно посещать все имеющиеся бары, давно ему известные, а кое-какие — даже лично организованные.

Позволил магам, утомлённым напряжением, необходимым для *эфирного пробоа*, продегустировать редкие

★

сорта турецкой ракии, попутно раздавая поручения и распределяя обязанности.

Некроманты дружно уверили, что надёжно защитят порученный им объект от нематериальных сил, а уж материальными пусть занимаются рейнджеры Югославии, которых в распоряжении местного командования имелось достаточно.

Сам Удолин, не желая волновать ещё и здешний *эфир* межпространственными прыжками, без всяких астральных фокусов вежливо попросил подполковника-коменданта устроить его на свободное место в лёгком двухместном биплане, как раз сейчас собиравшемся вылетать с острова в Царьград по служебным надобностям.

Откровенно сказать, профессору очень не понравилась лёгкость, с которой он подчинял местных жителей своей воле. Ему-то, понятное дело, всё это удобно, ну а если ещё один такой *ушлый да хваткий* объявится здесь в ближайшее время? Он решил непременно ввести в курс проблемы *руководство*, но не знал, кого именно. Решил, что лучше всего будет поговорить с Басмановым. Тот — человек, жизнь повидавший. Побольше *нынешних*. И в этих краях — свой, и в «Братстве» состоит с самого начала.

Пока его подопечные добирались через город, Константин Васильевич, заняв в ресторане ключевую точку, успел слегка подзарядиться ямайским ромом, ослабился, используя солнечные блики на волнах для стимуляции погружения в поверхностный, извне не отличимый от обычной задумчивости транс.

Обычно в трансах он ощущал раскованный полёт фантазии и редкую в обычных состояниях лёгкость. Что же его так беспокоит сейчас? Что давит? С первых минут появления на «Валгалле» профессор почувствовал неладное, уловил опасность, отражённую психикой Воронцова, которую сам Дмитрий идентифициро-

вать не сумел. Но что-то такое почувствовал, магическими способностями не обладая, раз сообразил вызвать «бригаду «Скорой помощи»? Просто путём сопоставления фактов, самих по себе вполне *материалистичных*, нормальных, естественных.

К примеру, так называемые «приметы» — перебежавший дорогу чёрный кот, женщина навстречу с пустыми вёдрами, разбитое зеркало, возвращение за забытой вещью (или любые другие, по выбору) — явления обыденные, никаким образом не связанные причинно-следственными законами с событиями, которые могут произойти или не произойти. Однако, что тоже известно, — несоблюдение эмпирически выведенных мер предосторожности повышает вероятность неблагоприятного исхода в разы.

Конечно, считать Воронцова «обычным человеком» неправильно. Уже то, что он имел дело с Антоном, с Замком, перемещался между мирами и временами, силой мысли сумел превратить оптический фантом в живую женщину с великолепным набором истинно человеческих качеств — далеко не случайно. Он не таков, как его товарищи, так, возможно, его истинная сущность кроется просто гораздо глубже. На самом же деле он тоже «игрок» не меньшей силы, чем Новиков с Шульгиным, просто проявляющий свои способности *иначе*.

И что он сумел почувствовать сейчас? Очередной ход тех, кто направлял дуггуров, или до поры скрытое недовольство «Держателей» вмешательством Шульгина в управляющий здешней Вселенной Узел Сети? Или, наконец, Дмитрий просто ощутил «дрожание покрывала Майи», заслоняющего сцену со столиком, где Игроки расставили фигуры для очередной партии?

Страшно профессору очень давно не было, он всегда считал себя достаточно сильным, чтобы решать вопросы, кажущиеся ему интересными, и избегать много-

численных, очень разнообразных опасностей для тела и для духа, с которыми приходилось либо сталкиваться, либо мастерски уклоняться последние две тысячи лет. Он позволял себе достаточно вызывающе, моментами просто нагло, держаться и со жрецами Ваала, и со средневековыми инквизиторами (приходилось несколько раз встретиться, выручая коллег-марранов¹ из их цепких лап), не говоря о фанатиках-староверах, как-то по ошибке принявших его за никонианца. Опричники Ивана Грозного и чекисты Агранова его тем более не сумели утратить, несмотря на то что Якову помогали любовнические каббалисты, решившие в собственных интересах посотрудничать с ВЧК — ОГПУ, где в какой-то момент собралось достаточно много «своих» и появились интересные для них шансы.

Нет, он вспомнил: один раз ему на короткое время стало страшно. Когда с наводки Агранова он первый раз попытался выяснить, что там за «интересные люди» объявились, осмелившиеся бросить вызов всемогущей, легко захватившей Великую страну, Хранительнице Православия и истинно-русского духа кроваво-красной секте, нацепившей на фуражки прямую пентаграмму, а на Главный орден — перевёрнутую².

Прикоснувшись к мыслям и чувствам Новикова и Шульгина, проникшим в большевистскую Москву осенью двадцатого года, Удолин испытал и потрясение, и страх, длившиеся, правда, всего около сорока минут. Потом он сумел разобраться в их сущности и взять се-

¹ Марраны — (от исп. — свиньи) — евреи в средневековой Испании и Португалии, принявшие христианство, сохраняя тайную приверженность иудаизму. Инквизицией приговаривались к сожжению с конфискацией имущества.

² Орден Красного Знамени (РСФСР, потом — СССР) — единственная советская награда (долгое время — высшая), на которой пятиконечная звезда изображена верхним лучом вниз.

бя в руки. И почти сразу нашёл в этих людях ближайших друзей.

Но момента первого потрясения при соприкосновении с непонятным не забыл.

Сейчас случилось нечто похожее. И значит, Воронцов — теперь в роли Агранова? Интересный поворот. А кто в роли «полковников-жандармов»? Неужели этот юноша граф Уваров? Или его женщина, Анастасия, сумевшая подчинить себе сильную психику офицера, в грош не ставящего свою жизнь ради исполнения долга?

Кто или что вызвало у Дмитрия чувство тревоги, потребовавшей разыскать именно Удолина в бездне веков? Мало у «братьев» собственных средств? Выходит — мало! Зато у Воронцова ума много, раз решил «сбросить из прикупа выигрышную карту» в расчёте, что противник и сноса не просчитает, и «третья дама» в нужный момент сыграет, вопреки затверженным с детства игроками в преферанс канонами: «дама всегда бьётся, своя и чужая». Тут и вариант «гамбита» на ум пришёл¹.

Нет, на самом деле — страшно не страшно, не имеет никакого значения. Человеческие, атавистические, по сути, эмоции. Наплевать и забыть! А вот сразиться с *неведомым* куда интереснее, чем тупо выискивать в древних хартиях ошмётки почти никому сейчас не нужных знаний.

На площадку ресторана с шумом, смехом, необязательными, но весёлыми разговорами ввалилась — иначе не скажешь — вся назначенная Удолину *под при-смотр* компания. Девушки, он ещё раз убедился, настоящие, земные. Маутли в своём роде, воспитанные «волками». Опасаться ему их нечего, а положиться — вполне можно. Профессор в те минуты, что потребовались компании на рассаживание за столами, по всем

¹ См. роман «Одиссей покидает Итаку».

сопутствующим словам и жестам определил — эти исполняющие роль охранниц и превосходно умеющие убивать красавицы абсолютно чисты в своих помыслах. Ни у одной он не отметил хотя бы тени тёмной ауры. Как дети, ей-богу, сущие дети.

А какие красивые! Константин Васильевич в женщинах понимал. Царицу Савскую, правда, видеть не пришлось, а уж всяких мадам де Ментенон и де Монтеспан, прочих королевских фавориток рассмотрел — никакого сравнения. Вот Ирина, жена князя Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон, одного из убийц Распутина — та да, хороша была, не зря в эмиграции первый в послевоенной Европе титул «королевы красоты» выиграла. Но эти барышни всё равно на порядок краше.

Удолин повернулся на стуле, изображая радушную улыбку, собираясь подойти, представиться. Басманов его увидел, сделал приглашающий жест, слегка удивившись при этом: здесь и сейчас он профессора увидеть никак не ожидал.

И вдруг мага от затылка до копчика пронзило вдоль спинного мозга ощущение внезапной, смертельной, только-только сейчас возникшей опасности. Без всяких предпосылок. Предощущение, страх неизвестно перед чем — одно, а сейчас, — будто перекрестье прицела на тебя наведено и чужой палец спуск дотягивает...

Уловил присутствие локализованной где-то справа-вверху чужой и чуждой воли, никак не дифференцируемой, воспринимаемой просто как сгусток энергopotенциала огромной мощности, вот-вот готового лопнуть... Пролиться... Чем? Огнём, потоком нейтронов или хроноквантов?

Резко развернувшись в сторону готовой ударить точном в это место «молнии», профессор вскрикнул и голосом, и ментальным посылом, адресованным сразу всем,

кто мог его услышать. Выбросил перед собой руки, будто пытаюсь растянуть перед верандой защитный полог.

Счёт пошёл на секунды. В отличие от Ирины или Сильвии, Удолин не умел использовать эффект «растянутого настоящего». И отрабатывать назад время, внутри которого находился в длящийся момент, ему не было дано. Если бы хоть немного раньше...

И тут он увидел, точнее — ощутил и опознал причину и источник смертельной опасности: стоявший у стенки в военной гавани бывший германо-султанский «Гебен-Явуз», на расстоянии более трёх морских миль от мыса, где помещался ресторан, занимался то ли учениями, то ли регламентными работами. Нормальный человеческий глаз едва ли заметил бы на таком расстоянии, что две его кормовые башни с двухсотвосьмидесятимиллиметровыми пушками разворачиваются. Для главного калибра линейного крейсера тридцать кабельтовых¹ — смешное расстояние. Вдоль ствола целая попасть ничего не стоит, особенно — если осколочно-фугасными!

Обычному береговому человеку и в голову бы не пришло заинтересоваться, куда и зачем вертятся башни старого крейсера, привычного, как башни минаретов в соседнем квартале.

Вопль тревоги и предсмертного отчаяния Удолина вскинул и Басманова, и Уварова, и девушек-«валькирий». Офицеры уловили звуковую составляющую, девушки — ментальную. Катранджи, кажется, обе сразу. Раньше всех он среагировал, отбросил стул и перевалился через парапет. Покатился, цепляясь руками и ногами пиджака за колючие кусты и торчащие острия камней. Десятью метрами ниже склон заканчивался узенькой площадкой, а за ней до галечного пляжа ни-

¹ 3 мили — 30 кабельтовых = 5,5 км.

чего, кроме тридцати метров воздуха, не создающего опоры.

Будто предчувствовал прозорливый турок нечто подобное, выпрашивая у Тарханова охранниц, и прежде всего Кристину. Увидев «ретираду» своего клиента, в течение тех секунд, что он ещё находился в свободном полёте, она выхватила из широкого кармана платья блок-универсал (теперь положенный по чину), включила «экстренной кнопкой», как научила Сильвия, «растянутое время предупредительно». Это, кстати, позволило и подругам среагировать, разобравшись в обстановке.

Сама «девица Волынская» при этом, подобно цирковой акробатке, перелетела через ограждение веранды, приземлилась на спружинившие ноги двумя метрами ниже Катранджи, поймала катящееся на неё стокилограммовое тело, рывком погасила энергию массы, помноженной на скорость. Ни по каким законам физики девушка, вдвое легче Ибрагима, не смогла бы совершить такого. Оба они просто обязаны были улететь вниз. Все видели, как городошная бита сносит любую выставленную против неё фигуру, и понимали, что это — правильно. А вот изящная Кристина сумела, посрамив великого Ньютона, задержать турка на откосе. Сколько уж там «же» перегрузки Катранджи пришлось ощутить — не существенно. Он лежал ничком на последнем метре твёрдой земли, острые камешки впивались через пиджак в грудь и живот, дыхание со свистом вырывалось из перекошенного только сейчас осознанным страхом рта.

Полоски пляжа отсюда не было видно, только плещущиеся индиговые волны. Можно было подумать, что, сорвавшись, всего лишь врежешься в воду, в худшем случае — хлебнёшь как следует, да и вынырнешь как ни в чём не бывало.

— Спокойно, дядя Изя, — неизвестно почему имен-

но так сказала Волинская, удерживая Ибрагима за руку и поясной ремень. — Тихонько вставай, вот так, на меня. Вниз не смотри. Полметра вот сюда и влево. Сел? Дыши и не дёргайся...

Она, как и все наверху, ждала, что сейчас по площадке шарахнут четыре тяжёлых снаряда. Едва ли невысокий карниз над головой защитит от ударной волны и массы осколков. Бегала глазами по кнопкам своего «портсигара». Какая сейчас поможет?

Артиллерист Басманов по крику и направлению руки Удолина сразу увидел, что башни «Гебена» поворачиваются не просто так: длинные стволы выставлены как раз на нужный угол, целятся прямо в них. Только сделать уже ничего не мог. Прыгать с обрыва, как турок — бессмысленно. Бежать? А куда? От разрывов одиннадцатидюймовых снарядов не убежишь. От трёхдюймовых иногда удавалось, так то — из другой оперы. Значит — только ждать, чем всё это кончится!

Уваров, сидевший спиной к бухте, вообще ничего не понял, включая смысл самоубийственного трюка Ибрагима, даже услышав отдавшийся в голове колокольным ударом крик профессора.

А вот Анастасия и остальные девушки среагировали. Спасибо Кристине — её блок не просто подал нужный сигнал, он включил режим «растянутого времени» и для их «портсигаров», и для них самих. Дальше и напрягаться не пришлось. Пятнадцать секунд выигрыша — это же вечность! Особенно если для всех других — «время ноль».

...Пятьдесят комендоров, унтеров и два мичмана в башнях «Гебена», ведомые непонятной силой, вынуждены были вести себя так, будто вдруг оказались в реальном бою. По команде башенных командиров из погребов пошли вверх по подачным трубам полузаряды и снаряды. Как положено, перегрузились на столах, по-

слушная автоматика загнала в стволы пушек длинные, жирно блестящие смазкой остроконечные чушки, за ними — шёлковые цилиндры с порохом. Замки закрылись. На всё про всё потребовалось едва полминуты.

Всё нормально, всё правильно — враг на горизонте, с КДП¹ выдали дистанцию и целик, да и в панорамы прицелов всё видно. Теперь жди ревуна на залп — и жми педаль!

Линейный крейсер стоял на положенном месте без всяких намёков на предстоящий выход в море. Работали в штатном режиме лишь два котла кормовой кочегарки, чтобы не зависеть от берегового снабжения, чтобы все механизмы действовали, чтобы ход, в конце концов, хотя бы самый малый, дать можно было, случись чего. Уроки прошлой войны ещё не забылись.

По мостику лениво, нога за ногу, болтался с левого крыла до правого и обратно вахтенный начальник в лейтенантском чине. Делать ему было совершенно нечего. Лейтенант прикидывал, что, сменившись, вечерок можно провести с пользой, поскольку следующая вахта только завтра после обеда. От скуки устроил выволочку вахтенному мичману, глазевшему в бинокль на пригородный пляж. С мостика, оказывается, очень хорошо кабинки для дамского переодевания под нужным вертикальным углом просматриваются. Глуповат оказался мичман, непристойной улыбочки не сумел замаскировать.

Неторопливо, вдумчиво, с паузами лейтенант разъяснил мичману, что бывает, когда *плятятся* куда не нужно. Припомнил «Абукир», «Хог» и «Кресси»², «порт-артурскую побудку», по врожденной ядовито-

¹ КДП — командно-дальномерный пост.

² Английские броненосные крейсера, погибшие от торпедной атаки немецкой п/л «U-9» 22.09.1914 у побережья Голландии по причине крайне безобразного несения вахтенной службы и некомпетентности комсостава, включая командира отряда коммодора Драммонда.

сти характера не забыл упомянуть, что оный мичман и гардемаринотм отличался безалаберностью и ленью, за что и выпустился пятым по счёту с конца списка. Так случилось, что лейтенант, четырьмя годами старший, был в Морском Корпусе у этого мичмана ротным фельдфебелем. «Слава богу, Инфантьев, воевать мне вместе с вами не пришлось! А то б вы тоже не на цель, а на всякие ... любовались!»

Внушение, пожалуй, спасло крейсер, уж команды кормовых башен — наверняка.

Мичман отошёл к площадке за боевой рубкой и вдруг закричал, как будто наступил босыми ногами на непрогоревшие угли костра:

— Господин лейтенант!

— Ну, что тебе, — обернулся вахтенный начальник.

— Кормовые башни! Развернулись по-боевому! Стволы на угол обстрела выходят!

При этом и мичман, и лейтенант вдруг испытали странное, томительное чувство. Совсем ничего не хотелось делать. Ни говорить, ни двигаться. Сесть бы на тиковый настил и задремать... Ну, крутят пушки свои башни, ну и что? Мало какие у них там по плану упражнения отрабатываются...

Только профессиональная привычка оказалась сильнее психотронного воздействия! Не прошёл ещё у вахтенного начальника запал, с которым минуту назад вкручивал мичману насчёт порядка несения и бдительности. Теперь подтверждай! Не может быть такого, чтобы артиллерийские учения на швартовах, считай, в центре города проводились! Нечем заняться, так на станке зарядания¹ корячьтесь!

Лейтенант, будто сквозь вязкий кисель, рванулся к

¹ Станок зарядания — тренажёр в виде пушки без ствола, на котором комендоры отрабатывают до автоматизма работу у орудия. Упражнения на станке способствуют развитию физической силы, а также используются для наказания, взамен нарядов на камбуз и драйки гальюнов.

★
массивной трубке телефона прямой артиллерийской связи.

— Башня! Плутонг! Вы там что, охренели? Что делаете? Какого... по городу наводите?! Дробь, дробь¹, я приказываю!

В отсутствие на мостике командира вахтенный начальник располагал всей полнотой власти. С последующим ответом за сделанное.

В трубке прозвучал странно-сонный, совсем не по обстановке голос плутонгового командира, тоже лейтенанта:

— Вражеский форт в прицеле. Установки выполнены. Стреляем...

Наверное, в угольной капсуле микрофона уголь превратился в алмазную пыль от крика вахтенного. Хорошо, вахтенный начальник не начал вступать в рассуждения и пререкания.

— Дррррбь, мать твою, Пучок!

Пучок — это была училищная кличка лейтенанта Пучковского. Может, она и подействовала сильнее остальных. Он, мотая головой от ударившего в ухо крика товарища, бывшего сейчас старшим на корабле, чисто машинально убрал ногу с педали, включавшей замыкание цепей выстрелов. А тут и блок-универсалы «валькирий» сработали.

Ещё секунда-другая — от плазменного удара вспыхнули бы заполнявшие шахты подачи и перегрузочные столы пороховые полужаряды. Сдетонируй за ними погреб — от внутреннего взрыва взлетели бы на стометровую высоту крыши башен, стволы пушек, сотни матросов сгорели бы в отсеках. Вторая «Императрица Мария»² могла случиться, да не на внешнем рейде, а почти

¹ «Д р о б ь» — команда, отменяющая любую предыдущую.

² «И м п е р а т р и ц а М а р и я» — русский линкор, погибший от взрыва артиллерийских погребов на рейде Севастополя в 1916 г.

в центре миллионного города. Число погибших на соседних кораблях, пирсах и берегу страшно и вообразить.

Возможно, на это и был расчёт организаторов акции, а не просто на залп прямой наводкой по ресторану.

К счастью, Анастасия уловила перекрывшую силу чужого воздействия на артиллеристов эмоцию и отчаянный, по всем ментальным диапазонам слышимый крик вахтенного лейтенанта. Успела понять суть происходящего, остановила свою и троих подруг инстинктивную готовность испепелить цель. Опыта боевого применения блок-универсалов у «валькирий» не имелось, а вот рефлекс — при угрозе такого масштаба отвечать ударом «на полное поражение» — был.

Сильвия не зря занималась девичьей психикой, в ускоренном порядке пройдя с ними курс «боевой и политической подготовки». Вельяминова отдала совсем другую команду вместо той, что рвалась из перешедшего на автоматический режим мозгового «сторожевого центра».

Хорошо, что «растянутое настоящее» всё длилось и длилось. Вместо сосредоточенных плазменных жгутов, способных в долю секунды нагреть броневую сталь до тысяч градусов, корму «Гебена» накрыл гипнотический и парализующий удар. С полным, на многие часы отключением вообще всех мыслительных и двигательных функций находящихся там людей. Придумать что-нибудь более щадящее за эти секунды было просто невозможно.

Все, кто находились на палубах и во внутренних помещениях крейсера, от ахтерштевня до заднего мостика, замерли в тех же позах и фазах движения, что за мгновения до удара, и лишь постепенно, теряя остаточный тонус мышц, начали падать, кто где стоял или сидел. Достаточно мягко, как ощутивший приближение обморока человек. Это позволило большинству избег-

нуть тяжёлых травм, даже тем, кто взбегал или спускался по трапам и работал с движущимися механизмами. Пострадавшие, само собой, имелись, как иначе, но в не сравнимом с возможными последствиями взрыва количестве. Да и вообще — живые.

Повинуясь поднятой руке Удолина, девушки отключили своё потрясающее оружие.

— Я больше ничего не чувствую, — сказал Константин Васильевич, несколько ошеломлённо поворачивая голову и дёргая шеей. — Совсем ничего. Только волну паники с крейсера. А извне — ничего...

Трижды повторённое в пределах двух фраз слово выдавало его растерянность. Обычно Удолин был отменным стилистом, лектором, случалось — и трибуном. Студенты СПбГИУ¹ до войны (Первой мировой, естественно) сбегались на его лекции сотнями, так что инспектор классов неоднократно выходил лично к ректору с заявлением, что просит подобное прекратить, поскольку не ручается за прочность древних перекрытий под аудиторией.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

— Однако, — сказал Удолин, когда общее возбуждение стихло и начало приходить в норму возмущение мирового эфира. Вытер большим батистовым платком, изукрашенным каббалистическими знаками (вроде шпаргалки?), пот со лба. — С таким я ещё не встречался... — и сел, не глядя, но попал прямо между подлокотниками кресла, на всю глубину сиденья.

— С каким — таким? — Уваров первый раз оказался в сфере «растянутого настоящего», и мысль его выкараб-

¹ СПбГИУ — Санкт-Петербургский государственный Императорский Университет.

кивалась к реальности, как оса из сладкого сиропа. Он ещё до конца так и не сориентировался в обстановке.

Анастасия сделала движение бровями, и девушки опустили свои «портсигары», последние секунды посылавшие дезинтегрирующие импульсы в небо над рестораном и портом. Сколько энергии (и откуда извлечённой?) при этом ушло в метрическое пространство и в астрал, почти невольно приоткрытый профессором, трудно сказать. Гигаватты, наверное. Но явно не зря. Так тяжёлая артиллерия расходует вагоны снарядов для огня «на подавление» по площадям.

Услышав злой выкрик Кристины из-под обрыва, Инга и Марина кинулись через ограждение, помогли ей вытащить Ибрагима. Катранджи, присев на край дивана, рассматривал свои исцарапанные руки и прорехи на брюках и пиджаке, цветисто и разнообразно ругался на эффектной смеси русского и турецкого языков. И вдруг прервался, слотнул слюну вместе с последними словами, уставился на спасительниц буквально обожающим, никак не подобающим гордому турку взглядом.

«Наконец моим советам последовал, — злорадно подумал Уваров, — вправду стал на русского купца Катанова похож. Петушок жареный второй раз клюнул. Третий раз прямо по темечку попасть может».

— В моё время в таких случаях обещали, — Басманов и сейчас ухитрялся сохранять полное самообладание и «гвардейский юмор», — до конца дней водкой от пуза поить!

Под «своим временем» он, ясное дело, подразумевал 1914—1920 годы, остальное, невзирая на всего лишь тридцатидвухлетний возраст, уже было «не его». От двадцати до двадцати семи лет он успел отведать столько «медвежьего мяса»¹, что на десять романов хватит.

¹ См. Дж. Лондон «Смок Белью». «Медвежье мясо» — у героев повести эвфемизм испытаний, достойных по-настоящему сильного человека.

★ Катранджи насколько можно отряхнул пиджак от известковой пыли, смахнул со щеки несколько капель вдруг выступившей крови.

— Эх, господин полковник, когда б только о водке речь... Так они же водки не пьют... — прозвучало это не то чтобы с сожалением, куда более философски.

Если с точки зрения японского самурая смотреть, то теперь Ибрагим Рифатович (причём — второй раз) оказался в долгу, который разом не погасить, а пожизненным верным служением выплачивать должно.

Басманов, как старший по должности и званию, представитель *принимающей стороны*, имеющий опыт боёв и с немцами, и с красными, и с дуггурами разных пород и типов, положенным образом извинившись, прошёл в комнату метрдотеля позвонить по телефону.

Удолин, решив, что за отсутствием Михаила Фёдоровича старший здесь он, заявил:

— «Даже бессмертные боги не смогут несбывшимся бывшее сделать!» Из чего проистекает — обед должен состояться, поскольку одна из угроз миновала, другая может возникнуть когда и где угодно. Снаряд два раза в одно место не падает, что наш уважаемый артиллерист непременно бы подтвердил, — и посмотрел вслед Басманову, — отчего обедать лучше здесь, чем в каком-либо другом месте. Тем более — всё давно приготовлено.

— Два раза в одно место не падает снаряд, выпущенный из одного орудия с неизменными установками прицела, — меланхолически уточнил подполковник Уваров, моментами умевший быть удивительно занудным (это уже мысль Анастасии). — В любом другом случае шансы абсолютно одинаковые. Видели, знаем. И нормальный солдат прячется в воронку не по названной вам «теории вероятностей», а просто потому, что она является естественным укрытием...

Он взял папиросу из открытой коробки, к которой потянулся рукой тремя минутами раньше. Размял, за-

курил и продолжил. — Поэтому, естественно, куда-то ещё перемещаться смысла нет никакого...

Только Настя ощущала, сколько внутренних сил стоило Уварову вести себя таким вот образом: ничего по-настоящему не понимая, держаться, как положено командиру на передовой. Ей не пришлось видеть, но многие «печенег» рассказывали про бой под Беренде-евкой. Был момент — рванул на краю заболоченной речки тяжёлый снаряд. Кого оглушило, кого кинуло лицом в дно окопа. А капитан Уваров стряхнул со щёк и фуражки грязь и продолжал тем же тоном прерванную разрывом фразу. Бойцы имеют право бояться смерти, командир — никогда. То, что она сейчас чувствовала к Валерию, была уже не просто любовь. Нечто гораздо большее!

— А скажите мне, пожалуйста, Иван Романович, — обратился подполковник к Катранджи, — чем был вызван ваш столь эффектный прыжок? Я, как начальник вашей охраны, должен быть в курсе... Стиля ваших реакций, так скажем. Иначе, в другом подобном случае, можем и не успеть... — Сейчас он вполне относил действия Кристины к общей схеме действий своего подразделения.

Официанты, появившиеся из недр ресторана, вообще ничего не видевшие и не понявшие в случившемся, начали, наконец, накрывать стол.

— Да вот знаете ли, Валерий Павлович, — ответил Ибрагим, торопливо проглотив налитый ему Уваровым фужер «для снятия стресса», никого не ожидая и не чокаясь, — я давно научился улавливать грозящую МНЕ опасность и реагировать мгновенно, не задумываясь об окружающих. Плохо это или хорошо, отдельный вопрос. Пофилософствуем при случае, если ещё проживём, но сейчас я надеялся, почти даже был уверен, что с этого обрыва долечу до воды. Ещё когда я был совсем мальчишкой, мы прыгали со скал в море. Я — сын паши, друзья мои, с детьми водоносов и ночных граби-

★ телей с тридцати метров в сильный прибой нырнул и оставался жив. Отец, когда ему доложили, одобрительно поцокал языком: «Мужчина растёт. Труссы мне не нужны!»

— Здесь бы — не долетели, — мягко сказала Кристина. — Формулу расчёта траектории приводить не буду, но точка падения оказывалась в семи метрах от уреза воды. При самом сильном толчке. Учтите угол снижения дна — чтобы выжить, вам не хватало пятнадцати метров по горизонтали или двадцати тысяч джоулей кинетической энергии на начальной ветке траектории...

— И ты это просчитала? — ошарашенно спросил турок.

— В чём вопрос? — почти так же, но без эмоций на лице и в голосе удивилась Кристина. — Когда вы кидаете камень в цель, ваш мозг успевает оценить его вес, расстояние до цели, нужную степень поворота всех суставов, натяжение связок, силу, необходимую для срабатывания всех сгибающих и разгибающих мышц... Вас это никогда не удивляло?

Странно, что никто из присутствующих ещё не попытался (или не захотел?) начать практическое обсуждение *настоящих причин* случившегося.

Так, если с другой стороны подойти — «а чего — случившегося?» Уваров видел только прыжок Катранджи в сторону обрыва. Кристина исполнила свой долг в рамках данного факта. Удолин почуял острый дискомфорт от ощущения «постороннего неведомого». Анастасия и её подружки-подчинённые среагировали на профессором же обозначенную и лично для них сформулированную и указанную цель. Басманов видел неуместный в мирной обстановке разворот башен «Гебена» в их сторону. Его эмоциональная или профессиональная реакция фактически спровоцирована тем же Удолиным.

И что в сухом остатке?

Как говорится — прокурору предъявлять нечего.

Конечно, предъявлено будет — просто чтобы всё было по справедливости. Не положено в порту боевому кораблю башнями вертеть? Не положено. Даже винтовку или пистолет, неважно, заряжены они или нет, солдату с первого дня службы строго-настрого запрещается в сторону живых людей направлять. Известно, раз в год и палка стреляет. Обычное оружие — гораздо чаще.

Уваров про себя усмехался. Надо же, как судьба над ним и всеми здесь присутствующими развлекается-то! Катранджи получил всё, что хотел, мало ему Одессы показалось. Добился поездки этой, сопровождения того же самого. Напросился, можно сказать! А в армии не зря говорят: «Ни от чего не отказывайся и ни на что не напрашивайся!»

Кристина тебе, видишь ли, понравилась. Ну и обхаживал бы, как всякую нормальную девицу, дворцами над южными морями, яхтами да бриллиантами соблазнял. Нет — «чтоб опять личной телохранительницей была». А Пушкина подзабыл: «Чтоб служила мне рыбка золотая, и была бы у меня на посылках». Посмотрим теперь, кто у кого и кем будет. Валерию приходилось видеть подобные мезальянсы¹. Господин генерал-лейтенант, гроза корпуса, а то и округа, женившись на гвернантке своих детей, неожиданно быстро превращался в безнадёжного «подкаблучника». А уж с наследницей древнего рода шляхтичей Волынских, один из которых самой императрице Анне Иоанновне «кондиции»² диктовал, наплачется сын провинциального

¹ Мезальянс — брак с лицом более низкого социального происхождения (франц.).

² «К о н д и ц и и» — условия вступления на престол А.И., выдвинутые в 1730 г. «Верховным тайным советом» с целью ограничения монархии в пользу аристократии. А.И. «кондиции» приняла, но позднее их в буквальном смысле «разорвала» (как бумажный текст), «Тайный совет» распустила, руководителей казнила. В т.ч. и Артемия Петровича Волынского.

паши, ох и наплачется. Да и то при условии, если Кристина захочет принять его «кондиции». Вдруг ей жизнь русского подпоручика покажется привлекательнее, чем даже «законной жены» восточного деспота?

Он перемигнулся с Анастасией, та поняла, кивнула.

Полковник Басманов первым делом позвонил командующему Средиземноморской эскадрой вице-адмиралу Кетлинскому Казимиру Филипповичу, участнику фантастической операции по спасению адмирала Колчака и вообще весьма умному человеку.

Не требовалось каких-то специальных объяснений. Вице-адмирал совершенно отчётливо представлял разницу положений его и полковника, по совсем иной, чем официальная, «табели о рангах».

Если с самим Верховным Правителем Врангелем, морским министром Колчаком и прочими фигурами того же уровня Михаил Фёдорович разговаривает пусть и со всем пиететом, артикулом определённым, учитывая и чины, и возраст, но несколько небрежно, что ли. То, что Басманов, лично не присутствовавший на «Гебене», прекрасно осведомлён о «происшествии» и его последствиях, причём раньше и куда подробнее его самого, адмирала почти не удивило. Что-то о сверхъестественных способностях полковника и его друзей Кетлинский знал, о многом догадывался.

— Ты, Казимир Филиппович, — как требовали приличия, не приказал, а попросил Басманов, — объясни, что там у тебя на флоте творится.

Уж ему-то, в отличие от всех присутствующих на веранде ресторана, ни о чём «невероятном» задумывать не нужно было. Насмотрелся он такого во всех видах и проявлениях. Было и в Москве, было и в Южной Африке.

— Только чтобы это было сделано в полной тишине и тайне. Что бы там на самом деле ни случилось, на «Ге-

бене» твоём и вокруг — докладную вели составить, не выходящую за пределы вероятности. Люди, впавшие в беспамятство, скоро в себя придут. И едва ли что-нибудь связное рассказать смогут. Но ты немедленно, именно немедленно, пока разговоры не пошли, флагманского медика и судовых врачей проинструктируй. Пусть объявят, что произошло какое-то отравление... Продуктами разложения плохого турецкого пороха или снарядной взрывчатки. Я артиллерист, с похожими случаями сталкивался. Иного объяснения такого массового помутнения сознания всё равно не придумать. А я попозже своих специалистов пришлю, когда с участниками этого «наваждения» нормально можно будет побеседовать. А «наверх» пока можно не докладывать, рядовой, в общем, случай, вполне в компетенции местных инстанций.

Кетлинский ответил, что понял, да и как не понять? Человек, поучаствовавший в спасении заведомо расстрелянного Колчака, в последующем разгроме даже теоретически непобедимого британского флота (три старых русских броненосца, пусть и модернизированных, и один «условно боеспособный» линкор никак не могли выиграть бой с шестью *настоящими* супердредноутами, однако выиграли, принудив англичан к капитуляции), давно воспринимал происходящее как данность. Отчего относился к любым мнениям и советам Басманова и прочих причастных к созданию Югороссии особ, как к истине в последней и окончательной инстанции, не затрудняя себя ненужными размышлениями. Следствие на флоте безусловно будет проведено, но ни один из его выводов, расходящихся с предложенной версией, наружу не выйдет. А уж что там на самом деле произошло — Михаил Фёдорович объяснит впоследствии, если сочтёт нужным.

Таковую для себя жизненную позицию избрал адмирал, здраво осознав ещё пять лет назад, что существу-

ют в мире вещи, вникать в которые не столь опасно, сколько бесполезно. Живём вот на свете исключительно благодаря этим странностям, и слава богу.

Следующий звонок Басманов сделал уже генералу от кавалерии (особе Второго класса по Табели о рангах, выше которой был бы только генерал-фельдмаршал, но этот чин давно уже в русской армии не употреблялся) Шатилову Павлу Николаевичу. Бывшему начальнику штаба ВСЮР, а ныне Председателю Военного Совета Югороссии.

— Что случилось, Михаил? — спросил Басманова генерал из своего Харькова по специальной, защищённой телефонной линии.

Полковник объяснил. Со всей возможной доступностью. В том смысле, что внешне незначительное и вполне решаемое в пределах компетенции начальника эскадры происшествие может (упаси бог, конечно!) означать собой нешуточную угрозу для всего государства, если вдруг окажется, что это — составная часть заговора неких «потусторонних сил», обладающих соразмеримой с «нашей» мощью. То есть — действующей «вне обычных представлений».

Павел Николаевич, как и Кетлинский (да и вообще всё высшее окружение Врангеля), был человеком умным. И тоже не задавался лишними для него вопросами, лежащими за пределами основного образования и накопленного уже после судьбоносного лета двадцатого года опыта.

Они все, готовившиеся геройски умереть или, при удаче, эвакуироваться из обречённого Крыма, согласились принять Победу, свершившуюся с помощью таких, как Басманов, людей за чудо. Чудо, заслуженное молитвами и самоотверженной борьбой до последнего патрона. Когда защищать уже почти нечего и нечем. Однако — победа случилась! Блестящая победа, край-

не выгодный мир с красными и нынешнее благосостояние государства.

С тех пор среди высшего руководства Югории действовал как бы *обет*. Монастырского типа. Не рассуждать о том, каким образом и через кого пришла Победа. Откуда взялись золотые червонцы в почти невообразимых количествах, новые образцы вооружений, люди, учившие этим оружием пользоваться и сами ходившие в удивительные по своим результатам сражения. словно бы вернулись времена Потёмкина, Суворова и Румянцева, Скобелева — полки громили армии, батальоны брали крепости с многотысячными гарнизонами...

Начертано на кресте ордена Николая Чудотворца «Верую спасётся Россия» — вот и не следует выходить мыслью за пределы девиза! Между собой, как и в средневековых монастырях, люди с эрудицией и воображением могли рассуждать о чём угодно, даже строить какие-то планы, но эти мысли и идеи никоим образом не выходили за пределы узкого круга посвящённых. Всем прочим, невзирая на должности, во избежание «соблазна» (в церковном смысле этого слова), незачем знать, отчего вдруг иконы мироточат и откуда берётся «пасхальный огонь».

Сам генерал Врангель показывал пример. Наладив порядок в стране, обеспечив действенную систему управления, он углубился в занятия военной и политической историей последнего десятилетия, писал обширные и очень подробные мемуары, планируя довести их минимум до десяти томов, чтобы перебить и опровергнуть своего вечного оппонента Деникина с его пятью томами «Очерков русской смуты». И ни одним словом он не коснулся подлинных фактов, так разительно изменивших российскую историю после великой битвы за Каховский плацдарм.

Так ей и предстояло запечатлеться в качестве одного

из чудес, вроде «Победы на Марне», где французские историки легко обошлись без упоминания об отчаянном наступлении двух русских армий, Самсонова и Ренненкампа в Восточной Пруссии, что и заставило немцев в самый решительный момент начать переброску своих ударных корпусов от Парижа на русский фронт.

Но не в этом дело.

— Я не ведаю, что впереди, но из личного опыта знаю — «чудеса» не в одну только сторону работают. Может случиться, что на нас обрушатся в буквальном смысле «потусторонние силы». Не в религиозном смысле, просто — пришедшие из посторонних по отношению к нашей реальности. Противостоять которым хотя и трудно, но можно.

— И это понял, — ответил Шатилов, на самом деле понимая значительно меньше половины. Он знал, что, кроме этого, «настоящего», существуют вокруг во множестве всякие другие миры, «прошлые и будущие», что там живут люди, кое в чём — очень могущественные. Что и сам Басманов, и многие из его офицеров в этих мирах бывали и тоже участвовали в боях, как бы в благодарность за ранее оказанную помощь. Сам он не имел никакого желания вдаваться в их изучение, а уж тем более — посещать их. Хорошо помнил слова Ницше: «Если ты начинаешь слишком пристально вглядываться в бездну, бездна начинает вглядываться в тебя».

Главное — Басманов и его друзья последние годы фактически не вмешивались во внутренние дела Югославии. Когда нужно — помогали советами и деньгами, собственными дипломатическими средствами регулировали непростые отношения с «красной» РСФСР, последнее время всё больше начинающей отступать от былой ортодоксальности. Время от времени появлялись инженеры, налаживающие на подходящих заводах и фабриках производство новых образцов военной

и гражданской техники. Одним словом — жизнь шла наилучшим из возможных способов.

Сейчас Шатилову тоже было достаточно слов Басманова о том, что обстановка под контролем и что информация о странном происшествии в Царьграде не должна стать предметом обсуждения на любом уровне. Если что и просочится в прессу — «никаких комментариев». В армии и на флоте всякие «случайности» — почти норма, на устранение их последствий есть «надлежащие структуры».

— А если начнётся что-нибудь действительно «серьёзное», тогда и будем разбираться. Вместе, — успокоил генерала Басманов. — «Друзья» нас в очередной раз поддержат.

После этого сообщил, что ожидаемый «гость» прибыл, невзирая на *происшествие*, находится в добром здравии и готов к переговорам.

— Наш человек когда в Царьграде будет? — спросил Басманов, подразумевая руководителя переговоров с Катранджи о поставках «Интернационалу» оружия в невиданных в мирное время количествах. Нечто вроде американского «ленд-лиза» в СССР. Только осуществляться всё должно было от имени «группы частных лиц» и не совсем обычным способом.

Шатилов заверил, что, скорее всего, уже сегодня к вечеру. И осторожно поинтересовался, не следует ли перенести место переговоров хотя бы в Севастополь, если не в ещё более удалённое место.

— Думаю, никакой роли это не сыграет. Здесь теперь, пожалуй, безопаснее, чем где бы то ни было, раз попытка диверсии сорвалась и планы неприятеля раскрыты. А вот провокаций в других местах, и весьма масштабных, я не исключаю. Потому основные силы Черноморского флота и Южную армию советую привести в полную боевую готовность. Вроде как вы там, в Центре, решили внезапные командно-штабные учения

провести, без предварительной подготовки. «Легенда» — мятеж на Кавказе и одновременное вторжение английской, турецкой, персидской, румынской, болгарской и польской армий... Учения на уровне округов с привлечением штабов дивизий и бригад с призывом на двухнедельные, скажем, сборы приписного офицерского и унтер-офицерского состава первой очереди.

Идея только сейчас, во время разговора, пришла Басманову в голову, но показалось плодотворной. Общая военная тревога, забитые всеми видами информации линии связи и средства массовой информации, резкое изменение эмоционального фона всего здешнего эгрегора очень может ввести в заблуждение «вероятного противника». Примерно как глушила вражеские радары стратегическая авиация, тоннами сбрасывая из стратосферы обрезки алюминиевой и свинцовой фольги. Он читал о таком приёме в книгах о Второй мировой войне.

«Знать бы заранее, что против нас затевается, а главное — в каких масштабах, — с сожалением подумал Михаил Фёдорович, — вполне можно было сценку успеха этой провокации разыграть. И посмотреть, что дальше будет».

Вернувшись на веранду, Басманов, не желая «нагнетать обстановку» и портить людям настроение (война войной, а обед по расписанию), жестом подозвал к себе Уварова и Удолина. Втроём они отошли к двери во внутренний зал, сейчас пустой.

— Мы, Константин Васильевич, пока присядем у окошка, бар к вашим услугам. Минут пять свободных имеете. А ты, Валерий, пришли сюда свою Анастасию. Сам оставайся за столом, поддерживай общий тонус и порядок среди личного состава и высокого гостя. Скажи ему, что «нужное лицо» уже в пути, к вечеру будет. Пока всё. А мы тут кое-какие моменты обсудим.

Уваров, понимая, что разговор сейчас пойдёт явно выходящий за пределы его компетентности и информированности, молча кивнул и вышел.

— Ну что ж, господа, — сказал полковник, обращаясь к вальяжно-расслабленному Удолину и, напротив, напряжённой, как пружина, Вельяминовой. — Если я всё правильно понимаю, мы имеем дело с очередным вариантом *диверсии*, подготовленной «штабистами», ход и способ мышления которых нам до сих пор недоступен. Во всех подобных случаях, в каких мне довелось поучаствовать, противник поступал абсолютно *неправильно*. Что в Москве, что в Южной Африке любого из нас можно было уничтожить просто и без затей. Сил, внезапности, свободы маневра у неприятеля всегда хватало. Но все мы до сих пор живы. Так, Константин Васильевич?

— Совершенно верно, — ответил Удолин, довольный, что спешить пока некуда, а ассортимент коньяков в баре весьма обширен даже на его взыскательный вкус. — Мы эту тему обсуждали неоднократно и в вашем присутствии, и без него. Вот девушка, мне кажется, ещё не совсем в курсе, так я с удовольствием вкратце изложу...

— Спасибо, — вежливо, но твёрдо пресёк его поползновение прочитать лекцию в пределах стандартного академического часа знакомый с привычками профессора Басманов. — Несколько позже. Давайте пройдемся по фактам. Как я понял, вы предполагаете, что имела место психологическая атака, направленная не на нас непосредственно, а на артиллеристов крейсера. Так? А, простите, зачем? Не проще ли было ударить прямо по нам? Чем угодно. Стирающим память или просто волю мозговым излучением или камешком пудов на пять, замаскировав его под метеорит.

— Наверное — не проще, — сказала Анастасия. — Для них. Возможно, они опасались, что устроенная

★

Константином Васильевичем защита, поддержанная нашими блоками, будет для них непреодолима. В любых диапазонах. Или знали это точно. Они ведь уже сталкивались с тем и другим. А вот несколько тяжёлых снарядов магический щит могли пробить... Просто инертной массой, нечувствительной к воздействиям *высших поряdkов*.

— Правильно мыслите, девушка, — одобрил профессор. — Кроме того, на основании своих рассуждений и построений могу добавить, что мы действительно имеем дело с абсолютно чуждой логикой. Хотите загадку? В десятиэтажном доме на верхнем этаже живет человек. Утром он входит в лифт, спускается вниз и идёт на работу. Вечером возвращается, входит в кабину, доезжает до шестого этажа, дальше идёт пешком. Вопрос — почему?

— Лифт исправен? — спросила Настя.

— Исправен.

«Валькирия» наморщила лоб.

— Может, это у него такая прогулка перед ужином?

Басманов молчал и улыбался уголками губ.

— Ну, я не знаю. Тут явно какой-то подвох, и нормальным путём найти ответ невозможно, — сказала Вельяминова.

— Совершенно верно, — согласился Удолин. — Подвох. Хотя, если как следует подумать... Но не будем зря терять время. Ответ — этот человек — лилипут. И может дотянуться только до шестой кнопки...

Глотнул ещё, наслаждаясь произведённым эффектом.

Настя рассмеялась.

— То есть наши враги своеобразные «лилипуты»? И какие-то действия (в том числе и мыслительные) для них недоступны просто физически? Может быть, им просто запрещено нас убивать *непосредственно*? Правило игры? Шахматному коню вечно прыгать «буквой

Г», но нельзя лягнуть копытом подкравшуюся сзади пешку?

— Хотя нормальный, живой конь умеет это делать прекрасно, — тоном знатока-кавалериста сказал Басманов. — Каждый раз, когда нам с необъяснимым постоянством при каждом очередном покушении удавалось остаться в живых, я по профессиональной привычке анализировал *рисунок боя*, соотношение сил и средств и тому подобное. И приходил к выводу, что это не шахматы, а скорее — любительский бокс или даже — сценическое фехтование. Не спортивное, подчёркиваю, а именно сценическое. Противники обмениваются ударами, каждый из которых, по сценарию, до нужного момента обязательно будет отражён. При этом у зрителя должно создаваться впечатление, что всё — всерьёз. Вспомните хотя бы фильм «Три мушкетера», как там персонажи шапками машут... Мальчишки визжат и подскакивают, да и у взрослых моментами дух захватывает.

— Но в боях, о которых вы говорите, о которых я знаю, — уточнила девушка, — было достаточно много погибших. Совершенно всерьёз, и с обеих сторон. Разве не так?

— А я вот не видел ни одного погибшего, — вмешался Удолин. — Шахматный матч окончен, фигуры ссыпаны в ящики, все гроссмейстеры отбывают по домам живые и здоровые. Если только, что случается крайне редко, кто-то за доской от инфаркта или инсульта умрёт... Из нас пока никто не умер. На той стороне, думаю, тоже.

Анастасия молча переваривала услышанное. Ей такая точка зрения была в новинку.

— Значит, вы думаете, что погибающие в ходе наших разборок — не люди? А ваши бойцы на войне, а те, кто попался инсектоидам, офицеры, на моих глазах убитые в Одессе?

— Одессу можно исключить. Там другая фабула. Во всех же остальных случаях... Почему не допустить, что, с точки зрения наших противников, «не люди» — мы. Все же так называемые «люди», «инсекты», низшие «дугтуры» — расходный материал. Пешки и фигуры на доске, — спокойно ответил Басманов.

— И я тоже «не человек»?

— С какого-то момента — очевидно, — кивнул Удолин. — Раз вы теперь в нашей команде, *кто-то* решил, что куколка превратилась в бабочку. То есть — совершился диалектический переход в иное качество, и вы теперь тоже не пешка, а игрок, подчиняющийся совсем другим законам.

— Но бабочки ведь тоже умирают!

— Верное замечание. Вы могли наблюдать то, что остаётся от куколки, но видели и порхающую бабочку. Мёртвых бабочек вы видели тоже, а следующего этапа — ещё нет. Как выглядит компонента, обеспечивающая функционирование по единой схеме личинки, куколки, имаго? В какую «плоть» она облекается на следующей стадии метаморфозы? Ведь никаких общих черт у названных объектов вроде бы и нет. Доступных непосредственному восприятию, я хочу сказать. С чего вы взяли, что закон отрицания отрицания¹ всего лишь двухкомпонентен?

— А вы видели «следующий этап»? — спросила Нас-

¹ В диалектике категория «отрицания» означает превращение одного предмета в другой при одновременном «уничтожении» первого. Но это такое уничтожение, которое открывает простор для дальнейшего развития. Из сущности диалектического отрицания вытекает и особенность развития, выражаемая двойным отрицанием, или «отрицанием отрицания». Противоречие разрешается в движении объекта (и познания), что означает возможность возникновения «третьего» по отношению к двум противоположностям, несущего в себе их прогрессивные черты, но на более высоком уровне (подробнее см. Гегель «Наука логики» и др. труды).

тя, не склонная сейчас обсуждать проблемы объективного идеализма и тем более субъективного.

Удолин вместо прямого ответа ограничился пожатым плечами и очередным глотком.

— Если всё обстоит так, как вы говорите, нам, возможно, ничего и не следует делать? Просто не обращать внимания на происходящее? — задала она следующий вопрос.

Ей ответил Басманов:

— А вы знаете, что бывает, когда шахматист вдруг отказывается делать следующий ход или раздумывает над ним слишком долго?

— Ему записывают поражение?

— Вот именно. Флажок на часах падает. И мне очень не хочется на собственном опыте выяснять, что это будет означать в нашем случае. Но мы слишком далеко отклонились. Я вас пригласил не для философской беседы. Скажите лучше — кто из вас прямо сейчас может установить контакт с Сильвией? Кому это сделать проще и... безопаснее?

— Непосредственно с Сильвией? Помимо Воронцова? — спросила Анастасия.

— Для начала можно и помимо. С ним позже поговорим.

— Раз я теперь по статусу равна координатору, у меня есть линия прямой связи с любым владельцем блокуниверсала. Где бы он ни находился. Сейчас вызову.

Вельяминова откинула крышку портсигара, набрала нужную комбинацию, нажала изумрудную кнопку защёлки.

Прошло значительно больше минуты, пока открылся канал. Это время потребовалось Сильвии, чтобы определить, кто запрашивает контакт, и разрешить, если сочтёт нужным, соединение. Было время, когда у неё было много подчинённых, и в целях поддержания су-

бординации далеко не всем разрешалось общение с вышестоящей по собственной инициативе. Сейчас ситуация изменилась, а настройки блока остались прежними.

В Москве была поздняя ночь, но леди Спенсер ещё не ложилась. С Императором и Секондом они сначала совещались в кабинете Олега, потом ездили на рыбалку к дальним лесным озёрам. Поймали пуда полтора крупных рыбин, на удочки и на спиннинг. Попалось даже несколько местных угрей. Олег Константинович, помня их разговор, больше никаких нескромных предложений не делал, и она, в просторной постели, в комнате, наполненной запахами нагретых летним солнцем сосен, выпалась великолепно. Проснулась только к позднему завтраку, а уже к вечеру Секонд отвёз её на Столешников: узнать, чем закончилась встреча Фёста с Контрразведчиком, нанести частные визиты Писателю и Журналисту. Сильвия решила не терять времени и, используя методики Шульгина, провести «вербовку» наиболее перспективных кандидатов в стремительном темпе. Прошедшего времени им должно было хватить, чтобы тщательно обдумать все «за» и «против». Судя по звонку Мятлева, тот уже сделал желаемые выводы. Дело за остальными.

То, что случилось за сутки её отсутствия, Сильвию развеселило. Всё произошло не так, как планировалось, но, пожалуй, интереснее. Наиболее непримиримый оппонент внезапно превратился в друга, в чём основную роль сыграла Герта. Не зря, выходит, Дайяна её учила. Теперь оставалось уточнить кое-какие психологические моменты и с утра начинать новую партию, обещающую получиться увлекательной.

Дождавшись, когда Фёст с Людмилой, Мятлев и Герта разойдутся по своим комнатам, Сильвия в очередной раз собралась навестить Лондон, повидаться с Берестиным. Он, скорее всего, до сих пор доигрывает

свой роббер, её, по нынешнему времени почти недельное отсутствие заметить не должен, но мало ли что. Достаточно совсем небольшого сбоя в характеристиках мирового континуума, и там могли пройти уже годы. Нет, годы вряд ли, уж на Воронцова или Левашова Алексей даже через несколько дней её внезапного исчезновения непременно бы вышел. Но и сутки «безвестного отсутствия» жены доставят Алексею много тревожных переживаний. А это ни к чему, к Берестину она относилась настолько хорошо, насколько это вообще возможно при её натуре.

Поэтому сигнал, пришедший от одной из «валькирий», Сильвию не обрадовал. Что там у них приключилось, в давно оставшейся на задворках её интересов Югороссии? Чуть больше суток прошло, а что-то уже случилось, несмотря на присутствие рядом с ними Басманова, весьма надёжного и опытного человека.

Сильвия включила поддержку канала, дождалась, пока на той стороне возник ресторанный зал с поблёскивающим за окнами морем. На первый взгляд — обстановка идиллическая. Никаких дуггуров поблизости и прочей пакости. Всё знакомые лица здесь, даже неутомонный некромант Удолин, всегда удивлявший её тем, что за многие века занятий практической магией ухитрился ни разу не попасть в поле зрения самой леди Спенсер и её предшественников. Просто потому, что он с единомышленниками никогда не пользовался «техническими средствами», а колдуны, волхвы, заклинатели духов, жрецы вуду и прочие мракобесы не входили в сферу интересов аггров, крайних рационалистов и материалистов. Возможно, в этом тоже была их ошибка.

Вот и красавец-полковник Басманов, привлёкший её внимание ещё на «Валгалле», сразу после Стамбула, не только внешностью, но и необыкновенным психотипом своей личности. Не зря он единственный из уро-

★
женцев девятнадцатого века был принят в действительные члены «Братства».

Ну и Анастасия Вельяминова, бывший «номер 287». Совсем немного времени прошло, как они впервые увиделись, а изменилась девчонка ощутимо. Странно-го тут ничего нет, одно дело — «заготовка» на пороге инициации, и совсем другое — полноценный координатор, получивший личный гомеостат и блок-универсал. Эти устройства — совсем не то, что погонны и пистолет, превращающие выпускника училища в полноценного офицера. Они настраиваются индивидуально, с учётом и характера, и предстоящей специализации, вступают во взаимодействие с организмом целиком — с его соматикой и нервной системой, центральной и вегетативной.

Всё у новоиспечённых агентесс меняется, не только самоощущение. Опытному глазу сразу заметно. Хорошо, что все эти изменения только *деловых качеств* касаются, базовую структуру личности не затрагивая. А то могла Сильвия немного подрегулировать «браслет», и получилась бы из девушки её «альтер эго», верная клевретка, с тем же набором достоинств и недостатков. В частности — с выраженной нимфоманией. Саму агтрианку страсть к амурным приключениям никак не угнетала, совсем наоборот. Но хватало опыта и здравомыслия, чтобы понять — двадцатидвухлетней девушке подобная склонность совсем ни к чему. А проявись такое — у её возлюбленного могли бы возникнуть сначала неприятные подозрения — «а что это вдруг моя Настя так переменялась?», а потом и серьёзные проблемы. Скандалы, ссоры, разрыв отношений, как следствие — разочарование в себе, в женщинах, в жизни вообще. Но симпатичным ей Уварову и Фёсту леди Сенсер подобного не желала, как и другим мужчинам, могущим стать избранниками остальных «валькирий».

Не зря она провела с аггрианками сеанс глубокой психотерапии и дополнительной настройки. Теперь никому из девушек *психологическая деформация* не грозит. Зато и настоящими координаторами они не станут, и это хорошо. Теперь ни Дайяна, ни Лихарев не смогут подчинить их своей власти. Просто будут в этом мире (этих мирах) лучшими в любом деле, которым решат заняться, и не более.

Остальная часть компании — Катранджи, Уваров, три «валькирии» расположились вокруг стола на открытой веранде. Сильвия хорошо помнила эту веранду, именно здесь, на праздновании освобождения Царьграда, она подарила Новикову королевскую яхту «Камелот», будущий «Призрак».

— Ну и как вы тут? — непринуждённо осведомилась она, входя в ресторанный зал и присаживаясь рядом с Удолиным. — Похоже, не скучаете? Не откажетесь даму угостить?

Басманов, зная её вкусы, немедленно наполнил бокал джином, больше чем наполовину. Леди Спенсер слегка жеманно, как подобает викторианской даме, сделала несколько мелких глотков.

— Совсем неплохо. В этом времени ещё умеют делать настоящие напитки. Так в чём всё-таки дело? Что свело вас вместе в столь отдалённом от наших палестин «затерянном мире»?

Она была здесь в двадцатом году, пять лет назад по «биологическому времени локально-стабильной особи» и неизвестно сколько — с учётом всех межвременных переходов и трёх взаимопересекающихся жизней. А вокруг совсем ничего не изменилось. Кажется, и выглядывающий из-за портьеры буфетчик тот же самый. А почему бы и нет? Хорошо зарекомендовавший себя персонал без нужды не меняют десятилетиями.

— Кто доложит коротко, ясно, в форме, не допускающей превратных толкований? А то ведь вы меня

★

оторвали от достаточно важных дел. Хотелось бы узнать — обоснованно или... Ты, Михаил, или ты, — посмотрела она на Анастасию, — раз теперь всё, что положено координатору, знаешь?

Сильвии, достававшей из портсигара сигарету, достаточно было одного взгляда на золотую полированную поверхность внутренней крышки, являвшейся так же и универсальным дисплеем при умелом обращении. Начальству положено контролировать своих подчинённых, и она тут же увидела, когда, в каком режиме и с какой целью использовала Вельяминова свой блок. Об этой функции портсигара и Ирина не знала, иначе бы вела себя в бытность агтрианской агентессой гораздо осторожнее, и тогда вся уже известная нам история была бы написана совсем иначе¹.

— Настя и доложит, — сказал Басманов. — О последних событиях и своих действиях. Константин Васильевич уточнит детали со своей точки зрения. Что касается непосредственно моей компетенции, я после них расскажу.

Понятным для Сильвии образом он чётко выделил не смысловую, а ситуационную разницу между словами «доложить» и «рассказать».

После того как Вельяминова посекундно изложила всё, что делала и думала в отрезок от тревожного посыла Удолина до извлечения из пропасти Катранджи, настала очередь самого профессора.

Константин Васильевич собрался, по обычаю, пространно излагать «историю вопроса», но Сильвия деликатно-безапелляционно предложила говорить только по сути. Какого рода ментаизлучение было им зафиксировано, его интенсивность, предполагаемый источник, реакция на включение блок-универсалов.

¹ См. роман «Одиссей покидает Итаку» — «Гамбит бубновой дамы».

— Любые ментаизлучения, доступные для восприятия тренированным мозгом, более-менее похожи, как свет видимого спектра, как радиоволны. Оценивать, разлагать на составляющие, выявлять *гармоники* у меня времени не было. Я прежде всего уловил, что оно проникает через мою защиту, как окись углерода через обычный фильтрующий противогаз. Затем — что направлена агрессия не на нас. Успел определить цель и смысл и объекты внушения. Начал перестраивать структуру *завесы*, рассчитывая подключить к её усилению своих коллег. Не знаю, — честно признался Удолин, — успел бы или нет. И тут отреагировали девушки... Хочу отметить — действовали они с отменной быстротой и эффективностью. Тот случай, когда техника оказывается *надёжнее* магии. Если бы я успел выйти в астрал... — Он вздохнул. — Враг оказался лучше подготовлен.

— Как всякий нападающий внезапно, — как бы в пространство заметил Басманов.

— Вот именно, — согласился профессор. — После того как девушки включили свои аппараты, я успел ощутить, что направленная ими синхронная и соосная волна пошла точно по направлению вражеской несущей частоты. Подобное уже удавалось проделывать при встречах с дуггурами, и у вас на Таорэре, и в Африке... Эффект всегда оказывался... ожидаемым. И в нашу пользу.

— Как из пушки вдоль луча вражеского прожектора стрелять, — снова добавил полковник.

— Но сейчас излучение было не дуггуровское. То я на уровне спинного мозга запомнил, как и наш Андрей Дмитриевич.

— Значит, считаете — ещё одна сила вмешалась? — спросила Сильвия.

— Не могу ничего утверждать. Излучение было другого типа — это факт.

— А откуда всё же исходило? В пределах земной атмосферы, из дальнего космоса или из вашего... астрала?

— Опять не готов к ответу. Как нерадивый студент на зачёте. Но, скорее всего — если я не прав, то вы меня поправьте, — ваши приборы по астралу не работают. Так, нет?

— Если бы я знала. Я ведь, по-вашему, в лучшем случае начальник резидентуры с особыми полномочиями или, как ваш Антон, — «тайный посол» в чине советника первого ранга. Не физик я, не инженер и не математик. Но давайте считать, что не работают. Если совсем точно — такая их функция мне не известна. И вообще понятие «астрала» в вашем понимании моей цивилизации неизвестно. Значит — либо из космоса, либо с Земли, но из другого пространства-времени. Осталось сообразить, какого конкретно.

— Чего проще. — Басманов, кажется, уже просто поселился. Африканские походы ему вспомнились. — Делим пустыню на квадраты, исключаем те, где льва заведомо нет, в оставшемся берём его пулей или загоняем в клетку.

— Я всегда знала, что вы, Михаил, за словом в карман не лезете. «Делением пустыни» мы сейчас и займёмся. Только скажи мне, Настя... — имя прозвучало, будто написанное курсивом. — Где же ты этому научилась — в долю секунды включить «растянутое» время, изготавиться к уничтожающему плазменному удару... Ты представляешь, что это такое?

Сейчас Сильвия стала похожа на графа Бенкендорфа, любезно, как дворянин с дворянином, беседующего с одним из представителей тайного общества, «злумышляющего супротив государя». За несколько минут до того, как предъявить ему неопровержимое обвинение, ведущее к виселице.

— Представляю. Потому и остановилась... — Анастасия говорила спокойно, но с оттенком дерзости,

возможно, чувствуя за собой поддержку Уварова, Ляхова, а главное — Воронцова с Натальей Андреевной, которых в иерархии «Братства» числила выше этой... не то чтобы «перебежчицы», но близко к тому. Хотя совсем недавно она тоже была «высшая». Так, если человека освобождают от присяги, то в полном объёме. Не только королю или императору он больше ничем не обязан, но и любому подразделению и представителю бывшей власти.

— Можно было сжечь не только крейсер, но и весь город. Особенно если бы все наши блоки сработали залпом, по одной цели.

— И что тебя остановило? — продолжила «выяснение обстоятельств» Сильвия.

Басманов, по обычной привычке усмехаясь так, что причину его усмешки понять было невозможно, закурил первый раз за последние полчаса, глядя левее и выше спорящих дам. Удолин пальцем указал на рюмки. «Пора, мол, брат, пора. Пока они там...»

Михаил изобразил на лице выражение полной поддержки.

— Понимание этого самого и остановило! Успела представить — я нажимаю кнопку, девчата — синхронно. Города нет, флота нет, море кипит. Мы — живы. Что дальше? Я сообразила, переориентировалась. В запасе — десять секунд, я уже увидела, какой режим Кристина задала. Чтобы мне переключить диапазоны — секунда на осмысление, секунда на исполнение. Девчонки услышали команду — «делай, как я!». Вот и всё. Город цел, люди живы, некоторые всего лишь временно парализованы. Ещё одно переключение — второй залп, по лучу, о котором Константин Васильевич сказал и который я тоже словно наяву увидела, будто след молнии перед закрытыми глазами. И...

Всё великолепно слышавший Басманов снова встал: «Стрельбу прекратили, орудия пробанили».

Сильвия покосилась на него, но ничего не сказала.

— Всё ты правильно сделала, девочка, и понятно доложила. Одно меня несколько беспокоит — никто тебя таким приёмам не учил, и знать, как сделать то, что сделала, ты просто не могла. В этом и стоит разобраться. А то недоумений слишком много. Или тебе кто-то помог, или...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Вопрос Сильвии, заданный весьма благожелательным, почти ласковым голосом, заставил Басманова едва заметно напрячься. Он всё-таки оставался здесь «старшим по команде» и нёс ответственность за всё происходящее. Леди Спенсер они пригласили, чтобы та помогла, в роли консультанта, намного лучше них разбирающегося в свойствах и возможностях аггрианской техники, оценить случившееся и вместе подумать, как быть дальше. Но она начала, кажется, не с того.

Так-то спрошено чётко, как на умелом допросе. Дальше почти сам собой следует вывод: «Ты этого сделать не могла, значит, это сделала не ты. Или ещё проще: ты — это не ты!» Сам он эту девушку видел первый раз в жизни, восхитился сначала её красотой, потом — самообладанием и быстрыми, безошибочными действиями. Ему довелось видеть, как Антон в Москве использовал такой же, как у неё, портсигар в качестве плазменного оружия. На минимальной мощности — впечатлило, врагов — тоже. А здесь — приборов сразу четыре, с настройкой на полную. Последствия действительно могли быть страшными. Но он в тот момент представления не имел, что именно делала и что сделала Анастасия.

Но рисунок эксцесса очевиден. Нападение имело место, здесь Удолин — эксперт, заслуживающий полного доверия. Настя тоже утверждает, будто видела

«луч». Он сам даст голову на отсечение, что пушки наводились именно на них. Вражеская вылазка успешно отражена — тоже факт. Катранджи спасён, и все присутствующие, и порт с половиной города.

Сильвия, видимо, предполагает, что Вельяминова не та, за кого себя выдаёт? Очень сомнительно. С ней близко общались и Левашов, и Воронцов с Натальей. Едва ли кто-нибудь *посторонний* сумел внедрить в «Братство» своего человека так, чтобы никто, включая мага Удолина, до сих пор этого не заметил. В том числе и сама аггрианка, она ведь, кажется, занималась их окончательным *кондиционированием*.

Ну-ну, послушаем, что девушка ответит.

— Вы же и учили, Сильвия Артуровна. — Настя несколько не выглядела смущённой. — И до вас учили, хотя и весьма поверхностно. Сами знаете, спецкурс мы окончить не успели. Правда, Лихарев, когда у нас последний раз появился, начал с нашей группой по своей программе заниматься. Я так теперь понимаю, у него свои планы по поводу нас появились. Бывало, на *отвлечённые темы* разговоры затевал, любил, так сказать, «боевым опытом» поделиться, вспоминал разные случаи из практики, своей и чужой. О том, в частности, что вверенным оружием нужно уметь пользоваться на крайнем пределе его возможностей и даже лучше. Пример приводил, как в Москве тридцать восьмого года с помощью подручных средств сделал то, на что и Шар оказался неспособен: сам установку собрал, чтобы ваши, Сильвия Артуровна, приборы обмануть и в будущее другой реальности сбежать...

Эту историю Басманов знал и усмехнулся про себя. Аккуратно девчонка бывшую «старшую» на место ставит. И Лихарев правильно их учил. Иногда и самому полковнику удавалось свои орудия использовать так, как никому до него в голову не приходило. Вроде

★ стрельбы из тяжёлых гаубиц прямой наводкой на рикошетах, на Каховском плацдарме.

— И всё же ты не ответила. Я хочу узнать — как ты смогла применить блок-универсал именно таким образом? Понимаешь, что бы там Лихарев или кто-то другой вам ни рассказывал, нельзя на словах обучить тому, что требует многолетних и постоянных тренировок. Даже я за несколько секунд не сумела бы так сориентироваться! Ощувив только *тень угрозы*, понять её источник и направление, оценить обстановку, одновременно с изменением темпа времени переключиться с плазменного удара на блокировку чужого излучения (предварительно его обнаружив). Тут же создать парализующее поле вокруг крейсера и, не дав противнику ни секунды на размышление, ответить на его волне противофазой превосходящей мощности. И вдобавок скоординировать работу трёх чужих блок-универсалов по одной цели в едином режиме! Как?!

Понимаете, — она теперь обращалась не к Вельяминовой, а к Басманову с Удолиным, — то, что *будто бы* проделало это юное дарование, можно сравнить... — Сильвия на мгновение задумалась, подбирая доступную аналогию. — Ну, как если бы курсант авиаучилища, слетавший пару раз на реактивном истребителе с инструктором, вдруг оказался на фронте, взлетел самостоятельно на незнакомой машине, сбил несколько вражеских асов и благополучно вернулся на свой аэродром. Представляете?

Басманов представил. И проникся ещё большим уважением к девушке-поручику. Кивнул ей ободряюще из-за спины Сильвии. Да и профессор подмигнул, пользуясь случаем налил себе ещё. Для стимуляции процессов, примитивной, на его взгляд, логике аггри-анки недоступных.

— И не такое случалось, — спокойно сказал полковник. — Мне отчего-то вспомнилось то, каким образом

ты, леди Спенсер, в наш круг вошла. Будем продолжать или обратимся к более насущным вопросам? Обед ждёт, гость ждёт, а порассуждать и потом можно, в более подходящих условиях.

— Согласен, — поддержал его Удолин. — В форте я с моими коллегами гарантирую полную защищённость. Мы с ребом Товом сумеем наладить «щит царя Соломона»...

Сильвии не очень хотелось вспоминать¹ историю, когда она одномоментно проиграла всё, ради чего служила чужой (теперь и для неё) цивилизации и идее, проиграла обычным, не имеющим ни блок-универсалов, ни Шаров людям. Зато — приобрела невиданную свободу и массу возможностей, о которых не могла и помыслить в своей прежней должности. Но, по известному закону, поражение до сих пор вспоминалось тяжелее, чем радость от последующих выигрышей.

— Можешь что-нибудь толковое ответить, а, Настя? — спросил Басманов, одним этим «а», вставленным в обычную фразу, показывая, что он — на её стороне. Независимо от всего остального.

Анастасия благодарно улыбнулась.

— Видите ли, Сильвия Артуровна, вы всё очень правильно говорите.

Вельяминова чувствовала за собой поддержку «брата» Басманова, не здесь находящихся Ляховых, Воронцова с Натальей Андреевной, то ли старшей сестрой, то ли названной матерью, и, сверх всех, — Новикова. Он научил её тому, что забыть никак невозможно. Если б забыла — так и осталась бы никчёмным «номером».

— Я не могу объяснить того, что случилось. Вы, может быть, лучше меня во всём разберётесь. Я, когда блок-универсал получила, очень старательно его изучала, тренировалась. Но не только в этом дело. Просто, когда всё началось, я сразу очень захотела, чтобы у ме-

¹ См. роман «Бульдоги под ковром».

ня получилось! Как Андрей Дмитриевич это называл — попробовала собственную *мыслеформу* создать. Удивительно, но вот сумела, кажется. И прошлый раз, — вдруг словно вспомнила она, — когда нас «медуза» расстреливала и Лихарев на перевороте закричал: «Всё, ...!» — я тоже очень захотела, чтобы мы вывернулись. Представила, будто я за пультом: вот сейчас бы скорость на полный форсаж, полупетлю и в отвесное пике... Через секунду увидела, что «медуз» больше нет, а внизу мелькает «другая земля».

— Надо же, — только и сказала Сильвия.

Это что получается — девчонка смогла то, что не удаётся ни ей самой, ни большинству членов «Братства»? Интересное открытие. Каким вдруг образом среди вполне стандартных, из обычных человеческих клеток выращенных *заготовок* получилась такая вот Анастасия? Неконтролируемая мутация уже в инкубаторе на Таорэре, или случайно попался генетический материал от латентного «кандидата в Держатели»? Такого же, как Новиков или Шульгин?

— А вы что по этому поводу скажете, Константин Васильевич? — обратилась она к Удолину. — Ещё один маг и медиум среди нас появился?

— Несомненно, что-то магическое здесь наверняка присутствует. Выяснить подробно — потребуются специальные исследования, а это дело не одного дня. С такими проявлениями спонтанного прорыва за пределы общедоступных возможностей мне приходилось сталкиваться неоднократно. Чаще всего такие феномены носили одноразовый характер. Вызывались сочетанием особого душевного состояния, как только что у Анастасии, с фактором синергии¹. Слишком много сил, по-

¹ С и н е р г и я — вариант реакции организма (или иного объекта) на комбинированное воздействие двух и более внешних раздражителей, характеризующийся тем, что их действие превышает (иногда многократно) таковое каждого компонента в отдельности.

лей, воль да просто возмущений эфира сошлось мгновенно в одной точке. Я ведь пока ещё не выяснил даже, как сработала моя пентаграмма на острове, какие вербальные... — На лице Удолина отразился внутренний свет очередного *гениального озарения*.

Он сообразил, что до сих пор не озаботился проверить, какие именно заклинания произносили или могли произнести его помощники в момент атаки. Они не хуже него умели чувствовать деформации астрала и должны были использовать, по обстановке, все доступные им методики, от древнешумерских до самых *современных*, включая пресловутый «Белый тезис» Бен Бецалеля (из ныне живущих *молодых магов* Земли знакомый, пожалуй, только ребу Тову). Но не здесь же об этом говорить.

— Пока одно могу предположить — эта девушка не обязательно *ваша*.

Вопреки его намерению, в голосе прозвучали нотки радости и даже торжества.

Удолин имел в виду, что не к породе *рационалистов*, вроде Шульгина, Новикова и Антона, принадлежит Анастасия, а к почти исчезнувшему за последние триста лет (после Калиостро) виду *истинных магов*. Как ортодоксальные иудеи всё ждут и ждут своего Машиаха, так профессор ждал появления ученика — продолжателя его дела. Оттого он так безоглядно и безрассудно присоединился к «Братству». Увидел в *братьях* нечто очень близкое. Близкое, вплоть до способности выходить в астрал, но — «не то», вроде как «плотники супротив столяра». Таким образом соотнося себя с друзьями, профессор понимал — «выбирать всё равно не из чего». А тут сверкнул проблеск надежды!

Эта девушка — вдруг да родилась от кого-то, предназначенного стать магом, но не ставшего просто по причине отсутствия рядом учителя? А способность свою он (или она) дочке передал на предгенетическом ещё уровне.

★

Здесь Удолин и Сильвия «пересеклись мыслями», но — взаимоперпендикулярно. Агтрианке как раз очень не хотелось, чтобы Анастасия оказалась *другой*. С прежней иметь дело гораздо проще.

Константин Васильевич мгновенно отработал «полный назад». Что умел делать так же мастерски, как Воронцов или капитан Белли на своих кораблях.

— Не ваша, милая Сильвия, потому что она сегодня не по науке действовала, не понимала этих ваших механизмов, на каковой факт вы сами же первая и обратили внимание. Или от сильных чувств интуиция у неё так усилилась, или, действительно, мои и моих коллег заклинания подобным образом ей, да и не только ей, помогли. Знаете ведь постулат: «После этого не значит — поэтому»? Возможно, портсигарчики ваши вообще ни при чём. Гордитесь, что этот крайне важный феномен вы заметили раньше меня, что означает вашу изумительную проницательность...

Но Удолин не был бы самим собой, так вот просто признав превосходство, даже в тактическом смысле, собеседницы, много лет ему знакомой.

— Однако, как нам всем тоже известно, сферы наших познаний и способностей *неконгруэнтны*. Я правильно употребил этот термин? Так что давайте изучать выявленный нами феномен каждый со своей стороны. Тем более, в отличие от меня, вам есть с кем посоветоваться. Всё, что следует, мы узнаем очень скоро. Или же — никогда. Такое у меня ощущение.

И, чтобы прекратить ненужный ему сейчас разговор, сделал вид, будто только сейчас вспомнил.

— Мы ведь оставили наших друзей одних уже более чем на двадцать минут. Они могут заскучать и обвинить нас в невежливости. Как минимум. Так что давайте вернёмся к общему столу. А вы, милая, — это он уже лично к Анастасии обратился, — постарайтесь на вре-

меня забыть о том, что сейчас говорилось. Непонятные вам вещи, да вдобавок превратно истолкованные, не приближают к истине, но нарушают душевное равновесие. Хорошо?

— Хорошо, — согласилась девушка.

За общим столом было не то чтобы очень весело, но и особого уныния не чувствовалось. Уваров, как мог, развлекал «валькирий», ухитряясь при этом вести светскую беседу с Ибрагимом. Лишь время от времени поглядывал в сторону помещения, где, непонятно зачем, уединились старшие товарищи с Настей. Очевидно, что какие-то претензии возникли именно к ней. Его, как руководителя операции, пригласить не сочли нужным.

Валерий понимал, конечно, что сейчас там разбирают вопросы, далеко выходящие за пределы его компетентности, но всё же...

Катранджи со своим умом, опытом и интуицией думал аналогично. И в меру сил подыгрывал подполковнику, симпатия к которому в значительной мере подогревалась тем, что Валерий занимал трудно адаптируемую к восточному менталитету должность командира целых трёх взводов таких *прелестниц*, встретить которых что на узкой дорожке, что на большой дороге он не пожелал бы никому. Впрочем, это чисто русская конструкция, не грамматически, а психологически. «Никому бы не пожелал!» Переключившись на свою истинную восточную сущность — любому из своих врагов очень бы даже пожелал встречи с каждой из сидящих напротив него девушек, — и не выразил бы по итогам этой встречи никакого сожаления. Впрочем, это уже приходилось наблюдать в Одессе.

Значит, нужно быть человеком выдающихся способностей, и не только командирских, чтобы подобные женщины соглашались выполнять приказы мужчины-

★ офицера не просто под давлением дисциплинарной или какой-нибудь другой ответственности, а от всей души, даже с обожанием.

В таких вещах Ибрагим разбирался. Убедился в том, как девушки к Уварову относятся, и в Одессе, да и сегодня тоже. Попросту говоря, он Валерию завидовал. Ему самому, он понимал, подобного никогда не добиться. Что бы там ни случилось впереди, как бы ни сложились отношения с покорившей его сердце Кристиной, ни он, ни она никогда не забудут, кто кого второй уже раз спас, рискуя жизнью. И, значит, Ибрагим (или даже Иван) для неё никогда не станет хоть слегка похожим на бравого подполковника, пусть того завтра хоть в рядовые разжалуют.

Если только Катранджи не представится случай расплатиться по-настоящему, не деньгами, а поставив за неё на кон собственную голову. И выиграв, разумеется, иначе... Да что тут говорить!

Усевшийся рядом с Ибрагимом Удолин первым делом заполнил свою тарелку множеством соблазнительных закусок из ассортимента русской, турецкой, иных малоазиатских и ближневосточных кухонь. Басманова, знавшего профессора почти с незапамятных времён, всегда удивляло странное, на его простодушный солдатский взгляд, несоответствие между *надмирностью* Удолина, его причастностью к высшим тайнам духа и подчёркнутым, почти вызывающим чревоугодием. Ему бы, как истинным мудрецам, стремящимся к *просветлению*, тем более — достигшим его, довольствоваться горстью жареной ячменной муки, акридами¹, сушёной рыбой, глотком родниковой воды. А этот ест

¹ А к р и д ы — сушёная, иногда (в виде изыска) засахаренная саранча. Достаточно калорийная пища, считающаяся при этом атрибутом крайнего аскетизма.

и пьёт, как Гаргантюа или Лукулл¹ в свободное от сражений время.

Так Михаил и спросил, чтобы отвлечься от глобальных проблем.

— Вы, милейший, ничего не понимаете и смешиваете совершенно разные вещи, — ответил профессор, помахивая перед лицом Басманова серебряной вилкой для паштета. — Умерщвление плоти практикуется в совершенно других целях и лишь на первоначальных подступах к раскрытию потенциала личности. Большинство *взыскующих* ни до чего путного так и не добируются, повиснув на нижних ступенях верёвочной лестницы, образно выражаясь. Истинная же власть над духом и материей требует огромного количества энергии, а это, — он проглотил паштет и обратил внимание на блюдо с мидиями по-гречески, — наиболее удобный и приятный способ её пополнения. Не хотите же вы, чтобы я перешёл на фотосинтез?

Сделал обиженное лицо, указал официанту на бутылку с чёрным хиосским вином и бокал приличной ёмкости.

Все засмеялись. Представить себе Удолина, обходящегося подкожным хлорофиллом, было трудновато.

Константин Васильевич, отдав первый долг мастерству здешних поваров, начал задавать Ибрагиму хитро построенные вопросы, касающиеся личных ощущений того во время *инцидента*.

— Я понимаю, что вас интересует, но должен разочаровать — не почувствовал совсем ничего трансцендентного². Ни внутреннего голоса, присущего шизофреникам, ни мистического страха или, напротив, боже-

¹ Лукулл (117—56 до н.э.) — римский полководец, сторонник Суллы. Успешно командовал войсками во время войны против Митридата IV и подавления восстания Спартака. Славился также богатством, роскошью и пирами. По преданию, умер, объевшись тушёными осминогами.

² Трансцендентный — недоступный познанию, лежащий по ту сторону опыта и из него не вытекающий (*лат.*).

★ ственного откровения. Простейшая рефлекторная дуга: «угроза — ответ». В данном случае ответ был не самым героическим, но инстинктивно единственно возможным. Не можешь защититься — беги.

— На фронте бегущих убивают значительно чаще... — меланхолично заметил Басманов. — В справедливости этой истины вы только что едва не убедились на собственном примере.

— Но ведь не убедился же, — нашёлся Катранджи. — В любом случае, господа, позвольте мне произвести тост¹ за людей, которые исполняют свой долг, не поддаваясь заложенным природой инстинктам...

И говорил долго и цветисто, не оставив без славословий никого из присутствующих.

Далее обед продолжился так, будто ничего экстраординарного вообще не случилось. Нашлось достаточно сравнительно нейтральных, всем интересных тем. «Валькириям» очень интересно было послушать воспоминания Басманова о Мировой и Гражданской войнах, особенно о действиях «белых рейнджеров», в коих они справедливо видели своих прямых предшественников. Михаил Фёдорович действительно рассказал девушкам много интересного.

Особенно ему было приятно, что чудесные девицы слушали его *по-настоящему!* Не из вежливости, требующей время от времени скрывать зевок скуки китайским веером, а как настоящие молодые офицеры, только что прибывшие на фронт под Сморгонь², желая

¹ Здесь Катранджи проявил гораздо лучшее знание русского языка, чем большинство природных россиян, которые тосты обычно «поднимают».

² Сморгонь — незначительный городок в нынешней Белоруссии. Во время ПМВ назывался «русским Верденом». Немцы атаковали его в течение восьмисот дней! Примечательно, почти все известные русские писатели-фронтовики (напр., Н. Гумилёв, М. Зощенко, В. Катаев) участвовали в боях под Сморгонью. Басманов там воевал в качестве субалтерн-офицера гвардейской батареи.

почерпнуть ту информацию, которая позволит выжить и исполнить свой долг.

Басманов вдруг почувствовал непривычное, как бы лучше выразиться, *размягчение* в душе. Сколько у него, со старших курсов училища, в незабвенных тринадцатом-четырнадцатом годах было моментальных, ничем не кончавшихся влюблённостей, а на войне — ничего не значивших женщин, просто так или за деньги скрашивавших короткие промежутки между боями. Когда просто инстинктивно, выжив вчера и не зная, выживешь ли завтра, стремишься, подобно первобытным предкам, передать куда-то в будущее свой генетический код. И после выигранной войны всё катилось по той же колее. Его восхищали женщины «Андреевского братства», но все они были не для него. Прекрасные, слов нет, но каждая со своим мужчиной, да и в остальном... Для него оставались милашки севастопольского полусвета и барышни на выданье из харьковских салонов, где приходилось появляться по должности и положению.

Честно сказать, Михаил давно поставил на себе крест. Не с его натурой и биографией изображать «молодого Вертера». И буквально только что случилось... Нет, ничего пока не случилось, просто у тридцатитрёхлетнего полковника с опытом столетнего старца (пусть кто-нибудь попробует сохранить юношескую свежесть чувств, пройдя с боями от тысяча девятьсот четырнадцатого до две тысячи какого-то — и обратно!), только что познакомившегося с прекрасными девушками и, одновременно, кадровыми офицерами, кое-что сместилось в восприятии собственных жизненных перспектив.

Он, давно считая себя профессиональным, с десятилетнего возраста, солдатом, находивший радость и почти счастье при виде того, как выпущенная по его установкам шрапнельная очередь накрывала целую колонну немцев, австрийцев или «красных», был уве-

рен — ни одна женщина его в этом качестве не способна по-человечески полюбить. Они смотрели прежде всего на его погоны и прикидывали перспективы дальнейшего карьерного роста, со всей вытекающей из этого пользой для них.

И тут (как и всю практически начавшуюся заново после стамбульской эмиграции жизнь¹), «Братство» подарило ему очередной шанс. Вот они — девушки, прекрасные, как грёзы Северянина², умные, как выпускницы Высших Бестужевских курсов, и — настоящие, «без дураков», солдаты. Такого не бывает, вернее — подобного он не мог себе представить. И вот...

Каким огнём любопытства и восторга вспыхивали глаза девушек совсем другого времени и культуры при рассказе о героической контратаке Первого Нерчинского полка против Добровольческой студенческой дивизии немцев. Бравые, исполненные идеализма и германского духа парни, воспитанные в своих гейдельбергах³ на Гейне, Гёте, Канте и Фихте (Гёльдерлине⁴, пожалуй, тоже), пошли в штыковую атаку на русские позиции. В рост и с песнями. Шли — первый полк в ротных цепях, выставив перед собой длинные «маузеры» с ножевыми штыками, второй и третий — в ба-

¹ См. роман «Бульдоги под ковром».

² Северянин (Лотарев), Игорь — «король поэтов» Серебряного века, осуждавшийся советским литературоведением за «эстетизацию салонно-городских мотивов, игру в романтический индивидуализм и плохо замаскированную эротику». В настоящее время вновь признан выдающимся поэтом (особенно — его проза и стихи эмигрантского периода).

³ Гейдельбергский университет — старейший в Германии (1386 г.) — времена Куликовой битвы.

⁴ Гёльдерлин, Фридрих (1770—1843), немецкий поэт-романтик. Проповедовал красоту «силы духа», героическое одиночество философа. Последние сорок лет жизни страдал тяжёлым психическим расстройством, содержался в профильной лечебнице.

тальянских колоннах, для развития успеха. Шли романтики и эстеты, поклонники идеи «чистого разума» и «категорического императива» из «Баварии весёлой, из Тюрингии зелёной, из Вестфалии дубовой...», чтобы смять, сокрушить, втоптать в совершенно ненужный «русским свиньям» чернозём этих мужиков в серых шинелях, едва ли умеющих читать, не знающих Оссиана, Ницше и Гегеля, но владеющих необходимым «арийцам» лебенсраум¹. Великой Германии нужны пахотные поля, места под фермы, замки, майораты, новые заводы. А эти «недочеловеки», странно похожие на людей, должны быть уничтожены и будут уничтожены, прямо сейчас! Проблемы гуманизма обсудим позже, когда вернёмся в свои аудитории и библиотеки.

Первую линию «колючки» и окопов, честно сказать, они отважно прорвали под шквальным пулемётным огнём. Басманов стискивал зубы и матерился, не выбирая слов, наблюдая эту «патетическую ораторию». У него на ствол было всего по двенадцать шрапнельных снарядов! Пушки уже разворачивали, сняв передки, чтобы в последний момент ударить «на картечь» в упор. А там — как выйдет. Были ещё «наганы», «бебуты»², банники.

Тут, выждав момент, из окопов второй линии поднялся единым порывом, в полном составе Нерчинский полк, составленный из тех самых «свиней» и «недочеловеков». С трёхлинейками наперевес, с подпоручиками и прапорщиками впереди, он вломился в немецкие цепи, как кабан в камыши. Стреляли, кололи штыками, били прикладами, тычком и наотмашь! Две тысячи человек против десяти или двенадцати тысяч. Но в такой стычке ничего уже не значили даже пулемёты, не гово-

¹ Лебенсраум — жизненное пространство (нем.).

² Бебут — большой изогнутый кинжал с обоюдоострым лезвием, состоявший на вооружении артиллерийских и саперных подразделений русской армии.

ря об артиллерии. Это была безоглядная сеча, лоб в лоб. Русские солдаты просто работали. Как на покосе, как на лесоповале. «Идей» у них не было, кроме как «За бога, царя и Отечество». А «немцы» — они всегда немцы. Что при Александре Невском, что сейчас. Вас к нам звали? Ах, нет! Ну и получайте!

Только вперёд, только штыками и прикладами! Винтовку в разгар рукопашной не перезарядишь.

И вот всё о немецких «героях»! Через двадцать минут (Басманов засёк по привычке на своём хронометре «Буре») не потерявшие плотного строя роты нерчинцев занимали брошенные в панике немецкие окопы, добывая штыками и гранатами *добровольцев* второго эшелона.

А ждавший нужного момента за флангом пехоты Отдельный восьмой Донской полк, преодолевая горы трупов, сразу перешёл в преследование обратившихся в повальное, даже непристойное бегство батальонов третьего немецкого полка. До предела физических возможностей конского состава. Люди отчего-то значительно выносливее лошадей.

Тут и Басманов положил, куда надо, всё свои снаряды, даже из передков¹. Ни одним не промазал. Слишком долго ждал решающего момента. За этот бой поручик получил свой третий орден, «Владимира» с мечами и бантом.

— Ах, как жаль, — сказала голубоглазая шатеночка Марина Верещагина, — нас там не было! Уж до штаба корпуса мы бы точно добрались! Хоть верхами, хоть бегом. И — ... — Она не продолжила, просто очаровательно улыбнулась.

Улыбка, естественно, адресовалась Басманову. Они

¹ В «передках», то есть одноосных прицепных (к лафетам) ящиках полевых орудий, хранится неприкосновенный запас снарядов (шрапнель-картечь), предназначенных для самообороны батареи в критический момент боя.

вдруг на лишнюю секунду пересеклись взглядами, и у девушки, одновременно с сердечной паузой, мелькнула мысль, что этот то весёлый, то задумчивый полковник с удивительной судьбой мог бы стать её мужчиной. Станет — не станет, отдельный разговор, но она сегодня же предупредит Марию и Ингу, чтобы не мешали, пока она *попытает счастья*.

— Да если б вы, мадемуазель, тогда на позиции моей батареи оказались, мы б вас на руках до немецкого штаба донесли, — галантно приложил ладонь к сердцу Басманов. А сам подумал, что хотя он всё знает и понимает об этих девушках и никак не вправе их осуждать, есть что-то неправильное в сочетании милой улыбки Марины и чересчур уж демонстративного сожаления об упущенной возможности поучаствовать в одной из самых кровавых мясорубок, что запомнились Михаилу.

Ибрагима больше занимали вопросы геополитики и финансово-промышленного базиса странным для него образом устроенного здешнего мира. Его просвещением занялась Сильвия. Удивительно, но как женщина она его совершенно не заинтересовала. Ту в первый момент такое безразличие даже слегка задело. Очевидно, для её психотипа, несмотря на громадный жизненный опыт и полную удовлетворённость своим социальным и сексуальным статусом, восхищённые, а то и сразу раздевающие взгляды почти каждого из *посторонних* мужчин давно стали катализатором выброса в организм дополнительной порции эндорфинов¹.

Потом она сообразила, что турок, как и большинство известных ей мусульман, испытывает гормональную недостаточность и нуждается в дополнительных стимуляторах. Не зря же они предпочитают совсем юных девушек, а собственных женщин закутывают с головы

¹ Эндорфины — нейропептиды, обладающие морфиноподобным действием, образуются в головном мозге, оказывают седативный эффект и влияние на секрецию гормонов.

до ног. Чтобы было о чём помечтать, воображая, какие прелести скрываются под паранджой. Из этой же оперы «танцы живота» и вообще вся «гаремная культура».

На самом же деле Ибрагим сразу угадал в ней англичанку, а по историческим причинам представители обоих полов этой нации тёплых чувств у него не вызывали.

Вести дела — пожалуйста, но и не более.

А Удолин продолжал ментаскопирование Катранджи, молчаливое и неосязаемое субъектом с самой тонкой организацией, если он сам не является магом, конечно. Он понимал, что с этим человеком придётся работать и впредь, для чего нужно выявить специфику его материального, тонкого, эфирного и прочих тел.

И никто из присутствующих, даже Удолин, не ощутил начавший сворачиваться вокруг них кокон пространственно-временных полей. На этих волнах его органы восприятия не работали.

Южный вечер, как положено, быстро перешёл в непроглядную ночь, на территории военно-морской базы, чуть не ставшей центром рукотворного катаклизма, освещённой сотнями мощных фонарей, всё было уже настолько спокойно, насколько это вообще возможно на подобном объекте. Служба шла, как положено, в двадцать ноль-ноль на кораблях спустили флаги, сыграли «Зорю с церемонией», команды приступили кто к отдыху, кто к предусмотренным нарядами и регламентом работам. Небольшое скопление санитарных машин у трапов «Гебена» давно рассеялось. Большинство личного состава базы вообще не подозревало, что произошло нечто экстраординарное, а кто что-то и слышал, но не обратил особого внимания, раз даже без жертв обошлось.

Делать в ресторане, да и вообще в городе, больше было нечего. Разве в ночное кабаре или варьете отправиться, но эта идея никого не заинтересовала. Уваров

решил, что можно и возвращаться на Мarmor. День выдался слишком длинный и богатый впечатлениями. Завтра утром подъём для всех, кроме себя, он решил отменить. Всё равно за здешнюю часть операции отвечает Басманов.

Вызванная по радио из гидропорта летающая лодка, едва слышно работая водомётными двигателями, предназначенными специально для маневров по акваториям, остановилась в полумиле напротив мыса. Вся компания переправилась на неё имевшимся при ресторане комфортабельном катером (многие гости любили сочетать застолье с ночной прогулкой и купанием в открытом море).

Девушки приникли к иллюминаторам, любуясь роскошной панорамой ночного Царьграда, а прочие продолжили прерванную беседу. Сильвия решила пока в Москву не возвращаться, тоже дожидаться утра на острове, а за это время собственными средствами попробовать выяснить, с каким именно явлением им пришлось столкнуться. Пяти девчоночьих Шаров, особым образом соединённых в единый «процессор», ей должно вполне хватить, чтобы разобраться в «загадке природы». Удолин же больше полагался на предстоящее совещание со своими магами. Те наверняка должны были, каждый по своей методике, зафиксировать и оценить параметры «явления», и совместной медитацией профессор надеялся постичь его природу. Если, конечно, в многотысячелетней истории чародейства и колдовства встречалось что-то подобное.

Примерно на половине пути Удолин ощутил смутное беспокойство. Сначала ему показалось, что его пытается нащупать ментаизлучением один из магов, чтобы передать какое-то сообщение, но характеристики вызова были совершенно незнакомы, и он немедленно от них отгородился отражающей завесой. Теперь уловленные им сигналы должны были вернуться к отправив-

телю в искажённой форме, не позволяющей определить ни местоположение, ни свойства объекта.

Он поднял руку, чтобы сообщить Сильвии о новом контакте с «чужим», но не успел ничего сказать. Из-за шторы, прикрывающей коридорчик к пилотской кабине и техническим отсекам, появился второй пилот с погонами флотского лейтенанта.

— Господин полковник, — позвал лётчик Басманова, — вас командир просит.

Одновременно от иллюминатора обернулась Анастасия, за ней другие девушки.

— Ничего не видно! Мы в густой туман вошли? Как же будем садиться?

— Гидроплану туман не помеха, — улыбнулся смотрящей на него огромными глазами красавице лейтенант. — На воду всегда сядем, лишь бы не шторм, — и повлёк Басманова за собой.

— Мне это начинает не нравиться, — сказала Удолину Сильвия. — Давайте-ка рокировку устроим — прямо отсюда и на «Валгаллу». Девочки, приготовьте блоки. Переход на стандартных установках, по моей команде...

— Вместе с самолётом? — успела спросить Вельяминова, уже держа в руке мгновенно извлечённый из бокового кармана платья портсигар.

Канал к пароходу должна была обеспечить Сильвия, у неё все настройки были на «горячей кнопке», а «валькирии» — сработать на подстраховке, своими блоками усиливая поле и подавляя возможность «наведённой турбулентности». Такие случаи, при внезапно возникшем мощном противодействии взбаламученного Ловушками Сознания эфира, в практике Сильвии бывали, пусть и крайне редко. Последний раз — когда она перебрасывала Новикова из своего поместья на Таорэру¹. Тогда они с Андреем почти заблудились в перепле-

¹ См. роман «Вихри Валгаллы».

тении псевдореальностей, у каждого своих, а сумели выбраться из них и встретиться только потому, что на Главной Базе ещё работали стационарные генераторы хроносовмещения, настроенные Дайяной именно на них двоих. Они и удержали слабый, в сравнении с мощностью Ловушки, межвременной проход, буквально притянули к себе, как сильный электромагнит, их развоплощённые в момент перехода «стабильные структуры» личностей.

То же самое, теоретически, могло случиться при каждом использовании левашовской СПВ, отчего Олег предпочитал, по возможности, дублировать работу «полевых терминалов» включением базового, установленного в недрах парохода и обеспеченного всей энергетической мощностью «Валгаллы». А в «угрожаемые периоды», которые с помощью Удолина они научились достаточно точно предвидеть по «вибрациям астрала», вообще избегать всяких перемещений. И всё равно эти упражнения оставались разновидностью «русской рулетки» или трюка, что Шульгин любил демонстрировать окружающим в период своего увлечения мотоциклом — проезд (иногда только на заднем колесе) по бревну или двутавровой балке через широкий овраг.

Вдруг в иллюминаторы гидроплана ударил яркий солнечный свет.

— Поздно, — сказала Сильвия, опуская портсигар. — Не сработало. Нас занесло очевидным образом «не туда». Начинается «второе действие»...

— И без всякого антракта, — согласился Удолин, отвинчивая колпачок флажки неприкосновенного запаса.

Внизу, полукилометром ниже, искрил солнечными бликами серовато-зелёный океан, ничем не похожий на Мраморное море. Отчего-то сразу было понятно, что это именно океан, есть между ним и самым большим внутренним морем неуловимое, но явное отличие.

Самолёт слегка опустил крыло, входя в разворот, у горизонта показалась тёмная полоса берега и нечто

★
вроде скопления остроконечных скал, смутно различных в дымке испарений.

— Похоже, это место мне знакомо, — сказала Сильвия с оттенком странного облегчения в голосе.

Девушки молчали, глядя на своего командира. Раз случилось нечто экстраординарное, нужно сохранять спокойствие и ждать приказа. Не так уж давно с ними случилось нечто подобное: полёт на флигере, внезапный переход в другую реальность. И ничего страшного не произошло, скорее наоборот. Тем более сейчас с ними и Сильвия, и Удолин, и два полковника. Может быть, вообще так всё и задумано, и не обер-офицерское дело — требовать от старших разъяснений.

Зато возмущаться и требовать разъяснений начал Катранджи. Если они летели не на Мармор, а в другое место, так надо было предупредить. Он, в конце концов, достаточно значимая фигура, хоть по дипломатическим, хоть по любым другим меркам, чтобы его таскали по всему миру и окрестностям, да ещё с бесконечными покушениями и нарушениями элементарнейших правил этикета. Ибрагим так разволновался, что начал путать подобающую его нынешнему сану и рангу фразеологию с той, что усвоил в студенческие годы в Петрограде. Даже несколько матерных слов проскочило, никого, впрочем, не шокировав. Девушки-«печенегии» вне строя и не такое себе позволяли, остальным было просто не до этого.

Через две или три минуты вернулся Басманов. Лицо у него было напряжённое, но в целом спокойное.

— Залетели мы неизвестно куда, — ровным голосом сообщил он. — Компас крутится бессмысленно и равномерно. Хорошо, высотомер работает и берег виден. Неизвестный голос предложил командиру визуально ориентироваться на горообразования прямо по курсу.

Там якобы имеется подходящее место для посадки. На другие вопросы не отвечает.

Пока полковник отсутствовал, девушки прямо здесь, в общем салоне, за полторы минуты переоделись из летних платьев в боевую одежду, предусмотрительно уложенную в походные ранцы с оружием и прочим снаряжением. Никто, кроме Катранджи, на эту мгновенную трансформацию и внимания не обратил. А он зафиксировал в памяти секунды, когда его вожденная Кристина, нагнувшись и демонстрируя едва прикрытые трусиками округлые формы, натягивала на себя плотные брюки комбинезона. И остальные девушки совсем не думали о том, что ведут себя «недозволенно». Наличие «вторичных половых признаков» не имело никакого отношения к службе.

— Не к Антону ли в гости нас приглашают? — задумчиво сказала Сильвия, а Удолин, не теряя весёлого оптимизма, немедленно предложил Катранджи сделать глоток-другой для успокоения, пообещав, что если действительно к Антону попали, скучно здесь не будет.

— Кто такой Антон? — резко спросил турок, одновременно как следует приложившись к фляжке, формально карманной, но емкостью в добрые пол-литра.

— Один наш старинный приятель, не лишённый странностей, но в целом вполне порядочный человек. Есть такое выражение — «забытые боги». То есть выжившие после того, как исчезли посвящённые им религии и, главное, поклонявшиеся им люди. Я имею в виду не тот случай, когда какие-нибудь хетты или моавитяне смешивались с соседними племенами и перенимали их вероисповедания. В таком варианте всегда остаются потомки бывших жрецов, какие-то тайные секты, предания, пусть искажённые и модернизированные, но всё же... А когда «субстрат» культа перестаёт существовать вообще... В качестве примера мож-

но привести ту же Атлантиду, — пространно объяснил профессор.

— Так что, ваш Антон — бывший бог атлантов? — с недоумением спросил хорошо образованный Катранджи.

— Нет, это я для примера...

— Может быть, пока достаточно лекций? Окажемся на месте — возможно, у вас достанет времени на целый курс сравнительной демонологии, — раздражённо прервала профессора Сильвия. Она явно считала, что пора брать «бразды»¹ в свои руки. Если действительно их таким образом *выдернул* к себе Антон, кому же, как не ей? Она знала форзейля лучше и раньше, чем кто-либо другой, даже из первых членов «Братства». А из присутствующих с ним более-менее был знаком только Удолин, да Басманов вроде бы виделся однажды, хотя наслышан был достаточно.

Гидроплан ещё немного довернул вправо и начал ощутимо снижаться, сбрасывая обороты моторов. Пилоты, похоже, разглядели предписанное им место посадки.

— Я пойду в кабину. С окрестностями Замка, если это действительно он, знакома лучше всех. Подскажу что-нибудь или помогу, если потребуется, — она небрежным жестом вновь подкинула на ладони блок-универсал.

— Чем, например? — как-то сварливо спросил Удолин. Ему демонстративная узурпация власти агтрианкой не понравилась.

— Остановлю время, если лётчики в створ не попадут, — отрезала Сильвия, выходя.

— Всем занять места, пристегнуться, — распорядился Басманов, посмотрев вслед леди Си с уважением. —

¹ Бразды, бразды правления — удила конские различного вида, которыми взнуздывают лошадей. В переносном смысле — власть начальственная (см. В. Даль).

Приводнение может быть жёстким. Чёрт знает, какая там волна, отсюда не видно.

И сам первый выполнил свою команду.

Сильвия встала между пилотскими креслами. Сквозь остекление фонаря уже хорошо видны знакомые детали берегового рельефа и, главное, скалы, за которыми должен бы скрываться Замок.

Пилот покосился на бесцеремонную даму, хотел сказать, что посторонним в кабине, тем более — перед посадкой, делать нечего, но столкнулся с ней взглядом и сразу отвернулся.

Всё старшему лейтенанту в отношении этой дамы сразу стало ясно и понятно. Ну и чёрт с ней, офицера куда больше волновало — куда и как их занёсло, ещё больше — почему это случилось именно с его экипажем? Ладно, первое дело сесть, а там видно будет.

Странно звучащий голос «диспетчера» в наушниках подсказал:

— Ещё пятнадцать градусов вправо. Снижайтесь до ста метров, скорость сто двадцать. Вы на глиссаде...

Через минуту командир увидел косо вытянувшийся на сотню метров в океан брекватер, за ним ещё один, почти перпендикулярный первому, а дальше — просторный внутренний рейд, где могла бы разместиться целая эскадра линкоров. Его гидроплану здесь можно было садиться хоть вдоль, хоть поперёк. Места хватит.

Вода за брекватерами была почти штилевая, ветер благоприятствовал посадке в предписанном направлении, пилоты имели опыт работы в открытом море даже при четырёхбалльной волне. «Буревестник» коснулся океанской поверхности аккуратнее, чем пассажирский лайнер бетонной полосы. Под килем гулко захлопало, стёкла иллюминаторов покрылись крупными брызгами.

★

Реверсом первый пилот осадил инерцию тяжёлого воздушного корабля, бортмеханик в нужный момент убрал газ, и самолёт аккуратно ткнулся левым поплавком в кранцы будто для него специально поставленного алого плота-понтон, зѣякоренного в полусотне метров от протяжѣнного бетонного пирса. Механик с радистом выскочили на срез палубы, набросили на кнехты носовой швартов, стрелок из блистера на шкафуте подал кормовой.

— С прибытием, мадам, — криво усмехнулся командир Сильвии, так и простоявшей всю посадку у него за плечом. Даже ни разу не потеряла равновесия, чѣтко, как опытный марсофлот, парируя толчки и крены палубы едва заметными движениями ног и корпуса.

— Вас также. Благодарю за мастерскую посадку. До прояснения обстановки оставайтесь на местах. Без приказа, моего или полковника, никакой инициативы. Понятно?

— Кроме одного — кто вы и каковы ваши полномочия? У нас своё начальство есть. В данный момент — полковник Басманов, как старший на борту.

— В данный момент и с учётом обстоятельств — старшая здесь я. Сильвия Артуровна Берестина, к вашим услугам.

Лѣтчик невольно подтянулся:

— Берестина?

— Так точно. Жена генерал-лейтенанта и одновременно полномочный представитель штаба Верховного правителя. Подробности вам изложит Михаил Фѣдорович. Если сочтѣт нужным.

Сильвия вернулась в салон, где все уже толпились перед дверью, открытой на узкую полосу палубного настила между гаргротом пилотской кабины и кормовыми пулемѣтными блистерами.

— Замок, Сильвия? — неожиданно робко спросил

Удолин. Она это отметила с долей гордости. Страшно-вато даже некроманту стало, в непонятном запутался. И к кому теперь апеллировать? К ней, не так давно потерпевшей в этом Замке своё страшнейшее поражение. Или, наоборот, победу? Сейчас, кажется, в эту сторону дело поворачивается.

— Вон у тех элементов сейчас спросим, — ответила она, указывая на замеченный её острым зрением архаичный джип типа «Виллис», вывернувшийся из-за отсекающей порт от окружающей местности горной гряды. За ним, метрах в двадцати, катился небольшой автобус-кабриолет, вроде тех, что в среднесоветское время возили экскурсантов по Черноморскому побережью, от Сочи до Рицы и Сухуми.

— К торжественной встрече — на караул! Подготовительно, — ёрничаньем подавляя нервную дрожь, сказал Уваров. Он был единственный, кроме «валькирий», кто до сих пор мало что понимал. И при этом оставался прямым и непосредственным командиром своих «девчонок».

— Не шутите, Валерий, — повернулась к нему Сильвия. Но «валькирии» слушали не её. Блок-универсалы не к делу сейчас и лежат в карманах, а вот взятые с собой автоматы девушки действительно привели в промежуточное положение между «на грудь» и «на караул»! Можно и поприветствовать встречающих, и «в капусту порубить» из пяти стволов. Всё от следующей, настоящей команды Уварова зависит.

«Виллис», окрашенный в бледно-оливковый цвет, вместо обычных белых американских звёзд на капоте, обозначенный непонятным чёрно-зелёно-алым вензелем, лихо тормознул на пирсе прямо напротив гидроплана. Между понтоном и берегом было метров сто воды.

«Далековато, — подумал Басманов. — Не вплавь же нам добираться?»

Как бы в ответ на его мысль из-за окончечности пирса на приличной скорости вышел низкобортный широкий катер под голубым тентом. Катер приткнулся к понтону, из него табакерочным чёртиком выскочил мужчина, одетый если не по-дурацки, то всё равно странно. Алый английский двубортный мундир до середины бёдер с шестнадцатью золочёными пуговицами. Синие штаны почти в обтяжку. Абордажная сабля у бедра, треуголка в руке. Цирк, одним словом. Однако девушки, в отличие от прочих, ничему не удивились и автоматов не опустили.

— Господа! — низким баритоном возгласил «циркач», водружая на голову треуголку, стандартным офицерским движением ладони проверив совпадение кокарды с линией носа. — Наш Замок (так и было сказано, с большой буквы), в лице его управляющего Арчибалда Арчибальдовича, рад приветствовать вас в своих пределах. Предлагаю пересесть в это судно...

— Или — судно, — в тон встречающему вдруг выразился смотрящий на церемонию из верхнего люка второй пилот. Громко сказал, все услышали.

— Комфортабельное плавающее средство, которое доставит вас непосредственно к месту назначения, — не моргнув глазом, принял замечание встречающий. — Прошу! — Он изобразил вообще неуместный в данной обстановке полупоклон в стиле восемнадцатого века.

— Что за бред? — позволил себе опять возмутиться Катранджи.

— Молчите, то ли ещё будет, — сжал ему руку Удолин.

Делать нечего, по знаку Сильвии все начали спускаться по короткому трапу в катер. Только пилоты не изъявили желания покинуть свой «Буревестник».

— Нет, нет, господа, все, пожалуйста, все. За безопасность своего аэроплана будьте спокойны, но на берег должны сойти все.

После короткого препирательства семеро лётчиков тоже потянулись к катеру. Уваров и девушки наметанным взглядом заметили, что повешенные по-флотски, на длинных ремешках, кобуры пистолетов у всех расстёгнуты, и сумки с бортпайками и средствами выживания они взяли с собой. Наверное, правильно.

Старший лейтенант своим ключом запер дверцы и люки (бессмысленная, в принципе, мера, но уставом предусмотренная), шлёпнул ладонью по борту гидроплана, словно по крупу боевого коня, и последним спустился в катер.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	7
Глава вторая	33
Глава третья	66
Глава четвёртая	91
Глава пятая	126
Глава шестая	162
Глава седьмая	194
Глава восьмая	227
Глава девятая	254
Глава десятая	296
Глава одиннадцатая	328
Глава двенадцатая	364
Глава тринадцатая	398
Глава четырнадцатая	459
Глава пятнадцатая	491
Глава шестнадцатая	520
Глава семнадцатая	546

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Звягинцев Василий Дмитриевич

НЕ БОЙСЯ ДРУЗЕЙ

Том первый

ВИКТОРИАНСКИЕ ЗАБАВЫ «ХАНТЕР-КЛУБА»

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *Е. Савченко*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Л. Панина*

Корректор *Н. Понкратова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 31.01.2012. Формат 84×108 1/32.

Печать офсетная. Гарнитура «Балтика». Усл. печ. л. 30,24.

Тираж 18 000 экз. Заказ № 2124.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-55476-8

9 785699 554768 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: International@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.

International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.

Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.

Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601

www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

НЕ БОЙСЯ ДРУЗЕЙ

Недружественное и откровенно враждебное окружение не оставляет Россию в покое, в какой бы из реальностей она ни находилась. Становится все более очевидным, что мирное в данный момент противостояние в любую минуту может перерасти в полномасштабные военные действия, как это уже не раз случалось. А потому Вадим Ляхов прилагает все силы для развития операции «Мальтийский Крест», в результате которой России из главной и альтернативной исторических последовательностей смогут объединиться в одно мощное государственное образование. Однако не все так просто. Косность мышления властей предрежащих, боязнь потерять влияние и сиюминутные блага грозят стратегическими ошибками на пути к «светлому будущему». Как и неожиданные вмешательства сил, заинтересованных в тотальном уничтожении «Андреевского братства» и всех, кто разделяет его идеи.

ISBN 978-5-699-55476-8

9 785699 554768 >